25–26
МАРТА
2025

ПРАВИТЕЛЬСТВО
МОСКВЫ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИСТОВ РОССИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)

XII

МОСКОВСКИЙ *ИННОВАЦИОННЫЙ* ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

ПРАВО ДЛЯ ЛИДЕРСТВА

Сборник материалов

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Генеральные партнеры

Правительство
Москвы

Ассоциация
юристов России

**XII МОСКОВСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ**

ПРАВО ДЛЯ ЛИДЕРСТВА

г. Москва
25–26 марта 2025 г.

Сборник материалов

Москва
Издательский центр
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
2025

УДК 34[470+571](082)
ББК 67.4(2)я43
П685

Председатель редакционной коллегии

Синюков В. Н., проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Редакционная коллегия

Вавилин Е. В., д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права; *Галяшина Е. И.*, д. ю. н., д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой криминалистики; *Гринь О. С.*, к. ю. н., доцент, заведующий кафедрой медицинского права; *Исаев И. А.*, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права; *Корнев А. В.*, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории государства и права; *Минбалеев А. В.*, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий; *Новоселова Л. А.*, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой интеллектуальных прав; *Черных Н. В.*, к. ю. н., доцент, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения; *Головина Н. М.*, директор библиотеки; *Енькова Е. Е.*, к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права; *Жаворонков Р. Н.*, д. ю. н., профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, доцент; *Козина Е. А.*, к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права; *Козырева А. Б.*, к. ю. н., доцент кафедры теории государства и права; *Комиссарова Я. В.*, к. ю. н., доцент кафедры криминалистики; *Никишин В. Д.*, директор Института информационной и медиабезопасности; *Носов Д. В.*, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права; *Румянцева В. Г.*, к. ю. н., доцент кафедры истории государства и права.

П685 Право для лидерства : сборник материалов XII Московского инновационного юридического форума, г. Москва, 25–26 марта 2025 г. — Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. — 392 с. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-907670-95-2

УДК 34[470+571](082)
ББК 67.4(2)я43

Научное издание

Право для лидерства

Сборник докладов

Подписано к использованию 20.10.2025.
Формат 60×90/8. Объем издания 3,17 Мб.

 © Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

РЕГУЛЯТОРНАЯ ПОЛИТИКА В ЦИФРОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Добробаба М. Б., Чаннов С. Е. Правовые основы развития цифрового государства в России 10
Ефремов А. А. Регуляторная политика в цифровом государстве 15
Титов А. С. Правовые аспекты регуляторной политики в цифровом государстве 19
Мильшин Ю. Н. К вопросу об интеграции цифровых технологий в деятельности органов прокуратуры 22
Грищенко Г. А. К вопросу о правовом регулировании деятельности блогеров в российском законодательстве 25
Сушкова О. В. К вопросу о квалификации IP-адреса как объекта персональных данных и шрифта как результата интеллектуальной деятельности 29
Латынцева В. А. К вопросу о соотношении понятий «информация» и «данные» 33
Кудряшов К. М. Образовательное пространство и информационная безопасность: вызовы цифровой эпохи и пути правового регулирования 38
Никишина А. В. Нормативные подходы к определению возраста пользователей: опыт зарубежных стран 40
Огнева К. О. Отдельные процессуальные аспекты судебной защиты избирательных прав: к десятилетию Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации 44
Озов А. А. О структуре права на высшее образование 48

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Панова А. С. SMART-стандартизация деятельности промышленных предприятий: экономико-правовой аспект 51
Шельменков В. Н. Развитие правового регулирования инновационной деятельности в России 54
Абросимова Е. А. Защита интеллектуальной собственности в промышленности в условиях цифровизации 58
Холодная Е. В. О некоторых особенностях публично-правового режима информационных технологий 60
Рыжков Д. И. Защита промышленных и персональных данных: сравнительно-правовой анализ 64
Гандзий Е. В. Правомерность использования технологии геоблокировки информации оператором цифровой платформы 68
Громова Е. А. Экспериментальные правовые режимы в сфере квантовых технологий 70

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Таран К. К. Правовые явления LegalTech и LegalAI 73
Прошина М. Г. Обеспечение гарантии свободы творчества в условиях развития искусственного интеллекта 75
Старченко А. С. Ответственность за решения искусственного интеллекта: кто виноват, если автономная система нарушила закон? 77
Минбалеев А. В. Актуальные вопросы правового регулирования использования агентского искусственного интеллекта 79
Камалова Г. Г. Доверие к искусственному интеллекту в семье: правовые проблемы 82
Попова Т. В. Аспекты влияния искусственного интеллекта на семейные ценности 87
Пашнина Т. В. Роль принципов в правовом регулировании применения технологий искусственного интеллекта при осуществлении правосудия 91
Соловкин С. В. Использование генеративного искусственного интеллекта: правовая проблематика в условиях цифровой трансформации 95
Мартынова Т. Л. Риски слабого и сильного искусственного интеллекта 99
Лагаева В. П. Доверенные технологии искусственного интеллекта в сфере государственного контроля (надзора): правовые аспекты 102
Бочарников Д. А. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в сфере здравоохранения 104
Селюк А. С. Правовые вопросы использования технологий искусственного интеллекта при обработке персональных данных 107

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ

Гюльбасарова Е. В. Реализация отказа от исключительного права в целях обеспечения трансфера технологий 112
Королева А. Г. Правовое регулирование трансфера технологий: излишество или необходимость? 116
Едидович А. М. Коммерциализация РИД в зарубежных вузах 120

СУБЪЕКТЫ МСП: ТОЧКИ РОСТА

Ершова И. В., Енькова Е. Е. Система мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: масштабирование лучшей практики 123
Фролова Е. К. Категория МСП+: правовая целесообразность, риски и перспективы для малых технологических компаний 127
Осиев Р. М. Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в контексте потребительской кооперации: правовой аспект 130
Козина Е. А. Качественный и количественный критерии крупных сделок: коллизии судебного толкования и пути их преодоления 133
Вавилин Е. В. Судебная доктрина в области владения, пользования и распоряжения криптовалютой: проблемы правоприменительной практики 138
Гдлян А. Т. Часть нежилого помещения как объект гражданских прав 140

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Беликова К. М. Дистанционность в корпоративных отношениях: идея и ее воплощение 143
Богусевич С. И. Взгляд на ЦФА как на ценную бумагу в России, Бразилии и Гонконге 147
Спиридонова М. П. Роль финансовых инноваций в обеспечении финансово-технологического суверенитета России 151

ПРАВО, МЕДИЦИНА И БИОТЕХНОЛОГИИ: КОНВЕРГЕНЦИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Андреев А. В. Патентование биотехнологий в Российской Федерации 156
Гринь О. С. Развитие законодательства в области здравоохранения и биотехнологий для правового обеспечения технологического лидерства 159
Кудряшов В. В. Правовые аспекты передачи персональных данных о здоровье через мессенджеры: риски и ограничения 163
Лещева Е. Д. Биотехнологии как объект правового регулирования: понятие, виды и области применения 165
Османова Д. О. Договор с защитным эффектом в пользу третьих лиц на примере договора возмездного оказания медицинских услуг 169
Пекшев А. В. Правовые аспекты формирования национальной модели государственного управления информационной безопасности в сфере здравоохранения 173
Пономарёва Д. В. Правовые основы развития биоэкономики 177
Шандро М. И. Предоставление информированного добровольного согласия при изъятии и последующем использовании биоматериала человека 181
Шарковская Е. А. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, связанных с разработкой биомедицинских клеточных продуктов 186

НОВОЕ В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ: ПРАВОВЫЕ РЕШЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ ВЕТЕРАНОВ И ИНВАЛИДОВ

Воронин Ю. В. Постоянный посторонний уход: проблема организации и возможности реализации в современных условиях 189
Кожушко Л. А. Сопровождаемое проживание: состояние вопроса и перспективы развитие 194
Заблоцкис Е. Ю. Сопровождаемое проживание инвалидов: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики . . . 198
Ногайлиева Ф. К. Приемная семья для престарелых и инвалидов: проблемы и перспективы развития 202
Пигасов В. А. Современные проблемы социальной защиты ветеранов и инвалидов боевых действий 207
Шахова Е. С. Инновационные стратегии социального обслуживания участников и ветеранов СВО и их семей: от теории к практической реализации 210
Чхутиашвили Л. В. Значение и роль социального обслуживания общества 214

Батусова Е. С. Современные тенденции правового регулирования социального обслуживания инвалидов в странах СНГ 217
Шалберкина М. Н. Об отдельных проблемах правового регулирования отношений в области социальной защиты инвалидов 221
Василенко Ю. Е. Правовые аспекты борьбы с теневой занятостью при трудоустройстве ветеранов и лиц с ограниченными возможностями 225

МЕДИАБЕЗОПАСНОСТЬ И КОГНИТИВНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА: ВЫЗОВЫ ПРАВУ

Красинский В. В. Анализ криптовалютных транзакций в сфере незаконного оборота наркотиков 229
Бессонов А. А. Информационные технологии как угроза медиабезопасности и когнитивному суверенитету государства 233
Бадалов А. О. Сохранение социокультурной идентичности правовой системы России в контексте обеспечения когнитивного суверенитета 237
Бакаева А. В., Никишин В. Д. Механизмы информационно-психологического воздействия в системе угроз национальной безопасности 242
Градосельская Г. В. Сетевое картирование ученых-гуманитариев: от теории через изменения практик к изменению социальных институтов . . . 246
Никишин В. Д. О необходимости подготовки кадров в сфере медиабезопасности 251
Никишин В. Д., Хомутов А. А. Регулирование компьютерных игр: вызовы публично-правового обеспечения медиабезопасности 254
Никишина А. В. Понятие «традиционные семейные ценности»: публично-правовые аспекты 258
Рашитханов Р. С. Некоторые вопросы использования искусственного интеллекта в противоправных целях в контексте обеспечения медиабезопасности государства 263
Савельева А. Ю. Кино как мягкая сила. Государственный контроль и надзор в сфере медиабезопасности 267

БЛОГОСФЕРА: НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Гринь Е. С. Правовая природа аккаунтов в социальных сетях: вопросы правоприменения и использования технологий искусственного интеллекта 275
Карабань П. С. Введение 3 %-ного обязательного платежа для рекламного рынка. Правовой анализ и пути модернизации 278
Хабибуллина А. С. Преподаватель-блогер: законодательные требования и риски 280
Ермохина Е. А. Влияние нейросетей на блогосферу 283
Горчакова А. П. Защита прав на дизайн блога 286
Никитина Е. И. Цифровизация театральных постановок. Диалог театрального искусства и цифровой трансформации 289

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ, СОВЕРШАЕМОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Галяшина Е. И. О перспективных направлениях научных исследований в условиях цифровой трансформации общества 293
Кисленко С. Л., Фокин А. Д. Отдельные аспекты использования специальных знаний в процессе расследования мошенничества в сфере оборота жилых помещений, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 297
Кондаков А. В., Карелин А. С. Стандартизация судебно-экспертной деятельности в системе цифровой трансформации общества 301
Музалевский Ф. А., Царёв Е. О. Некоторые проблемы производства экспертиз по делам о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 305
Немчинов В. А. Преступления в эпоху цифровизации: проблемы экспертного сопровождения уголовно-процессуальной деятельности 308
Панькина И. А. Противодействие мошенничеству, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: современное состояние и перспективы 312
Славгородская О. А., Милахов Е. А. Расследование преступного майнинга 317
Фомичев А. Н. Особенности производства судебной экономической экспертизы по делам о незаконных операциях с цифровой валютой 321
Хмелёва А. В. Расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в Следственном комитете Российской Федерации 326
Комиссарова Я. В. Итоги панельной дискуссии «Криминалистическое обеспечение противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» . 332

РЕЖИМ ПРЕБЫВАНИЯ МИГРАНТОВ

Чечельницкий И. В. О понятии института уполномоченных по правам человека 336
Кирдяшова Е. В. Внутренняя миграция: постановка вопроса 340
Сергеев А. Л. Миграция в современной России: совокупность системообразующих проблем 342
Шинкаренко К. И. Антиномия «свой-чужой» в традиционной соционормативной культуре Индии и ее влияние на институт индийского гражданства 344
Минаева А. И. Обзор сессии кафедры теории государства и права в рамках XII Московского инновационного юридического форума «Режим пребывания мигрантов» 348

МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Абилбекова Н. А. Синтез исламских правил-стандартов и российской государственности в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX в. 356

Жихорева Р. Е. Приоритетные направления национальной системы противодействия противоправным деяниям в информационно-коммуникационной сфере в современной России 360
Красильникова Т. К. Правовое регулирование торговых отношений между Ганзейским купеческим союзом и торговыми корпорациями Новгорода 363
Лясович Т. Г. Право переходного периода (на примере актов двоевластия Российской республики) 370

РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Соколов С. В. ИНИОН РАН как центр научно-образовательного взаимодействия: институциональные основы и практики сетевого сотрудничества 379
Чхутиашвили Л. В. Роль научной этики в эпоху искусственного интеллекта 384
Горбунова А. Н. Библиотека Центра международных и сравнительно-правовых исследований — уникальное сочетание корпоративных и академических функций 387
Грибов В. Т. Роль современной АБИС в реализации роли библиотеки как центра информационной экосистемы университета 389

ПРЕДИСЛОВИЕ

25 и 26 марта 2025 г. на площадке Цифрового делового пространства прошел XII Московский инновационный юридический форум, организованный Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с генеральными партнерами — Правительством Москвы и Ассоциацией юристов России. Деловая программа форума была посвящены формированию правовой модели будущего и обеспечению качественной правовой среды Российской Федерации. Дискуссии прошли по пяти тематическим направлениям: «Право и технологическое лидерство», «Частные и публичные интересы: вопросы гармонизации», «Право и экономика», «Разрешение споров», «Право для семьи».

За два дня в мероприятиях XII Московского инновационного юридического форума приняли участие более 3 000 человек из 50 регионов России и восьми стран мира — Беларуси, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Монголии, Армении, Индии, Китая. Участниками стали представители органов государственной власти, научных и образовательных организаций, юридических фирм и юридических подразделений российских компаний, общественных организаций.

Спикерами пленарного заседания XII Московского инновационного юридического форума стали: министр науки и высшего образования Российской Федерации **Валерий Фальков**; министр спорта, председатель Олимпийского комитета России **Михаил Дегтярев**; председатель Московской городской Думы **Алексей Шапошников**; председатель Комитета по государственному строительству и законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации **Сергей Кабышев**; статс-секретарь — заместитель руководителя ФАС России **Сергей Пузыревский**; первый заместитель руководителя Аппарата Мэра и Правительства Москвы **Павел Гончаренко**; приглашенный профессор международного права Пекинского технологического института, главный редактор Оксфордской онлайн-библиографии международного права, доктор права **Джон Энтони Карти**; заведующий кафедрой гражданского права Юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и научный руководитель Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева **Евгений Суханов**; Специальный докладчик Совета ООН по правам человека по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на реализацию прав человека **Елена Довгань**; программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» **Олег Барабанов**.

На полях форума также были представлены VR-тренажеры, позволяющие студентам погружаться в симуляцию практической работы на учебных занятиях юридических дисциплин. Состоялись презентации монографий и периодических научных изданий, образовательных программ, консалтинговых и экспертных услуг Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

РЕГУЛЯТОРНАЯ ПОЛИТИКА В ЦИФРОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Добробаба М. Б.,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Чаннов С. Е.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационного права
и цифровых технологий
Саратовской государственной
юридической академии

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ[1]

Цифровое государство — это эффективное государство будущего, в котором цифровые технологии играют основополагающую роль. Многие страны мира, как и Российская Федерация, пришли выводу о необходимости формирования цифрового государства. Внедрение механизмов эффективного осуществления публичной власти и взаимодействия с гражданами является одной из самых актуальных проблем в политике, экономике и государственном управлении в целом. Среди таких механизмов на сегодняшний день ведущее место занимает концепция «цифрового государства», которая сочетает в себе государственное управление и применение цифровых технологий в различных сферах государственного управления. Это, с одной стороны, увеличивает скорость и качество принятия управленческих решений, с другой — заметно снижает административные барьеры.

Как отмечал Президент РФ В. В. Путин, «Россия находится в числе безусловных мировых лидеров в области цифрового государства, нужно укреплять эти позиции и идти дальше»[2]. В настоящее время в России реализуется национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», направленный на достижение цели цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы[3].

Следует отметить, что в Российской Федерации отсутствует базовый закон, регулирующий компоненты цифрового государства, однако отдельные его элементы уже закреплены в российском праве.

---

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

[2] Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445 (дата обращения: 29.06.2025).

[3] Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 12.06.2025).

Согласно пункту 1 ст. 3 *Конституции РФ,* народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (пункт 2 ст. 3 Конституции РФ). В свою очередь, применение цифровых технологий в системе публичного взаимодействия гражданского общества с государством развивает формы осуществления непосредственной (прямой) демократии, позволяет реализовать данное положение Конституции РФ.

Общедоступная информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления предоставляется государственными органами и органами местного самоуправления неограниченному кругу лиц посредством ее *размещения на официальных сайтах* в форме открытых данных, что закреплено в Федеральном законе от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[1] (п. 2.1 ст. 7). Речь идет о функционировании *«открытого правительства»*.

В современном мире под *«открытым правительством»* понимается система принципов, механизмов и инструментов организации государственного управления на основе развития форм участия граждан в управлении, прозрачности и подотчетности деятельности органов власти, а также широкого использования современных информационных технологий и новых средств коммуникации в осуществлении взаимодействия с гражданами[2].

Информационная прозрачность органов власти является основой современного государственного управления. Прозрачность (открытость) государственной власти как принцип государственного управления начали обсуждать более ста лет назад. В настоящее время в большинстве стран мира продвигается идея открытости государственной власти, приняты законы о доступе к информации. Деятельность открытого правительства базируется на системе принципов открытого государственного управления: прозрачности (transparency), подотчетности деятельности (accountability), внедрение технологий и инноваций (technology and innovation), гражданского участия (citizen participation) в государственном управлении.

В России переход к «открытому правительству» был связан с низкими международными рейтингами, низким уровнем доверия граждан к государственным институтам[3], в связи с чем в 2014 г. распоряжением Правительства РФ № 93-р была утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти[4].

Точкой отсчета для формирования в России цифрового государства можно считать принятие Правительством в 2002 г. *федеральной программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)»*[5].

---

1 СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

2 URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/og/?ysclid=lvckbx5o83788627240 (дата обращения: 29.06.2025).

3 *Глушакова О. В., Вайсберг Я. А.* Об инструментах открытого правительства и уровне гражданского участия в управлении общественными финансами // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2022. № 11. С. 16–35.

4 Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2014. № 5. Ст. 547.

5 СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 531.

Правовое обеспечение цифрового государства стало строиться вокруг *сервисной модели государства,* в соответствии с которой *государство* во взаимодействии с гражданами и юридическими лицами выступает *в качестве субъекта, оказывающего публичные услуги*[1]. По мере того, как предоставляемые в электронной форме государственные и муниципальные услуги приобретают цифровой характер, происходил процесс цифровизации публичной власти.

Центральное место в правовом обеспечении цифрового государства стал занимать Федеральный закон от 27.07.2010 (ред. от 28.12.2024) № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»[2] (далее — Федеральный закон о предоставлении госуслуг), допускающий предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме при наличии организующего института *многофункциональных центров* (МФЦ).

МФЦ признается организация, созданная в организационно-правовой форме государственного или муниципального учреждения (в том числе являющаяся автономным учреждением), уполномоченная на организацию предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме, по принципу «одного окна»[3]. МФЦ следует рассматривать в качестве инновационные структуры, направленной на удовлетворение потребностей рядовых граждан, действие которой сокращает время получения государственных услуг и снижает уровень бюрократических процедур.

Требования к предоставлению государственных услуг установлены постановлением Правительствам РФ от 26.03.2016 № 236[4].

Важное значение имеет постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 (ред. от 07.04.2025) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)»[5], которое закрепляет общие правила функционирования портала «Госуслуги».

Следует отметить, что для вступления в правоотношения по поводу получения государственных и муниципальных услуг, *требуется достоверная идентификация* субъектов правоотношений, что актуализирует вопрос о формировании цифрового профиля и минимизации физических документов до единственного — *выдаче цифровых удостоверений личности*. Вместе с тем, несмотря на то что данный вопрос поднимался в концептуальных актах[6], его реализация заморожена на неопределенный срок.

---

[1] *Романовская О. В.* Правовые основы цифрового государства // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2. С. 78. URL: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 12.10.2024).

[2] СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

[3] См.: п. 5 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

[4] См.: постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 (ред. от 17.04.2023) «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2084.

[5] СЗ РФ. 2011. № 44. Ст. 6274.

[6] См.: распоряжение Правительства РФ от 19.09.2013 № 1699-р (ред. от 22.05.2018) «Об утверждении Концепции введения в Российской Федерации удостоверения личности гражданина Российской Федерации, оформляемого в виде пластиковой карты с электронным носителем информации, и плана мероприятий по реализации Концепции» // СЗ РФ. 2013. № 39. Ст. 5010.

Начиная с 2017 г. были приняты базовые стратегические документы, определяющие *вектор развития цифровизации государственного управления в России*: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203; Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, утв. распоряжением Правительства РФ от 25.12.2013 № 2516-р (ред. от 13.10.2017)[1], Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024)[2].

Учитывая особенности документов стратегического характера, приведенные стратегии определяют направления правовой политики, но не устанавливают правил поведения. Об этом же свидетельствует и принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[3] (далее — ЭПР), в котором, в частности, определены цели ЭПР: формирование новых видов, форм, способов осуществления экономической деятельности; развитие конкуренции; повышение эффективности публичного управления; создание благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых инноваций и др. (ст. 3). Установлено, что ЭПР вводятся Правительством РФ по перечисленным в ч. 2 ст. 1 Закона направлениям. Подобный подход демонстрирует осторожность отечественного законодателя в регулировании отношений, связанных с функционированием цифрового государства.

Платформенные решения

Одной из задач, поставленной в «*Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»,* утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203[4], является создание и использование технологических (информационных) платформ. Задача *внедрения цифровых технологий и платформенных решений* в сферах государственного управления и оказания государственных услуг также поставлена в Указе Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[5].

Увеличение практики создания и использования для целей цифровизации задач государственного управления *платформенных решений, обусловило* принятие ряда постановлений Правительства РФ:

1) постановление Правительством РФ от 13.05.2022 № 867 (ред. от 14.02.2024) «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России»[6];
2) постановление Правительством РФ от 07.06.2022 № 1040 (ред. от 30.05.2025) «О федеральной государственной географической информационной системе

[1] СЗ РФ. 2014. № 2 (ч. 2). Ст. 155.

[2] СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[3] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

[4] СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[5] СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

[6] СЗ РФ. 2022. № 21. Ст. 3446.

«Единая цифровая платформа «Национальная система пространственных данных»[1];

3) постановление Правительством РФ от 22.06.2021 № 956 (ред. от 21.12.2023) «О государственной информационной системе «Цифровая аналитическая платформа предоставления статистических данных»[2].

«Сервисное государство 2.0»

В 2018 г. о новом этапе преобразования государственного менеджмента заявил заместитель Минцифры России М. В. Паршин, представив *Концепцию цифровизации государственного управления на 2018–2024 годы «Сервисное государство 2.0»* (взамен концепции «Государство 1.0»), основанную на продвижении федерального проекта «Цифровое государственное управление», где определены ключевые направления, в рамках которых происходит *обновление модели оказания государственных услуг* (супер-сервисы, единый цифровой профиль и идентификация, ГосWEB, единая модель данных, единая платформа оказания госуслуг). В обозначенных принципах государства будущего основной упор сделан на минимизацию количества документов, удостоверяющих личность гражданина (с переходом на электронную форму); продвижение автоматизированных бизнес-процессов (сервисов); внедрение автоматического принятия решений вместо чиновников (эксплуатация ИИ); придание МФЦ статуса модератора во всех общественных отношениях негосударственного сектора с публичными органами[3].

Одним из ключевых элементов трансформации государственного управления в «Сервисном государстве 2.0» выступает создание и функционирование единой цифровой платформы «ГосТех» — ядра всех государственных цифровых сервисов, осуществляемое в соответствии с Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех»[4], призванной стать, по сути, новой средой для цифровизации государства[5].

В результате исследования можно сделать следующие *выводы:*

1. Вектор развития цифровизации государственного управления определяет сервисная модель государства, в соответствии с которой государство во взаимодействии с гражданами и юридическими лицами выступает в качестве субъекта, оказывающего публичные услуги. По мере того, как предоставляемые в электронной форме государственные и муниципальные услуги приобретают цифровой характер, происходит и процесс цифровизации публичной власти.

2. Центральную роль в системе правовых актов, обеспечивающих взаимодействие государства и граждан, выполняет Федеральный закон № 210-ФЗ о

---

1 СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 4065.

2 СЗ РФ. 2021. № 26. Ст. 4979.

3 *Какохо Т. Г.* Правовые основы «Сервисного государства 2.0» в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 2. С. 53–64. URL: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 12.10.2024).

4 СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2407.

5 *Ноздрачев А. Ф.* О законодательных основах реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» (положения de lege lata и предложения de lege ferenda) // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 3–16.

предоставлении госуслуг, а роль организующего института играют — МФЦ. Информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, обеспечивается путем доступа к ЕСИА.

3. Обновленная модель оказания государственных услуг «Сервисное государство 2.0» включает ряд направлений: супер-сервисы, единый цифровой профиль и идентификация, ГосWEB, единая модель данных, единая платформа оказания госуслуг. Учитывая важность достоверной идентификации субъектов правоотношений, возникающих по поводу получения государственных и муниципальных услуг, необходимо решение вопроса о выдаче цифровых удостоверений личности, реализация которого заморожена на неопределенный срок.

4. В России отсутствует базовый закон, регулирующий компоненты цифрового государства. Вектор развития цифровизации государственного управления в России определен стратегическими документами, где в качестве одного из направлений правовой политики обозначено внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг. Созданная в России единая цифровая платформа «ГосТех» — новая среда для цифровизации государства.

5. Демонстрируя осторожность в регулировании отношений, связанных с правовым обеспечением цифрового государства, законодатель на данном этапе придерживается экспериментального правового регулирования, вводя ЭПР в сфере цифровых инноваций посредством принятия нормативных правовых актов, имеющих временный характер, что позволяет избежать правовых ошибок и выбрать оптимальные пути решения стоящих перед ним задач.

Ефремов А. А.,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РЕГУЛЯТОРНАЯ ПОЛИТИКА В ЦИФРОВОМ ГОСУДАРСТВЕ[1]

Достижение национальных целей развития России, в том числе цифровой трансформации государственного управления и технологического лидерства требует актуализации существующих подходов как к самому содержанию правового регулирования, обеспечивающему технологический прорыв, так и к механизмам нормотворчества, включая экспериментальное правовое регули-

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

рование[1], в том числе в отношении самих прорывных цифровых технологий[2], включая квантовые технологии[3] и технологии виртуальной реальности[4].

В этой связи формируемая и активно развиваемая в России регуляторная политика[5], за последние 15 лет с 2010 г. прошедшая путь от достаточно узкого подзаконного института оценки регулирующего воздействия (ОРВ)[6] до полноценного самостоятельного законодательства об обязательных требованиях[7], в том числе разрешительной деятельности[8], а также применения механизма «регуляторной гильотины»[9]. Указанные процессы пока не получили своего глубокого осмысления в теоретико-правовой науке, науках административного и информационного права. Фактически в Российской Федерации сформирован новый комплексный межотраслевой институт регуляторной политики, охватывающий нормы конституционного, административного, информаци-

---

1 *Ефремов А. А.* Перспективы развития экспериментального правового регулирования в сфере цифровых и технологических инноваций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. С. 133–140.

2 *Минбалеев А. В.*, *Ефремов А. А.*, *Добробаба М. Б.*, *Чубукова С. Г.* Методы и подходы к регулированию формирующейся отрасли квантовых коммуникаций в условиях современного информационного общества // Информационное общество. 2024. № 4. С. 112–120.

3 *Минбалеев А. В.*, *Евсиков К. С.* Подходы к регулированию квантовых коммуникаций // Вестник Московского университета. Серия 26, Государственный аудит. 2025. № 2. С. 101–108 ; *Добробаба М. Б.* Обеспечение информационной безопасности как составляющая модели правового регулирования квантовых коммуникаций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10 (122). С. 108–116 ; *Ефремов А. А.* Применение экспериментального регулирования для развития квантовых технологий: возможности и ограничения // Правовое регулирование квантовых коммуникаций в условиях экономики данных : сборник докладов Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования квантовых коммуникаций». Саратов, 2024. С. 80–85.

4 *Долунц В. С.* Общие вопросы регулирования технологий виртуальной реальности // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели : в 5 ч. Ч. 2. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 391–395.

5 Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации : монография / ред. кол. А. Ф. Ноздрачев, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ. М. : Инфотропик Медиа, 2022.

6 *Ефремов А. А.* Оценка регулирующего воздействия в системе институтов повышения эффективности нормотворчества // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С. 121–133.

7 Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» / Л. В. Андриченко, Ю. Г. Арзамасов, А. С. Емельянов [и др.] ; отв. ред. А. С. Емельянов, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова ; ИЗиСП при Правительстве РФ. М. : Контракт, 2024.

8 Разрешительная деятельность в механизме государственного управления : монография / отв. ред. д-р юрид. наук, доц. А. С. Емельянов, д-р юрид. наук, проф. С. М. Зырянов. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2024.

9 *Голодникова А. Е.*, *Ефремов А. А.*, *Цыганков Д. Б.* Под знаком «регуляторной гильотины»: как разорвать замкнутый круг дерегулирования и ре-регулирования? // Закон. 2021. № 2. С. 105–117.

онного права, связывающий нормы о законодательном процессе, подзаконном нормотворчестве, информационном обеспечении деятельности органов государственной власти и их информационном взаимодействии с гражданами, представителями бизнеса и гражданского общества в рамках соответствующих процедур, реализуемых в том числе на специализированных порталах и цифровых платформах.

Цифровая трансформация серьезным образом влияет на весь механизм правового регулирования[1] в различных отраслях права, создавая новые пространства для реализации публично-правовых и частноправовых отношений, в том числе цифровые платформы[2], новые объекты в гражданском праве[3], меняя подходы к расследованию преступлений[4] и их методики[5], формируя новые сферы правового регулирования[6].

Указанные тенденции делают необходимым оценку результативности принимаемых мер по развитию как самих цифровых технологий[7], так и оценку возникающих в процессе их внедрения правовых рисков цифровой трансформации[8], ее вызовов и угроз[9].

Технологизация механизма правового регулирования делает актуальным анализ различных аспектов осмысления технологий в праве — от технологиче-

---

1 Адаптация и развитие информационного права в условиях цифровой трансформации : монография / под ред. А. В. Минбалеева. Саратов : Амирит, 2024.

2 Цифровые платформы — организационно-правовая форма взаимодействия в обществе : монография / Н. С. Волкова, А. С. Емельянов, А. А. Ефремов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ. М. : Инфотропик Медиа, 2025.

3 *Носова В. А.* Защита интеллектуальной собственности в Интернете (аккаунты в социальных сетях) // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума. Тюмень, 2024. С. 104–106.

4 *Тесленко А. А.* Особенности расследования коррупционных преступлений с использованием цифровых валют // Шикановские криминалистические чтения: криминалистическое и судебно-экспертное обеспечение расследования и раскрытия преступлений : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей. Иркутск, 2025. С. 155–162.

5 *Тесленко А. А.* Методика расследования взяточничества и коммерческого подкупа с использованием цифровых валют // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции : в 6 т. Казань, 2024. Т. 4. С. 221–226.

6 *Жарков К. К.* Публично-правовое обеспечение транспортной безопасности в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 1 (60). С. 71–78.

7 *Ефремов А. А.* Оценка результативности и эффективности стимулирования развития отрасли информационных технологий в России: состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 4. С. 71–99.

8 *Ефремов А. А.* Оценка правовых рисков проектов цифровой трансформации на основе технологий искусственного интеллекта // Информационное право. 2023. № 3. С. 24–27.

9 *Минбалеев А.*, *Добробаба М. Б.*, *Ефремов А. А.* [и др.]. Правовое регулирование оборота персональных данных в условиях современных вызовов и угроз : монография. Саратов, 2023.

ского суверенитета[1] до технологической нейтральности[2]. В контексте развития регуляторной политики в цифровом государстве на сегодняшний день можно выделить следующие ключевые проблемы, требующие своего научного осмысления и последующего практического решения.

Во-первых, «оцифровка» норм права (в том числе обязательных требований) — это не просто обеспечение «машиночитаемости» текста, а реальное применение технологий обработки больших данных[3] для обоснования вводимого или изменяемого регулирования и последующей оценки его реализации, в том числе применения.

Во-вторых, полноценная реализация принципа исполнимости обязательных требований делает необходимым формирование и поддержку значительного числа баз данных для проведения оценки издержек, возникающих в связи с исполнением требований регулирования, обеспечение взаимодействия различных ФГИС на разных этапах разработки обязательных требований (regulation.gov.ru, rg.gov.ru, ot.gov.ru, а также формируемой ГИС «Нормотворчество»).

В-третьих, существует объективная потребность определения четкого порядка взаимодействия субъектов, принимающих участие в процедурах ОРВ и рабочих групп «регуляторной гильотины», а также экспертных групп в рамках реализуемого проекта «Гильотина 2.0».

В-четвертых, нуждается в совершенствовании правовое регулирование и практика функционирования реестра обязательных требований, который в настоящее время характеризуется следующими проблемами:

— дублирование положений отдельных НПА разного уровня (федеральных законов и подзаконных НПА) как отдельных обязательных требований;

— отсутствие данных об оценке издержек (затрат) на исполнение соответствующих обязательных требований;

— отсутствие системной взаимосвязи с реестрами в сфере контроля (надзора) — в настоящее время имеются только гиперссылки на доклады о достижении целей введения обязательных требований.

В-пятых, в рамках оценки применения обязательных требований практически не осуществляется оценка издержек (затрат) на их исполнение. Это обусловлено коллизиями между приказом Минэкономразвития России от 01.02.2024 № 54 «Об утверждении методики оценки стандартных издержек...» и приказом Минэкономразвития России от 30.04.2021 № 237 «Об утверждении формы доклада о достижении целей введения обязательных требований и требований к его содержанию. Первый из названных приказов выдялет следующие виды издержек:

а) информационные издержки;
б) содержательные издержки;
в) издержки простоя, простой;
г) альтернативные издержки.

---

[1] *Ефремов А. А.* Информационно-правовое обеспечение технологического суверенитета // Информационное право. 2022. № 4. С. 14–17.

[2] *Лагаева В. П.* Технологическая нейтральность принципов государственного контроля (надзора) // Аграрное и земельное право. 2024. № 10. С. 120–121.

[3] *Хаматнурова А. М., Добробаба М. Б.* Проблемы внедрения и использования технологии больших данных в государственном управлении // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы : сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции) : в 3 ч. М., 2024. С. 696–699.

При этом, согласно второму приказу, на этапе оценки применения обязательных требований они классифицированы совершенно иначе:

1) затраты на приобретение оборудования, средств производства, переоборудование (подготовку) помещения, необходимые для соблюдения обязательных требований;
2) затраты на разработку документации, необходимой для соблюдения обязательных требований (в том числе затраты на оказание (выполнение) необходимых специализированных услуг (работ);
3) затраты на получение разрешений, проведение экспертиз, иных форм официальных оценок, предусмотренных обязательных требований (в том числе затраты на оказание (выполнение) необходимых специализированных услуг (работ);
4) затраты на уплату налогов, сборов, иных обязательных платежей (кроме затрат на предоставление государственных услуг в связи с получением разрешений, проведением экспертиз, иных форм официальных оценок, предусмотренных обязательных требований);
5) затраты на ввод объекта в эксплуатацию;
6) затраты на обеспечение соблюдения обязательных требований в связи с полученным разрешением: затраты на обслуживание оборудования, средств производства, помещений, необходимых для осуществления деятельности в соответствии с обязательными требованиями, на обучение либо повышение квалификации персонала.

Научно обоснованное решение указанных проблем в рамках института регуляторной политики на основе современных подходов, обоснованных в доктрине информационного права и административного права, позволит повысить качество правового регулирования в России для обеспечения достижений национальных целей развития, в том числе технологического лидерства и цифровой трансформации государственного управления.

Титов А. С.,
аспирант кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ В ЦИФРОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Исторически сложилось так, что правовые нормы формируются исходя из многих факторов, происходящих в обществе, включая социальные, политические, экономические, религиозные, моральные, технологические и др. Вопрос о выработке и развитии государственной регуляторной политики всегда является результатом назревания определенных приоритетных изменений, требующих внедрение новых механизмов правового регулирования и актуальных норм права, которые бы выполняли функцию по обеспечению баланса частного и публичного интересов.

В последние десятилетия, с учетом глобального развития технологий и перехода общества в разряд информационного, принимая во внимание современные

угрозы, возникают новые тенденции в части выбора вектора развития цифрового государства, в том числе в части регуляторной риторики по многим вопросам, что делает данную тему особенно актуальной в наши дни.

Учитывая фундаментальные особенности права как такового и темпы его постепенной эволюции, вполне целесообразно используется институт стратегического планирования, а также иные меры, направленные на оптимизацию процесса нормотворчества, адаптации и развития предпринимательства, а также стимулирования экономики.

Важным документом в данной части являлся Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[1]. Кроме того, в настоящее время действует Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2].

К наиболее актуальным национальным целям с точки зрения цифрового государства относятся устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство и цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Достижение указанных национальных целей возможно в исключительной степени благодаря надлежащему уровню обеспечения эффективного правового регулирования.

Согласно статье 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»[3] на федеральном уровне определены правовые и организационные основы формирования и оценки применения и исполнения требований, которые закреплены в нормативных правовых актах.

Одним из важных направлений, которое способствует проведению качественного анализа, верной оценки и корректному проведению правовой экспертизы, является формирование цифровой среды, в рамках которой реализуется государственная политика в отношении нормативных правовых актов.

При определении составляющих элементов регуляторной политики государства следует исходить из основных принципов и инструментов, которые позволят достичь объективно положительного результата.

В части цифровых платформ следует отметить: портал regulation.gov.ru, систему Госдумы sozd.duma.gov.ru, реестр обязательных требований и др. С помощью указанных цифровых платформ обеспечивается возможность системного и прозрачного подхода к нормотворчеству, в том числе для поиска законопроектов, просмотра основных документов, информации о подготовке нормативных правовых актов, отслеживать процесс обсуждения проектов.

Вместе с тем наличие цифровых платформ способствует реализации регуляторной гильотины, функция которой заключается в пересмотре и отмене нормативных правовых актов, которые по какой-либо причине утратили актуальность или противоречат текущему законодательству.

С учетом ежегодного роста количества законодательных инициатив и нормативно-правовых проектов, а также последующее их принятие, возникает вопрос в использовании новых методов работы. В частности, требуется решение сложностей, связанных с трудозатратами на проведение правовой экспертизы

[1] СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

[2] СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

[3] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5006.

предлагаемых проектов и актов, недопущение создания правовых коллизий или принятия нецелесообразных актов, использование которых не принесет никакой общественной пользы.

Указанная проблема вытекает из динамично развивающегося законодательства, и напрямую влияет на время ручной работы при изучении десятков ресурсов и ручном сборе информации, включая мониторинг новых проектов. Особая ответственность лежит на лицах, проводящих правовую экспертизу проектов.

В какой-то степени частичное решение указанной проблемы находится в плоскости цифровой среды, где может существовать бесшовное взаимодействие государственных структур и представителей предпринимательства. Однако на сегодняшний день такое бесшовное взаимодействие. как между госорганами, так и в части взаимодействия государства и бизнеса, находится на стадии развития. Анализ значительного количества актов может занимать продолжительное количество времени, как и сопоставление норм права из разных взаимосвязанных отраслей права. В данной части возможно применение LegalTech решений, которые будут обеспечивать быструю и корректную работу, сводя к минимуму время и трудозатраты, требуемые при подготовке, анализе и сопоставлении проекта.

Тем не менее должен быть достигнут баланс между использованием цифровых технологий и их безопасностью, причем как внутри государственных структур, так и при взаимодействии в формате государство — бизнес.

Без современных цифровых инструментов сложно отслеживать изменения и анализировать материю права при подготовке новых норм или корректировке действующих. Вместе с тем следует обратить внимание, что принимаемые нормы, содержащие обязательные требования, должны отвечать принципам обоснованности и исполнимости.

В коммерческой отрасли иногда может применяться риско-ориентированный подход, когда административные издержки в виде штрафов будут несопоставимо выгоднее, чем приведение своей деятельности в соответствие с действующим законодательством, с точки зрения предпринимателя. Правильно выстроенная регулятивная политика по анализу, прогнозированию и применению норм права будет способствовать развитию экономики и укреплению законности с учетом всех участников экономического рынка.

Вместе с тем нельзя не отметить возможность государства локально принимать решения о введении экспериментальных правовых режимов — «регуляторных песочниц», в целях получения объективных данных о работе и перспективах определенного правового режима. Данная возможность закреплена на федеральном уровне в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[1].

При таком подходе в том числе возможно проводить оценку регулирующего воздействия новых требований на экономику, а также проводить анализ взаимодействия государства и бизнеса.

Следует отметить тот факт, что в определенных обстоятельствах, цифровое взаимодействие между государством и коммерческим блоком происходит императивно, что оказывает положительное влияние на организации с точки зрения цифрового развития и невозможности фальсификации документации. Напри-

[1] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

мер, часть 1 статьи 40 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном и муниципальном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[1] содержит положения о досудебном порядке подачи жалобы, при котором жалоба подается контролируемым лицом в электронном виде с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг и (или) региональных порталов государственных и муниципальных услуг.

Взаимодействие бизнеса с государственными органами не только в части обжалования каких-либо действий и решений, но и в разрезе взаимодействия по вопросам своей текущей деятельности, посредством использования цифровых платформ, является безусловно текущей реальностью и перспективным видом взаимодействия, минимизируя материальные издержки и уменьшая временны́е затраты на какие-либо мероприятия.

Безусловно, оценивая все вышеперечисленные факторы, принимая во внимание глобальную цифровизацию, плотно проникающую в каждую сферу жизни общества, реализацию проектов цифрового государства, учитывая возможные положительные стороны технологизации и уменьшение рисков для подрыва информационной безопасности, дальнейшие тенденции в части внедрения цифровых технологий повсеместно, будут иметь положительную динамику.

Грамотная регулятивная политика будет способствовать оптимальному соотношению скорости и качеству принятия решений, в том числе в части разработки нормативных правовых актов, повышению прозрачности и открытости публичной сферы государственного управления, развитию экономики страны и обеспечению информационной безопасности.

Мильшин Ю. Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры информационного права
и цифровых технологий Саратовской
государственной юридической академии

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

В условиях стремительной цифровизации практически всех аспектов общественной жизни особое значение приобретает интеграция достижений научно-технического прогресса в деятельность прокуратуры. Использование информационных технологий, электронных систем и искусственного интеллекта не только упрощает работу прокуроров, но и значительно повышает ее результативность. Эффективная организация информационно-аналитической деятельности становится ключом к успешному осуществлению прокурорских функций и укреплению правопорядка в стране.

Цифровизация прокуратуры является важным элементом программы «Цифровая экономика», утвержденной Правительством России летом 2017 г. В этой связи в 2018 г. была разработана Концепция цифровой трансформации органов прокуратуры, рассчитанная до 2025 г. Основной целью данных мероприятий

[1] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

является значительное сокращение сроков документооборота и обеспечение возможности оперативного реагирования прокуроров на правонарушения в режиме реального времени.

Если ранее каждая прокуратура имела свой собственный сайт, то теперь создан Единый портал прокуратуры, на котором информация размещается Генеральной прокуратурой на основании данных, предоставленных региональными прокуратурами. В рамках программы «Цифровая экономика» и принятой Концепции, Генпрокуратура России к началу 2025 г. внедрила инструменты «мягкого искусственного интеллекта» (soft AI), предназначенные для решения узкоспециальных задач и обработки больших объемов данных (big data). Программа включает разнообразные инструменты и методы обработки как структурированных, так и неструктурированных данных, что позволяет использовать их для решения конкретных задач. Анализ данных помогает выявлять ранее незаметные закономерности.

Модернизация прокуратуры и применение высоких технологий должны способствовать повышению доверия граждан к ее деятельности и улучшению прокурорского реагирования. В этом контексте следует отдельно выделить проблемы, связанные с обращениями граждан.

На основании предоставленной информации прокуратура вправе проводить надзорные проверки в органах, где зафиксированы правонарушения. Информация, которой располагает прокуратура, служит основой для проведения надзорных проверок и способствует улучшению работы прокуратуры, повышая ответственность должностных лиц за выполнение своих обязанностей.

Тем не менее необходимо получать информацию, содержащуюся в обращениях граждан. Основной задачей прокуратуры остается проверка исполнения законов другими органами и должностными лицами. В случае выявления нарушений в порядке обработки, сроках рассмотрения и разрешения обращений прокуратура устанавливает меры по устранению этих нарушений, а виновные лица привлекаются к ответственности, что восстанавливает права граждан.

Помимо значительной экономии на производстве, транспортировке и хранении бумажных материалов, переход на цифровые технологии обеспечивает легкий доступ к данным для анализа и поиска соответствующих судебных слушаний. Технологии также способствуют повышению прозрачности и эффективности планирования судебных заседаний, позволяя свидетелям, потерпевшим, подозреваемым, адвокатам и судьям видеть, когда и где они необходимы. Однако существует ряд проблем, связанных с законодательным регулированием обращений граждан в электронной форме.

Обработка заявлений, жалоб и обращений осуществляется как на уровне субъектов Федерации, так и на региональном уровне Российской Федерации. Для обеспечения эффективной работы по защите законных интересов граждан и их прав, российское законодательство принимает множество нормативных актов, регулирующих данную сферу деятельности.

Интернет-приемные прокуратур субъектов Российской Федерации различаются. Так, имеются официальные сайты прокуратур субъектов, на которых указаны адреса электронной почты конкретной районной прокуратуры (например, прокуратуры Чувашской Республики, Оренбургской области). Гражданин, получив на сайте прокуратуры субъекта сведения об адресе электронной почты интересующей его районной прокуратуры, самостоятельно направляет на него

свое обращение. Функционируют сайты прокуратур субъектов, в которых из «единого окна» интернет-приемной, использующей специальное программное обеспечение, можно направить электронное обращение в любую нижестоящую прокуратуру. Такое программное обеспечение требует от заявителя обязательного заполнения определенных реквизитов, таких как фамилия, имя, адрес отправителя»[1].

Обращения, отправленные на электронную почту конкретной районной прокуратуры, могут поступать с любых адресов, включая чужие или взломанные. Также существует возможность подачи анонимных обращений или файлов с вредоносными программами. Кроме того, заявители могут использовать специализированное программное обеспечение (боты), которое автоматически генерирует новые обращения в ответ на предыдущие, что может привести к злоупотреблению правом на обращение в государственные органы. На этот аспект неоднократно указывали прокурорские работники, занимающиеся рассмотрением электронных обращений граждан.

К сожалению, проблема ответственности за действия, совершенные с помощью искусственного интеллекта, остается нерешенной. Необходимо разработать механизм, который будет четко разграничивать зоны ответственности между разработчиками, пользователями ИИ и самой технологией. Важно определить, может ли нейронная сеть обладать правосубъектностью, чтобы нести ответственность за свои действия. Кроме того, актуальным остается вопрос безопасности информации при использовании систем ИИ. Требуется разработать эффективные стратегии защиты данных от попыток несанкционированного вмешательства.

Однако предпринимаемые прокуратурой меры полностью не решат обсуждаемых проблем. В данных обстоятельствах адекватным и оправданным представляется вывод Т. М. Лопатиной: «требуется подробное законодательное урегулирование порядка направления электронного обращения, который исключил бы многообразие способов подачи таких обращений, а также технических требований к программному обеспечению сайтов органов власти в части приема электронных обращений. Это создаст понятные всем гражданам и юридическим лицам условия подачи электронного обращения, в том числе и в органы прокуратуры. Снизится общее количество обращений за счет уменьшения количества дубликатов, и, как следствие, устранится формализм при их разрешении. Безусловно, за основу должен быть взят порядок направления электронных обращений посредством ЕСИА, так как он в большей мере позволяет минимизировать вышеуказанные проблемы»[2].

В уголовное производство была введена возможность электронного документооборота, такие документы заверяются электронной печатью (ст. 474, 474.1 УПК РФ). Это позволяет избавить производство от бумажной волокиты, однако используется это не повсеместно, в большинстве своем всё еще сохраняется необходимость писать протоколы, постановления от руки, так как процессуальная

[1] См.: *Яцуценко В. В.* Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 187–193.

[2] См.: *Лопатина Т. М.* Цифровая трансформация органов правосудия и прокуратуры // Законность. 2019. № 11 (1021). С. 16.

деятельность сложная, многофакторная, и главное совершаемая человеком. Очевидно, что в работе любого технического средства и информационной системы могут произойти технические неполадки, что ставит под угрозу сохранность накопленного материала.

Прокуратура активно осваивает цифровые технологии, чтобы совершенствовать процесс надзора за предварительным следствием и эффективно взаимодействовать с органами следствия. Это важное и современное направление развития, которое позволяет улучшить организацию работы прокурорского надзора в досудебном производстве. Важно уделить особое внимание тому, как взаимосвязана деятельность следователей и прокуроров в досудебном производстве, а также целостность всей системы уголовно-процессуального пространства. Это говорит о том, что программа цифровизации должна распространяться не только на прокурорско-надзорную деятельность, а на все уголовное судопроизводство в целом.

Особое внимание сторонниками концепции уделяется созданию концепции высокотехнологичного надзора», термин, ранее не использовавшийся в данной области. Следует отметить, что данный термин относится к использованию передовых и инновационных технологий при осуществлении прокурорского надзора, в то время как термин «электронный надзор» связан с применением информационно-коммуникационных технологий в целом[1]. Внедрение указанных цифровых возможностей в практическую деятельность прокуроров направлено на обеспечение устойчивого и удаленного доступа к материалам доследственных проверок и уголовным делам. Такие изменения также помогут быстро реагировать на нарушения процессуального закона и выносить прокурорские акты реагирования, которые будут включены в электронное дело. Важно отметить, что все участники судебного процесса смогут удаленно ознакомиться с материалами уголовного дела и предъявить жалобы на неправомерное поведение следователя через сеть Интернет.

Грищенко Г. А.,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛОГЕРОВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В настоящее время блоги представляют собой одну из наиболее распространенных и эффективных форм интернет-коммуникации, способствующих распространению информации. Они позволяют обсуждать социально значимые вопросы и удовлетворять различные потребности общества. Однако с увеличением популярности блогов возросли и риски, связанные с их использованием

[1] См.: *Таболина К. А.* Об оптимизации надзора прокурора в досудебном производстве уголовного процесса в условиях развития цифровых технологий // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VII Междунар. науч.-практ. конференции (Симферополь, 2019). С. 118.

в незаконных целях, таких как распространение дезинформации и вовлечение пользователей Интернета в совершение противоправных действий.

В ответ на эти вызовы российский законодатель активно начинает регулировать блогосферу, что свидетельствует о внимании государства к функционированию блогов, к правилам размещения информации и деятельности основных участников данного интернет-пространства. На текущий момент в России не существует эффективного механизма правового регулирования блогосферы, несмотря на некоторые принятые нормативные правовые акты, направленные на упорядочение общественных отношений в цифровом пространстве[1]. Анализ актуального законодательства показывает, что важнейшие вопросы, касающиеся использования блогосферы (начиная с определения ключевых понятий и заканчивая разграничением ответственности), остаются недостаточно проработанными.

Это подчеркивает необходимость тщательной работы представителей государственных органов, экспертов из сферы интернет-индустрии и правозащитных организаций над вопросами определения ключевых категорий, таких как блогосфера, блог, блогер, а также о регламентации соответствующих общественных отношений в российском законодательстве. Полноценный и эффективный подход к данному вопросу может быть достигнут за счет разработки и реализации стратегии правового регулирования блогосферы, которая обеспечит оптимальный баланс интересов между обществом и государственными структурами.

Законодательные инициативы в различных странах активно развиваются, особенно в сферах рекламы, авторского права, защиты данных и борьбы с дезинформацией. Однако чрезмерное вмешательство в эти вопросы может ограничить свободу слова, что подчеркивает необходимость нахождения баланса между контролем и самовыражением.

Для решения назревших проблем важна международная координация усилий, развитие механизмов саморегулирования внутри блогерской сферы и адаптация существующих законов к особенностям цифровой реальности. Эти меры могут способствовать созданию справедливой и устойчивой правовой системы, регулирующей деятельность блогеров[2].

В условиях цифрового общества блогерская деятельность приобретает всё большее значение, что обуславливает необходимость правового регулирования, учитывающего ее влияние на общественную среду. Ключевой вопрос заключается в определении статуса блогеров: могут ли они быть классифицированы как средства массовой информации, создатели контента или частные лица. От этого определения зависят их правовые обязательства, включая регистрацию, налогообложение и соблюдение норм, касающихся рекламы.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ ; Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» ; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ; Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» ; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан и деловой репутации».

[2] *Гончарова Г. В.* Блогинг как социальное явление и объект правового регулирования // Юридическая наука и практика: Вестник НИУ ВШЭ. 2022. № 2.

Кроме того, рекламная деятельность блогеров требует особого внимания. Законодательство предписывает необходимость обозначения рекламного характера публикаций с целью предотвращения распространения дезинформации. Однако на практике многие рекламные кампании не всегда соответствуют данным требованиям. Более того, блогеры часто сталкиваются с проблемами, связанными с авторским правом и неприкосновенностью частной жизни, что, в свою очередь, приводит к возникновению судебных споров.

Правовое регулирование блогерской деятельности находится в процессе активного становления, что обусловлено необходимостью обеспечить баланс между свободой слова и соблюдением правовых норм, а также защитой интересов как создателей контента, так и их потребителей. Усовершенствование законодательства должно учитывать динамику изменений в цифровой среде[1].

Блогеры, будучи ключевыми участниками информационного пространства, обязаны придерживаться законодательства, касающегося их деятельности. Основные виды правовой ответственности, с которыми они могут столкнуться, включают нарушения в области рекламы, распространение ложной информации, нарушение авторских прав и обязательства по защите персональных данных. Например, блогеры обязаны указывать на коммерческий характер своих публикаций, иначе им могут быть назначены штрафы за недобросовестную рекламу[2].

Распространение ложной информации, особенно в отношении общественно значимых тем, таких как политика или здравоохранение, представляет собой серьезное правонарушение, которое может повлечь как административную, так и уголовную ответственность. Кроме того, актуальной проблемой остаются споры, связанные с авторскими правами; использование чужого контента без надлежащего разрешения может привести к финансовым штрафам, а также нематериальным санкциям.

Защита персональных данных также играет важную роль в контексте правовой ответственности блогеров. Незаконное использование информации пользователей может иметь критические последствия. В условиях динамично меняющегося законодательного поля блогерам крайне важно быть в курсе текущих изменений в законодательстве, чтобы минимизировать правовые риски и сохранить свою репутацию.

Правовое регулирование блогосферы становится важной задачей в свете ее быстрых изменений и влияния на общество. Центральный вызов заключается в нахождении эффективного баланса между свободой слова и необходимостью контроля. Чрезмерное вмешательство государственных органов может ограничить свободу самовыражения и привести к цензуре, тогда как отсутствие регулирования может способствовать распространению дезинформации и нарушению прав пользователей.

Глобализация добавляет сложности в процесс регулирования, поскольку контент создается в одной стране и потребляется в различных юрисдикциях. Это подчеркивает необходимость международных соглашений для эффективного

---

[1] *Савинова А. В.* Интернет и блогеры: юридические аспекты взаимодействия // Государство и право. 2021. № 5.

[2] *Черных Е. В.* Авторское право в цифровую эпоху: вызовы и принципы регулирования. М. : Статут, 2021.

контроля. Полемика вокруг саморегулирования также актуальна, так как сама блогосфера может разработать собственные стандарты и этические кодексы, что позволит снизить уровень государственного вмешательства[1].

Технический прогресс создает новые правовые вызовы. Появление новых платформ, форматов и моделей монетизации требует быстрой адаптации законодательства. Оптимальным решением может стать разработка универсальных подходов, основанных на сотрудничестве между государственными органами, интернет-платформами и самими блогерами. Комплексные меры позволят создать эффективное и свободное информационное пространство, которое сможет успешно функционировать в условиях современных вызовов.

Таким образом, представляется, что важным шагом в разработке правовых ориентиров, касающихся регулирования деятельности блогеров, является формирование и внедрение специализированной стратегии правового регулирования в блогосфере. Данная стратегия станет основой для разработки комплекса мер, направленных на создание эффективной системы правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе блогерской деятельности.

Основные преимущества предложенного подхода к правовому регулированию в блогосфере заключаются в следующем.

1. Комплексное решение проблем, содействие достижению целей и задач правового регулирования, направленных на упорядочение общественных отношений в данной сфере.

2. Определение приоритетов в проведении мероприятий, их очередности и сроков реализации с акцентом на социальную и экономическую целесообразность.

3. Обеспечение интеграции мероприятий различной природы — научно-исследовательских, нормативных, организационных, технических и других — в единую систему с последовательным подходом к достижению конечной цели правового регулирования.

4. Создание благоприятных условий для дальнейшего устойчивого развития блогосферы, что, в свою очередь, поспособствует улучшению качества блогерского контента и взаимодействия с аудиторией.

[1] *Кашкин С. Ю.* Интернет и право: правовое регулирование информационных технологий. М. : Проспект, 2022.

Сушкова О. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА);
доцент кафедры предпринимательского,
трудового и корпоративного права
ИПНБ РАНХиГС при Президенте РФ

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ IP-АДРЕСА КАК ОБЪЕКТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ШРИФТА КАК РЕЗУЛЬТАТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время широкую охрану и применение получили персональные данные физических лиц. Кроме того, использование IP-адресов каждым субъектом цифровых отношений позволяет задуматься над природой этого явления, поскольку в настоящее время системной оценки, к сожалению, не предоставлено.

Суд земли г. Мюнхена (Германия, Бавария)[1] обязал владельца сайта выплатить штраф в размере 100 евро за перенос персональных данных пользователей. Владелец использовал IP-адрес пользователей через библиотеку шрифтов Google без согласия пользователя.

Согласно постановлению, несанкционированное раскрытие IP-адреса истца анонимным веб-сайтом Google является нарушением конфиденциальности пользователя, что позволяет владельцу веб-сайта сотрудничать с третьей стороной для идентификации лица, стоящего за IP-адресом.

Кроме того, суд сделал интересный вывод о том, что *динамические IP*-адреса представляют собой *персональные данные для оператора веб-сайта*, поскольку, по сути, у него есть законные средства, которые можно использовать для того, чтобы с помощью третьих сторон, а именно компетентного органа и поставщика доступа в Интернет, идентифицировать заинтересованное лицо на основе сохраненного IP-адреса.

Согласно положениям Европейского регламента о персональных данных (GDPR)[2], все, что ограничивается отдельным лицом, включая IP-адреса, рекламные идентификаторы, файлы cookie, данные о местоположении и т.д., считается персональными данными, что позволяет юридическим лицам, собирающим эти данные, информировать пользователей и получать их согласие на их сбор.

Кроме того, в постановлении судом отмечено, что шрифты Google также можно использовать, даже если нет подключения к серверу Google, но все равно

---

[1] URL: https://www.thecybersecuritytimes.com/court-orders-websites-to-stop-embedding-google-fonts-for-gdpr-violation/.

[2] Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» [рус., англ.] (принят в г. Брюсселе 27.04.2016) // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016. P. 1. URL: http://eur-lex.europa.eu/.

IP-адрес может быть передан Google. И именно поэтому шрифты должны размещаться локально, а не встраиваться и включать Google в свою работу.

Согласно ст. 3 Закона[1], персональные данные — это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу.

Можно говорить о том, что динамические IP-адреса можно приравнять к персональным данным (по аналогии), если оператор (владелец сайта) имеет возможность идентифицировать лицо через третьих лиц (например, провайдера). Таким образом, позиция немецкого суда может быть аналогична мнению российской судебной практики: передача IP-адресов Google без согласия пользователя может нарушать ст. 6, 9 Закона, поскольку существует требование о получении согласия на обработку и трансграничную передачу данных.

В данной ситуации нам необходимо раскрыть разницу между Статическим и Динамическим IP-адрес, чтобы понять, возможна ли такая ситуация с фактической точки зрения.

Статический IP-адрес — сведения технического характера (IP-адреса или диапазоны статических IP-адресов, количество терминалов доступа, пропускная способность канала, количество и адреса электронных читальных залов[2].

Динамический IP-адрес присваивается службой DHCP[3] в зависимости от политики присваивания адресов и наличия свободных адресов. Установив IP-адрес пользователя с помощью сервисов типа Whols[4], можно определить его географическую привязку[5].

Следует отметить, что в силу решения суда г. Мюнхена и той проблемы, которая была поднята судебным составом при рассмотрении дела, правовая природа динамического IP-адреса является спорной и требующей своего дальнейшего исследования.

Поскольку провайдер[6] имеет постоянный доступ к пулу адресов, закрепленных за ним, он может проследить в какой момент определенному устройству был предоставлен IP-адрес.

---

1 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

2 Постановление Правительства РФ от 20.02.2019 № 169 (ред. от 06.11.2024) «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Национальная электронная библиотека» и методики отбора объектов Национальной электронной библиотеки» // СЗ РФ. 2019. № 9. Ст. 835.

3 Dynamic Host Configuration Protocol (Протокол динамической конфигурации узла), это сетевой протокол, который автоматически назначает IP-адреса и другую информацию о конфигурации сети устройствам, подключенным к сети.

4 WHOIS — сетевой протокол прикладного уровня, базирующийся на протоколе TCP. Основное применение — получение регистрационных данных о владельцах доменных имен, IP-адресов и автономных систем.

5 *Смушкин А. Б.* Криминалистическое исследование распределенной информации // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 1. С. 180–187.

6 Постановления Суда по интеллектуальным правам от 15.03.2024 № С01-193/2024 по делу № А41-57622/2022, от 29.02.2024 № С01-2932/2023 по делу № А40-39977/2023 СПС «КонсультантПлюс».

Также и при входе на вебсайт, при нахождении на нем более 5 секунд, сайт считывает нахождение на нем определенного IP-адреса, с указанием времени входа, времени выхода и общего нахождения на нем.

Для более детального анализа следует провести сравнительный анализ следующих положений, время от провайдера и время от вебсайта. Данная информация позволит узнать какое именно устройство находилось на сайте даже при динамическом IP-адресе.

Решение мюнхенского суда основано на признании динамических IP-адресов персональными данными, требующими согласия пользователя на их передачу третьим лицам (в данном случае — Google). В России аналогичные вопросы регулируются Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Закон).

В то же время в судебной практике России отсутствует единое понимание при приравнивании IP-адреса к персональным данным.

IP-адрес может быть отнесен к персональным данным, поскольку идентификация пользователя сети Интернет осуществляется через установление его персональных данных по IP-адресу, назначаемому оператором связи и закрепленному за пользовательским оборудованием при заключении договора на оказание услуг доступа к сети Интернет.

Существует судебная практика, которая признает IP-адрес персональными данными[1]. Для примера можно использовать корпоративный акт, имеющий нормативную основу и применяемый в крупной корпорации в России. Так, соответствии с разд. 2 Политики по защите персональных данных клиентов — физических лиц ФГУП «Почта России» и дочерних организаций ФГУП «Почта России»[2], зарегистрированных на территории Европейского Союза (редакция № 1)», утв. приказом ФГУП «Почта России» от 21.02.2019 № 73-п, IP-адрес отнесен к персональным данным[3].

При этом существует судебная практика, которая не признает IP-адрес персональными данными[4].

---

[1] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.08.2022 по делу № 88-15380/2022, апелляционное определение Московского городского суда от 22.08.2022 № 33-32777/2022 (определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2022 № 88-29587/2022 данное определение оставлено без изменения СПС «КонсультантПлюс».

[2] Приказ ФГУП «Почта России» от 21.02.2019 № 73-п «Об утверждении Политики по защите персональных данных клиентов — физических лиц ФГУП «Почта России» и дочерних организаций ФГУП «Почта России», зарегистрированных на территории Европейского Союз» (вместе с «Политикой по защите персональных данных клиентов — физических лиц ФГУП «Почта России» и дочерних организаций ФГУП «Почта России», зарегистрированных на территории Европейского Союза» (редакция № 1)») // СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Богушева Н. В.* Является ли IP-адрес персональными данными? // СПС «КонсультантПлюс». 2025.

[4] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2022 № 88-11406/2022, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24.12.2018 № 33а-25520/2018 по делу № 2а-2898/2018, постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.04.2017 № 18АП-2210/2017 по делу № А07-24090/2016 / Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, в российской практике правовое понимание IP-адреса и признание его объектом персональных данных, является дискуссионным. При этом возникает и другой интересный правовой вопрос, а какова правовая природа шрифта Google?

Шрифты Google (Google Fonts), как указано в одном из судебных актов арбитражного суда представляют собой — используемый шрифт Montserrat находится под лицензией Open Font License согласно информации на сайте Google Fonts в сети Интернет по адресу https://fonts.google.com/specimen/Montserrat; используемый шрифт Roboto находится под лицензией Apache License версии 2.0 согласно информации на сайте Google Fonts в сети Интернет по адресу https://fonts.google.com/specimen/Roboto), верстка контента, фирменная графика (паттерн, стилеобразующие элементы), фирменная продукция (деловая документация, промо-сувениры, одежда, наружная реклама), оформление Офиса (экстерьер: общий вид, оформление входа — дверь, оформление входа — витрины и откосы, фасадная вывеска, декоративный элемент, вывески; интерьер: общий вид, планировка помещения, отделка помещения, мебель, оборудование, рекламно-информационные носители)), брендирование транспорта, оформление аккаунтов в социальных сетях в Интернете[1]. Кроме того, можно квалифицировать шрифт как цифровой продукт, который можно охарактеризовать с точки зрения гражданского права как объект интеллектуальной собственности. Их правовой режим регулируется нормами части IV Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), а также лицензионными соглашениями, которые устанавливают условия их использования. Итак, шрифт как потенциальный объект интеллектуальной собственности.

Шрифт отдельно не перечислен в ст. 1225 ГК РФ как результат интеллектуальной деятельности. При этом в случае, если шрифты Google создаются дизайнерами и программистами, это обстоятельство позволяет отнести их к художественным произведениям. А. Киселева полагает, что, если шрифт имеет уникальный дизайн, он может быть защищен как художественное произведение (п. 1 ст. 1259 ГК РФ). Это относится к визуальному оформлению символов, их форме, пропорциям и другим элементам. Также она делает вывод о том, что «российское законодательство не содержит ограничений для охраны шрифта нормами авторского права»[2].

Вывод. IP-адрес является сложным объектом оборота и, при определенных оговорках может быть отнесет к персональным данным. Следует учитывать при этом не только природу IP-адреса, но и его применение, а также регулирование отношений, при которых ему дается правовая оценка.

Шрифты — не только повседневный атрибут использования во многих отраслях экономики, но и права. Их правовой режим и характеристика также мало изучены как в доктрине, так и в практике и в настоящее время могут использоваться бессистемно и бесконтрольно, что также является тем вопросом, который должен быть глубоко исследован и решен на уровне законодательного регулирования этого объекта гражданского оборота.

---

[1] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.04.2025 № 18АП-1073/2025 по делу № А07-19764/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Киселёва А.* Шрифт как объект авторского права в России и США // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 5. С. 25–32.

Латынцева В. А.,
старший преподаватель кафедры
административного,
информационного и финансового права
юридического факультета имени
М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ»

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИЯ» И «ДАННЫЕ»

В зависимости от области знания существуют различные подходы к определению терминов *«информация» и «данные».*

Термин *«данные»* (в пер. «калька» от лат. «факт», от англ. data, от слав. «дати» (греч. διδόναι), от рус. «дать, давать») — представление фактов и идей в формализованном виде, пригодном для передачи и обработки в некотором информационном процессе. Зарегистрированная информация; представление фактов, понятий или инструкций в форме, приемлемой для общения, интерпретации, или обработки человеком или с помощью автоматических средств[1].

Считается, что термин «данные» означает разъяснение, изложение, т.е. сведения или сообщение, таким образом данные являются первичными по соотношению к информации, выступают фундаментом при принятии решений, выводов.

В *кибернетике* — науке об управлении в живых, неживых и искусственных системах — понятие информации связывают воедино с понятием управления. Американский математик, один из основоположников кибернетики *Норберт Винер* определил термин так «информация — это не материя и не энергия, информация — это информация»[2].

Н. Винер, по сути, обозначил что информация — это содержание, следовательно, данные — это форма.

Процессы управления включают в себя получение, хранение, преобразование и передачу информации. Информация является обозначением содержания, полученного из внешнего мира в процессе приспособления к нему. Информацию составляет та часть знания, которая используется для ориентирования, принятия решений, активного действия, управления, т.е. в целях сохранения, совершенствования и развития системы. Данная концепция отрицает существование информации в неживой природе, не дает ответа на вопросы: являются ли информацией неиспользованные знания, являются ли информацией неосмысленная информация?

---

1 URL: http://ru.wikipedia.org/.

2 *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине; или Кибернетика и общество. 2-е изд. М. : Наука ; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983.

Для преодоления этих противоречий академик В. Г. Афанасьев[1] ввел понятие информационных данных.

Информационные данные — это всякие сведения, сообщения, знания, которые могут храниться, перерабатываться, передаваться, но характер информации они приобретут лишь тогда, когда получат содержание и форму, пригодную для управления, и используются в управлении[2].

Информация, наряду с веществом и энергией, является неотъемлемым свойством материи.

Под *информацией в технике* понимают сообщение, передаваемое с помощью знаков и символов. В теории связи, например, под информацией принято понимать любую последовательность символов, не учитывая их смысл.

В основанной американским ученым Клодом Шенноном *математической теории информации* под *информацией* понимались не любые сведения, а лишь те, которые снимают полностью или уменьшают существующую до их получения неопределенность (неизвестность). Каждому сигналу в теории Шеннона соответствует вероятность его появления. Например, при передаче текста телеграммы вероятность появления буквы «т» равна 1/33. Чем меньше вероятность появления того или иного сигнала, тем больше информации он несет для потребителя. В обыденном понимании это означает, что, чем неожиданнее новость, тем больше ее информативность[3].

В информатике информация и *данные* — это основополагающие понятия. Это наука о методах и процессах сбора, хранения, обработки, передачи, анализа и оценки информации с применением компьютерных технологий, обеспечивающих возможность ее использования для принятия решений[4].

Согласно принципам *физики*, состояния абсолютного покоя не существует, все физические объекты находятся в постоянном движении и изменении, сопровождающемся обменом энергией и ее трансформацией из одной формы в другую. Любые процессы энергообмена сопровождаются возникновением сигналов, имеющих материальную энергетическую природу. Взаимодействие сигналов с физическими объектами приводит к изменениям их свойств, что называется регистрацией сигналов. Эти изменения могут быть зафиксированы, измерены или наблюдаемы, в результате чего генерируются и регистрируются новые сигналы, образуя данные.

Поэтому *данные* можно обозначить как зарегистрированные сигналы, а *информацию* — как результат обработки данных с применением коррелирующих методов и анализа.

---

[1] Виктор Григорьевич Афанасьев (18 ноября 1922 — 10 апреля 1994) — советский философ и деятель КПСС, академик Российской академии наук (1991; академик АН СССР с 1981). В трудах В. Г. Афанасьева исследуются проблемы системности, организационной теории, теории и практики управления, филос. аспекты теории операций, информатики (автор одной из первых кн. по соц. Информатике).

[2] URL: https://mathit.petrsu.ru/users/semenova/Informatika/DOC/MUM_65/Lections/Information_Lec.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

[3] *Shannon C. E.* A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal: журнал. 1948. Vol. 27. P. 379–423.

[4] Информатика // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11.

Рассел Линкольн Акофф (Russell Lincoln Ackoff) — американский ученый, исследователь системного подхода и организационного управления предложил концепцию, которую можно представить в виде пирамиды[1].

В дальнейшем теория была подвергнута критике со стороны других ученых. Основным аргументом была простота такого взгляда.

Информация — это результат преобразования и анализа данных. Отличие информации от данных состоит в том, что *данные* — это фиксированные сведения о событиях и явлениях, которые хранятся на определенных носителях, а информация появляется в результате обработки данных при решении конкретных задач[2].

В юридической науке и законодательстве понятия «информация» и «данные» не разделены, что влечет множество проблем, включая отсутствие четких различий между этими терминами. Это создает сложности в применении норм права и защите прав субъектов данных в цифровую эпоху.

В Конституции РФ[3] в качестве объекта правового регулирования преимущественно выступает категория «информация», например ст. 29 закрепляет возможность свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, гарантируется свобода массовой информации; В статье 71 закреплено обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

В некоторых источниках данные термины отождествляются, например:

1. Согласно *Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»*[4],

---

1 *Ackoff R. L.* From data to wisdom // Journal of applied systems analysis. 1989. № 16 (1). P. 3–9.

2 *Калягина Л. В., Разумов П. Е.* Категория «Данные»: понятие, сущность, подходы к анализу // Вестник КрасГАУ. 2014. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-dannye-ponyatie-suschnost-podhody-k-analizu (дата обращения: 24.06.2025).

3 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.

4 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

информация — это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

2. В соответствии с *Федеральным законом от 29.11.2007 № 282-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации»*[1] официальная статистическая информация — сводная агрегированная документированная информация о количественной стороне массовых социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессов в Российской Федерации, формируемая субъектами официального статистического учета в соответствии с официальной статистической методологией.

3. *Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О почтовой связи»*[2] *адресные данные пользователей услуг* почтовой связи — информация о гражданах (фамилия, имя, отчество, почтовый адрес), а также о других пользователях услуг почтовой связи (наименование и почтовый адрес).

В законодательстве отсутствует единообразный подход к пониманию данного термина и прослеживается отождествление с понятием «данные».

Законодатель определяет информацию как любые сведения о чем-либо или о ком-либо. Данный подход больше базируется на теории Клода Шеннона, описанной выше. Однако такое закрепление ближе к категории «данные».

Подсчитано, что 90 % всех данных в мире было создано за последние несколько лет с помощью современных информационных технологий. Большая часть сегодняшней экономики опирается на информацию (данные), и эта зависимость в будущем будет только возрастать[3].

И поэтому возможно говорить о внесении изменений в понятийный аппарат и название, например Федеральный закон «О персональных данных»[4], так как *персональные данные* определяется как любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), а данное определение по смыслу относится больше к категории «информации» и появляется возможность идентифицировать прямо или косвенно определенное или определяемое физическое лицо и имеет контекст (содержание)[5]. Поэтому целесообразнее назвать закон «О персональной (личной) информации».

Как видится, законодатель воспринял подход содержащийся в Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных

---

[1] Федеральный закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6043.

[2] Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

[3] *Холодная Е. В.* О дивергенции правовых категорий «информация» и «цифровые данные» // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции : в 6 т., Казань, 22 сентября 2023 г. Казань : Познание, 2023. С. 364–368. EDN: WUCEOB.

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I) ст. 3451.

[5] *Назаров Н. А.* Соотношение и разграничение информации и данных // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 11 (168).

данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999)[1], где термин *«персональные данные»* означают любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице («субъект данных»).

Однако не все страны пошли путем имплементации данных положений в свое законодательство. В регулировании персональных данных азиатскими странами сто́ит обратить внимание на опыт Китая. В КНР действует закон о защите персональных данных под названием Personal Information Protection Law of the People's Republic of China, сокращенно «PIPL[2]. Подобно европейскому, китайский закон имеет экстерриториальный характер и распространяется на территорию вне Китая, что также оказывает влияние на компании, осуществляющие обработку персональных данных граждан КНР за пределами страны. Аналогично российскому закону, Китай устанавливает еще и правило об обеспечении хранения персональных данных на территории Китая, в случае если обрабатывается большой объем персональных данных либо оператор является владельцем критически важной информационной инфраструктуры.

В законе PIPL в отличие от российского и европейского аналога термин «персональные данные» заменен термином «личная информация». В Китайской Народной Республике личная информация — это любой вид информации, записанной в электронном или ином виде, относящейся к определенному физическому лицу.

Возможно прийти к логическому выводу, что если невозможно идентифицировать кого-то из множества, то это данные, но если это становится возможно, например путем добавления других данных, то данные трансформируются в информацию.

Пока данные не имеют контекста, позволяющего их связать с конкретным объектом или человеком, они остаются просто данными. Но когда появляется возможность установить эту связь, данные становятся информацией.

Существует циклическая связь между данными и информацией, где одно может стать другим.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным внести ясность в законодательное регулирование, разделив рассматриваемые категории и закрепить их определения в законах, касающихся оборота и использования информации и данных.

---

[1] Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999) // URL: https://base.garant.ru/2559798/ (дата обращения: 21.06.2025).

[2] Translation: Personal Information Protection Law of the People's Republic of China // Digichina.stanford.edu: [сайт]. URL: https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/ (дата обращения: 22.06.2025).

Кудряшов К. М.,
аспирант кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ И ПУТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В условиях стремительной цифровизации высшего образования вопросы обеспечения информационной безопасности образовательного пространства становятся всё более актуальными. Развитие и внедрение информационных технологий зачастую идет гораздо быстрее чем правовое регулирование их использования, что порождает юридические лакуны в публично-правовом регулировании возникающих правоотношений.

Осознавая ведущую роль образования в становлении нового информационного общества руководство Российской Федерации включает цифровую трансформацию в высшие приоритеты национальной безопасности страны[1].

Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» усилил и детализировал значение цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» в качестве одной из национальных целей обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма[2].

Образовательное пространство в вузах является сложной информационно-правовой категорией, структура и границы которой существенно меняются под воздействием цифровизации. Это затрагивает традиционные социальные связи, образовательные процессы и коммуникации. В связи с этим необходима адаптации правового регулирования образовательных отношений, способного учитывать динамичность, неопределенность и многомерность цифрового образовательного пространства. Особое внимание необходимо уделить обеспечению баланса между открытостью образовательных ресурсов и защитой прав субъектов на конфиденциальность сведений ограниченного доступа.

Образовательные учреждения активно внедряют и используют передовые информационные технологии, такие как: виртуальные образовательные среды, платформы дистанционного обучения, облачные хранилища данных, искусственный интеллект и др. Однако вместе с этим возрастают и угрозы: утечки данных субъектов образовательных правоотношений, включая утечку персональных данных обучающихся и сотрудников, кибератаки, направленные на нарушение работы информационных систем и сетей образовательных организаций, распространение недостоверной и вредоносной информации, а также психологические

[1] См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

[2] См.: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

атаки (дезинформация, кибербуллинг, манипулирование сознанием). В условиях цифровой трансформации информационная безопасность образовательного пространства признана одним из приоритетных направлений государственной политики, требующим комплексного международного и национального правового регулирования для системной защиты, и управления рисками.

При анализе современного российского законодательства выявлены:

1. Значительные пробелы, такие как отсутствие единой системной концепции информационной безопасности образовательного пространства, недостаточная конкретизация ответственности субъектов, а также несовершенство механизмов координации между государственными органами и образовательными организациями. Эти проблемы затрудняют эффективную защиту образовательных данных и прав субъектов, что требует законодательного совершенствования и разработки четких нормативных актов.

2. Отсутствие единой методики стандартизации локальных нормативных актов по информационной безопасности в образовательных организациях, а также их неполное соответствие федеральному законодательству. Это снижает эффективность защиты персональных данных, усложняет правоприменительную практику из-за размытости ответственности и отсутствия четких критериев оценки действий при инцидентах информационной безопасности, что увеличивает риски нарушений и негативно сказывается на образовательном процессе и репутации учреждений.

3. Проблема отсутствия четкого распределения ответственности между студентами, преподавателями, администрацией и поставщиками цифровых технологий. Необходима корректировка законодательства по установлению административной ответственности за нарушения в области защиты персональных данных, эксплуатации информационных систем и несоблюдения внутренних политик информационной безопасности, а также уголовной ответственности за умышленные киберпреступления, массовые утечки данных и вредоносное вмешательство в работу образовательных систем. Это будет способствовать формированию культуры информационной безопасности и снижению правовых рисков.

4. Необходимость выделения несовершеннолетних как отдельной уязвимой группы, требующей специализированной защиты от вредоносного информационного воздействия. Нужна разработка мер по приоритетному регулированию обработки их персональных данных, обязательным требованиям к цифровым образовательным платформам по фильтрации контента, созданию механизмов мониторинга и реагирования на инциденты, а также обучению несовершеннолетних и их законных представителей цифровой безопасности. Это позволит обеспечить защиту прав и интересов детей в цифровом образовательном пространстве.

Никишина А. В.,
аспирант кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НОРМАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВОЗРАСТА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Цифровая трансформация общества, сопровождаемая ростом онлайн-активности несовершеннолетних, актуализирует вопросы защиты прав пользователей в интернет-пространстве. Мировой опыт фокусируется на возрастной верификации и установлении правовых барьерах для доступа несовершеннолетних к вредоносному контенту. Исследование зарубежных правовых систем выявляет разнообразие регуляторных подходов, обусловленное культурными, технологическими и правовыми различиями между странами. Однако общей чертой является переход от ретроспективных мер (блокировки запрещенного контента) к превентивному управлению рисками через активное подтверждение возраста. Эффективное ограничение доступа детей к нежелательному цифровому контенту требует комплексных решений, сочетающих законодательство, технологические инструменты и институциональные механизмы.

Так, в Великобритании последние несколько лет выстраивают политику по ужесточению контроля за аккаунтами детей в социальных сетях. 17 марта 2025 г. в Великобритании вступил в силу Закон об онлайн-безопасности (Online Safety Act, OSA[1]), который дополнил Children's Code («Кодекс детства»), сделав акцент на обязанности социальных сетей внедрить новые меры проверки возраста пользователей. Платформы, распространяющие материалы для взрослых (например, порнографические сайты), обязаны внедрять системы проверки возраста. В качестве примера таких технологий называются решения Yoti и Post Office EasyID (приложения для цифровой идентификации), использующие биометрические данные или официальные документы для подтверждения личности. Важным требованием закона является интеграция этих систем с государственной платформой UK Digital Identity and Attributes Trust Framework для обеспечения соответствия стандартам безопасности и минимизации рисков утечки персональных данных.

Итак, можно сделать вывод о том, что британская схема верификации возраста находится на ранней стадии разработки, так как ряд законодательных актов, определяющих, на компании с каким числом пользователей будут возложены дополнительные обязанности, еще находится на стадии законодательной инициативы.

Другой императивный метод регулирования в виде полного запрета использования социальных сетей среди лиц младше шестнадцатилетнего возраста реализован в *Австралии*.

Сенат Австралии 28 ноября 2024 г. одобрил предложенный правительством законопроект о запрете социальных сетей для лиц младше 16 лет. На данном этапе Правительство прорабатывает технологии определения возраста поль-

[1] Online Safety Act 2023 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50 (дата обращения: 18.04.2025).

зователей. Закон обязал внедрить соответствующие технологии, возложив ответственность за разработку и применение систем проверки возраста на технологические компании и администрацию социальных сетей[1].

С целью усиления защиты детей и подростков государства начали использовать технологии искусственного интеллекта. Такие системы помогают предотвратить риски, связанные с нежелательным контентом, и повысить контроль за соблюдением возрастных ограничений. В 2022 г. в *Германии* Комиссия по защите молодежи в медиасфере (KJM) внедрила три алгоритма на основе искусственного интеллекта, анализирующие биометрические данные пользователей для определения их возраста. Эта мера призвана ограничить доступ детей и подростков к контенту, который может нанести вред их здоровью и развитию.

Комиссия одобрила программное обеспечение для «оценки возраста по лицу», «верификацию возраста» и Yoti (приложение для цифровой идентификации). Чтобы минимизировать риск доступа несовершеннолетних к материалам 18+, даже если они выглядят старше своего возраста, система устанавливает повышенный порог: для получения доступа пользователь должен быть идентифицирован как лицо не моложе 23 лет. При этом разработчики подчеркивают, что собранные биометрические данные не подлежат коммерческому использованию.

Некоторые государства, считая подход верификации возраста на каждой отдельной платформе менее эффективным, вводят возрастные ограничения на доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» посредством внедрения детских SIM-карт. Данная инициатива нашла отражение в *Казахстане,* где родителей хотят обязать покупать своим детям специальные SIM-карты, ограничивающие доступ в Интернет[2]. Детские SIM-карты имеют фильтры безопасности, ограничивающие доступ к определенным сайтам и социальным сетям. Такой метод позволяет централизованно ограничивать доступ несовершеннолетних к Интернету, создавая единый механизм регулирования вместо фрагментированной верификации на каждом ресурсе. Детские SIM-карты блокируют доступ к контенту, не соответствующему возрастной категории пользователя, а также позволяют родителям контролировать активность ребенка в сети.

Следует признать, что на сегодняшний день единственной страной в мире, реализовавшей эффективные меры возрастного ограничения несовершеннолетних пользователей, является *Китай.* Контроль над доступом в Интернет является одной из важных составляющих государственной политики Китая, основанной на сбалансированном подходе к развитию информационных технологий и предотвращению потенциальных угроз для национальной безопасности.

В сентябре 2020 г. в КНР вступило в силу решение об ограничении онлайн-игр для несовершеннолетних и о запрете игр во время проведения занятий в школах[3].

---

[1] В Австралии одобрили запрет соцсетей для подростков // URL: https://tass.ru/obschestvo/22525407 (дата обращения: 18.04.2025).

[2] Казахстанских родителей обяжут покупать детские SIM-карты // URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/6470033-kazakhstanskikh-roditeley-obyazhut-pokupat-detskie-SIMkarty.html (дата обращения: 18.04.2025).

[3] China bans men it sees as not masculine enough from TV // URL: https://apnews.com/article/lifestyle-entertainment-business-religion-china (дата обращения: 18.04.2025).

Несовершеннолетние игроки, прошедшие процедуру обязательной аутентификации (персональные данные и возраст пользователя), могут играть до полутора часов в будние дни и не более трех часов в выходные. Если потребитель не достиг рекомендуемого возраста, доступ к игре предоставляется. Эти ограничения установлены в рамках реализации Правил по борьбе с зависимостью несовершеннолетних граждан КНР от видеоигр, опубликованных 5 ноября 2019 г. Государственным управлением печати и массовых коммуникаций КНР (SAPP)[1]. Под ограничения не подпадает использование приложений для образования, сервисов для защиты личной безопасности и вызова экстренных служб, а также программ, сертифицированных в качестве инструментов физического или интеллектуального развития.

1 июня 2021 г. вступили в силу поправки к Закону КНР «О защите несовершеннолетних», усиливающие защиту несовершеннолетних в онлайн-пространстве. Изменения касаются установления обязанности для поставщиков услуг в сети Интернет по внедрению средств для ограничения времени нахождения на интернет-ресурсах. Услуги, предоставляемые в сети Интернет, не должны вызывать зависимость или иным образом наносить вред детям. Опекуны и законные представители несовершеннолетних, и дети, которые подверглись запугиванию, издевательствам или увидели вредный контент, имеют право обращения к поставщикам услуг в сети Интернет для принятия таких мер, как удаление, блокировка или отключение ссылок.

Компания Tencent 5 июля 2021 г. запустила систему распознавания лиц «Полуночный патруль», позволяющую ограничить игровые сессии несовершеннолетних пользователей. Сканирование обязательно во время авторизации на платформе и во время совершения транзакций для покупки внутриигровых предметов[2].

В Китае 26 июля 2024 г. Министерство общественной безопасности управления киберпространством (Cyberspace Administration of China (CAC)) опубликовала меры по управлению государственной службой аутентификации и идентификации в национальной сети[3]. В основе системы определения возраста несовершеннолетних пользователей лежит централизованная система верификации, опирающаяся на государственные базы данных. Главным элементом этой системы является обязательная привязка учетных записей к национальным идентификационным документам. Например, регистрация на платформах онлайн-игр, социальных сетей и других сервисов требует привязки аккаунта к ID-карте — официальному удостоверению личности. Дата рождения, зашифрованная в номере документа, автоматически проверяется системой, что позволяет блокировать доступ несовершеннолетним в установленное время.

Для предотвращения использования аккаунтов взрослых игровые сервисы внедряют случайную повторную аутентификацию во время сессии.

---

[1] China’s minors face new limits on mobile games in war on gaming addiction // South China Morning Post (дата обращения: 18.04.2025).

[2] В Китае запущена система распознавания лиц для слежения за несовершеннолетними геймерами // URL: https://www.securitylab.ru/news/521979.php (дата обращения: 18.04.2025).

[3] Меры по администрированию государственных услуг аутентификации национальной сетевой идентичности // URL: https://database.caixin.com/2024-07-26/102220160.html (дата обращения: 18.04.2025).

В целях обхода блокировок в КНР с 1 февраля 2018 г. операторы связи прекратили предоставление услуг VPN частным лицам и заблокировали доступ к анонимайзерам[1].

Преимущество китайской национальной системы верификации состоит в том, что данные из государственных реестров нельзя изменить или подделать на уровне платформ. Даже если подросток использует VPN, система распознает его возраст через ID-карту.

В Китае также внедрена особая система контроля детских аккаунтов. Пользователям младше 14 лет можно проводить в Douyin (аналог TikTok) только 40 минут в день[2]. Более того, зайти туда можно не раньше 6:00 и не позже 22:00. Определить, что сервис использует именно ребенок, помогает автоматическая система распознавания лиц.

Таким образом, анализ зарубежного законодательства относительно соблюдения процедуры регистрации в социальных сетях и верификации возраста показывает, что страны по-разному подходят к вопросам защиты прав несовершеннолетних в цифровом пространстве. Но при этом в контексте цифровой аутентификации можно выделить три ключевых метода верификации возраста, различающихся по степени надежности, сложности реализации и соответствию правовым требованиям:

1. Пользователь самостоятельно указывает на платформе свой возраст в регистрационной форме без предоставления подтверждающих данных.

2. Биометрическая и поведенческая верификация на основе ИИ: система распознавания лиц, акустический анализ голоса, паттерны поведения в сети, семантический анализ текстовых сообщений.

3. Посредством идентификатора: подтверждение возраста через документ, удостоверяющий личность.

Выбор метода верификации зависит от риск-ориентированного подхода с учетом текущей модели правового регулирования цифровой среды в государстве.

Тем не менее можно выделить основные направления верификации возраста пользователей[3]:

1) запрет детям до определенного возраста создавать аккаунт в социальной сети;
2) регистрация аккаунта ребенка до определенного возраста только при наличии согласия родителей (законных представителей) и представления ими информации о себе (персональных данных);
3) верификация возраста пользователей при посещении сайтов по определенным идентификаторам, в том числе по паспорту;
4) ограничение времени пребывания на интернет-площадках;
5) использование системы распознавания лиц, включая биометрическую идентификацию;
6) использование цифровых технологий, включая искусственный интеллект, позволяющих по поведению на платформе установить возраст владельца аккаунта.

---

[1] *Федоров А. П.* Об опыте Китая по противодействию манипуляционным технологиям в социальных сетях Интернета // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2.

[2] СМИ: китайский аналог TikTok ограничит доступ детям до 14 лет 40 минутами в день // URL: https://tass.ru/obschestvo/12457497 (дата обращения: 18.04.2025).

[3] Экспертно-аналитическое исследование проблем противодействия деструктивному контенту / Институт правового анализа проблем информационной и медиабезопасности. М., 2024.

Огнева К. О.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ: К ДЕСЯТИЛЕТИЮ КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблемы защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций всегда приковывали пристальное внимание со стороны ученых и юристов-практиков, являясь предметом исследования в различных аспектах: как с точки зрения материального, так и процессуального права. При этом особый интерес юристов вызывали вопросы защиты прав «слабой» стороны в спорах с органами и организациями, наделенными публичными полномочиями. Всё это привело к тому, что в 2015 г. был принят и введен в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ, Кодекс), ставший логическим итогом развития процессуальной мысли в области защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в спорах с властью.

В этом году Кодекс празднует свой первый юбилей. В рамках магистральной темы обсуждения попробуем проанализировать накопленный опыт и очертить возможные векторы дальнейшего совершенствования процессуальных норм. В этой связи особое внимание хотелось бы уделить защите электоральных прав граждан.

Специфика избирательных отношений обуславливает установление особых процессуальных правил и механизмов, применяемых при рассмотрении судами дел о защите избирательных прав.

Несмотря на то что большинство процессуальных вопросов нашло свое разрешение в нормах КАС РФ, некоторые из них до сих пор сохраняют свою актуальность.

Прежде всего хотелось бы заострить внимание на требованиях, предъявляемых к субъекту права на обращение в суд, а также на сроках для защиты нарушенного электорального права в судебном порядке.

В зависимости от вида избирательного конфликта и от статуса лица, обращающегося с административным иском, закон наделят участников избирательных правоотношений разными возможностями по защите избирательных прав (статья 239 Кодекса).

Например, наблюдатели вправе оспаривать в суде решения, действия (бездействие) органов публичной власти, избирательных комиссий, должностных лиц только в той мере, в которой это связано с осуществлением наблюдателями своих полномочий.

Вместе с тем наблюдатель, одновременно являющийся избирателем, не лишен права защищать свое активное избирательное право в случаях и в порядке, установленными законом (часть 16 статьи 239 КАС РФ).

Общее правило о недопустимости отказа в принятии административного искового заявления о защите избирательных прав сформулировано в пункте 1

статьи 78 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях избирательных прав, Федеральный закон № 67-ФЗ).

В этой связи может закономерно возникнуть вопрос о том, возможен ли отказ в принятии административного иска лица, явно не имеющего права на обращение в суд? Тем более что Кодекс не содержит специального основания для отказа в принятии административного иска по данной категории дел, а из буквального толкования пункта 2 части 1 статьи 128 КАС РФ следует, что отказать в принятии можно только в случае не предусмотренного законом обращения в интересах других лиц.

На данный вопрос дал ответ Пленум Верховного Суда РФ, разъяснив, что «если такое административное исковое заявление подано лицом, не имеющим права на его подачу, в том числе лицом, признанным судом недееспособным либо содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда, то в принятии этого заявления должно быть отказано (пункты 2, 5 части 1 статьи 128 КАС РФ)»[1]. Исходя из этого, конкретный перечень лиц, наделенных правом обратиться в суд с административным иском, установлен в главе 24 Кодекса. Этот перечень является исчерпывающим и не может толковаться расширительно.

Данный подход находит отражение в судебной практике. Например, постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее — ЦИК России) от 29.01.2024 В. В. Путин зарегистрирован кандидатом на должность Президента РФ на выборах, назначенных постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 07.12.2023 № 678-СФ на 17 марта 2024 г.

В январе — феврале 2024 г. П. С. Саркисян обратился в ЦИК России с заявлениями о незаконном сборе подписей в поддержку выдвижения кандидата В. В. Путина, указав ссылки на публикации, размещенные в социальных сетях, подтверждающие, по его мнению, названные факты. Четыре заявления были перенаправлены в Московскую городскую избирательную комиссию.

Письмами от 26 января, 16 и 22 февраля, от 07.03.2024 Московская городская избирательная комиссия сообщила П. С. Саркисяну, что нарушений избирательного законодательства из содержания его обращений не усматривается.

П. С. Саркисян обратился в суд с административным иском об оспаривании данных ответов, о признании незаконными действий (бездействия) административного ответчика в связи с ненадлежащим рассмотрением его обращений, просил в судебном порядке провести проверку материалов по публикациям.

Определением судьи районного суда административный иск возвращен ввиду неподсудности заявленных требований суду субъекта Российской Федерации.

Апелляционным определением данное определение отменено, в принятии административного иска отказано на основании пунктов 2, 5 части 1 статьи 128 и части 1 статьи 239 КАС РФ.

---

[1] Пункт 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Оставляя в силе апелляционное определение, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отметила, что, определяя в статье 239 КАС РФ круг лиц, имеющих право на обращение в суд за защитой избирательных прав, законодатель установил, что избиратели вправе оспаривать решения, действия (бездействие) избирательной комиссии, нарушающие избирательные права этих граждан (часть 1), указав в части 10 и 11 иных субъектов избирательной кампании, имеющих право оспаривать решение о регистрации кандидата или его регистрацию.

Из содержания административного иска усматривается, что П. С. Саркисян, оспаривая действия (бездействие) Московской городской избирательной комиссии, выразившиеся, по его мнению, в ненадлежащем рассмотрении его обращений, касающихся нарушений избирательного законодательства, связанных с агитацией и сбором подписей в поддержку выдвижения кандидата, фактически ставит вопрос о незаконности регистрации В. В. Путина кандидатом в Президенты Российской Федерации.

Поскольку оспариваемые П. С. Саркисяном ответы и действия (бездействие) Московской городской избирательной комиссии не касаются реализации им активного избирательного права, непосредственно права избирателя не затрагивают, препятствий к их осуществлению либо восстановлению не создают, ни процессуальный закон, ни Закон об основных гарантиях избирательных прав, ни Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» не предоставляют право избирателю оспаривать решение избирательной комиссии о регистрации кандидата, суд апелляционной инстанции правильно указал на отсутствие правовых оснований для принятия требований П. С. Саркисяна к производству суда. С учетом этого апелляционное определение является законным и обоснованным[1].

Полагаем, что, если отсутствие у административного истца права на обращение в суд было установлено в ходе рассмотрения дела, когда имело место ошибочное принятие административного иска к производству суда, данное обстоятельство должно также служить основанием для прекращения производства по делу *и найти прямое закрепление в тексте закона*.

Следующим важным вопросом при реализации права на защиту избирательных прав *является соблюдение срока на обращение в суд*.

Специфика отношений, связанных с защитой избирательных прав, обусловлена стадийностью и скоротечностью избирательного процесса, в связи с чем промедление в совершении каких-либо действий может влечь за собой отказ в защите права[2]. И если по общему правилу, установленному статьей 95 КАС РФ, пропущенный по уважительной причине процессуальный срок может быть восстановлен при наличии соответствующего ходатайства, то по делам о защите избирательных прав, напротив, срок может быть пресекательным и его истечение может влечь невозможность восстановления нарушенного права (пункт 3 статьи 78 Федерального закона № 67-ФЗ, части 7 и 8 статьи 240 КАС РФ).

---

[1] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.10.2024 № 5-ИКАД24-4-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Огнева К. О.* Отдельные процессуальные аспекты рассмотрения дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9. С. 288.

Например, постановлением избирательной комиссии Оренбургской области от 13.07.2021 № 15/110-7 (далее — постановление № 15/110-7) отказано в заверении списка кандидатов по одномандатным избирательным округам, выдвинутого избирательным объединением.

Избирательное объединение, считая указанное постановление неправомерным, отправило почтой 23 июля 2021 г. в 20 ч. 57 мин. соответствующее административное исковое заявление, которое поступило в Оренбургский областной суд 26 июля 2021 г.

Решением Оренбургского областного суда от 02.08.2021 постановление № 15/110-7 признано незаконным и отменено.

Судом апелляционной инстанции данное решение отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении требований избирательного объединения отказано в связи с пропуском административным истцом срока для обращения в суд, установленного частью 4 статьи 240 КАС РФ.

При рассмотрении кассационной жалобы избирательного объединения Верховный Суд РФ указал, что административный иск об оспаривании постановления № 15/111-7, принятого 13 июля 2021 г. и врученного в этот же день представителю избирательного объединения, считается поданным в срок при условии его поступления в суд не позднее 23 июля 2021 г.

Между тем, как следует из материалов дела и не оспаривается избирательным объединением, административный иск направлен в суд почтовым отправлением, сданным на почту в последний день истечения процессуального десятидневного срока — 23 июля 2021 г., поступил в суд 26 июля 2021 г.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о пропуске административным истцом не подлежащего восстановлению ни при каких условиях срока обращения в суд с требованием о признании незаконным и об отмене решения об отказе в заверении списка кандидатов признан правильным[1].

Что касается иных сроков обращения в суд за защитой избирательных прав, то возможность их восстановления должна в каждом конкретном случае обсуждаться судом, в том числе по его инициативе (пункт 7 статьи 6, статья 95 КАС РФ)[2].

Например, отсутствие у лица, победившего на выборах, пассивного избирательного права должно влечь безусловную отмену решения о результатах выборов независимо от того, был ли соблюден срок обращения с таким административным иском[3].

В заключение необходимо подчеркнуть, что условия, предъявляемые к лицу, обращающемуся в суд для защиты своих избирательных прав, и сроки для такого обращения, являются ключевыми аспектами обеспечения судебной защиты электоральных прав. Некоторые нормы, определяющие основания для прекращения дела и статус административного истца в данной категории дел, указывают на потребность в дополнительной законодательной проработке.

---

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 15.10.2021 № 47-ИКАД21-4-А4.

[2] Пункт 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 31.08.2022 № 20-КАД22-1-К5 // СПС «КонсультантПлюс».

Озов А. А.,
аспирант кафедры
административного права и процесса
имени Л.Л. Попова
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

О СТРУКТУРЕ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Право на высшее образование является одним из важнейших социально-экономических прав. От того, насколько полно оно реализуется, зависит уровень образования российских граждан, размер их заработной платы, а также научный потенциал Российской Федерации, ее научно-технологическое развитие. К сожалению, право на высшее образование нередко нарушается. Думается, что это обусловливается рядом факторов, в том числе тем, что в юридической доктрине недостаточно изучены составные части (элементы) права на высшее образование, из-за чего и законодатель, и правоприменитель «видят» нарушения лишь некоторых частей данного права. Ввиду этого исследование структуры права на высшее образование представляется крайне актуальной научной задачей.

В части 1 ст. 43 Конституции Российской Федерации провозглашается, что каждый имеет право на образование[1]. В части 2 ст. 10 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) устанавливается, что образование подразделяется на общее образование, профессиональное образование, дополнительное образование и профессиональное обучение[2]. Получается, что и право на образование делится на право на общее образование, право на профессиональное образование, право на дополнительное образование и право на профессиональное обучение.

Ученые-правоведы обычно дают содержательно сходные классификации права на образование. Так, Н. П. Демидова утверждает, что структура права на образование состоит из нескольких элементов:

— право на дошкольное образование;
— право на школьное образование;
— право на профессиональное образование;
— право на дополнительное образование[3].

В части 5 ст. 10 Закона об образовании называются следующие уровни профессионального образования:

1) среднее профессиональное образование;
2) высшее образование — бакалавриат;
3) высшее образование — специалитет, магистратура;
4) высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации[4].

---

[1] Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001 (дата обращения: 20.01.2025).

[2] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

[3] См.: *Демидова Н. П.* К вопросу о структуре права на образование (теоретико-эмпирический аспект) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3 (86). С. 54.

[4] СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

Данная классификация видится нам весьма удачной, если не принимать во внимание тот факт, что специалитет и магистратура объединены в рамках одного уровня высшего (профессионального) образования. Считаем, что специалитет и магистратура являются разными уровнями высшего образования.

Исходя из уровней профессионального образования, закрепленных в Законе об образовании, В. И. Шкатулла отмечает, что право на высшее образование включает в себя несколько прав еще более низкого порядка:

1) право на высшее профессиональное образование с присвоением квалификации «бакалавр»;
2) право на высшее профессиональное образование с присвоением квалификации «специалист»;
3) право на высшее профессиональное образование с присвоением квалификации «магистр»;
4) право на второе высшее профессиональное образование по программам переподготовки специалистов;
5) право на освоение программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программ ординатуры, программ ассистентуры-стажировки[1].

В свою очередь, каждое из означенных прав состоит из множества правомочий, которые закреплены в нормативных правовых актах, регулирующих общественные отношения, связанные с реализацией этих прав[2].

По нашему мнению, предложенная ученым структура права на высшее образование в целом является верной. Мы поддерживаем разделение права на высшее образование в специалитете и магистратуре. Однако не вполне понятно, по какой причине право на второе высшее профессиональное образование выделяется отдельно. Ведь из буквы закона не следует, что второе высшее образование — это отдельный уровень образования. А с практической точки зрения, конечно, некоторая разница между получением первого и второго высшего образования имеется. Но она имеется и между получением второго высшего образования в бакалавриате и второго высшего образования в магистратуре. Поэтому если руководствоваться данной логикой, то необходимо обособлять не пять, а восемь прав, входящих в качестве структурных элементов в право на высшее образование.

Если же в классификации исследователя идет речь о профессиональной переподготовке, то не ясно, в связи с чем она отнесена именно к высшему образованию. Согласно ст. 10, 69 и 76 Закона об образовании, профессиональная переподготовка представляет собой разновидность дополнительного профессионального образования, а не высшего профессионального образования[3].

Полагаем, что право на высшее образование в Российской Федерации распадается на следующие права:

1) право на высшее профессиональное образование (уровень бакалавриата);
2) право на высшее профессиональное образование (уровень магистратуры);
3) право на высшее профессиональное образование (уровень специалитета);
4) право на высшее профессиональное образование (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

---

[1] См.: *Шкатулла В. И.* Образовательное право России : учебник. М., 2015. С. 169, 186–187.

[2] См.: *Шкатулла В. И.* Указ. соч. С. 187.

[3] СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

При этом каждое из выделенных нами прав охватывает собой второе и последующее (третье, четвертое, пятое и т.д.) высшее профессиональное образование.

Кроме того, каждое право действительно подразделяется на ряд соответствующих правомочий. В теории права традиционно называются такие правомочия (общие правомочия), как правомочие на собственные действия, правомочие требования и правомочие в виде притязания[1]. Но применительно к праву на высшее образование каждое из этих правомочий может разбиваться на различные конкретные правомочия. Например, абитуриент вправе подать документы, необходимые для поступления, в организацию, осуществляющую образовательную деятельность. Это — общее правомочие на собственные действия, причем одно из многих правомочий на собственные действия в сфере высшего образования. Указанные документы (за некоторыми исключениями) абитуриент может подать при личном визите в образовательную организацию, посредством почтового направления или в электронном виде. Здесь уже говорится о конкретных правомочиях, из которых состоит правомочие на собственные действия по подаче документов в образовательные организации. Конкретных правомочий, как правило, больше, чем общих правомочий, поскольку они являются наименее абстрактными и распространяются на все разнообразие законных действий в сфере общего образования.

Таким образом, на основании проведенного нами анализа (изучения отдельных частей (элементов) права на образование и права на высшее образование) выстраивается следующая последовательность прав и правомочий в сфере высшего образования: *право на образование — право на высшее образование — право на высшее образование определенного уровня — общие правомочия, связанные с реализацией права на высшее образование определенного уровня — конкретные правомочия, связанные с реализацией права на высшее образование определенного уровня.*

При защите (охране) права на высшее образование должны учитываться все входящие в него правомочия — и общие, и конкретные. К сожалению, законодатель практически никогда не дает их исчерпывающего перечня, предпочитая ограничиваться общим запретом. Например, в ст. 5.57 КоАП РФ используется формулировка «нарушение права на образование и предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся образовательных организаций»[2], из которой нельзя однозначно понять, какие именно правомочия имеются в виду. Значит, их полное определение должны выработать юридическая наука и правоприменительная практика. Пока этого не сделано, сотрудники образовательных организаций могут безнаказанно нарушать некоторые права (правомочия) граждан в сфере образования.

[1] См.: *Фарои Т. В., Полыко Д. В.* Правовые отношения : учебное пособие. Краснодар, 2016. С. 45–46.

[2] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

Панова А. С.,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского
и корпоративного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

SMART-СТАНДАРТИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Впервые о необходимости разработки машиночитаемых стандартов (позднее их начали обозначать термином SMART (в пер. с англ. — умный) было сказано в рамках 41-й Генеральной Ассамблеи Международной организации по стандартизации (ИСО), состоявшейся в октябре 2018 г. Одним из главных событий 41-й Генеральной Ассамблеи ИСО стало заседание Технического руководящего бюро ИСО, по итогам которого была учреждена Стратегическая консультативная группа по машиночитаемым стандартам (*Strategic Advisory Group on Machine Readable standards*)[1]. Перед группой был поставлен ряд задач:

— разработка единого понятийного аппарата в области машиночитаемых стандартов;
— разработка дорожной карты создания и развития в ИСО машиночитаемых стандартов;
— определение областей и направлений, приоритетных для развития международных стандартов в машиночитаемом формате;
— разработка рекомендаций по внедрению машиночитаемых стандартов для технических комитетов по стандартизации;
— включение мероприятий по развитию стандартизации в машиночитаемом формате в Стратегический план развития ИСО[2].

Задачи Стратегической консультативной группы по машиночитаемым стандартам и в целом концепция развития таких стандартов основываются на том, что по мере развития технологий будут меняться способы ведения бизнеса. В ближайшем будущем десятки миллиардов интеллектуальных устройств будут собирать, анализировать и обмениваться данными, чтобы продукция и услуги могли лучше удовлетворять потребности граждан, обществ и экономик.

Стандарты, действующие сегодня, ориентированы на людей как основных пользователей. Хотя стандарты и могут быть прочитаны компьютерами, они не могут быть полностью обработаны машинами. Следующее поколение стандартов будет предоставлять адаптированный и актуальный контент в нужное время соответствующим пользователям — будь то люди, компьютеры, сложные

[1] URL: https://www.rctest.ru/news/itogi-41-y-generalnoy-assamblei-mezhdunarodnoy-organizatsii-po-standartizatsii-iso.html (дата обращения: 22.11.2024).

[2] URL: https://news.metrologu.ru/standartizatsiya/standartizatsiya_5571.html (дата обращения: 22.11.2024).

машины или небольшие интеллектуальные устройства. Стандарты будут встроены в цепочки поставок продукции, начиная с этапов разработки продукции[1].

Стратегическая консультативная группа ИСО по машиночитаемым стандартам предложила *градацию цифровой зрелости стандартов* по пяти уровням:

— *0 уровень* цифровой зрелости стандартов: стандарты на бумажных носителях, *txt;*
— *1 уровень* цифровой зрелости стандартов: открытый цифровой формат, *pdf* (предполагает систему публикации утвержденных стандартов);
— *2 уровень* цифровой зрелости стандартов: машиночитаемый документ, *xml* (предполагает работу информационных справочных систем, реализующих пользовательские сервисы);
— *3 уровень* цифровой зрелости стандартов *(машиночитаемое содержание)* (предполагает детальное логическое описание документов до уровня требований, отражение жизненного цикла нормативной и технической документации);
— *4 уровень* цифровой зрелости стандартов: *SMART-стандарты* (предусматривает функционирование этих стандартов в рамках систем управления требованиями, тесно интегрированными с CAD/CAM-, PLM/PDM-системами, системами на основе BIM-технологий. Такие системы содержат стандарты в виде контейнеров текстовых, графических, числовых структур, цифровых моделей, контролируют выполнение требований стандартов)[2].

Следует отметить, что «оцифрованный» и «цифровой» стандарт — это не одно и то же. *Оцифрованным документом* является, например, любой чертеж, созданный в системе CAD, документ, написанный в MS Word, отсканированный стандарт на создание какой-либо продукции. *Цифровой стандарт* предполагает не просто перенос информации с аналогового носителя на электронный, но изменение характера такой информации и способов ее использования. Цифровой стандарт должен работать в среде высоко функциональных сервисов, позволяющих создавать объекты быстрее и качественнее[3].

В РФ официально история SMART-стандартизации началась в июле 2021 г., когда был образован профильный проектный технический комитет «Умные (SMART) стандарты» (ПТК 711) (далее — ТК)[4]. За ТК закреплены такие объекты стандартизации, в соответствии с кодами Общероссийского классификатора стандартов (ОКС), как техническая документация на продукцию; информационные технологии (ИТ) в целом; безопасность ИТ; наборы знаков и кодирование информации; программное обеспечение; применение информационных технологий[5].

В настоящее время специальным правовым актом в области SMART-стандартизации в России, задающим концептуальные основы в этой сфере, выступает Предварительный национальный стандарт ПНСТ 864-2023 «Умные (SMART)

---

1 URL: https://www.iso.org/smart (дата обращения: 22.11.2024).

2 *Дмитриева С.* Основные принципы разработки умных (SMART) стандартов // Стандарты и качество. 2021. № 12. С. 23.

3 См. подробнее: URL: https://blog.fondsmena.ru/?p=4553 (дата обращения: 22.11.2024).

4 *Дмитриева С., Кубишин О., Керимова В.* Архитектура и форматы данных в SMART-стандартах: введение // Стандарты и качество. 2024. № 3.

5 URL: https://www.gostinfo.ru/pages/Standardization/ptk711 (дата обращения: 22.11.2024).

стандарты. Общие положения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.10.2023 № 41-пнст, вступил в силу с 1 февраля 2024 г.) (далее — ПНСТ 864-2023)[1]. Разработка концептуальных основ SMART-стандартизации в РФ продолжается. Подчеркнем, что SMART-стандарты предназначены прежде всего для использования крупными субъектами промышленного предпринимательства, поскольку их деятельность носит производственный характер, в процессе такой деятельности применяется промышленное оборудование, могут использоваться сложные технологии. Например, в рамках стратегического направления в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности предусматривается реализация межотраслевого проекта «Цифровой инжиниринг», одной из задач этого проекта является разработка умных стандартов (SMART-стандартов)[2].

Согласно ПНСТ 864-2023, SMART-стандарт представляет собой совокупность данных, содержащихся в документе по стандартизации, представленных в машиночитаемом, машиноинтерпретируемом и машинопонимаемом форматах[3]. Согласно этому же стандарту (ПНСТ 864-2023) SMART-стандарт является объектом информационной системы и представляет собой контейнер структурированных и неструктурированных данных, полученных в результате обработки автоматизированными средствами[4]. Таким образом, SMART-стандарты являются *стандартами* в виде *баз данных*, *моделей* и т.д., ключевым потребителем которых выступает информационная система[5].

Специфика SMART-стандарта выражается в присущей ему информационной структуре, функционировании в особой информационной среде, которая включает в себя несколько типов информационных систем.

Вместе с тем имеются некоторые различия между российским подходом к пониманию SMART-стандарта и позицией ИСО. По мнению отечественных специалистов, отказываться от человекоориентированного содержимого стандарта (например, от текста в общепринятых форматах) даже на 4-м уровне цифровой зрелости стандартов (если опираться на градацию цифровой зрелости стандартов, предложенную ИСО) нецелесообразно. Поскольку, *во-первых,* помимо стадии применения стандарта, которую могут полностью осуществлять машины, существуют и другие этапы жизненного цикла документа. *Во-вторых,* процессы разработки, обсуждения, согласования, подписания, введения в действие, актуализации документа по стандартизации практически невозможны без дублирования машинопонимаемого содержимого стандарта в человекочитаемой форме. В этой связи в ПНСТ 864-2023 зафиксировано наличие в SMART-стандартах информации разного уровня цифровой зрелости. Вместе с тем содержательно эти два подхода не противоречат друг другу: цифровую зрелость стандарта в

---

1 М. : Российский институт стандартизации, 2023.

2 Распоряжение Правительства РФ от 07.11.2023 № 3113-р (с изм. от 21.10.2024) «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности» // СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8278.

3 П. 3.17 ПНСТ 864-2023.

4 П. 5.2 ПНСТ 864-2023.

5 URL: https://kachestvo.pro/kachestvo-produktsii/standartizatsiya/smart-standarty/ (дата обращения: 21.07.2024).

большей степени определяют не конкретные форматы данных, а то, что можно с ними сделать при помощи программных средств обработки[1].

Отметим, что внедрение SMART-стандартов в производственные процессы промышленных предприятий будет открывать эпоху цифрового промышленного предпринимательства в наиболее зрелом ее виде, содействовать предприятиям в достижении трех типов ценностей:

— повышение производительности;
— устранение риска ошибок при проектировании и производстве продукции;
— увеличение прибыли.

Появление стандартов формата Smart, применимых к машинам, читаемых и передаваемых машинами характеризует стремление государства и бизнеса создать новый класс стандартов, которые могут потребляться машинами без помощи человека, или, по крайней мере с меньшей помощью. SMART-стандарты будут представлять собой продукт в форме программного обеспечения, а не в виде документов. Изменение формата стандартов повлечет изменение способов их использования в промышленном производстве.

Постоянный рост сложности продукции заставляет производителей использовать большее количество стандартов, при этом и сами стандарты становятся всё более многоплановыми. Промышленным предприятиям нужны решения для работы с такой степенью сложности, и они полагают, что ответ лежит в цифровизации.

Предприятия, широко использующие при производстве продукции стандарты, осознают, что интеграция стандартов в их собственные промышленные процессы повышает эффективность их деятельности, делает их продукцию более безопасной и надежной. Осознание необходимости такой интеграции промышленности и стандартов создает запрос на цифровые стандарты.

Шельменков В. Н.,
эксперт отдела научно-правового консалтинга
Научно-исследовательского института,
старший преподаватель кафедры
информационного права
и цифровых технологий Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Сегодня наблюдается весьма быстрые изменения в глобальной экономике, ее ориентация на развитие высокотехнологичной продукции, применение новых методов ведения бизнеса с использованием информационных систем. Последние тенденции присущи не только развитым странам, десятилетиями развивавшимся в данном направлении, но и для развивающихся стран, которые в последнее время также переориентировали государственную экономическую

[1] См. об этом подробнее: *Денисова О.*, *Дмитриева С.* Стандарт на SMART-стандарт: документ в деталях // Стандарты и качество. 2023. № 10.

политику на инновационный путь развития. Что касается российской экономики, существует серьезное отставание в этом плане не только от развитых стран, но и развивающихся, которые обгоняют Россию уже по многим показателям, перечисленным в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р[1].

В современной российской экономике продолжается процесс сложных институциональных изменений, связанных в том числе с переходом на инновационный путь развития. Переход развитых стран к формированию новой технологической базы экономических систем происходит на основе использования новейших достижений в области биотехнологий, информатики и нанотехнологий в рамках создаваемой для этого инфраструктуры. Активность инновационной деятельности во многом определяет национальной экономики. При глобальной экономической конкуренции приоритет получают те страны, которые обеспечивают благоприятные условия для такой деятельности.

Общие начала стратегии в той или иной сфере отражаются государством в политических и юридических документах, они фиксируют собственную деятельность государства как организатора и активного участника осуществления инновационной политики. Еще в письме от 30.03.2002 № Пр-576 «Основы государственной политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что целью государственной политики в области развития науки и технологий является переход к инновационному пути развития страны на основе избранных приоритетов. В письме определялись основные задачи, которые должны быть решены для достижения цели государственной политики в области развития науки и технологий. Среди них — создание и развитие объектов инновационной инфраструктуры (инновационно-технологические центры, технопарки и т.п.), сети организаций по оказанию консалтинговых услуг в области инновационной деятельности, содействие созданию и развитию в научно-технической сфере малых инновационных предприятий, специальных бирж интеллектуальной собственности и научно-технических услуг[2].

Наряду с Основами государственной политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утверждены Президентом РФ 11 января 2012 г.) и Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (распоряжение Правительства РФ № 2227-р от 08.12.2011) долгосрочный прогноз научно-технологического развития России является одним из ключевых инструментов управления экономическим и научно-техническим прогрессом страны. Основная задача этого прогноза — разработка вариантов долгосрочного научно-технологического развития, на основе которых формируются позиции России в

[1] СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 216.

[2] Технопарки в инфраструктуре инновационного развития : монография / В. И. Лафитский, Л. К. Терещенко, Т. А. Едкова [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2014.

международной научно-технической кооперации и определяются необходимые меры для укрепления национальной инновационной системы[1].

Среднесрочные и долгосрочные технологические планы служат основой для составления перечней критически важных и приоритетных технологий, которые утверждаются Правительством РФ или соответствующими уполномоченными органами. Эти планы также лежат в основе иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы технологической политики, а также программ инновационного развития организаций с государственным участием[2].

Исследования юридической доктрины указывают на некоторые проблемы в развитии инновационной деятельности. Ю. В. Леднева считает, что «отсутствует системный подход к проблеме поддержки научной и инновационной деятельности, а также недостаточная эффективность в реализации задач, которые нуждаются в совершенствовании»[3].

В своей работе профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, Г. Д. Отнюкова обращает внимание, что «стратегические документы ориентируют на развитие инновационной деятельности предприятий промышленного производства»[4]. Ранее уделялось недостаточное внимание к решению задач по поддержке инновационной активности промышленных предприятий, спрос на которых сам по себе невозможен ввиду высокой стоимости разработок новых технологий и продукции. В настоящее время ключевой проблемой является именно низкий спрос на инновации в Российской экономике, а также неэффективная структура — многие предприниматели предпочитают закупать готовое оборудование за рубежом в ущерб внедрению собственных новых разработок.

В Стратегических документах Российской Федерации отмечается, что ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций. Уровень инновационной активности предприятий значительно уступает показателям стран — лидеров в этой сфере. Исследования рынка новых технологий показали, что российские компании тратят на инновации значительно меньше средств, чем их зарубежные конкуренты в соответствующих секторах.

По результатам исследования научных работ и правовой базы регулирование отношений в области инновационной деятельности в России, можно сделать вывод, что до настоящего момента четкой стратегии комплексного системного регулирования инновационной деятельности на уровне государства:

1) отсутствует нормативная база, регулирующая вопросы внедрения в производство инноваций, стимулирования самостоятельного развития инновационной деятельности хозяйствующих субъектов;

---

[1] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2025).

[2] Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8533.

[3] *Леднева Ю. В.* Стимулирование научной и инновационной деятельности посредством налоговых преференций // Финансовое право. 2021. № 8. С. 27–31.

[4] *Отнюкова Г. Д.* Понятие и признаки инновационной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 1.

2) в законодательной базе наблюдается перекос в сторону публично-правового по сравнению с частноправовым аспектом регулирования, что обуславливается реалиями российской экономики в отсутствие рыночных стимулов для самостоятельного создания и продвижения инноваций хозяйствующими субъектами;
3) не уделяется внимание развитию нефинансовых форм государственной поддержки, таких как:

— развитие кадрового потенциала путем предоставления доступного образования и поддержки научной деятельности;
— развитие института защиты интеллектуальной деятельности;
— информационная прозрачность в области предоставления форм поддержки инновационной деятельности;
— разработка и поддержание информационной системы, обеспечивающей связь между научно-исследовательскими институтами и промышленными предприятиями.

Государственная политика, связанная с регулированием инновационной деятельности, в целом носит бессистемный, декларативный характер, отсутствуют действенные механизмы стимулирования самостоятельного развития научно-технологического потенциала исследовательских институтов и промышленных предприятий, а также их взаимодействия и обмена опытом. Это свидетельствует, о том, что промышленность не заинтересована в самостоятельном развитии дорогостоящих инноваций, а научно-исследовательские институты чаще направляют свое внимание на фундаментальные научные разработки, только 2–3 % зарегистрированных патентов достигают коммерциализации.

Нуждаются в дальнейшем развитии и систематизации подходы к решению таких проблем правового регулирования инновационной деятельности, как определение перечня субъектов инновационной деятельности, их прав и обязанностей. Немаловажное значение имеет изучение механизма комплексной государственной поддержки инноваций и их самостоятельного развития субъектами инновационной деятельности.

Автор данной работы придерживается мнения, что на данном этапе развития российской инновационной системы важное значение необходимо уделять развитию институтов и механизмов (административных, образовательных, экономических, правовых) регулировании инновационной деятельности.

Правовые нормы должны определять цели, методологию, условия и сроки формирования перечней приоритетных направлений, а также мероприятия по их реализации в рамках комплексных инновационных проектов.

Абросимова Е. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры инновационной юриспруденции
и информационного права,
доцент кафедры МЧиГП имени С.Н. Лебедева
МГИМО МИД России

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Большая часть людей в развитых странах сейчас наполовину живет и работает в цифровом пространстве. Наряду с этим, происходит коммерциализация онлайн-среды, пространство сети Интернет используется различными способами для извлечения прибыли, в производство и коммерческую деятельность (как и во многие другие сферы жизни) внедряется искусственный интеллект. В таких условиях необходима проработка имеющегося регулирования на предмет корректировки и/или устранения устаревших законодательных подходов к цифровой форме отношений, если они не соотносятся с актуальными технологиями.

В настоящий момент ведутся активные дискуссии, касающиеся допустимости обратного (реверсивного) инжиниринга[1]. Обратный инжиниринг — это «исследование объекта техники с целью получения всей необходимой технической информации о нем: принципы работы, конструктивные особенности, взаимосвязь между элементами, способы производства и т.д.»[2]. Одна из актуальных проблем связана с тем, что современные технологии, включая ИИ, способны в разы упростить и ускорить этот процесс. Если раньше одним из оправдательных механизмов для обратного инжиниринга служил довод о том, что выяснение сути изобретения также требует интеллектуальных усилий, то сейчас все интеллектуальные усилия переложены на интеллект искусственный, что делает процесс механическим. Данная механика выяснения сути охраноспособного объекта также применима и для программ для ЭВМ. По сути, можно выделить три современных ситуации с обратным инжинирингом и вовлечением программ: «ручное» выявление существа программного продукта, программное выявление существа материальных охраноспособных объектов (например, изобретений), программное выявление сущности программных продуктов. В отношении первого и, условно, третьего российский законодатель допускает подобные действия до определенного предела (п. 2 ст. 1280 ГК РФ) — только для того, чтобы адаптировать программное обеспечение к своему устройству. Однако фактически отследить установленные пределы практически невозможно, тем более что специфика создания программ для ЭВМ, в отличие от большинства других охраняемых объектов права ИС заключается в том, что все они до определенной степени производны, используя элементы рабочего исходного кода из иных программ — зачем изобретать велосипед, если есть работоспособный написанный релевантным кодом элемент с требуемым функ-

[1] *Лю К. Е.* Реверсный инжиниринг: нарушение прав или развитие технологий? // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32932/1/pz_2015_02_07.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

[2] Telegra: Реинжиниринг (обратный инжиниринг) // Официальный сайт Роспатента. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/telegra-20220809 (дата обращения: 20.03.2025).

ционалом. Дело Мамичева[1] в целом подтверждает эту позицию и допустимость такой переработки, однако КС РФ подчеркнул, что всё же допустимость использования чужого программного кода зависит от условий лицензии. В связи с этим косвенное допущение обратного инжиниринга и создание «серой зоны» относительно пределов этой деятельности фактически обесценивает охрану программ для ЭВМ. Вторая связанная с обратным инжинирингом проблема касается суждения об эффективности этого механизма для целей импортозамещения[2]. Если обращаться к возможности реинжиниринга иностранных объектов права интеллектуальной собственности и допускать патентование полученного результата, то это фактически не впишется в имеющуюся в России систему права интеллектуальной собственности, открыв простор для многочисленных нарушений прав уже российских правообладателей. В этом контексте механизм принудительного лицензирования представляется более эффективным и вписывающимся в парадигму защиты прав правообладателей.

Второй проблемный вопрос — это вопрос охраны и оценки таких важных нематериальных активов предпринимателей, как программы для ЭВМ и сайты. На программах для ЭВМ не будем останавливаться подробно, лишь укажем, что одной из основных проблем на данный момент, помимо уже упомянутого неизбежно производного характера и охраны в качестве литературного произведения (что не соотносится с правовой природой программ), является их смешанный статус. Речь идет о ситуациях, когда программа создается как единый продукт совместно работниками и исполнителями по гражданско-правовому договору. При этом программа лишь отчасти подпадает под режим служебного произведения, а права работника и исполнителя в отношении итогового результата различаются.

Более проблемным является вопрос, связанный с таким нематериальным активом, как сайт юридического лица или предприятия. Здесь у нас сразу несколько проблем. Во-первых, отсутствует адекватное определение понятия сайт. Некоторая попытка его дать сделана в п. 13 ст. 2 Закона об информации: «сайт в сети «Интернет» — совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет»[3]. Однако эта попытка явно неудачна и критикуется большинством специалистов[4], в частности, с точки зрения того, что программа для ЭВМ и информация не могут составлять сино-

---

[1] Постановление Конституционного суда от 16.06.2022 по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Мамичева // СПС «Гарант».

[2] *Пастухов В., Турунцев А.* Задача обратного инжиниринга — экстренное импортозамещение // Эксперт. № 4 (5). URL: https://expert.ru/mnenie/vladimir-pastukhov-zadacha-obratnogo-inzhiniringa-ekstrennoe-importozameshchenie/ (дата обращения: 20.03.2025).

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Гарант».

[4] *Рожкова М. А., Исаева О. В.* Понятие сайта (веб-сайта) для целей права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 46–54.

нимичный ряд, а указание на информацию как на составной элемент сайта компрометирует его охраноспособность.

Вторая сложность заключается в том, что отсутствует четкое представление о том, какую позицию занимает сайт с точки зрения квалификации в качестве объекта интеллектуальной собственности. О том, что сайт в принципе таковым является было сказано ВАС РФ еще в 2008 г.[1] Однако без четкого понимания квалификации внутри перечня таких объектов, без решения вопроса о том, является ли он сложным объектом или совокупностью отельных объектов, сложно решить вопрос о предоставлении охраны. И наконец, в-третьих, не решен вопрос оценки сайта в качестве актива, потому что его оценка в существенной степени зависит от того, насколько высок гудвилл правообладателя, что значительно затрудняет оценку стоимости прав на сайт в процессе банкротства.

В заключение следует сказать, что цифровизация в коммерческой деятельности породила новые возможности и одновременно с этим новые вызовы, нуждающиеся во внимании законодателя[2]. Причем не всегда допущение новых конструкций отвечает интересам коммерческого оборота.

Холодная Е. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современных интерпретациях «режим» (фр. regime, лат. regimen — управление) многогранен по значению: 1) система средств, методов управления; 2) установленный порядок или распорядок жизни; 3) обязательные правила функционирования или осуществления деятельности и др. Таким образом, назначение режима заключается в обеспечении с помощью разнообразных средств, методов и иных инструментов социального или иного (например, технического) порядка. Особенность правового режима в том, что он, в отличие от других видов режимов, основывается на правовом регулировании общественных отношений и опосредуется правовой нормой[3]. С позиции функционального подхода это «порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкрет-

[1] Постановление Президиума ВАС РФ от 22.04.2008 № 255/08 // СПС «Гарант».

[2] См., например: *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.* К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91.

[3] *Исаков В. Б.* Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение». М. : Юридическая литература Администрации Президента РФ, 1987. С. 245–267.

ную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъекта права»[1].

На наш взгляд, правовой режим информационных технологий — это система правовых способов и факторов, обеспечивающих необходимые условия и порядок реализации правоотношений по поводу применения информационных технологий. При этом функция правового режима информационных технологий — правовое и организационное сопровождение применения информационных технологий в социальной и публичной деятельности[2]. Цель применения любой информационной технологии — обеспечение оборота данных (информации)[3].

Правовой режим информационных технологий позволяет выбрать оптимальное сочетание правовых средств для достижения поставленных задач, учета специфики и характера групп общественных отношений, создание подходов к их регулированию. Но, как уже отмечалось выше, правовой режим информационных технологий — это динамичная правовая категория, которая, помимо наличия правовых норм, требует волевых факторов (непосредственной организации) для его внедрения, реализации и контроля за соблюдением.

Правовой режим информационных технологий опирается на набор правовых предписаний, с помощью которых организуется деятельность с применением информационных технологий и иных средств автоматизации. Здесь требует уточнение и то, чьи интересы и потребности обеспечивает установленный порядок. Именно сочетание правовой конструкции «метод — интерес» позволяют выделить публично-правовые и частноправовые режимы (например, правовой режим собственности на информационные технологии, правовой режим авторских прав на информационные технологии и др.)[4].

Исходя из доминанты метода государственного управления (централизованного управления) и публичного интереса, придающих публично-правовой характер правовым режимам, предлагаем выделять общий, специальный и особый правовые режимы информационных технологий.

Общий публично-правовой режим информационных технологий складывается из конституционного права свободно создавать в ходе научного и технического творчества информационные технологии и свободно применять информационные технологии. Пределы действия общего публично-правового режима информационных технологий определяются правами и свободами других лиц: 1) круг лиц, имеющих право создавать информационные технологии, неогра-

---

[1] *Матузов Н. И., Малько А. В.* Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 16–29.

[2] *Холодная Е. В.* Правовой режим информационных технологий: структура и виды // Вестник Московского университета. Серия 26, Государственный аудит. 2024. № 1. С. 115–124.

[3] *Холодная Е. В.* Правовой режим цифровых данных // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сборник докладов XIV Московской юридической недели : в 6 ч., Москва, 26–29 ноября 2024 г. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 143–145.

[4] Перспективен вывод Г. С. Беляевой о том, что публично-правовой режим является самостоятельной юридической категорией, не сводимой к отраслевым правовым режимам, обладающей специфическими сущностью и содержанием. См.: *Беляева Г. С.* Публично-правовой режим: сущность, содержание, нормативно-правовое закрепление // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 104. № 7. С. 21–28.

ничен; 2) цель создания информационных технологий — оборот информации (данных); 3) форма предоставления информационных технологий зависит от поставленной задачи в конкретной ситуации; 4) применение информационных технологий возможно без ограничений по субъектному составу и сферы применения; 5) применение информационных технологий должно обеспечивать защиту от несанкционированных действий при обороте данных и др.

Например, электронная почта (англ. electronic mail) — это коммуникационная технология, предназначенная для оборота электронных сообщений между пользователями компьютерной сети. Данный привычный нам сервис обеспечивается в рамках общего публично-правового режима информационных технологий.

Информационные технологии также выступают объектом правоотношений, имеющих отраслевую специфику и требующих дополнительных мер для эффективной правовой организации деятельности с их применением. Это вызвало появление значительного количества специальных публично-правовых режимов информационных технологий. Специальный публично-правовой режим может не только устанавливать специальные правила применения отдельных видов информационных технологий, но и ограничивать право на их создание и применение. Зачастую специальные правила применения вводятся для тех информационных технологий, использование которых связано с оборотом данных о пользователях. Примером специального публично-правового режима является режим рекомендательных технологий[1]. Рекомендательные технологии существуют около 20 лет и их суть сводится к генерации отобранных данных о лице (на основе личностно ориентированного подхода анализируются и прогнозируются поведение, интересы, поисковые запросы и др.) для дальнейших предложений по интересующим элементам пользователя. Рекомендательные технологии широко применяются в интернет-магазинах, социальных сетях, персональной ленте новостей и т.п. При использовании рекомендательных технологий установлены специальные правила их применения, к таковым относится требование к владельцам информационных систем, применяющих рекомендательные технологии, об информировании об этом пользователей, о размещении правил применения рекомендательных технологий и др.

К элементу специального публично-правового режима, ограничивающего право создания и применения информационных технологий, относят запрет на создание, распространение и использование информационных технологий (компьютерных программ-вирусов), заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования данных или нейтрализации средств защиты[2] и др. Такие ограничения и запреты установлены федеральными законами и вводятся в установленном ими порядке с целью защиты публичных интересов.

---

[1] Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6140.

[2] Ст. 273 Уголовного кодекса Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 ; Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

Также можно выделить и особые публично-правовые режимы информационных технологий, существующие в виде экспериментов или иных особых условиях реализации. Под правовым экспериментом подразумевается особый правовой режим, ограниченный масштабами и временны́ми рамками[1]. Экспериментальный правовой режим, согласно действующему законодательству, определяется рядом признаков: 1. особое регулирование; 2. временный период; 3. экстерриториальный признак (особые территории); 4. особый субъектный состав[2]. Примером особого правового режима является экспериментальный правовой режим цифровых инноваций[3]. Термин «инновация» происходит от латинского слова innovatio, т.е. обновление, перемена[4]. К информационным технологиям, применяемым в рамках экспериментальных правовых режимов цифровых инноваций, относят нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта, технологии работы с большими данными, технологии робототехники и сенсорики, квантовые технологии, технологии систем распределенного реестра и др.[5] Экспериментальный правовой режим — это регуляторный инструмент, позволяющий поддержать развитие инновации, выявить и преодолеть возможные неблагоприятные последствиями от их внедрения.

Так, в 2020 г. на территории г. Москвы сроком на 5 лет был установлен экспериментальный правовой режим технологий искусственного интеллекта[6]. Из особенностей можно выделить создание уполномоченного органа (координационного совета) для совершенствования механизмов и мониторинга экспериментального правового режима, ведение реестра участников экспериментального правового режима (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных на территории Москвы) и др. Другим примером экспериментального правового режима является режим Парка высоких технологий

---

1 *Сивицкий В. А., Сорокин М. Ю.* Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30.

2 Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.

3 Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

4 В современном понимании категория «инновация» также рассматривается через призму объекта и процесса. В нормативных актах инновации трактуются именно как научно-технические достижения (результат) или явления в области техники, технологии, организации производства или управления. См., например: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137 ; постановление Правительства РФ от 24.07.1998 № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» // СЗ РФ. 1998. № 32. Ст. 3886.

5 Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 7003.

6 Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

в Республике Беларусь[1]. Срок его действия установлен до 2049 г. с сохранением принципа экстерриториальности[2] и др.

Очевидно, что правовые режимы информационных технологий в силу специфичности явлений для традиционного права требуют более пристального внимания и по содержанию, и по классификациям. Не снимается актуальность принятия кодифицированного закона, разделы которого должны быть посвящены как правовым основам внедрения информационных технологий, так и спецификации их отраслевого применения и пределов вмешательств в социальные процессы, заложив основу для комплексного подхода к правовому управлению указанной сферы[3].

Рыжков Д. И.,
аспирант кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ЗАЩИТА ПРОМЫШЛЕННЫХ И ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В условиях стремительной цифровизации экономики и перехода к модели «экономики данных», вопросы правового регулирования отдельных категорий информации приобретают особое значение. Внедрение нормативно-правового регулирования в сфере защиты персональных данных оказало существенное влияние на общественные отношения в силу необходимости обеспечения положений Конституции Российской Федерации об обеспечении права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

В настоящее время государственными органами предпринимаются попытки к установлению правовых режимов иных категорий данных. Так, Федеральным центром прикладного развития искусственного интеллекта совместно с Министерством промышленности и торговли и Министерством экономического развития Российской Федерации разработан экспериментально-правовой режим (ЭПР) по сбору и агрегации промышленных данных для их последующей обработки с применением технологии ИИ[4].

---

[1] Декрет Президента Республики Беларусь № 12 «О Парке высоких технологий» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd0500012 (дата обращения: 10.06.2025).

[2] Указом Президента Республики Беларусь от 12.04.2023 № 102 «О развитии Парка высоких технологий» созданы условия для дальнейшего перспективного развития ПВТ с опорой на современные технологические тенденции (URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd0500012 (дата обращения: 10.06.2025)).

[3] *Холодная Е. В.* О разграничении специального и особого правового режима информационных технологий // Право.by. 2024. № 5 (91). С. 108–113.

[4] Минпромторг и Минэк проведут эксперимент по обороту промышленных данных // URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/04/21/1105547-minpromtorg-i-minek-provedut-eksperiment?from=copy_text (дата обращения: 20.06.2025).

Между тем возникает проблема соотношения вновь создаваемого правового режима промышленных данных и правового режима персональных данных в контексте различий в обеспечении защиты различных категорий информации.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Федеральный закон «О персональных данных»), обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей[1].

Между тем исходя из официальных заявлений представителей Федерального центра прикладного развития искусственного интеллекта[2], а также научных работ[3] следует, что ключевой целью сбора и обработки промышленных данных на настоящее время является обучение на соответствующих наборах данных нейронных сетей.

Таким образом, в качестве цели указана лишь обработка собранных данных с помощью ИИ, однако совершенно не определено, каким образом будут использованы обработанные данные, либо то, каким образом будет использоваться обученный на соответствующих данных искусственный интеллект. Следовательно, не определено, для чего осуществляется обработка, что создает предпосылки для «размытия» целей использования промышленных данных.

В Федеральном законе «О персональных данных» четко определен круг субъектов персональных данных, к которым относятся соответственно субъект персональных данных и оператор. Между тем указанный субъектный состав, по нашему мнению, применим и к правовому регулированию промышленных данных:

— Субъект промышленных данных видится нам как организация, предоставляющая свои данные для их последующей централизованной обработки;
— Оператором промышленных данных с учетом действующего описания экспериментального правового режима выступает Федеральный центр прикладного развития искусственного интеллекта;

Однако также не ясно, кем будет использоваться конечный результат, которым, по сути, является ИИ. Будут ли это сами субъекты промышленных данных? В таком случае они должны наделяться другими правами, поскольку первоначально они лишь предоставляли данные, при использовании же продукта, они выступают в совершенно ином статусе, который не нуждается в совершенно новом описании. В результате возникает правовая неопределенность, в том, каков правовой статус в рамках такого экспериментального правового режима (ЭПР) у субъекта, получающего некий готовый продукт по результатам анализа промышленных данных, какие у такого субъекта права и обязанности, каким образом он должен быть поименован? (см. рис. на с. 66)

Ответ на данный вопрос представляется не весьма ясным, поскольку не ясна суть «продукта», получаемого по результатам обработки промышленных данных. Генеральный директор ФЦПРИИ отметил, что «Внедрение нейронных сетей,

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

[2] Минпромторг и Минэк проведут эксперимент по обороту промышленных данных.

[3] См.: *Минбалеев А. В.* Проблемы и перспективы правового регулирования промышленных данных // Вестник Московского университета. Серия 26, Государственный аудит. 2024. № 2. С. 105–114.

Субъектный состав ЭПР

обученных на большом количестве данных предприятий, позволит снизить издержки и повысить точность работы ИИ»[1].

Но будет ли результатом обработки промышленных данных выступать только лишь обученный ИИ? Будут ли продуктами выступать полученный по результатам деятельности нейросети аналитические исследования, либо базы данных, сформированные в результаты обработки промышленной информации? Ответить на данный вопрос будет возможно только после начала функционирования соответствующего ЭПР.

Кроме того, представитель Федерального центра прикладного развития искусственного интеллекта отметил, что «Промышленные данные нередко содержат сведения, относящиеся к коммерческой тайне или интеллектуальной собственности. В условиях увеличивающихся киберугроз важно гарантировать надежную защиту этих данных от несанкционированного доступа и использования»[2].

А. В. Минбалеев указывает, что разработчики Федерального закона «О промышленных данных» предлагают относить данные, полученные при проектировании изделий и машин; данные о поведении сотрудников, например записи ручных операций; данные о работе и состоянии оборудования из систем управления; информация о затратах, например стоимость производственного процесса или отдельной операции; данные об обнаружении неисправностей и мониторинге состояния системы; данные о состоянии окружающей среды, такие как информация о погоде, температура в помещении, влажность, шумы; информация о логистике; данные о количестве производимой продукции; данные датчиков, сенсоров и т.д.; данные о качестве продукции, например уровень брака на каждом объекте; данные об использовании продукции, такие как доступность, частота ремонтов; данные о пользователях, такие как характеристики клиентов, данные об обратной связи, предложения и др., совершенно справедливо отмечая что в категорию «промышленных данных» может быть включена информация, защищаемая в рамках иных правовых режимов информации[3].

Таким образом, в условиях обширного перечня категорий информации, которая может быть отнесена к промышленным данным, соответственно, существует и большой набор правовых способов защиты такой информации.

В первую очередь промышленные данные могут быть защищены режимом коммерческой тайны. Так, в соответствии с п. 1 ч. 4 Федерального закона от

[1] Минпромторг и Минэк проведут эксперимент по обороту промышленных данных.

[2] Минпромторг и Минэк проведут эксперимент по обороту промышленных данных.

[3] *Минбалеев А. В.* Проблемы и перспективы правового регулирования промышленных данных. С. 111 ; *Минбалеев А. В.* Правовой режим и модель регулирования промышленных данных в России // Право.by. 2024. № 4 (90). С. 57–63.

29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», право на отнесение информации к информации, составляющей коммерческую тайну, и на определение перечня и состава такой информации принадлежит обладателю такой информации с учетом положений названного Федерального закона.

Следовательно, промышленные данные во всяком случае могут быть мы защищены посредством распространения на такую информацию режима коммерческой тайны.

Однако в силу ценности большого объема промышленных данных может побудить обладателей такой информации к ее чрезмерному «засекречиванию». Данный факт, в свою очередь, может послужить барьером для обмена данными между субъектами экспериментального правового режима.

Следовательно, в рамках экспериментального правового режима возникает необходимость обеспечения механизма баланса между защитой данных посредством установления коммерческой тайны с одной стороны и открытости, доступности данных для всех остальных участников ЭПР.

Кроме того, промышленные данные, содержащиеся в результатах интеллектуальной деятельности, могут быть защищены посредством механизмов, предусмотренных частью 4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Так, например, промышленные данные, содержащиеся в базах данных, могут быть защищены соответствующим правом изготовителя баз данных. Иными словами, право интеллектуальной собственности также может выступать в качестве барьера для свободного обмена данными и препятствовать эффективному использованию промышленных данных в рамках экспериментального правового режима.

Кроме того, неизвестно каков будет механизм правовой защиты «продукта», полученного по результатам обработки промышленных данных, кто будет обладателем права на указанный результат интеллектуальной деятельности и каким образом будут защищаться права субъектов, предоставивших соответствующие данные.

Подводя итог, отметим, что, по нашему мнению, важными аспектами вновь создаваемого экспериментального правового режима являются:

1. Точное установление как субъектного состава, так и круга прав и обязанностей субъектов, участвующих в предоставлении, обработке и использовании результатов обработки промышленных данных;

2. Ясное определение целей обработки промышленных данных.

Ключевым же, по нашему мнению, является вопрос защиты промышленных данных. Механизмы защиты, существующие в рамках экспериментального правового режима не только не должны предусматривать новых мер, но и напротив, должны создавать послабления в рамках ограничений, предусматриваемых правом интеллектуальной собственности, поскольку в отличие от режима персональных данных, созданного исключительно с целью защиты соответствующей информации, правовой режим промышленных данных должен иметь противоположную направленность и являться способом преодоления порой чрезмерных мер защиты.

Гандзий Е. В.,
аспирант кафедры информационного права
и цифровых технологий Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОМЕРНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ГЕОБЛОКИРОВКИ ИНФОРМАЦИИ ОПЕРАТОРОМ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ[1]

Использование технологии геоблокировки — ограничения доступа к информации или цифровым услугам в зависимости от географического местоположения пользователя — приобретает всё большее значение в правовом регулировании деятельности цифровых платформ. Этот вопрос напрямую затрагивает правовой статус самих операторов цифровых платформ, выступающих, по справедливому замечанию С. Г. Чубуковой, в качестве посредников, «призванных обеспечить функционирование информационной инфраструктуры с целью реализации права на информацию основных участников информационных отношений — обладателя и пользователя информации»[2].

Вместе с тем, как отмечает Е. В. Холодная, деятельность иностранных операторов цифровых платформ по ограничению доступа к информационным продуктам посредством геоблокировки может создавать предпосылки для вмешательства во внутренние процессы государств, включая экономические, политические и управленческие аспекты, посредством использования современных информационных технологий[3].

В настоящее время операторы цифровых платформ активно применяют технологию определения местоположения пользователя, в первую очередь на основе его IP-адреса, с целью персонализации контента и адаптации предоставляемых услуг к региональным особенностям. IP-адреса служат не только для идентификации сетевых узлов и маршрутизации данных, но и позволяют собирать информацию о географическом положении пользователя. Эти данные, в свою очередь, используются для реализации механизма геоблокировки — системного ограничения доступа к определенному контенту или услугам в зависимости от страны или региона нахождения пользователя.

На международном уровне практика применения геоблокировки неоднозначна. Например, в Европейском Союзе действует Регламент (ЕС) 2018/302, направленный на устранение необоснованной дискриминации потребителей по признаку их гражданства или места жительства при доступе к товарам, услугам и

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

[2] *Чубукова С. Г.* Концепция развития системы субъектов информационного права в условиях цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 136.

[3] *Холодная Е. В.* О роли цифровых технологий в обеспечении информационного суверенитета РФ: правовые задачи и перспективы // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XIII Московской юридической недели : в 4 ч. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 151–153.

цифровому контенту[1]. Следовательно, запрет на необоснованную геоблокировку служит механизмом защиты прав потребителей и обеспечения недискриминационного доступа к информации.

С точки зрения международного права ограничения на получение информации, включая геоблокировку, могут вступать в противоречие с основополагающими правами и свободами человека.

Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948) в ст. 19 закрепляет право каждого человека на свободу убеждений и на свободное их выражение, включая свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ[2].

Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) в ч. 2 ст. 19 также предусматривает, что каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору[3].

На национальном уровне аналогичные гарантии предусмотрены Конституцией Российской Федерации, согласно части 4 статьи 29, каждому обеспечивается право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любыми законными способами.

Кроме того, статья 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» прямо указывает, что ограничение доступа к информации допустимо только на законных основаниях[4].

Особого внимания заслуживает регулирование, касающееся деятельности иностранных операторов цифровых платформ на территории Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», установлены ограничения, направленные на недопущение дискриминации российских пользователей[5], в том числе посредством применения технологий геоблокировки.

---

1 Geo-blocking Regulation enters into force // URL: https://eur-lex.europa.eu/content/news/geo-blocking-regulation-enters-into-force.html (дата обращения: 29.06.2025).

2 Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Российская газета. 1998.

3 Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 // Бюллетень международных договоров. 1993. № 2. С. 123–135.

4 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

5 Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет «на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5173.

Таким образом, применение технологии геоблокировки операторами цифровых платформ допустимо лишь в пределах, установленных международным и национальным законодательством. При этом любые формы необоснованного ограничения доступа к информации могут рассматриваться как нарушение права на свободный доступ к информации, что противоречит как международным стандартам, так и конституционно-правовым гарантиям Российской Федерации.

Громова Е. А.,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
и гражданского судопроизводства,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В СФЕРЕ КВАНТОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Эра цифровизации повлекла за собой появление технологий, которые обладают истинно инновационным характером. К таким относятся искусственный интеллект, нейротехнологии, квантовые технологии, а также многие другие. Вместе с тем и среди таких технологий квантовые стоят особняком. Ведь их свойства, в которых так заинтересовано человечество, основаны на природных законах и постулатах квантовой механики.

Упомянутый выше интерес современного общества к таким технологиям обусловлен их потенциалом, который превосходит иные распространенные сегодня инновации и технологии. Неслучайно, многие государства вступили в квантовую гонку и стремятся как можно скорее создать «работающий» квантовый компьютер, функционирование которого напрямую зависит от возможности сохранения когерентности кубитов — его центральных и ключевых элементов[1].

Значимость кубитов, равно как и необходимость удержания их в состоянии устойчивости (когерентности), обусловлена таким свойством последних, как суперпозиция. Именно это свойство позволяет применять квантовые технологии для обработки значительно большего объема информации, и, соответственно, более быстрого, точного и верного решения поставленных задач. В свою очередь, обеспечение когерентности кубитов, связанной с состоянием квантовой запутанности, будет способствовать «бесшовному» и беспрерывному течению таких процессов, что является принципиальным условиям для осуществления квантовых вычислений[2].

Страны — участницы квантовой гонки уже давно оценили потенциал таких технологий, и именно поэтому последние пять лет ознаменованы активной раз-

[1] *Громова Е. А., Петренко С. А.* Квантовое право: начало // Цифровые технологии и право. 2023. № 1. С. 62.

[2] *Минбалеев А. В., Ефремов А. А., Добробаба М. Б., Чубукова С. Г.* Методы и подходы к регулированию формирующейся отрасли квантовых коммуникаций в условиях современного информационного общества // Информационное общество. 2024. № 4. С. 112.

работкой и принятием национальных актов стратегического планирования в сфере квантовых технологий[1].

Вместе с тем очевидно, что, если пока что акты стратегического планирования имеют существенное значение для развития технологий, в дальнейшем необходимо будет задуматься о том, как будут урегулированы процессы создания и применения таких технологий и их субтехнологий, в том числе в отдельных сферах. Уже сейчас ученые говорят о необходимости внесения изменений в законодательство о связи, а также градостроительное и земельное законодательство[2].

В свою очередь, необходимость поиска оптимальных подходов к правовому регулированию квантовых технологий поставит вопрос о необходимости применения экспериментального регулирования. Именно установление экспериментальных правовых режимов позволит, во-первых, в условиях реального рынка с реальными потребителями проверить т.н. «жизнеспособность» цифровой инновации или технологии.

Во-вторых, установление такого режима позволяет временно отказаться от применения к субъектам предпринимательства отдельных регуляторных требований. Именно это и позволит определить пути дальнейшего развития регулирования технологий[3].

В-третьих, такие «песочницы» выступают площадкой для открытого диалога государства и субъектов инновационного предпринимательства, что позволяет разрабатывать действительно эффективное и практико-ориентированное правовое регулирования для тестируемых технологий.

Экспериментальные правовые режимы или регуляторные песочницы зарекомендовали себя как эффективные инструменты инновационного развития и успешно применяются многими странами[4]. Более того, сегодня активно развиваются инициативы по созданию т.н. «тематических» песочниц. Такие песочницы создаются для развития отдельных технологий — искусственного интеллекта (Россия, Сингапур, Франция) или технологии блокчейн (ИКАО).

Применительно к тематике квантовых технологий, то известно, что инициативы по созданию тематических песочниц в сфере квантовых технологий, уже существуют в отдельных странах. Примером тому выступает, в частности, Великобритания. Страна выступила с инициативой создания квантовой песочницы в рамках национальной программы развития квантовых технологий[5].

В отношении нашей страны необходимо отметить следующее. Квантовые технологии и их субтехнологии — квантовые вычисления квантовые комму-

---

[1] *Добробаба М. Б., Чаннов С. Е., Минбалеев А. В.* Квантовые коммуникации: перспективы правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 25.

[2] *Евсиков К. С.* Правовой режим линий квантовой связи в свободном пространстве. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. С. 117.

[3] *Громова Е. А.* Модели экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и технологий. М. : Проспект, 2023. С. 12.

[4] *Громова Е. А.* Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций (регуляторные песочницы) в России и зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 3. С. 20.

[5] The UK National Quantum Technologies Programme (NQTP) // URL: https://uknqt.ukri.org/ (дата обращения: 26.06.2025).

никации, квантовые метрология и сенсорика — находятся в фокусе внимания российского законодателя. О важности развития таких технологий указывается в ряде актов стратегического планирования и дорожных карт.

Очевидно, что вопрос о создании нормативной правовой базы квантовых технологий стоит и перед нашей страной. И следовательно, необходимо задуматься об установлении и применении экспериментальных правовых режимов в сфере квантовых технологий.

Для этого необходимо в первую очередь определиться с теми нормативными правовыми актами, от положений которых будут допущены отступления. Думается, что это будет законодательство о связи, земельное законодательство, а также, возможно, гражданское законодательство.

Кроме того, важно понимать, что квантовые технологии является высокорисковыми технологиями, особенно на начальных стадиях их развития. В этой связи необходимо серьезно продумать механизмы защиты потребителей и иных участников экспериментальных правовых режимов. Уже сейчас становится понятным, что национальные модели таких режимов обладают уязвимостями именно в сфере касающейся защиты прав потребителей и пользователей технологий. Именно поэтому данным аспектам необходимо будет уделить значительное внимание.

Более того, в связи с обсуждаемой научным сообществом инициативой по созданию регуляторной песочницы БРИКС[1], которая могла бы применяться в том числе и для тестирования квантовых технологий, необходимо будет активизировать работу по гармонизации законодательства стран БРИКС и определению первоочередных шагов по развитию сотрудничества в этой сфере.

Таким образом, активное развитие квантовых технологий, равно как и квантовая гонка, в которую активно вступают многие государства, предопределяет необходимость для нашей страны по созданию эффективного правового регулирования таких технологий. Вместе с тем очевидно, что их инновационный характер не позволит сразу и однозначно ответить на вопрос о том, какое регулирование будет для них оптимальным. В этой связи установление и применение экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и технологий будет решением обозначенной проблемы.

[1] *Громова Е. А., Мамаев В. В.* Перспективы развития предпринимательского права в условиях экономической интеграции стран БРИКС // Право и бизнес. 2025. № 2. С. 2.

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Таран К. К.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
информационного права
и цифровых технологий Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
эксперт Центра цифровой экономики
и финансовых инноваций МГИМО МИД России

ПРАВОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ LEGALTECH И LEGALAI

Использование различных информационных технологий для упрощения стандартных операций при осуществлении рабочих операций дали активное развитие дали активное развитие такому понятию, как LegalTech.

LegalTech (юридический искусственный интеллект / юридический ИИ) можно определить как широкий набор технологий программного обеспечения, которые используются для поддержки юридической функции или оказания юридических услуг. Это могут специальные ИТ-решения, платформы и сервисы. Перечень технологий LegalTech сложно огранить, так как они совершенствуются и развиваются.

А. В. Минбалеев говорит о том, что развитию сферы LegalTech способствует множество факторов, среди которых можно выделить:

— развитие электронного документооборота;
— развитие отношений в сети Интернет;
— цифровизация государственных услуг;
— цифровая трансформация и удешевление использования информационных технологий в профессиональной деятельности;
— формирование привязанности к использованию информационных технологий в юридической сфере и др.[1]

М. Б. Добробаба и А. В. Минбалеев отмечают, что с учетом санкций, возложенных на России, LegalTech продолжил развиваться и развивается успешно. Этому способствовало то, что государством были формированы комплекс мер, которые позволили активизировать развитие в данном направлении: налоговые льготы, льготные кредиты, грантовая поддержка, стимулирование перехода на отечественные ИТ-решения, субсидирование из регионального бюджета, а также меры для ИТ-специалистов, такие как льготная ипотека и др.[2]

---

[1] Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech) : учебник / А. В. Минбалеев, Т. А. Полякова, М. Б. Добробаба [и др.] ; под ред. А. В. Минбалеева ; Моск. гос. юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М. : Проспект, 2023.

[2] *Добробаба М. Б., Минбалеев А. В.* Выработка правовых средств адаптации к санкционным мерам в сфере ИМ-сектора // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2024. Т. 17. № 6. С. 1055–1060.

Legal AI (юридический искусственный интеллект) — логичное продолжение, совершенствование LegalTech, это свойство интеллектуальных систем выполнять творческие юридические функции, которые традиционно считаются прерогативой эксперта-юриста[1].

Понятия популярные и сходные.

Системы Legal AI, как правило, разрабатываются компаниями для автоматизации собственной ключевой экспертной деятельности, а инструменты LegalTech — для широкого круга пользователей и автоматизации некритичных второстепенных задач.

Системы Legal AI, в отличие от LegalTech, являются более интеллектуальными: они не просто автоматизируют какой-то процесс, а анализируют исходные данные и на их основе формируют определенные суждения (рекомендации) на базе заданной логики. Legal AI хранит данные, обучается на данных и анализирует запросы пользователей, чтобы давать более точные и правильные ответы в дальнейшем. Legal AI сложный при создании и развитии, поэтому сразу за пределы компании не выйдет. Он первоначально будет развиваться в рамках отдельной компании для решения поставленных задач.

Г. А. Грищенко выражает позицию, что применение ИИ в юридической деятельности может быть разносторонним: ИИ может быть использован при юридическом сопровождении юридической деятельности, в сфере правосудия, нормотворчества, может быть использован государственными органами[2]. В каждой юридической сфере есть свои особенности, поэтому необходимо учитывать возможности ИИ, информацию, с которой можно будет работать, используя ИИ, риски, сбои в работе, а также риски, связанные с кибербезопасностью.

Примеры использования Legal AI

В России ПАО «Сбербанк» внедряет LegalTech для развития своих ИТ-продуктов и технологии машиночитаемого права. Например, разработка робот-юрист. Робот извлекает юридически значимую информацию из документов, проверяет корректность внесенных в нее сведений и полномочия участников сделки.

В России развивается также сервис «Цифровой юрист» компании «Мегафон». Он взаимодействует с нейросетью и технологией распознавания символов, что позволяет работать продуктам «Конструктор документов» (функционирует как чат-бот), «Судебная платформа» (формирует типовые юридические ответы на документы государственных органов или судов) и «Система по распознаванию первичной документации», которая позволит конвертировать документы из одной учетной системы в другую.

В США технология ИИ используется для выявления и устранения неактуальных и избыточных требований, содержащихся в нормативных актах Правительства США. Пилотный эксперимент проводился в 2019 г. в Министерстве здравоохранения и социальных служб США. По итогам эксперимента было принято решение провести также автоматический анализ законодательства для выявления излишних и неактуальных требований в Министерстве труда,

---

[1] Технологии в юриспруденции: пять различий LegalTech и Legal AI (12.04.2022) // Бизнес. Точка зрения. URL: https://letaibe.media/columnists/tehnologii-v-yurisprudenczii-pyat-razlichij-LegalTech-i-legal-ai/ (дата обращения: 03.05.2025).

[2] *Грищенко Г. А.* Возможности применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2019. № 1 (26). С. 29–30.

Министерстве транспорта и Министерстве сельского хозяйства. В результате были выявлены многочисленные ошибки и устаревшие требования (например, требования касательно отправки документов по факсимильной связи).

Legal AI как правовое явление уже не остановить, технологические инструменты удобны для использования и оптимизирует работу юриста. Подготовка Legal AI для того, чтобы юрист смог использовать его в своей деятельности, требует анализа данных, на которых обучается ИИ, развития машиночитаемого права, длительного тестирования, выявление технических недочетов, «непонимание» машиной правовых конструкций и т.д.

Прошина М. Г.,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры информационного права
и цифровых технологий
Саратовской государственной
юридической академии

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаны наивысшей ценностью. Обязанность государства обеспечивать защиту этих прав и свобод, в систему которых входит и свобода творчества.

В Конституции РФ, в ст. 44 закреплена гарантия свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. В связи с появлением и использованием искусственного интеллекта (ИИ) при создании авторами новых произведений, возникает вопрос — возможно ли государству обеспечить эту гарантию?

Нормы Конституции РФ, закрепляющие права и свободы человека, являются непосредственно действующими. Это в полной мере касается и право на творческую деятельность. Кроме того, на конституционном уровне цензура запрещена, т.е. человек вправе свободно выражаться в своем творчестве, и никто не имеет права ограничивать его. Но с условием того, что его творчество не посягает на нравственность и моральные устои общества.

Данное право регулируется нормами различных нормативных правовых актов. В Основах законодательства Российской Федерации о культуре[1] сказано о том, что каждый человек обладает равными возможностями для занятия творчеством. Язык, национальность, пол, возраст, религиозная принадлежность не влияют на наличие этого права у человека.

В статье 10 Основ законодательства Российской Федерации о культуре сказано: «Каждый человек имеет право на все виды творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями. Право человека заниматься творческой деятельностью может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной (любительской) основе. Профессиональный и

[1] Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон РФ от 09.10.1992 № 3612-I (в ред. от 08.08.2024 № 224-ФЗ) // ВСНД РФ и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

непрофессиональный творческий работник равноправны в области авторского права и смежных прав, права на интеллектуальную собственность, охрану секретов мастерства, свободу распоряжения результатами своего труда, поддержку государства.

Если Конституция РФ и Основы законодательства Российской Федерации о культуре закрепляют права человека на творчество, то нормы Гражданского кодекса РФ обеспечивают защиту интеллектуальных прав человека.

Но в настоящее время в сфере творчества широко используется ИИ. При помощи ИИ создаются картины, литературные и музыкальные произведения. С одной стороны, использование ИИ оценивается положительно, с другой стороны, высказываются опасения по поводу использования ИИ в сфере искусства и творчества. В связи с этим ставится вопрос о законодательном регулировании применения ИИ.

Следует отметить то обстоятельство, которое указывает на то, что в России сейчас правовой статус нейросетей не регламентирован. Соответственно, возникают трудности с защитой права интеллектуальной собственности, которое возникает в процессе создания произведения с использованием ИИ.

В настоящее время используется ст. 1257 ГК РФ. Данная статья закрепляет право авторства, т.е. «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано». Нельзя оставить без внимания ст. 1228 ГК РФ, в которой содержится перечень действий, которые не имеют ничего общего с творчеством и поэтому граждане не могут обладать правом интеллектуальной собственности. Это дает основание для вывода о том, что авторские права могут принадлежать гражданам, которые использовали свои творческие способности для создания определенного неповторимого произведения.

Данные нормы, обеспечивающие охрану права интеллектуальной собственности, можно использовать и для охраны произведений, созданных при помощи ИИ. Дополнительно необходимо использовать правоприменительную практику.

Следует признать, что правоприменительная практика незначительна. Но уже предлагается решать подобные споры об авторстве на результаты ИИ, по принципу «первой руки». Так, в одном из дел, представитель ответчика утверждал, что спорное изображение сгенерировано через нейросеть (искусственный интеллект), в связи с чем не может быть признано объектом авторского права. Суд отклонил данный довод как необоснованный. Правовая позиция: суд исходил из презумпции авторства — пока не доказано иное, автором произведения считается лицо, указанное в качестве такового на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом. Таким образом, использование нейросети не лишает произведение статуса объекта авторского права, если есть доказательства творческого вклада человека в его создание.

Другим способом защиты авторских прав на произведение, созданное при помощи ИИ, может стать регистрация в Роспатенте. Автор сможет зарегистрировать свое право на результат интеллектуального труда с использованием ИИ, в том случае, если будет доказано, что он (автор) внес значительный вклад в создание данного произведения, которое имеет качество оригинальности.

Несомненно, должны быть учтены интересы и тех авторов, произведения которых были использованы для обучения нейросетей. На законодательном

уровне должна быть закреплена обязанность указания на авторов, чьи произведения были использованы для создания новых произведений.

За рубежом, проблема признания права интеллектуальной собственности на произведения, созданные при помощи ИИ, решается достаточно просто. Так, в Австралии, подобные произведения не охраняются законом, а переходят после своего создания в режим общественного достояния.

Поэтому, исходя из нынешней ситуации, у автора должен быть выбор. С одной стороны, он может зарегистрировать свое авторское право в государственных органах, а с другой стороны — отказаться от данного права и позволить перейти своему произведению в режим общественного достояния.

При использовании второго способа легализации своего произведения, автор должен учитывать не только нормы гражданского законодательства, но и Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта[1], который устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта в своей деятельности, а также механизмы реализации положений этого кодекса.

Проведенное исследование показало необходимость законодательного закрепления использования искусственного интеллекта при создании новых произведений. Данные поправки позволят обеспечить гарантии свободы творчества для всех, в равной степени.

Старченко А. С.,
аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕШЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КТО ВИНОВАТ, ЕСЛИ АВТОНОМНАЯ СИСТЕМА НАРУШИЛА ЗАКОН?

С развитием искусственного интеллекта и его интеграцией в различные сферы жизни возникает вопрос об ответственности за его действия. Автономные системы могут принимать решения, приводящие к нарушению закона, ущербу или даже угрозе жизни людей.

В данной статье рассматриваются ключевые подходы к определению ответственности за действия искусственного интеллекта: от классических юридических доктрин до современных законодательных инициатив. Анализируются возможные субъекты ответственности, а также предлагаются пути совершенствования правового регулирования.

Искусственный интеллект всё чаще принимает решения без прямого контроля человека: от беспилотных автомобилей до медицинских диагностических систем и финансовых алгоритмов. Однако в случае ошибки или противоправного действия возникает вопрос: кто должен нести ответственность?

Проблема осложняется тем, что искусственный интеллект действует на основе сложных алгоритмов, которые даже разработчики не всегда могут полностью объяснить («эффект черного ящика»). Традиционные правовые нормы, основан-

[1] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26.10.2021) // URL: https://base.garant.ru/406862712/ (дата обращения: 22.04.2024).

ные на принципах вины и причинно-следственной связи не всегда применимы к автономным системам.

В большинстве юрисдикций ущерб, причиненный искусственным интеллектом, рассматривается в рамках деликтных обязательств. При этом возможными субъектами ответственности являются:

1. Разработчик (производитель) — если причиной вреда стала ошибка в алгоритме или недостаточность обучения модели. Например, в случае аварии беспилотного автомобиля из-за сбоя сенсоров.

2. Оператор (пользователь) — если вред возник из-за неправильного использования системы. Например, игнорирование предупреждений того же самого автопилота.

3. Третьи лица — если вмешательство хакеров или внешних факторов привело к нарушению работы искусственного интеллекта.

В странах Европейского Союза обсуждается введение презумпции виновности производителя в рамках Закона об искусственном интеллекте[1], что перекладывает бремя доказывания на компанию-разработчика.

Может ли искусственный интеллект быть субъектом уголовного права? Пока правовые системы мира не признают искусственный интеллект субъектом преступления. Однако возможны сценарии, когда:

1. Ответственность несут разработчики — если искусственный интеллект создавался для умышленного причинения вреда. Например, deepfake-мошенничество.

2. Ответственность несут корпорации — по аналогии с преступлениями, когда вред, причиненный преступлением, возмещает организация. Например, если искусственный интеллект банка дискриминировал клиента.

В США уже есть прецеденты привлечения к ответственности компаний за действия алгоритмов. Например, дело State vs Loomis 2016 г.[2], где оспаривалось использование искусственного интеллекта в судебных решениях.

Некоторые страны вводят специальные требования к искусственному интеллекту:

1. Обязательная сертификация высокорисковых систем (в Китае с 2023 г.).

2. Штрафы за дискриминационные алгоритмы (по GDPR в Европейском Союзе).

Современные нейросети (особенно deep learning) часто не поддаются полной интерпретации. Это затрудняет установление причинно-следственной связи между ошибкой алгоритма и действиями разработчика.

В цепочке «разработчик-оператор-пользователь» сложно определить, чьи действия стали ключевыми. Например, в случае аварии автомобиля Tesla вина может лежать как на производителе, так и на водителе.

---

[1] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No. 300/2008, (EU) No. 167/2013, (EU) No. 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 15.05.2025).

[2] States vs Loomis, 881 N/W/2d 749 (Wis. 2016) // URL: https://harvardlawreview.org/print/vol-130/state-v-loomis/ (дата обращения: 15.05.2025).

При этом большинство стран не имеют специального законодательства об искусственном интеллекте, что приводит к применению общих норм, которые не всегда подходят.

Ответственность за решения искусственного интеллекта остается сложным вопросом, требующим адаптации законодательства. Наиболее перспективными видятся следующие варианты: четко определить субъектов ответственности, создать страховые механизмы для беспилотных автомобилей и разработать требования к прозрачности алгоритмов.

Минбалеев А. В.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационного права
и цифровых технологий Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АГЕНТСКОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[1]

Особенностью развития искусственного интеллекта сегодня является одновременное существование его нескольких поколений. Наряду с классическим типом искусственного интеллекта в виде базовых технологий поиска и обработки данных, осуществления тех или иных действий, сравнимых с интеллектуальной деятельностью человека, мы видим активное развитие генеративного искусственного интеллекта, на смену которому приходит и активно внедряется новый тип — агентский искусственный интеллект или агентный. В рамках генеративного искусственного интеллекта мы говорим о создании разнообразных мультимодальных документов на основе информации, изначально представленной в рамках определенного набора или наборов данных, на базе которых происходит его обучение. Агентский же искусственный интеллект для решения поставленной задачи (задач) в рамках промтинга осуществляет поиск информации из более широкого круга источников, самостоятельно определяя их.

Как базовый, так и генеративный и агентский искусственный интеллект способствуют сегодня развитию физического искусственного интеллекта, воплощаемый в повседневной реальности в виде определенных объектов материального мира, массы цифровых сервисов и решений, которыми человек ежедневно пользуется и в которых внедрен тот или иной тип искусственного интеллекта в виде конкретных технологий. Физический искусственный интеллект всё больше становится имманентно присущим обществу в его повседневной реальности. При этом в России сегодня, как и во многих государствах мира, еще продолжается дискуссия о необходимости правового регулирования отношений в сфере использования искусственного интеллекта[2]. Но развитие агентского и

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

[2] См.: Трансформация информационного права : монография / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2023 ; Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : монография / А. В. Минбалеев, А. В. Мартынов, Г. Г. Кама-

физического искусственного интеллекта заставляют всё больше задуматься о рисках и угрозах затягивания данного процесса. Мы уже сегодня очень сильно рискуем, что с закреплением в нашей жизни физического искусственного интеллекта, если мы не установим базовые нормативные правовые требования к использованию искусственного интеллекта и обеспечению прав и свобод человека и гражданина, общество может столкнуться с проблемой вынужденного использования ряда технологий, поскольку от них будет сложно отказаться, а в некоторых случаях необходимо будет приходить к компромиссу. При этом правовое регулирование, конечно, также будет вынужденно в определенной мере подстраиваться под необходимость учета уже активного использования в обществе ряда технологий, воплощенных в физическом искусственном интеллекте.

Серьезным фактором, который явно свидетельствует об обозначенной угрозе, является развитие агентского искусственного интеллекта. Если классический искусственный интеллект «можно рассматривать как автоматизированный процесс, который анализирует данные о среде и проактивно предпринимает действия для достижения некоторых определенных целей, извлекая данные из нескольких источников и взаимодействуя со специализированными инструментами их обработки, то ML-система агентского искусственного интеллекта не просто реагирует на запросы пользователя, а работает автономно, интеллектуально решая задачи без прямого вмешательства человека»[1].

В связи с такой особенностью агентского искусственного интеллекта можно выделить ряд правовых проблем, с которыми придется столкнуться разработчикам и пользователям агентского искусственного интеллекта.

1. Проблема доверия. При классическом и генеративном искусственном интеллекте мы говорим о возможных сложностях при обучении модели с позиции того, что тот или иной контент может противоречить требованиям российского законодательства, что обусловливает недопустимость его использования в наборе данных. При этом пользователь априори уверен, что набор данных в модели соответствует требованиям законодательства Российской Федерации и использование системы, результат ее функционирования будет соответствовать требованиям законодательства. С агентским искусственным интеллектом возникает сразу множество вопросов в части таких гарантий. Для обучения модели такого искусственного интеллекта необходимо будет сформировать большие объемы данных о целях, планах, действиях и результатах, а также множество отзывов, огромное количество итераций для обеспечения критического мыш-

лова [и др.]. М. : Проспект, 2023 ; *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.* Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России // Государство и право. 2025. № 1. С. 160–173 ; *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.* К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91 ; *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.

[1] *Вичугова А.* Топ-5 проблем агентского ИИ и как их преодолеть // URL: https://bigdataschool.ru/blog/news/machine-learning/agent-ai-challlenges/ (дата обращения: 20.06.2025).

ления, позволяющего определить, что используемый контент и результат соответствуют требованиям законодательства.

При этом, естественно, риски прямо пропорционально возрастают при отсутствии законодательно установленных требований по обеспечению соблюдения законодательства. Нормативно должны быть установлены требования как к процессу обучения модели критического мыслителя агентского искусственного интеллекта, так и к данным, которые могут использоваться, их соответствию действительности (или формирования отметки при создании результата о генерации данных из ви́дения системы, а не объективных данных). Также нормативно необходимо и предъявлять требования к результатам, полученным на основе промтинга в агентском искусственном интеллекте.

2. Не менее важной проблемой является вопрос о том, насколько точная и достоверная информация будет создана в результате функционирования агентского искусственного интеллекта. Надежность и предсказуемость таких технологий сегодня применительно к генеративному искусственному интеллекту уже практически сводится к оптимальному результату благодаря значительной работе по настройке и обучению таких моделей за счет привлечения экспертов. Однако применительно к агентскому искусственному интеллекту сложности с галлюцинациями в рамках формируемых результатов всё еще достаточно серьезная проблема, обусловленная тем, что при обучении модели не всегда происходит достаточно четкая настройка и не всегда можно предсказать, откуда система будет использовать информацию. В связи с этим нормативно здесь, в отличие от генеративного искусственного интеллекта, куда важнее закрепить требования, связанные с обеспечением достоверности используемых данных и достоверности результата. Также важно, чтобы используемая информация была актуальна, поскольку очень часто используются устаревшие базы и банки данных. Естественно, что в этой части использование агентского искусственного интеллекта должно быть существенно ограниченно в сфере публичного управления, здравоохранения, транспортных систем, а также в других случаях, где есть угрозы безопасности личности, общества и государства.

3. Серьезной проблемой является и необходимость обеспечения конфиденциальности личных данных пользователя в процессе взаимодействия с агентским искусственным интеллектом. Здесь основная сложность связана с тем, что при таком использовании пользователь в процессе промтинга так или иначе раскрывает свои персональные данные, в том числе вкусы, пристрастия, привычки, особенности языка и письма, а также другие индивидуальные особенности. При этом модель запоминает всю эту информацию и использует ее для формирования соответствующего результата. Эта информация сохраняется в модели и есть риски того, что эти данные могут быть использованы другими пользователями, эта информация может быть получена в результате незаконно обеспечения доступа к компьютерной информации модели при соответствующем проникновении в систему, в том числе с использованием вредоносного программного обеспечения. Традиционно выделяют «следующие виды систем агентского искусственного интеллекта с учетом последствий их применения в бизнесе с точки зрения информационной безопасности: внешний агентский искусственный интеллект — пользовательский интерфейс с внешней моделью искусственного интеллекта, над которым нет никакого контроля, есть только возможность управлять данными и промптами, которые отправляются на вход

ML-системе; внутренний корпоративный искусственный интеллект, созданный для внутреннего использования»[1]. Понятно, что риск функционирования корпоративной системы значительно ниже, но риск раскрытия информации ограниченного доступа сохраняется. В связи с этим нормативно необходимо устанавливать требования об оповещении пользователя о том, каким образом в системе происходит сохранение данных — в рамках внутреннего безопасного контура системы на уровне отдельного пользователя или же с обеспечением возможности предоставления таких данных в целом в системе, что будет обеспечивать возможность доступа к информации другим пользователям. Естественно, важно на уровне системы оповещать пользователя о необходимости обеспечения конфиденциальности своих данных при промтинге. Разработчики же агентского искусственного интеллекта должны оповещать о наличии или об отсутствии функции анонимизации пользовательских данных и другой информации ограниченного доступа, а также функций сегментации пользователей при использовании такой информации.

Эти и другие проблемы должны быть учитаны в процессе развития правового обеспечения использования искусственного интеллекта, в том числе агентского.

Камалова Г. Г.,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой информационной
безопасности в управлении
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет»

ДОВЕРИЕ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ В СЕМЬЕ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В условиях максимального расширения поля функционирования цифровых технологий, которые оказывают влияние практически на все сферы жизни общества и государства, вопросы кибербезопасности и доверия при использовании цифровых устройств приобретают особое значение. Этот факт наиболее ярко проявляется в связи с динамикой развития технологий искусственного интеллекта и расширением внедрения решений на базе этих технологий, всё более проникающих не только в профессиональную, но и повседневную, бытовую жизнь человека. В условиях, когда устойчивое развитие семьи и семейные ценности являются стратегически важными для национальной безопасности, влияние на них цифровых технологий, включая искусственный интеллект, требует всестороннего осмысления, что и определило авторскую мотивацию в выборе темы исследования.

В обновленной в 2024 г. редакции Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации введено понятие «доверенные технологии искусственного интеллекта», под которыми предлагается понимать те технологии в этой области, которые отвечают стандартам безопасности и разработаны на принципах объективности, недискриминации, этичности, а

[1] *Вичугова А.* Топ-5 проблем агентского ИИ и как их преодолеть.

также исключающие возможность причинения вреда человеку и нарушения его основополагающих прав и свобод, нанесения ущерба интересам общества и государства при их использовании[1]. При этом вводится обязательное требование внедрения таких доверенных технологий, если при их использовании может быть нанесен ущерб безопасности России.

Указанный документ стратегического планирования связывает доверенные технологии искусственного интеллекта с обеспечением безопасности применения таких технологий, указывая необходимость методического и нормативно-правового обеспечения внедрения доверенных технологий искусственного интеллекта. Среди инструментов также определены: реестр апробированных доверенных технологий в этой области, сертификация решений на базе технологии искусственного интеллекта, формирование минимального рекомендуемого стандарта.

Рассмотрение сложной проблематики формирования доверия к искусственному интеллекту несомненно требует начать с констатации того факта, что главным основанием исследования должна выступать детерминированная взаимосвязь понятий «доверие» и «безопасность» во всех аспектах их содержания. Вместе с тем если безопасность цифровых систем в праве в определенной мере исследована[2], хотя и по-прежнему, безусловно, недостаточно, то «доверие» в контексте правового обеспечения цифровых технологий понятие сравнительно новое[3].

Однако доверие как категория активно применяется в современной науке и является одним из основных понятий психологии, а также широко используется в социологии как основа всех социальных институтов. При этом доверие характеризуется через готовность соблюдения определенных правил, обмена конфиденциальной информацией, умение взаимодействовать бесконфликтно, учитывая и соблюдая баланс интересов. Кроме того, доверие отражает ожидание субъекта в отношении определенного качества объектов и их безопасности, позволяющих субъекту делегировать им определенные функции. Следует отметить как значимую для проблематики настоящего исследования такую характеристику, как предсказуемость объекта доверия. Вместе с тем понятие «доверие» как научная категория в настоящее время не достаточно исследовано и содержательно дискуссионно, в том числе в праве. Не ставя в рамках данного исследования задачу дискуссии по содержанию этого понятия, следует согласиться, что «Доверие представляет собой сегодня эмпирическую категорию, требующую адекватного теоретического осмысления»[4].

Современное развитие понимания доверия как социального феномена связано с цифровой трансформацией общества и государства, а также с рисками в

---

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[2] Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : колл. монография / под ред. А. В. Минбалеева. М., 2023.

[3] *Яковлева Е. А.* Правовая природа и сущность цифровой доверенной среды // Безопасность как стратегический национальный приоритет России в условиях современности : материалы Шестого международного транспортно-правового форума. М., 2024. С. 297–301.

[4] *Леонова И. Ю.* Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2015. № 2. С. 35.

этой сфере, включая мошенничество с использованием цифровых данных, сбои технических систем, распространение недостоверной информации в цифровой среде. В этой ситуации доверие приобретает новый контекст как фактор безопасного функционирования в современном мире. Обращает на себя внимание также непосредственная связь доверия в цифровом мире не только с рисками, но и с риск-ориентированным подходом.

Доверие является базовым фактором семейных отношений и лежит в основе успешных коммуникаций и взаимодействия членов семьи. Укрепление коммуникационной связи и выработка доверия в семье осуществляется посредством совместного выполнения бытовых обязанностей, формирования и развития семейных ценностей, заботы о детях, больных и престарелых членах семьи, совместных игр, общих интересов и поиска компромиссов в необходимых ситуациях.

Современность характеризуется формированием зависимости от искусственного интеллекта, в том числе в семье. Системы искусственного интеллекта и объекты робототехники могут присутствовать в системах «умный дом» и элементах автоматизации, использоваться для образования и досуга, выступать виртуальными компаньонами и специализированными медицинскими помощниками, выполнять иные функции. С одной стороны, это рассматривается специалистами как укрепление связей в семье за счет участия искусственного интеллекта в распределении домашних обязанностей, заботы о больных, пожилых родственниках и детях, улучшении коммуникации благодаря его беспристрастности и нейтральности, нахождению компромиссов, развитию навыков общения, укреплению семейных традиций и использованию интерактивных игр[1]. Сегодня даже уже используется понятие «семейный робот»[2], которое пока скорее представляет языковое воплощение перспектив.

С другой стороны, в этой области есть значительные риски. Например, члены семьи всё меньше общаются друг с другом, что влечет нарушение коммуникации в семье. Это происходит за счет компенсации необходимого общения посредством использования голосовых помощников и иных систем искусственного интеллекта, которые реализуют функции общения с человеком на естественном языке. Кроме того, при функционировании решений и устройств на базе технологий искусственного интеллекта происходит постоянный сбор и хранение личной информации, что особо чувствительно в традиционно закрытой сфере личной и семейной жизни человека и несет риск нарушения неприкосновенности частной жизни[3].

Гносеологические проблемы исследования взаимосвязи семьи и результатов использования технологий искусственного интеллекта усугубляются вследствие того, что такого рода системы и устройства подстраиваются к интересам конкретного пользователя и могут игнорировать интересы другого лица, а фор-

---

[1] Робот в семье: новый член, укрепляющий связи // URL: https://www.b17.ru/article/519941/ (дата обращения: 21.06.2025).

[2] Семейный робот // Весь мир в твоем окне. URL: https://uposter.ru/blog/technology/1633.html (дата обращения: 21.06.2025).

[3] *Камалова Г. Г.* Этические и правовые вопросы охраны права на неприкосновенность частной жизни при создании и использовании робототехники и систем искусственного интеллекта // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право : сборник научных трудов. 2018. С. 238–248.

мируя разнообразные советы они позволяют создавать чувство всестороннего изучения вопроса и уменьшать восприятие ответственности пользователя за принимаемые решения. Это позволяет констатировать, что внедрение решений и устройств, функционирующих с использованием технологий искусственного интеллекта, грозит человеку утратой в определенной мере критического мышления и самостоятельности, что чревато снижением уровня социализации, столь важной в рамках укрепления семейных ценностей.

Следует также учитывать, что существуют различия в восприятии и адаптации к цифровым инновациям лиц, принадлежащих к разным поколениям, что характерно практически для каждой семи. Если молодое поколение воспринимает цифровые технологии как неотъемлемую часть своей жизни, то лица старшего поколения могут иметь затруднения во взаимодействии. Кроме того, последние не всегда готовы понять особенности функционирования отдельных систем и могут заблуждаться в отношении того с кем/чем осуществляют взаимодействие. Так, по данным исследователей роботу-сиделке готовы доверять 54 % молодежи и 11 % лиц старшего поколения[1]. Это порождает разрыв в восприятии робототехники и систем искусственного интеллекта в рамках одной семью и ведет к конфликту ценности поколений.

Исследуя вопросы доверия к системам искусственного интеллекта и робототехнике следует учитывать, что чувство доверия человек испытывает не всегда рационально и обоснованно. Исследователи Технологического института Джорджии в результате проведенных экспериментов установили возможность повышенного и необоснованного доверия роботам, даже совершающим ошибки и дающим нелогичные указания в чрезвычайной ситуации. Эксперимент проводился с использованием робота с надписью, оповещающей о его аварийности. Испытуемым предлагали двигаться в ходе эвакуации за таким роботом, и они выполняли указания робота, невзирая на: оповещения о его неисправности, движение по кругу, неоптимальному маршруту и в тупик. Сомнения в правильности указаний робота возникли, только когда он делал очевидные ошибки[2]. Вместе с тем использование решений и устройств на базе технологий искусственного интеллекта в более сложных и чувствительных сферах, например для психологического консультирования членов семьи в конфликтных ситуациях, может приводить к необратимым последствиям. К сожалению следует констатировать, что сегодня уже известны случаи самоубийств в результате общения с чат-ботом, что особо опасно в отношении несовершеннолетних[3].

Указанное определяет ключевое значение концепции ответственного искусственного интеллекта и доверительных технологий искусственного интеллекта

---

[1] *Попова А. А., Хижнякова М. С., Гаврилова Ю. В.* Роботизированная техника: поколенческий аспект использования в повседневной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 19–25.

[2] Доверие к роботам оказалось сильнее здравого смысла // URL: https://nplus1.ru/news/2016/03/01/trust-robots?ysclid=mchjjhtopt320595492 (дата обращения: 25.03.2025).

[3] Как общение с чат-ботом убило подростка: полная версия душераздирающей истории // URL: https://kiozk.ru/article/kak-obsenie-s-cat-botom-ubilo-podrostka-polnaa-versia-duserazdirausej-istorii (дата обращения: 25.03.2025) ; Подросток покончил с собой после любовной переписки с чат-ботом Дейенерис Таргариен // URL: https://kz.kursiv.media/2024-10-24/lfst-ttkn-character-ai/?ysclid=mchl87dnzw868915441 (дата обращения: 25.03.2025).

при их использовании не только в системе государственного управления, но и применяемых в быту, в повседневной жизни человека. В связи с этим, полагаем, необходимы стандарты и иные инструменты, позволяющие гарантированно обеспечивать жизненный цикл доверенных (безопасных) решений и устройств, основанных на технологиях искусственного интеллекта. Кроме того, важно развивать правовые механизмы выполнения требований технического регулирования.

Следует однако отметить, что хотя в области разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта принято множество разнообразных стандартов[1], обязательность выполнения их требований на уровне законодательства не установлена, так же как обязанность сертификации таких объектов. Перечень видов продукции (работ, услуг), в отношении которых действуют особые правила технического регулирования, установлены статьями 5–5.6 Федерального закона «О техническом регулировании»[2], и объекты в связи с технологиями искусственного интеллекта не включены в этот перечень.

Системы искусственно интеллекта и объекты робототехники в самом общем виде состоят из программ для ЭВМ, баз цифровых данных и технических устройств (аппаратных средств). В связи с этим следует отметить, что в области разработки и использования программ для ЭВМ действует стандарт ГОСТ Р 56939-2024, направленный на безопасную разработку и создание доверенного программного обеспечения[3]. Кроме того, ИТ-специалистами используется понятие «доверенной загрузки» и иные взаимосвязанные понятия. В рамках настоящего исследования необходимо также отметить приказ ФСТЭК России от 02.06.2020 № 76[4], устанавливающий требования по уровням доверия к средствам технической защиты информации и средствам обеспечения безопасности информационных технологий.

Следовательно, можно сделать вывод, что определенные требования в отношении компонентов систем искусственного интеллекта и объектов робототехники установлены законодательством России. Однако они охватывают только часть компонентов рассматриваемых систем и устройств искусственного интеллекта. Вместе с тем совокупность компонентов еще не образует систему в целом. В связи с этим полагаем, что в настоящее время необходимы специальные требования по кибербезопасности и доверенному искусственному интеллекту.

---

[1] См., например: ГОСТ Р 71063-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Робототехнические комплексы. Интероперабельность. Общие положения, утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 30.10.2023 № 1297-ст. М. : ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.

[2] Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О техническом регулировании» // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

[3] ГОСТ Р 56939-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Разработка безопасного программного обеспечения. Общие требования, утв. приказом Росстандарта от24.10.2024 № 1504-ст // Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. URL: https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=263523&ysclid=mchvfrbkkm974546712 (дата обращения: 30.04.2025).

[4] Требования по безопасности информации, устанавливающие уровни доверия к средствам технической защиты информации и средствам обеспечения безопасности информационных технологий, утв. приказом ФСТЭК России от 02.06.2020 № 76 // СПС «КонсультантПлюс».

Системам искусственного интеллекта и объектам робототехники свойственные специфические угрозы и риски, включая отравление цифровых данных, псевдообученность искусственного интеллекта, и поэтому требуется формирование научно-технологической базы в отношении доверенного искусственного интеллекта. Это определит основу организационно-правовых и технологических требований в этой области, будет способствовать долгосрочному устойчивому развитию посредством внедрения правовых механизмов обеспечения безопасности полного цикла функционирования системы искусственного интеллекта и объекта робототехники в рамках доверенной технологии.

Попова Т. В.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Развитие информационного общества и цифровой экономики в современную эпоху неразрывно связано с активным внедрением цифровых технологий, искусственного интеллекта (ИИ), который в последние десятилетия продемонстрировал невероятные достижения в различных областях, что привело к цифровизации и трансформации всех сфер общественной жизни[1].

Очевидно, что и сами общественные отношения подверглись изменениям, но особенно важным является то, что базовые конституционные принципы и основные права и свободы личности сохраняют свою высшую ценность, а их признание и защита являются обязанностью государства, что должно отражаться в государственной политике.

В связи с этим в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации одним из стратегических национальных приоритетов является защита традиционных российских семейных духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет Российской Федерации.

---

[1] См.: Трансформация информационного права : монография / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2023 ; Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : монография / А. В. Минбалеев, А. В. Мартынов, Г. Г. Камалова [и др.]. М. : Проспект, 2023 ; *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.* Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России // Государство и право. 2025. № 1. С. 160–173 ; *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.* К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91 ; *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.

В свою очередь, традиционные ценности рассматриваются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, нашедшие свои уникальные проявления в развитии многонационального народа России и включают в том числе жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, высокие нравственные идеалы, крепкую семью[1].

По мере развития цифровых технологий эволюционируют человек, общество и государство. Меняется отношение к цифровым технологиям и вырабатывается зависимость от них.

Под влиянием цифровой среды изменились и внутрисемейные отношения. Вместо «живого общения» члены семьи общаются через мессенджеры, видеозвонки, значительную часть времени проводят за гаджетами, дети обращаются с вопросами не к старшим членам семьи, а получают ответы от искусственного интеллекта, что в дальнейшем может привести к негативным последствиям для психического и когнитивного развития ребенка и ослаблению семейных связей. Также использование цифровых технологий в виде родительского контроля, за местом нахождения ребенка посредством использования онлайн-сервисов, различных приложений позволяет чрезмерно вмешиваться в личное пространство подростков.

Некоторые исследователи отмечают появление гибридных форм семейных отношений выраженных в сочетании традиций и новых технологий.

С одной стороны, несмотря на потенциальные риски, становится ясным, что уникальные преимущества, которые может предоставить ИИ, заставляют нас стремиться к его развитию, с другой стороны, мы можем наблюдать некоторые проблемы ориентации ИИ на человеческие приоритеты, трансформацию ценностей, соотношения ИИ с этическими нормами.

Кризис института семьи в России носит системный характер, хотя формально в структуре ценностей граждан семья доминирует. Основная причина кризиса семьи видится в трансформации традиционных устоев и системы ценностей российского общества: снижение значимости института семьи, увеличение количества разводов; высокая степень разобщенности и нарушение преемственности поколений, разрушение семейных традиций, деформация семейных ценностных ориентаций; утрата ценности брака как союза мужчины и женщины, отвечающего требованиям человеческой природы и служащего продолжению рода; демографический кризис[2].

В юридическом контексте «семья» представляет собой «объединение, союз, совместно проживающих лиц, связанных взаимными правами и обязанностями, возникающими из брака, родства, усыновления или иной формы устройства детей на воспитание в семью»[3].

---

[1] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

[2] *Абраменкова В. В.* Эволюция ценностей семьи и традиций семейного воспитания // Психологическая газета: [сайт]. URL: https://gymnasium.pruzhany.by/category/vizitka/kollektiv/ (дата обращения: 26.05.2025).

[3] *Грудцына Л. Ю.* Семейное право России. М., 2007. С. 5.

По мнению Г. Ф. Шершеневича, «физический и нравственный склад семьи создается помимо права. Юридический момент необходим и целесообразен в области имущественных отношений членов семьи»[1].

Считаем, что факт совместного проживания, ведение совместного хозяйства, совместной деятельности, наличие общих интересов, активного участия в жизни семьи, проявление заботы о членах семьи, в том числе больных, престарелых также является существенным условием для определения понятия «семья». Кроме этого, семья создается и сосуществует с целью обсуждения и решения бытовых проблем, для создания коммуникаций, организации досуга, образования и пр.

В свою очередь, семейные ценности представляют собой обычаи и традиции, которые передаются от поколения к поколению. Культивирование и воспитание ценностей, чувств, которые люди переживают вместе — радость, горе, благополучие, проблемы и трудности, любовь, доверие, верность, взаимопонимание, уважение — всё это не подвластно машинам.

ИИ, как следует из официального понятия, представляет «комплекс технологических решений, позволяющий лишь имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»[2].

Важно осознать, что технологии могут как обогащать, так и разрушать традиционные ценности, и необходимо найти баланс между их использованием и сохранением человеческих связей.

В рамках одного из зарубежных исследований было изучено влияние аспектов ИИ на семейное общение. Также проанализирован ряд аспектов ИИ которые влияют на динамику общения в семье и даны рекомендации:

— Доступность: устройства и приложения на базе ИИ могут упростить общение членов семьи друг с другом, даже если они физически разделены. Доступность гарантирует, что все члены семьи, включая лиц с ограниченными возможностями или различными уровнями образования, могут в полной мере участвовать в общении, способствуя инклюзивности и равенству в семье.
— Персонализация: ИИ может помочь персонализировать общение, анализируя данные о предпочтениях, привычках и интересах членов семьи. Например, приложение для обмена сообщениями, использующее ИИ, может предлагать темы для разговоров, основываясь на том, о чем члены семьи говорили в прошлом. Это может помочь семьям общаться более эффективно.
— Языковой перевод: программное обеспечение для перевода на базе ИИ может помочь семьям общаться, преодолевая языковые барьеры. Это может быть особенно полезно в семьях, члены которых говорят на разных языках или живут в разных странах.
— Конфиденциальность: ИИ потенциально может нарушить конфиденциальность семьи, собирая и анализируя данные о привычках общения и поведении членов семьи. Например, интеллектуальный динамик, который всегда слушает, потенциально может записывать личные разговоры. Членам семьи важно осознавать последствия использования устройств и приложений на

[1] *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1915. Т. 2.

[2] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

базе ИИ для обеспечения конфиденциальности и принимать меры для ее защиты.

— Зависимость: Чрезмерное использование устройств и приложений на базе ИИ для общения потенциально может ослабить навыки личного общения и привести к социальной изоляции. Например, если члены семьи общаются только с помощью текстовых сообщений или приложений для обмена сообщениями, они могут упустить нюансы личного общения. Семьям необходимо сбалансировать использование устройств и приложений на базе искусственного интеллекта с личным общением.
— Безопасность: ИИ может помочь обеспечить безопасность семьи, отслеживая потенциальные риски и угрозы, такие как киберзапугивание или онлайн-хищники. Например, приложение для родительского контроля, использующее ИИ, может отслеживать онлайн-активность ребенка и предупреждать родителей о потенциальных рисках. Однако также важно учитывать потенциальную возможность нарушения конфиденциальности при помощи слежки с использованием ИИ и использовать эти инструменты ответственно и этично.

Также в исследовании отмечено усиление роли ИИ, где ИИ может выполнять свою нетрадиционную роль собеседника, а также генератора контента. Кроме того, растет интерес к созданию роботов с поддержкой искусственного интеллекта, которые способны взаимодействовать как вербально, так и невербально.

Все эти аспекты в совокупности, по мнению исследователей, формируют семейную коммуникационную систему и способствуют формированию более гибких реагирующих процессов коммуникации в семьях, интегрирующих технологии искусственного интеллекта[1].

В качестве заключения вполне логично было бы спросить у ИИ, как сохранить семейные ценности в цифровом мире? Чатбот ChatGPT дал следующий ответ: «Сохранение семейных ценностей в цифровом мире — это непрерывный процесс. Требуется осознанность, постоянное общение, гибкость и готовность адаптироваться к постоянно меняющейся технологической среде. Главное — выстраивать отношения в семье на основе любви, доверия и уважения. Вот несколько стратегий, которые могут помочь:

Осознание и определение семейных ценностей: какие ценности важны для вашей семьи (любовь, доверие, уважение, общение, честность, творчество, забота о других, образование, здоровье и т.д.). Установите лимиты на использование экрана для членов семьи, особенно для детей. Научите детей основам кибербезопасности: защита личной информации, распознавание мошеннических схем, осторожность в общении с незнакомцами в Интернете. Используйте его ответственно, например, для обучения, развлечения, но не позволяйте ему диктовать ваши решения или заменять настоящие отношения. Учите детей понимать чувства других, проявлять заботу и поддержку. Это поможет им противостоять дегуманизирующему влиянию ИИ. Выделите время для совместного использования цифровых устройств (например, посмотреть фильм вместе, поиграть в онлайн-игру). Используйте родительский контроль на устройствах

[1] Original research article. Front. Artif. Intell., 11 September 2024. Sec. AI for Human Learning and Behavior Change. Vol. 7. 2024. URL: https://doi.org/10.3389/frai.2024.1398960. Nada Mohammed Alfieri Nada Mohammed Alfieri. URL: https://frontiersin.org/journals/artificial-intelligence/articles/10.3389/frai.2024.1398960/full (дата обращения: 26.05.2025).

и в приложениях, чтобы ограничить доступ к нежелательному контенту и обезопасить детей от онлайн-угроз. Открыто обсуждайте с детьми то, что они видят онлайн. Задавайте вопросы, объясняйте возможные риски. Выбирайте контент вместе с детьми, чтобы контролировать, что они смотрят и во что играют. Периодически проверяйте активность детей в социальных сетях и мессенджерах). Учите детей соблюдать правила онлайн-этикета (уважение, вежливость, ответственность за свои слова). Создайте возможность для регулярного общения в семье, например, ежедневные ужины, семейные игры, совместные прогулки. Используйте цифровые платформы для организации семейных видеозвонков с родственниками, находящимися далеко, организуйте семейные мероприятия онлайн. Используйте цифровые инструменты для совместного творчества (например, создание семейных фотоальбомов, видео, музыки). Используйте сети и ресурсы для поддержки социальных ценностей (например, волонтерство онлайн, участие в благотворительных акциях). Нельзя полностью избежать влияния ИИ, но можно стремиться к равновесию. Используйте ИИ как инструмент, а не как замену человеческим отношениям»[1].

Пашнина Т. В.,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Уральского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, кандидат юридических наук

РОЛЬ ПРИНЦИПОВ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Научно-технологическое развитие страны с широкой опорой на наукоемкие и инновационные технологии, является стратегическим национальным приоритетом политики российского государства[2]. От степени внедрения прорывных технологий зависит не только дальнейшее развитие страны, ее устойчивость в вопросах противостояния большим вызовам, но и эволюция системы публичной власти и управления, играющей ключевую роль в вопросах формирования взаимного доверия государства и общества (ст. 75.1 Конституции РФ).

Одной из «подсистем» цифрового государства является электронное (цифровое) правосудие, представляющее собой «способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»[3].

---

1 URL: https://ai.mitup.ru/chatgpt-free.

2 См.: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

3 См., например: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362 (ред. от 28.08.2019) «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование

Именно с цифровизацией связывается дальнейшая трансформация судебной системы, поскольку, по словам председателя Верховного Суда РФ, это приведет к ускорению рассмотрения дел и снижению волокиты[1].

Применительно к судебной сфере специалисты прогнозируют революцию в:

— познавательно-доказательственной базе (цифровые следы как электронные доказательства; новые виды судебных экспертиз);
— электронных средствах организации работы суда (электронный документооборот, электронное дело, интеллектуальные системы анализа материалов дел и нормативного материала);
— системах электронного участия в процессе (видео-конференц-связь, электронные повестки, смс-уведомления, и т.п.[2]

Самым дискуссионным аспектом перехода в форму цифрового правосудия является вопрос интеграции в судебную деятельность технологий искусственного интеллекта, в связи с чем особую значимость приобретает система принципов, которые будут «очерчивать» пределы такого внедрения[3].

Указанная система представляет собой совокупность нескольких элементов, среди которых считаем важным отметить следующие.

1. Принципы, определяющие сущность судебной власти, правосудия и видов судопроизводства:

— Конституционные принципы — общеправовые, принципы судоустройства и судопроизводства: соблюдение прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 17, 18); равенство (равноправие) перед законом и судом (ч. 1 ст. 19); доступность правосудия (ст. 46, 52); открытость и гласность суда и судебной деятельности (ч. 1 ст. 123); состязательность и равноправие сторон (ч. 3 ст. 123), и др.
— Отраслевые принципы осуществления определенного вида судопроизводства, закрепленные в процессуальном законодательстве: ст. 5–10 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ; ст. 5–12 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ; ст. 6–19 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ; ст. 6–14 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ; ст. 29–35 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 2.

[1] См.: Цифровой гуманизм и работа над качеством: Подносова о трендах правосудия БРИКС // РАПСИ: Российское агентство правовой и судебной информации: сайт. 2024. 19 июня. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240619/310002247.html (дата обращения: 29.05.2025).

[2] *Зорькин В. Д.* Лекции о праве и государстве: СПб. : Конституционный Суд РФ, 2024. С. 243.

[3] Данный вопрос раскрывался в книге: *Пашнина Т. В.* Основы правового обеспечения цифровизации судебной власти. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2025. С. 41–43.

— Международные принципы-стандарты судебной деятельности: обоснованность; объективность (непредвзятость); полнота исследования доказательств; справедливость, и др.[1]

2. Принципы обеспечения свободы доступа к информации о деятельности судов, закрепленные в ст. 4 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[2]: открытость и доступность информации о деятельности судов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации; достоверность информации о деятельности судов и своевременность ее предоставления; свобода поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности судов любым законным способом, и др.

3. Принципы применения «сквозных» цифровых технологий в судебной деятельности, в том числе при осуществлении правосудия:

Данная группа принципов находится в стадии формирования. Однако целесообразным представляется выделение двух ее элементов:

1. Принципы внедрения информационных технологий в деятельность органов судебной власти. В качестве данной группы принципов можно рассматривать принципы реализации «Концепции информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года» (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 02.12.2019 № 785):

— преемственности в развитии программно-технических средств и стабильность развития системы;
— оптимальности;
— учета изменений внешних условий;
— защиты и безопасности;
— управления возможным рисками;
— сохранения ранее сделанных инвестиций;
— стандартизации и унификации; обеспечения государственного и пользовательского контроля; возможность выбора способа коммуникации (разд. 6)[3].

В качестве базовых принципов внедрения цифровых технологий в работу органов судебной власти исследователи также предлагают признать принципы доступности, надежности, инновационности[4].

2. Этические принципы применения искусственного интеллекта при осуществлении правосудия.

Профильного документа, регулирующего этические аспекты применения искусственного интеллекта в судебной системе России, не существует. Поэтому особый интерес представляют положения, сформулированные в «Кодексе этики

---

[1] См.: *Приженникова А. Н.* Осуществление правосудия в условиях информатизации и цифровизации // Образование и право. 2020. № 9. С. 218 ; *Гравина А. А., Кашепов В. П., Макарова О. В.* Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2010. С. 192–196.

[2] СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

[3] Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 02.12.2019 № 785 // СПС «Гарант».

[4] См.: *Яшина А. А.* К вопросу о внедрении информационных технологий в судебной деятельности // Актуальные проблемы судебной деятельности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2020. С. 103.

в сфере искусственного интеллекта», разработанном Альянсом в сфере искусственного интеллекта в 2021 г., а именно:

— защита интересов и прав людей при развитии искусственного интеллекта (человеко-ориентированный и гуманистический подход; уважение автономии и свободы воли человека; недискриминация; др.);
— осознанная ответственность при создании и использовании искусственного интеллекта (ответственное отношение; предосторожность; непричинение вреда; поднадзорность; др.);
— достоверность, прозрачность, доступность информации о системах искусственного интеллекта[1].

В контексте дальнейшего формирования специальных принципов применения искусственного интеллекта в российской судебной системе, следует иметь в виду принципы, изложенные в «Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях» (2018)[2], созвучные изложенным выше принципам «Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта»: соблюдения основных прав; недискриминации; качества и безопасности; прозрачности, беспристрастности и достоверности; контроля пользователем[3].

Значимость этических принципов в вопросе регулирования применения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности подтверждают слова И. Л. Подносовой, на совещании председателей верховных судов государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) заявившей, что «внедрение элементов искусственного интеллекта в работу судей имеет не только прикладной, но и этический аспект. По ее словам, автоматизированное правосудие способно существенно облегчить работу судей, но его применение возможно только по бесспорным вопросам, когда работа судьи не связана с анализом правоотношений сторон и носит технический характер»[4].

Таким образом, в заключение считаем необходимым отметить — переход правосудия в цифровую форму не меняет его сущности и носит субсидиарный характер по отношению к имеющейся системе судебной защиты, предоставляя дополнительные гарантии доступности правосудия для всех участников процесса.

Особая роль принципов заключается в выполняемой ими функции «каркаса» для всей системы правового регулирования осуществления правосудия в цифровой среде, позволяющей и сохранить неизменной его смыслообразующую часть, и, по необходимости, дополниться принципами, связанными с потребностью

---

[1] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (2021) // URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2025/05/23/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1_yKu2UtZ.pdf (дата обращения: 29.05.2025).

[2] URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4 (дата обращения: 29.05.2025).

[3] См.: *Зорькин В. Д.* Лекции о праве и государстве: СПб. : Конституционный Суд РФ, 2024. С. 244–245.

[4] *Подносова И.* ИИ облегчит работу судей, но применим лишь по бесспорным вопросам // PROбанкротство: [сайт]. URL: https://probankrotstvo.ru/news/irina-podnosova-ii-oblegcit-rabotu-sudei-no-primenim-lis-po-besspornym-voprosam-8535 (дата обращения: 29.05.2025).

интегрировать в судебную сферу прорывные научно-технические достижения, к числу которых относится искусственный интеллект.

В связи с риском чрезмерного увлечения инновациями считаем необходимым закрепление в качестве принципов сохранение возможности доступа к правосудию в традиционной форме и запрет возложения принятия решений на искусственный интеллект в случаях, когда требуется оценка субъективных факторов, на которую способен только судья-человек, обладающий не только знанием норм права, но и жизненным опытом, эмоциональным интеллектом, без которых невозможна реализация в судебной деятельности принципа гуманизма.

Соловкин С. В.,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры информационного права
и цифровых технологий,
научный сотрудник НОЦ правового регулирования
в сфере высоких технологий
НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ[1]

Генеративный искусственный интеллект сегодня оказывает трансформирующее влияние не только на правовую сферу, но и на более широкие основания современного общества, в том числе социальные, экономические и философские[2]. Интеллектуальные алгоритмы ставят под сомнение границы субъектности, вмешиваются в процессы принятия решений и порождают новые формы социальной реальности.

Пока разработка так называемого «сильного» искусственного интеллекта остается задачей будущего, правоведы уже сегодня сталкиваются с необходимостью осмысления тех вызовов, которые несет повсеместное использование генеративных интеллектуальных систем. Именно на этом этапе, пока право еще может проактивно реагировать, важно поставить фундаментальные вопросы, благодаря ответам на которые станет возможным адресовать вызовы генеративного искусственного интеллекта.

Настоящая работа представляет собой попытку зафиксировать и проанализировать ряд наиболее острых проблем, возникающих в рассматриваемой области, и отметить возможные пути их правового осмысления и разрешения.

Размывание субъектности в цифровой среде. В условиях цифровой трансформации традиционная субъект-объектная дихотомия утрачивает прежнюю устойчивость. Некоторые качества, ранее присущие исключительно субъекту, включая способности к восприятию и познанию, мышлению и действию, творчеству и

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

[2] Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта / А. В. Минбалеев, Т. А. Полякова, М. Б. Добробаба [и др.]. Саратов : Амирит, 2023.

созиданию, сегодня могут быть воспроизведены программными (программно-аппаратными) техническими решениями, то есть тем, что мы привыкли считать объектом. При этом, безусловно, не все субъектные характеристики в полной мере относимы к генеративному искусственному интеллекту. В частности, искусственный интеллект до сих пор не обладает интенциональностью и свободой воли, а также моральной ответственностью и способностью к самосознанию. Вместе с тем по мере усложнения архитектуры интеллектуальных систем и расширения их функциональной автономии поставленный вопрос о границах субъектности и ее правовой интерпретации становится всё более актуальным[1]. Рассматриваемый вопрос уже не ограничивается лишь сферой теоретико-правового анализа, поскольку обостряется в конкретных практических ситуациях, например при решении споров о праве на результаты, созданные искусственным интеллектом, или при определении ответственного за вред, причиненный его действиями.

В указанных обстоятельствах в качестве одной из попыток ответа на рассматриваемый вызов развивается дискуссия о возможности признания субъектности (квазисубъектности) за искусственным интеллектом[2]. В частности, предлагаются различные модели правового статуса интеллектуальных систем, включая модели функциональной субъектности, делегированной агентности или техно-деликтной ответственности. Представляется, что высказываемые в рамках этой дискуссии предложения не лишены существенного недостатка: они выстроены на попытке приложения субъект-объектной дихотомии к сущности, которая ранее никогда не существовала и в принципе не может быть сведена к субъекту или объекту в силу своих имманентных свойств.

Соответственно, категория «субъект», являющаяся не только правовой, но и философской, в ее традиционном значении сегодня может быть поставлена под сомнение применительно к цифровой среде и использованию генеративного искусственного интеллекта, который выходит за пределы бинарного деления на «субъект» и «объект», что, следовательно, требует переосмысления оснований правовой субъектности применительно к новым технологическим реалиям. Вместо попыток включить искусственный интеллект в рамки привычных правовых и философских конструкций, требуется более глубокое переосмысление понятийного аппарата, способного отразить качественно иную природу интеллектуальных систем.

Обеспечение прозрачности и объяснимости процессов использования генеративного искусственного интеллекта. Многие модели генеративного искусственного интеллекта, особенно основанные на архитектуре глубинного обучения, построены по принципу «черного ящика», то есть функционируют как нелинейные системы с непрозрачными внутренними механизмами. В связи с

---

[1] *Минбалеев А. В.* Правовая природа искусственного интеллекта // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 17–19 октября 2024 г. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 10–13.

[2] *Добробаба М. Б.* Искусственный интеллект: объект или субъект права? // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: Материалы конференций в рамках X Московской юридической недели : в 5 ч., Москва, 24–27 ноября 2020 г. М. : РГ-Пресс, 2021. Ч. 1. С. 303–308.

этим их решения могут не поддаваться явной и определенной интерпретации и верификации не только пользователями, но и разработчиками.

В указанных обстоятельствах создаются риски нарушения основополагающих правовых принципов, в том числе принципов справедливости, обоснованности, правовой определенности и обеспечения доверия к правовым институтам. Особую значимость это имеет в сферах общественных отношений, в которых принимаются решения, влияющие на права и законные интересы людей, например, в правосудии, здравоохранении, образовании, государственном управлении и т.д.

Соответственно, актуализируется необходимость разработки новой правовой категории, которая может быть описана как право на получение объяснений. Указанное право корреспондирует обязанности субъекта, применяющего интеллектуальную систему, раскрывать основания и параметры принятых с использованием искусственного интеллекта решений. В перспективе институционализация рассматриваемой категории может стать необходимым элементом правовой защиты личности в условиях цифровой трансформации и усиления роли алгоритмического управления.

Недопустимость использования генеративного искусственного интеллекта в качестве инструмента масштабируемых злоупотреблений. Генеративные системы искусственного интеллекта обладают потенциалом создания фальшивого, манипулятивного и деструктивного контента в массовом масштабе. Дипфейки, автоматизированные фишинговые письма, генерация пропаганды или дискредитации через псевдоновости — всё это примеры того, как искусственный интеллект может быть использован в преступных или недобросовестных целях. Конечно, приведенные противоправные социальные практики могут осуществляться и без использования инструментов искусственного интеллекта. Однако интеллектуальные системы позволяют злоумышленникам экспоненциально масштабировать противоправную деятельность, создавая беспрецедентную нагрузку на правоохранительные институты[1].

Соответственно, технологическая нейтральность права сталкивается с необходимостью вводить жесткие рамки допустимого использования, а также искать новые способы противодействия злоупотреблениям. Правовая реакция на эти вызовы должна включать как превентивные меры, например, обязательную маркировку синтетического контента, так и карательные инструменты, включая ответственность за распространение вредоносной информации с использованием искусственного интеллекта. Кроме того, возникает потребность в юридически оформленных принципах «этического использования» и технологиях отслеживания происхождения контента. Наконец, как никогда ранее актуализируется необходимость цифрового и правового просвещения граждан, их

[1] *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.* Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России // Государство и право. 2025. № 1. С. 160–173 ; *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.

обучения современным методикам распознавания недобросовестных практик в цифровой среде и противодействия им[1].

Обеспечение безопасности данных, относящихся к людям, а именно персональных данных и данных о человеке. Генеративные модели, как правило, обучаются на больших массивах данных, среди которых оказываются данные, относящиеся к людям[2]. Даже если такие данные были изначально обезличены, мощные интеллектуальные алгоритмы могут реконструировать личность или сгенерировать персонализированный контент, основанный на неявных паттернах мышления и поведения человека или целых социальных групп[3].

Это вызывает серьезные опасения в контексте защиты данных. Особенно остро стоит вопрос соблюдения принципов целевого использования, минимизации и согласия субъектов данных[4]. Регулирование в этой сфере требует пересмотра устоявшихся представлений о границах приватности и усиления ответственности разработчиков и операторов интеллектуальных систем за утечку, неправомерное использование и дискриминационную обработку данных.

Глобальная фрагментация правового регулирования рассматриваемой сферы и риски правовой несовместимости. На международном уровне в настоящее время отсутствует единый подход к регулированию использования генеративного искусственного интеллекта. Европейский Союз делает акцент на нормативной строгости, включая риск-ориентированное регулирование и обязательное требование прозрачности. США, напротив, опираются на принципы саморегулирования и рыночной инициативы. Китай активно развивает централизованное управление цифровыми технологиями, включая контроль за контентом и источниками данных. Эти различия создают серьезные риски правовой несовместимости при трансграничном использовании интеллектуальных инструментов и систем.

В результате компании и иные лица, разрабатывающие и применяющие генеративный искусственный интеллект, оказываются перед необходимостью одновременного соблюдения множества разнородных требований. Это затрудняет международное сотрудничество, снижает инновационную гибкость и провоцирует рост издержек на правовое сопровождение. В долгосрочной перспективе необходимы согласованные усилия по формированию глобальных стандартов регулирования генеративных интеллектуальных систем на уровне международных организаций.

Заключение. Рассматриваемые в работе проблемы демонстрируют, что генеративный искусственный интеллект не просто требует адаптации правовых

---

[1] *Соловкин С. В.* Значение парадокса приватности для законодательства о персональных данных в условиях становления общества наблюдения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 109–119.

[2] *Соловкин С. В.* Публично-правовое регулирование процессов автоматизированного сбора данных о человеке в условиях цифровой трансформации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

[3] *Добробаба М. Б.* Проблема обеспечения безопасности персональных данных, обрабатываемых с использованием систем искусственного интеллекта // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сборник докладов XIV Московской юридической недели : в 6 ч., Москва, 26–29 ноября 2024 г. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 119–124.

[4] Правовое регулирование оборота персональных данных в условиях современных вызовов и угроз / А. В. Минбалеев, М. Б. Добробаба, А. А. Ефремов [и др.]. Саратов : Амирит, 2023.

норм, но и ставит под сомнение устойчивые правовые конструкции. Отсутствие прозрачности алгоритмов, риски злоупотреблений, угрозы приватности и фрагментация правовых режимов указывают на необходимость выработки принципиально новых подходов к правовому регулированию. На данном этапе важно не столько найти окончательные ответы, сколько зафиксировать ключевые вопросы и обозначить направления правового переосмысления в условиях цифровой трансформации.

Мартынова Т. Л.,
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РИСКИ СЛАБОГО И СИЛЬНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[1]

Государственная политика России направлена на планомерно усиление развития и внедрения искусственного интеллекта в различные отрасли экономики и социальной сферы страны, внедрения доверенных технологий ИИ, международного сотрудничества.

Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»[2], направленный на цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы, реализуется на базе девяти федеральных проектов, к числу которых относится федеральный проект «Искусственный интеллект».

Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» призван повысить качество жизни граждан и эффективность практически всех ключевых отраслей социальной сферы, государственного и муниципального управления и ключевых сфер российской экономики в том числе на основе разработки, внедрения и использования интеллектуальных технологий и систем.

Федеральный проект «Искусственный интеллект» направлен на ускорение развития технологий искусственного интеллекта за счет:

— стимулирования научных исследований в области искусственного интеллекта;
— развитие ИИ-решений в государственном управлении,
— совершенствование системы подготовки кадров и поддержки разработчиков;
— создание условий для рынка данных, создание единой цифровой платформы обработки больших данных, формирование наборов данных ИИ для внедрения и использования в отраслях экономики, социальной сфере и государственном управлении на федеральном и региональном уровнях;

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

[2] Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (НЭД) утвержден протоколом Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 20.12.2024 № 12пр // URL: https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva (дата обращения: 20.06.2025).

— повышение доступности для разработчиков и пользователей инфраструктуры, необходимой для развития технологий ИИ;
— поддержки научно-исследовательских центров и стартапов в сфере ИИ;
— создание платформы для обучения старшеклассников и студентов информационным технологиям и технологиям ИИ;
— увеличение узнаваемости российских ИИ-решений.

В соответствии с Указом Президента РФ от 15.02.2024 № 124[1] внесены существенные обновления и дополнения в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта (ИИ) на период до 2030 г. В обновленной Национальной стратегии развития ИИ обозначены направления поддержки научных исследований, разработок и внедрения перспективных подходов к развитию сильного, универсального ИИ.

Одним из существенных дополнений следует считать расширение поставленной изначально целевой функции развития моделей ИИ, лежащих в основе разработки интеллектуальных технологий и систем, имитирующих когнитивные возможности человека. Ранее целью развития ИИ полагалось достижения его уровня развития только до уровня специализированного, узкого, слабого ИИ, результаты работы которого оцениваются степенью близости, сопоставимости результата работы ИИ с результатом интеллектуальной работы человека в конкретной профессиональной деятельности.

Достоинствами специализированного ИИ являются следующие характерные черты:

1. *Высокая эффективность и качество* результатов в пределах специализации (диагностика заболеваний по конкретному медицинскому направлению, и т.д.).

2. *Высокая степень сопоставимости качественных результатов работы ИИ* с результатами высокопрофессионального специалиста конкретной профессиональной специализации.

3. *Высокая производительность, скорость обработки, анализа данных и предоставления вариантов решений при низком проценте ошибок.* Указанные показатели узкоспециализированного ИИ в ряде случаев не только сопоставимы с оценками человеческой деятельностью, но в целом ряде случае превосходят показатели производительности деятельности человека-специалиста.

4. *Высокая доступность программных приложений ИИ для выполнения конкретных задач.* Данный показатель, обеспечивает возможность непрерывной работы систем и технологий ИИ, подменяя в какой интервал времени узкого специалиста при выполнении им отдельных, разрешенных аналитико-диагностических функций.

Вместе с тем специализированный, слабый искусственный интеллект обладает существенными недостатками. К недостаткам программно-технологических решений на основе моделей узкоспециализированного, слабого ИИ следует отнести следующие характерные особенности:

[1] Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 15 февраля 2024 г. № 0001202402150063.

1. *Отсутствие гибкости:* Узкая специализация моделей ИИ обуславливает их неспособность адаптироваться к новым предметным областям, новым условиям или задачам, требующим нестандартных решений.

2. *Работа только по заранее заданным алгоритмам или правилам базы знаний.* Функционирование *слабого ИИ* на основе заранее заданных правил и алгоритмов обеспечивает предсказуемость, объяснимость предоставляемых ими решений. Вместе с тем данная функциональная особенность допускает использование слабого ИИ киберпреступностью в качестве технологии двойного назначения, ограничивает возможности расширения специализации, перенесения моделей в новые предметные области, тормозит инновации.

3. *Зависимость специализированного ИИ от данных.* Качество работы узкоспециализированного, слабого ИИ напрямую коррелируется с объемом, качеством, достоверностью обучающих данных.

4. *Низкая адаптация к изменению ситуации под действием внешнего или внутреннего воздействия, а также злонамеренного влияния повышает риски от использования ИИ* в сложных или изменяющихся условиях.

В обновленной Национальной стратегии развития искусственного интеллекта четко и ясно определено направление развития решений в области интеллектуальных технологий и систем по пути формирования модели сильного ИИ.

Под *сильным искусственным интеллектом* понимается тип искусственного интеллекта, который способен выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяющимся условиям. Создание сильного (универсального) искусственного интеллекта, способного, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, является сложной научно-технической проблемой и призвано снять ограничения и нивелировать недостатки, присущие узкоспециализированному (слабому) искусственному интеллекту. Развитие сильного ИИ, позволяющего имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) позволит получать результаты при выполнении конкретных не только сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, *но и превосходящие их*[1].

В обновленной Национальной стратегии развития искусственного интеллекта под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека *или превосходящие их*[2]. Внесенные в указанное определение изменения (выделено жирным шрифтом) свидетельствуют о том, что государство намерено усилить развитие искусственного интеллектом в России и ставит задачу по переходу к реализации более развитой модели ИИ, а именно

[1] См.: пп. «ж» п. 5 Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 90 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[2] Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 15 февраля 2024 г. № 0001202402150063.

модели общего, универсального или сильного ИИ, способного переносить аналитические навыки, из имитационной модели одной предметной области в другую и решать новые задачи без перепрограммирования под конкретную задачу, работать с фундаментальными моделями.

Развитие сильного ИИ значительно повышает риски кибербезопасности их функционирования.

Именно поэтому развитие сильного ИИ должно выполняться в комплексе с мероприятиями по разработке систем доверенного искусственного интеллекта и этических аспектов применения искусственного интеллекта, выполнение которых возложено на автономную некоммерческую организацию «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации».

Учитывая возможные риски при развитии и использовании сильного ИИ считается необходимым создания необходимого правового режима для регулирования использования сильного ИИ с учетом обязательного применения технологий доверенного искусственного интеллекта и обязательной сертификации программный решений ИИ.

Лагаева В. П.,
аспирант кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ДОВЕРЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА): ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (далее — Стратегия), доверенные технологии искусственного интеллекта (ИИ) определяются как технологии, которые соответствуют стандартам безопасности, разработаны с учетом принципов объективности, недискриминации, этичности и использование которых исключает возможность причинения вреда человеку и нарушения его основополагающих прав и свобод, нанесения ущерба интересам общества и государства. Вышеназванные признаки доверенного ИИ способствуют его внедрению в государственное управление с целью повышения эффективности деятельности органов публичной власти.

Стратегия предусматривает обучение государственных гражданских служащих и работников федеральных органов государственной власти, иных государственных органов, органов федеральной территории «Сириус», а также работников организаций, осуществляющих информационно-технологическое обеспечение деятельности этих органов, для формирования компетенций, позволяющих использовать безопасные технологии ИИ и большие фундаментальные модели в процессе выполнения текущих задач.

Также согласно документу стратегического планирования в России формируется реестр апробированных доверенных технологий ИИ на предмет отражения угроз информационной безопасности, для органов публичной власти и организаций. Указанный реестр подлежит размещению на единой цифровой

платформе Российской Федерации «ГосТех», на базе которой создается инфраструктура, необходимая для использования безопасного ИИ.

Внедрение решений на основе технологий доверенного ИИ является актуальным направлением развития такой функции государственного управления, как государственный контроль (надзор) (ГКН).

Важно отметить, что указанные в Стратегии принципы, на основании которых разрабатываются модели безопасного ИИ, в полной мере соответствуют основополагающим положениям ГКН, определенным в главе 2 Федерального закона от 31.07.2020 248-ФЗ (далее — Закон).

В частности, Законом предусмотрено, что решения контрольного (надзорного) органа, действия его должностных лиц должны быть объективными и должны подтверждаться фактическими данными и документами, содержащими достоверную информацию. При организации и осуществлении ГКН не допускается причинение неправомерного вреда (ущерба) контролируемым лицам, их представителям, либо имуществу, находящемуся в их владении, пользовании или распоряжении, либо их деловой репутации. Также запрещено принимать решения и совершать действия (бездействие), унижающих достоинство личности либо умаляющих деловую репутацию организации, индивидуального предпринимателя. Контролируемые лица, являющиеся субъектами контрольно-надзорных правоотношений, имеют равные права и обязанности.

Законом предусмотрен порядок применения органом контроля (надзора), его должностными лицами (инспекторами), привлекаемыми им специалистами и экспертами средств дистанционного взаимодействия и автоматической фиксации нарушений, специального оборудования, технических приборов и средств доступа к информации[1]. Возможность применения тех или иных оборудования и средств определяется Законом в зависимости от вида профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий и действий. Так, Закон допускает фотосъемку, аудио- и видеозапись, иные способы фиксации доказательств при проведении контрольной или мониторинговой закупки. Применение средств дистанционного взаимодействия, в том числе посредством видео-конференц-связи или с использованием мобильного приложения «Инспектор», предусмотрено для осуществления профилактического визита, консультирования, инспекционного визита, рейдового осмотра, выездной проверки, осмотра, досмотра, опроса, экспертизы и эксперимента.

Следует отметить, что правовое регулирование применения указанных выше средств и оборудования в целях ГКН осуществляется как непосредственно Законом, так и утверждаемыми Президентом РФ, Правительством РФ или высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Феде-

[1] Под специальным оборудованием и (или) техническими приборами в Законе понимаются все измерительные, испытательные приборы и инструменты, мини-лаборатории и переносные аппараты, утвержденные в установленном порядке в качестве применяемого испытательного оборудования, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие в случае необходимости метрологическую поверку, а также государственные и иные информационные системы, программные средства, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации. Под средствами доступа к информации в Законе понимаются аппаратно-программные средства, обеспечивающие в установленном законодательством порядке доступ к информации, содержащейся в государственных информационных системах.

рации положениями о виде контроля (в случаях, предусмотренных Законом). В частности, согласно части 6 статьи 65 Закона порядок фотосъемки, аудио- и видеозаписи, иных способов фиксации доказательств устанавливается положением о виде контроля.

В настоящее время, как справедливо отмечает А. В. Мартынов, в российских законах отсутствуют положения, регулирующие отношения по использованию современных цифровых технологий при проведении профилактики нарушений обязательных требований[1]. Сказанное в полной мере относится и к Закону, в котором касательно систем ИИ отсутствуют нормативные положения.

Представляется, что использование доверенного ИИ важно предусмотреть нормативными правовыми актами не только в отношении видов профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий и действий, но и применительно к выполнению отдельных функций органа контроля (надзора). В частности, интеллектуальная информационная система способна без участия должностного лица органа контроля (надзора) в возможно короткий срок направить сведения о внеплановой проверке в орган прокуратуры в целях согласования ее проведения в случае выявления посредством ИИ срабатывания индикатора риска нарушений обязательных требований.

Учитывая потенциальные риски ИИ, предлагается на уровне федеральных законов устанавливать случаи, когда допустимо применение органами контроля (надзора) рассматриваемой цифровой технологии. При этом положения о виде контроля могут предусматривать отраслевую специфику объекта контроля, если об этом прямо будет предусмотрено федеральными законами.

Важно, чтобы правовое регулирование отношений по использованию доверенного ИИ органами контроля (надзора) осуществлялось с обязательным учетом целей и принципов государственного контроля (надзора), и обеспечивало приоритет профилактики нарушений обязательных требований по отношению к проверкам.

Бочарников Д. А.,
эксперт Научно-экспертного центра
правового обеспечения
научно-технологического развития
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Внедрение технологий искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни, включая здравоохранение, в полной мере отвечает национальным целям развития Российской Федерации, изложенным в актах стратегического планирования, в том числе в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019

[1] *Мартынов А. В.* Использование современных цифровых технологий при осуществлении профилактической деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти // Юрист. 2020. № 10. С. 49.

№ 490[1]. Медицинская практика свидетельствует о возрастающем значении применения искусственного интеллекта, выражающемся в охвате новых направлений оказания медицинской помощи с использованием различных технологий искусственного интеллекта[2]. Вместе с тем стремительное развитие технологий искусственного интеллекта медицинской направленности обуславливает необходимость тщательной проработки информационно-правовых аспектов защиты прав пациентов, так как внедрение новых технологий в чувствительную сферу общественного здравоохранения требует надлежащего юридического сопровождения.

Применение технологий искусственного интеллекта в медицинской сфере является вариативным и включает в себя различные виды таких технологий. Искусственный интеллект активно используется в целях анализа данных, например, в рамках технологии «компьютерного зрения» происходит выявление различного рода патологических состояний на основе определенных диагностических исследований (компьютерная томография, магнитно-резонансная терапия, рентгенологические исследования). Не менее востребованной является такая разновидность технологий искусственного интеллекта, как системы поддержки принятия врачебных решений, которые обрабатывают медицинские данные пациента и помогают врачу принять решение о постановке диагноза и выработке траектории лечения. Интересным представляются и предиктивные технологии, позволяющие на основе определенного массива данных о конкретном пациенте, составить прогноз относительно возможных будущих проблемах со здоровьем, а также представить возможные пути предотвращения патологий.

Так или иначе, практически все технологии искусственного интеллекта, применяемые в медицине, основываются на обработке информации о пациенте. В свою очередь, такого рода данные представляют собой информацию ограниченного доступа, что требует соблюдения соответствующих правовых режимов. Прежде всего, в рамках обращения гражданина в медицинскую организацию он предоставляет некоторые сведения, касающиеся состояния его здоровья.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[3] (далее — Закон о персональных данных) в ст. 10 определяет информацию о состоянии здоровья в качестве специальной категории персональных данных. В то же время информация о состоянии здоровья гражданина является не только специальной категорией персональных данных, но и сведениями, охраняемыми в режиме врачебной тайны, что прямо предписано ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[4]. Причем закон не предоставляет четких критериев отнесения информации к сведениям о состоянии здоровья, в связи с чем Верховный Суд РФ признает оценочный характер сведений, охраняемых в режиме врачебной тайны[5]. По общему правилу разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, не допускается, за исключением исчерпывающего перечня

---

1 СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

2 URL: https://www.mos.ru/news/item/154148073/ (дата обращения: 25.06.2025).

3 СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

4 СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

5 Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

случаев, предусмотренных законом. В ряде ситуаций законодательство предписывает получать согласие на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, причем оно может быть выражено также в информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство (ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ).

Вместе с тем при использовании технологий искусственного интеллекта не всегда можно заранее предусмотреть весь перечень целей, для достижения которых пациент предоставляет свои персональные данные, как это предписывает ч. 2 ст. 5 Закона о персональных данных. Более того, на практике возникают ситуации, когда уже полученные от гражданина персональные данные используются медицинской организацией через некоторое время уже для достижения иной цели, связанной с осуществлением медицинского вмешательства[1]. В данном случае речь идет об отложенных целей, достижение которых может стать актуальным в процессе использования технологии искусственного интеллекта. В связи с этим разумным представляется предусмотреть законодательно возможность допустить закрепление в согласии на обработку персональных данных с использованием технологий искусственного интеллекта расширительный перечень целей обработки, исходя из программных возможностей конкретной информационной технологии.

Не менее значимой представляется и проблематика обеспечения информационной безопасности при эксплуатации технологий искусственного интеллекта, обрабатывающих данные пациентов. В связи с высокой степенью риска осуществления кибератак на информационные сервисы медицинских организаций требуется предусмотреть ряд мер правового, организационного и технического характера. Прежде всего, в данном контексте необходимо актуализировать положения законодательства об отнесении программного обеспечения на основе искусственного интеллекта к медицинским изделиям с категоризацией по уровням риска[2], предусмотрев особые требования к обеспечению информационной безопасности при использовании таких систем, а также повышенные меры юридической ответственности за несоблюдение указанных требований.

Таким образом, развитие технологий искусственного интеллекта, применяемых в сфере здравоохранения, предопределяет возникновение новых вызовов, связанных с защитой информационных прав пациентов. Анализ действующего законодательства в исследуемой сфере иллюстрирует ситуацию отставания правового регулирования от развития фактических отношений, вытекающих из использования соответствующих информационных технологий. Одним из вариантов решения выявленных проблем может стать установление экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций с целью введения более гибкого регулирования, отвечающего актуальным тенденциям развития технологий в области digital-медицины.

---

[1] *Минбалеев А. В., Титова Е. В.* Проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в спортивной медицине // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24. № S1. С. 112.

[2] Приказ Минздрава России от 06.06.2012 № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» // СПС «КонсультантПлюс».

Селюк А. С.,
преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОБРАБОТКЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ[1]

Активное развитие технологии искусственного интеллекта (ИИ), их потенциальное влияние на общество и правовое регулирование общественных отношений сегодня активно обсуждается в правовой доктрине.

Отличительноей особенностью технологий искусственного интеллекта (ИИ) является процесс машинного обучения (Machine Learning, ML), который невозможен без обработки больших объемов информации, включая персональные данные, что влечет за собой растущую необходимость разработки их эффективной защиты, в том числе и правовыми средствами.

Защита персональных данных в рамках использования технологий искусственного интеллекта имеет ключевое значение, поскольку утечка, несанкционированный доступ или злоупотребление информацией могут негативно отражаться на частной жизни граждан. Вмешательство в приватность и неправомерное использование персональных данных не только посягает на охраняемые законом институты, но и нарушает доверие людей к технологиям, что непосредственно снижает темпы совершенствования не только IT-сферы, но и всего бизнеса в целом.

Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее — Стратегия) устанавливается статут безопасности, в соответствии с которым должно осуществляться развитие и использование технологий искусственного интеллекта. Особое внимание в пп. «б» п. 19 Стратегии уделяется именно режиму соблюдения конфиденциальности, что предопределяет развитие ИИ, в том числе путем обработки и анализа персональных данных с использованием защитных механизмов[2].

Современные компании эксплуатируют информационные ресурсы с целью обеспечения высокой монетизации бизнеса и поиска новых источников и путей его развития[3]. При этом не исключается разработка программного обеспечения на основе ИИ-технологий в мошеннических целях. Поэтому сегодня на законодательном уровне большое внимание уделяется регулированию процесса обработки информации с целью обеспечения информационной безопасности всех субъектов цифровой среды.

---

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001201910110003 (дата обращения: 03.04.2025).

[3] Цифровой актив: данные — это про деньги // URL: https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/cifrovoi-aktiv-dannye-eto-pro-dengi/ (дата обращения: 03.04.2025).

Развитие ИИ-технологий за последние годы привело к появлению новых, ранее невиданных методов создания и обработки мультимедийного контента. Одним из наиболее значимых и в то же время спорных достижений в этой области стало появление «дипфейков»[1]. Эта технология использует алгоритмы глубокого обучения для создания реалистичных изображений и видео, которые могут ввести зрителя в заблуждение, представляя несуществующие события или поддельные действия. При этом должное и эффективное правовое регулирование данного института на сегодняшний день отсутствует как в России, так и за рубежом.

Одной из самых серьезных угроз является возможность применения дипфейков для создания фальшивых новостей и дезинформации. В глобальных значениях это может приводить к манипуляциям общественным мнением, разжиганию конфликтов и дестабилизации политической ситуации. Также дипфейки могут использоваться для создания компрометирующего контента, например, поддельных видео с участием известных личностей, что наносит ущерб их репутации и может вызвать юридические последствия.

Так, например, в начале августа 2024 года в Интернете появилось видео с участием якобы официального представителя МИД России Марии Захаровой, по сюжету которого она давала определенные политические комментарии в части ведения специальной военной операции. Позднее представители МИДа заявили о том, что указанный ролик является дипфейком и грубой подделкой[2].

Таким образом, с помощью применения ИИ-технологий мошенники на основе внешних характеристик человека способны смоделировать несоответствующую действительности ситуацию и ввести в заблуждение массы обывателей. Данное обстоятельство является свидетельством нарушения режима конфиденциальности, неправомерного использования персональных данных, что, в свою очередь, должно предопределять ответственность за указанные киберпреступления в качестве защитного механизма данных граждан.

С технологической точки зрения в основе создания дипфейка лежат изображения, видео- или аудио-произведения. При этом в правовой литературе до сих пор нет единого мнения по поводу того, следует ли относить данные категории к персональным данным.

Так, согласно действующим нормам, если фотографическое изображение используется для идентификации человека, оно считается биометрическими персональными данными. Минцифры России в своем письме указывает, что, например, фотография на пропуске также относится к биометрическим данным, так как её можно сопоставить с лицом предъявителя, что позволяет подтвердить его личность[3]. Но так как дипфейки создаются на основе множества данных, противоречивым остается вопрос к их правовой регламентации с точки зрения данных «персональных» в разрезе существующего законодательства и разъяснений. Изменение в сторону нормативного закрепления указанного, на

---

[1] *Апостолова Н. Н.* Достоверность доказательств и технологии дипфейка // Российский судья. 2023. № 11. С. 9.

[2] В МИД России назвали «дипфейком» видео со словами Захаровой о ЗАЭС и Курской АЭС // URL: https://www.interfax.ru/russia/976000 (дата обращения: 01.02.2025).

[3] Письмо Минцифры России от 17.07.2020 № ОП-П24-070-19433 «О рассмотрении обращения» // СПС «КонсультантПлюс».

наш взгляд, является первым шагом к созданию нового правового института под названием «дипфейк».

Сегодня персональные данные могут использоваться для обучения искусственного интеллекта, особенно в тех случаях, когда ИИ предназначен для обработки и анализа информации, связанной с пользователями. Так, например, рекомендации товаров в онлайн-магазинах, фильмы и музыка на стриминговых сервисах, ленты новостей в социальных сетях, — всё это формируется на основании наших потребительских предпочтений. Или же анализ медицинских данных пациентов для диагностики заболеваний, прогнозирования риска и персонализированного лечения. Поэтому механизм обезличивания данных принято относить к категории «защитный», так как с его помощью возможно обеспечить режим конфиденциальности используемой информации, в том числе и персональной.

На конференции «Цифровая индустрия промышленной России» ЦИПР-2023 заместитель руководителя Роскомнадзора Милош Вагнер справедливо отметил, что «обезличенные данные должны находиться под защитой Федерального закона «О персональных данных», должна сохраняться конфиденциальность этих сведений, они не должны становиться объектом купли-продажи»[1].

В целом правовое регулирование по вопросам защиты персональных данных в рамках использования технологий искусственного интеллекта уже находится в стадии активного развития[2]. В целях поиска баланса между потребностями развития технологий искусственного интеллекта и защитой персональных данных граждан 8 августа 2024 г. вступил в силу Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»»[3].

В рамках настоящего исследования данный Федеральный закон № 233 интересен тем, что он затрагивает вопросы регулирования порядка обучения ИИ на основе обезличенных персональных данных.

Так, в июле 2020 г. на территории г. Москвы Федеральным законом № 123-ФЗ было утверждено установление специального правового режима в целях реализации эксперимента, связанного с разработкой и внедрением технологий

---

[1] РКН: обезличенные данные нужно защищать законом о персональных данных // URL: https://rspectr.com/novosti/rkn-obezlichennye-dannye-nuzhno-zashhishhat-zakonom-o-persdannyh?utmsource=telegram (дата обращения: 01.02.2025).

[2] См.: Правовое регулирование оборота персональных данных в условиях современных вызовов и угроз : монография. Саратов : Амирит, 2023 ; *Минбалеев А. В., Сторожакова Е. Э.* Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 71–79.

[3] Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Российская газета. № 178. 13.08.2024.

искусственного интеллекта. Данный правовой режим будет действовать в течение 5 лет. Эксперимент проводится в целях стимулирования внедрения новых технологий ИИ в сферу государственного и муниципального управления, а также в деятельность хозяйствующих субъектов и формирования эффективного правового регулирования оборота обезличенных данных.

Так, Федеральным законом № 233-ФЗ предлагается определить возможность использования персональных данных жителей города Москвы в целях обучения искусственного интеллекта. В частности, обработке будут подлежать такие виды данных, как фото- и видеоизображение лиц граждан, аудиозапись их голосовых данных, которые находятся в обезличенном виде и входят в специальный сформированный региональный перечень. При этом данное экспериментальное использование возможно только при наличии соответствующего согласия[1].

Если говорить про саму методику обучения ИИ, используемую передовыми IT-компаниями то, на наш взгляд, следует выделить следующие этапы взаимодействия ИИ с обезличенными данными:

Во-первых, это само обезличивание данных. Прежде чем данные могут быть использованы для обучения ИИ, они проходят процесс обезличивания. Это может включать в себя удаление или замещение личных идентификаторов (например, имени, адреса, номера телефона) случайными или псевдонимными значениями[2]. Также часто используются методы «дифференциальной приватности», которая добавляет случайный шум к данным, чтобы скрыть индивидуальные особенности.

Вторым этапом выступает подготовка данных. После обезличивания данные проверяются на наличие потенциальных утечек информации. Важно убедиться, что оставшиеся данные не позволяют восстановить исходную личную информацию путем анализа или корреляции с другими доступными наборами данных.

Далее происходит обучение модели. Обезличенные данные используются для обучения моделей машинного обучения, о которой упоминалось ранее. Поскольку данные уже не содержат прямой идентифицирующей информации, модель обучается на основе общих паттернов и взаимосвязей между характеристиками данных, а не на конкретных личностях.

Четвертым этапом происходит тестирование и валидация. После обучения модели проверяется её точность и способность обобщать данные на новых, ранее не использовавшихся наборах обезличенных данных. Важно, чтобы модель не «запомнила» обезличенные данные, что может привести к утечкам информации в будущем.

На постоянной основе IT-компании проводят мониторинг и улучшение. Даже после «развертывания» модели проводится регулярный анализ её работы, чтобы убедиться в том, что модель не начинает выделять или использовать обезличенные данные таким образом, который мог бы нарушить конфиденциальность.

---

[1] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Российская газета. № 92. 28.04.2020.

[2] Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев [и др.] ; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М. : ИЗиСП, Норма, 2022. С. 376.

Вышеперечисленное, на наш взгляд, определяет, что обучение ИИ на обезличенных персональных данных требует применения сложных методов защиты и анализа, чтобы гарантировать безопасность данных, не жертвуя при этом качеством и точностью моделей[1].

С учетом изложенного полагаем, что столь масштабная деятельность, связанная с обучением ИИ на обезличенных данных, несет большие риски, связанные с возможностью повторной идентификации обезличенных данных. Это происходит, когда данные, которые были обезличены, снова связываются с конкретными лицами через анализ или сопоставление с другими наборами данных. В этой связи предлагаем для участников эксперимента определить возможность обязательного страхования риска утечки персональных данных.

Сто́ит отметить, что указанный нами ранее вид страхования в России не применялся в качестве дополнительного механизма защиты персональных данных. Поэтому протестировать его в рамках экспериментальных условий видится нам наиболее эффективным.

[1] *Лескина Э. И.* Доктринальные аспекты правовых режимов данных в условиях развития технологий больших данных // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 122–136.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ

Гюльбасарова Е. В.,
кандидат юридических наук,
старший преподавать кафедры
интеллектуальных прав
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РЕАЛИЗАЦИЯ ОТКАЗА ОТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ[1]

Трансфер технологий как процесс передачи научно-технических разработок с целью их последующего «овеществления» и введения в коммерческий оборот с точки зрения правового содержания, как правило, находит воплощение в договорных конструкциях, опосредующих передачу исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) предоставление права использования таких результатов.

Вместе с тем договорные модели не всегда достаточны для фактического обеспечения передачи технологий. В ряде случаев помимо передачи прав на результаты, включающие в себя непосредственно научно-технические разработки, может потребоваться отказ от исключительных прав на иные (например, «вспомогательные») результаты интеллектуальной деятельности. Безусловно, исключительные права на такие результаты также могут быть переданы в рамках договора, однако представляется, что необходимость заключения договоров и в отношении объектов, не относящихся напрямую к научно-технической разработке, способна усложнить трансфер технологий. В первую очередь сказанное касается результатов интеллектуальной деятельности — программ для ЭВМ — которые могут, не будучи технологическими решениями, обеспечивать надлежащее функционирование объектов, являющихся предметом трансфера. Сто́ит отметить, что именно в сфере создания и использования программ для ЭВМ отказ от исключительных прав практикуется достаточно давно. Так, в качестве примера, когда правообладатель отказался от исключительного права, А. И. Савельев приводит «программное обеспечение, разработанное Тимом Бернерс-Ли (Tim Berners-Lee) во время его работы в Европейской лаборатории по ядерным исследованиям (CERN) и послужившее основой Всемирной паутины (World Wide Web)»[2].

В современной доктрине частного права не ставится под сомнение возможность отказа правообладателя от осуществления исключительного права, который может быть реализован в различных формах. Например, под отказом от

[1] Указанный доклад подготовлен в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

[2] *Савельев А. И.* Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М. : Статут, 2024. С. 172.

осуществления исключительного права могут пониматься публичное заявление о возможности безвозмездно использовать объект авторского права или смежных прав (п. 3 ст. 1233 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ)[1], некоторые формы открытых лицензий.

Очевидно, что указанные механизмы, хотя и могут обеспечить возможность безвозмездного использования объектов авторского и смежного права неограниченным кругом лиц, не являются отказом правообладателя от исключительного права — это право не прекращается с момента публичного заявления правообладателя или распоряжения исключительным правом путем размещения открытой лицензии. Более того, институты патентного права и нетипичных объектов не содержат механизмов, позволяющих отказаться от осуществления исключительного права: открытые лицензии в отношении объектов патентного права и селекционных достижений не закрепляют в качестве общего правила их безвозмездность и доступ к использованию неограниченным кругом лиц, в отношении топологий интегральных микросхем механизм открытых лицензий не предусмотрен. Соответственно, для названных результатов интеллектуальной деятельности механизмы отказа от осуществления исключительного права не предусмотрены.

Возможность отказа от исключительного права остается дискуссионной темой в доктрине частного права. Под таким отказом предлагается понимать не самоограничение правообладателя в осуществлении им исключительного права, а отказ, в результате которого исключительное право прекращается, а результат интеллектуальной деятельности переходит в общественное достояние. При этом следует согласиться с Э. П. Гавриловым, который, рассматривая правовую природу отказа от исключительных прав, резюмирует, что такой отказ «По своей правовой сути… является односторонней сделкой»[2].

Ряд ученых с учетом толкования действующего законодательства высказываются в пользу допустимости отказа: «отсутствие в части четвертой ГК РФ прямого указания на такой способ распоряжения исключительным правом не означает его невозможности»[3]. Другие же, напротив, полагают, что «…допустим лишь отказ от осуществления принадлежащего лицу исключительного права на использование результата интеллектуальной деятельности. Такой отказ не влечет прекращения этого права…»[4].

Действительно, ч. IV ГК РФ не содержит ни запрета, ни разрешения в отношении отказа от исключительного права, что с учетом принципа диспозитивности гражданско-правового регулирования может быть расценено как возможность на совершение правообладателем такого отказа. Однако следует учитывать, что в силу п. 2 ст. 9 ГК РФ возможность отказа от гражданских прав, влекущего их прекращение, должна быть прямо предусмотрена законом.

---

[1] См., например: Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Е. А. Павлова. М., 2018. С. 87.

[2] *Гаврилов Э. П.* Отказ владельца исключительных прав от своих прав: возможность, способы, ограничения, последствия // Хозяйство и право. 2021. № 9. С. 37.

[3] *Савельев А. И.* Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М. : Статут, 2024. С. 173.

[4] *Корнеев В. А.* Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. М. : Статут, 2010.

Соответственно, отсутствие в ч. IV ГК РФ общего механизма правопрекращающего отказа от исключительного права свидетельствует о том, что совершенный правообладателем отказ будет квалифицирован в качестве отказа от осуществления права, не прекратившего, однако, свое действие. С практической точки зрения такой вывод означает, что исключительное право не перейдет в общественное достояние, а правообладатель (его наследники или правопреемники) впоследствии могут прекратить действие совершенного отказа.

При этом следует отметить, что несмотря на отсутствие закрепления соответствующего механизма в общих положениях ч. IV ГК РФ отдельные институты права интеллектуальной собственности включают в себя порядок добровольного прекращения исключительного права. Так, в соответствии со ст. 1399 ГК РФ действие патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец прекращается досрочно на основании заявления, поданного патентообладателем в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности, либо при неуплате в установленный срок патентной пошлины за поддержание патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец в силе. Прекращение действия патента означает и прекращение действия исключительного права, соответственно, названная норма включает в себя два механизма отказа от исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец — путем совершения активных действий (подачи заявления) либо путем бездействия (неуплаты государственной пошлины в установленный срок).

Аналогичные механизмы активного либо пассивного отказа предусмотрены в отношении исключительного права на селекционное достижение (ст. 1442 ГК РФ). Отказаться от исключительного права могут и правообладатели средств индивидуализации: в отношении фирменного наименования — путем его изменения (п. 2 ст. 1475 ГК РФ); в отношении товарного знака, географического указания или наименования места происхождения товара — путем отказа правообладателя на основании пп. 5 п. 1 ст. 1514 ГК РФ, пп. 8 п. 2 ст. 1536 ГК РФ; в отношении коммерческого обозначения — путем неиспользования соответствующего обозначения в течение года (п. 2 ст. 1540 ГК РФ).

В отношении секрета производства действие исключительного права прекращается в момент утраты конфиденциальности сведений, составляющих такой секрет (ст. 1467 ГК РФ). Соответственно, правообладатель располагает возможностью отказаться от исключительного права путем рассекречивания сведений, являющихся содержанием секрета производства.

Приведенные выше механизмы с учетом положений п. 2 ст. 9 ГК РФ следует расценивать как предусмотренную законом возможность отказа от гражданских прав, влекущего их прекращение. Соответственно, в рамках ч. IV ГК РФ законодатель пошел не по пути закрепления общего для подотрасли механизма отказа от исключительного права, а по пути введения различных способов реализации такого отказа применительно к различным объектам интеллектуальных прав. При этом в отношении объектов промышленной собственности (объектов патентного права, селекционных достижений, средств индивидуализации, секретов производства) предусмотрены способы отказа правообладателя от исключительного права, в результате которого такое право прекратит действовать.

Однако институты авторского и смежных прав, а также охраны топологий интегральных микросхем не содержат механизмов, с помощью которых мог бы

быть реализован отказ правообладателя от исключительного права. Соответственно, совершенный правообладателями таких объектов отказ от права не влечет его прекращения, а значит, не является основанием для перехода этих объектов в общественное достояние. Лица, которые намерены использовать объект, от исключительного права на который правообладатель «отказался», не имеют гарантий, что такое использование впоследствии не будет квалифицировано как нарушение исключительного права.

В этой связи интересна попытка некоторых авторов рассмотреть возможность применения для рассматриваемой ситуации аналогии закона со ст. 236 ГК РФ, предусматривающей механизм реализации отказа от права собственности[1].

По нашему мнению, такая аналогия невозможна по нескольким причинам. Во-первых, в силу невозможности применения аналогии с вещным правом за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (п. 3 ст. 1227 ГК РФ): на данный момент ч. IV ГК РФ не содержит прямого указания на возможность отказа от исключительного права (включая исключительное право на объекты авторского и смежного права, топологии интегральных микросхем) по правилам ст. 236 ГК РФ. Во-вторых, дискуссионным является и то, что рассматриваемый вопрос прямо не урегулирован законодателем: как видим, в отношении объектов промышленной собственности предусмотрены способы реализации отказа от исключительного права, в связи с чем отсутствие таких способов в отношении иных объектов может быть расценено не как пробел в регулировании, а как намеренный подход законодателя.

С учетом приведенных выше тезисов в отношении применения положений п. 2 ст. 9 следует сделать вывод о том, что отказ от исключительных прав, влекущий прекращение этих прав, в настоящее время возможен в отношении объектов промышленной собственности и невозможен в отношении объектов авторского и смежного права, топологий интегральных микросхем. Правообладатели последних могут отказаться от осуществления исключительных прав, что, однако, не прекратит их действия и не создаст для третьих лиц гарантий возможности безопасного и долгосрочного использования объектов.

Для обеспечения возможности реализации отказа от исключительных прав на объекты авторского, смежного права, топологии интегральных микросхем в соответствующих главах ГК РФ должны быть закреплены механизмы, с помощью которых правообладатели произведений, объектов смежных прав и топологий интегральных микросхем могут досрочно прекратить действие исключительного права.

[1] См., например: *Сагдеева Л. В.* Отказ от исключительного права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 10. С. 55–60.

Королева А. Г.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры интеллектуальных прав
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ: ИЗЛИШЕСТВО ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Трансфер технологий выступает важнейшим фактором обеспечения устойчивого развития экономики. Он способствует внедрению инноваций, развитию и повышению конкурентоспособности производства, обеспечению технологического суверенитета, стимулированию инвестиционной активности.

Повышение эффективности трансфера технологий является одной из ключевых стратегических задач государства. Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации[1] организация системы трансфера технологий обеспечивает формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства, повышение восприимчивости экономики и общества к новым технологиям, развитие наукоемкого предпринимательства. Таким образом, вопросы развития трансфера технологий в современных условиях приобретают особую значимость.

Следует отметить, что единого подхода к пониманию трансфера технологий к настоящему времени не сложилось. Так, Всемирная организация по интеллектуальной собственности понимает под ним «совместный процесс, который позволяет научным открытиям, знаниям и интеллектуальной собственности передаваться от создателей, таких как университеты и научно-исследовательские учреждения, к государственным и частным пользователям»[2]. Понятие «трансфер технологий» также получило закрепление в документах стандартизации и методических актах. В соответствии с Национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 71729-2024[3] трансфер технологий является процессом передачи технологий и соответствующих прав на них от передающей стороны к принимающей в целях их последующего внедрения и использования. Согласно п. 1.4 Методических рекомендации по созданию и развитию центров трансфера технологий в образовательных организациях высшего образования и научных организациях[4] трансфер технологий — целенаправленный процесс по организации внедрения и коммерциализации создаваемых в организациях результатов интеллектуальной деятельности, а также по развитию, доработке,

---

1 Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», пп. «б» п. 28 // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

2 What is knowledge and technology transfer? // WIPO. URL: https://www.wipo.int/web/technology-transfer/ (дата обращения: 08.05.2025).

3 Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 71729-2024 «Трансфер технологий. Методические указания по оценке уровня инвестиционной готовности (IRL)» // СПС «КонсультантПлюс».

4 Методические рекомендации по созданию и развитию центров трансфера технологий в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, утв. Минобрнауки России 23.04.2025 № МН-14/1584-ОП // СПС «КонсультантПлюс».

трансформации технологий в целях их внедрения или коммерциализации третьим лицом.

Из приведенных определений следует, что трансфер технологий преимущественно понимается как процесс передачи технологий (прав на них) для обеспечения их использования в производстве. В большинстве дефиниций такие процессы связываются с получением прибыли от использования технологий — коммерциализацией.

Сами же технологии в исследуемых определениях понимаются по-разному: в соответствии с узким подходом к ним относятся результаты интеллектуальной деятельности, в соответствии с широким — любые виды интеллектуальной собственности, а также знания, оборудование.

Представляется, что последний подход к определению технологии в целом согласуется легальной дефиниции технологии, содержащейся в п. 15 ст. 3 Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1]. Согласно названной норме технология представляет «совокупность научно и практически обоснованных методов, средств, операций и (или) процессов, необходимых для преобразования энергии, вещества, информации в целях производства одного или нескольких видов продукции, выполнения работ, оказания услуг».

Для целей статьи под трансфером технологий предлагается понимать процесс передачи технологий для их внедрения в реальный сектор экономики. При этом следует согласиться с А. И. Балашовой в том, что такой процесс может осуществляться как на коммерческой, так и на безвозмездной основе[2]. Иными словами, трансфер технологий не всегда предполагает получение дохода от использования переданных технологий.

В свою очередь, технологии могут быть определены как результаты научно-технологической деятельности, имеющие практическое применение. Правовая охрана таких результатов может быть обеспечена различными правовыми режимами, в том числе интеллектуальной собственности. В этой связи процесс трансфера технологий может включать передачу оборотоспособных интеллектуальных прав.

Данные уточнения позволяют перейти к рассмотрению вопроса об обеспечении систем трансфера технологий и повышении их эффективности.

В последнее время в отечественной правовой доктрине нередко звучит тезис о недостаточности правового регулирования отношений в сфере трансфера технологий. Так, по мнению Е. Б. Козловой, многие договоры, используемые в процессе трансфера технологий, фактически не урегулированы нормами права. К числу таких договоров автор относит договоры инженерно-консультационных,

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53. Ст. 8533.

[2] *Балашова А. И.* Основные направления совершенствования политики в сфере ИС в образовательных организациях высшего образования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 11. С. 45–55.

научных и научно-технических услуг[1]. Л. А. Новоселова в качестве правового барьера для трансфера технологий называет отсутствие полноценного правового регулирования порядка распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности, закрепленные за бюджетными организациями[2].

Отсутствие правовой определенности по некоторым вопросам формирует широкое поле для дискуссий о разработке специального правового регулирования отношений по поводу трансфера технологий. Однако есть ли в этом необходимость?

Анализ понятия «трансфер технологий» показывает, что основу регулирования отношений в указанной области составляют гражданско-правовые договоры. К ним относятся, прежде всего договоры о распоряжении исключительными правами (правами на получение патента) на результаты интеллектуальной деятельности (ст. 1234, 1235, 1357, 1420 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ). Правовое регулирование отношений по поводу заключения и исполнения таких договоров обеспечивается нормами ГК РФ. При этом принцип свободы договора позволяет сторонам самостоятельно определять содержание заключаемых между ними договоров (ст. 421 ГК РФ). Таким образом, нормы гражданского законодательства в целом обеспечивают реализацию трансфера технологий, в связи с чем создание специального правового регулирования в этой сфере видится излишним.

О достаточности диспозитивного метода правового регулирования свидетельствует опыт зарубежных стран, занимающих лидирующие позиции в области инновационного развития[3]. Так, например, в Израиле отсутствует специальное законодательство в области трансфера технологий. Взаимодействие между наукой и производственным сектором осуществляется через организации, созданные при университетах — центры трансфера технологий[4]. Таким образом, в университетах созданы условия для саморегулирования внедрения и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности — каждый университет определяет собственную политику в указанной области. Аналогичные подходы применяются в Австрии[5], Бельгии[6], Финляндии[7].

---

1 *Козлова Е. Б.* Дефекты правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера технологий // Цивилист. 2024. № 4. С. 44–53.

2 *Новоселова Л. А.* Исключительные права государства или государственных учреждений, или как запутать законодателя // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 2 (40). С. 49–62.

3 How much does your country invest in R&G // URL: https://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/ (дата обращения: 08.05.2025).

4 *Ларинов А. С.* Университеты Израиля как «колыбель» для основателей стартапов и первая ступень инновационной технологической спирали // Экономика Ближнего Востока. 2024. Т. 1. № 2. С. 49.

5 См., например: Technologietransfer // Medizinische Universität Wien. URL: https://www.meduniwien.ac.at/web/forschung/technologien-und-services/technologietransfer/ (дата обращения: 08.05.2025).

6 См., например: Transfert de technologies et de connaissances // Université de Namur. URL: https://www.unamur.be/fr/recherche/adre/transfert (дата обращения: 25.12.2024) ; Transferts et opportunités // L'Université de Liège. URL: https://www.recherche.uliege.be/cms/c_9215582/fr/transferts-et-opportunites#:~:text=Le%20transfert%20de%20technologie%20ou,peuvent%20être%20brevetés%20ou%20non (дата обращения: 08.05.2025).

7 См., например: VTT Bioruukki pilot centre // URL: https://www.vttresearch.com/en/technology-infrastructures/vtt-bioruukki-pilot-centre (дата обращения: 08.05.2025).

Однако отдельные вопросы обеспечения трансфера технологий действительно нуждаются в проработке. Так, следует согласиться с Л. А. Новоселовой в том, что основным барьером для трансфера технологий в настоящее время является отсутствие ясности в части возможности распоряжения интеллектуальными правами, принадлежащими научным организациям и образовательным организациям высшего образования. Большинство таких организаций являются некоммерческими и обладают имуществом на ограниченном вещном праве (бюджетные учреждения, автономные учреждения и др.). Несмотря на независимость вещных прав от интеллектуальных (ст. 1227 ГК РФ), данное обстоятельство выступает препятствием для многих вузов и научных организаций осуществлять исключительные и другие интеллектуальные права.

Решение указанной проблемы видится в закреплении на уровне Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»[1] функций научных организаций и образовательных организаций высшего образования (вне зависимости от организационно-правовой формы) по коммерциализации принадлежащих им интеллектуальных прав, а также по созданию инфраструктуры для передачи технологий в реальный сектор экономики.

В законе может быть закреплено право таких организаций по созданию центров трансфера технологий — структурных подразделений, осуществляющих передачу технологий и оказывающих содействие в указанном процессе[2]. Данная практика получила широкое распространение в зарубежных государствах и показывает высокую результативность.

Также целесообразно закрепить за указанными организациями право на разработку политики в сфере интеллектуальной собственности, определяющей организационные начала управления интеллектуальными правами. Формирование политики в сфере интеллектуальной собственности определяет систему выявления и отбора потенциально охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, обеспечения их правовой охраны, защиты прав на них, раскрытия сведений об интеллектуальной собственности, их коммерциализации, а также выполнения иных этапов управления интеллектуальными правами. Подобный подход позволяет сформировать эффективную и предсказуемую среду для сотрудничества с представителями бизнеса, передачи технологий в реальный производственный сектор.

Представляется, что прямое указание прав в тексте закона способствует организациям ориентироваться на необходимый вектор научно-технологического развития.

Для целей эффективного внедрения технологий также целесообразно предусмотреть полномочия Правительства РФ по разработке плана содействия передачи и внедрения результатов научных исследований и разработок в реальный сектор экономики. Такой план должен охватывать цели и задачи, планируемые

---

[1] Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

[2] Более развернутое определение центров трансфера технологий содержится в распоряжении Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года). См.: СПС «КонсультантПлюс».

итоги, сроки достижения результатов, ключевые показатели эффективности реализации плана. Для достижения целей предлагается включать в план перечень мер государственной поддержки для внедрения технологий.

Планирование содействия передачи и внедрения результатов научных исследований и разработок позволяет определить текущие цели с учетом национальных потребностей в сфере научно-технологического развития, эффективно распределить задачи дли их реализации. Данный подход активно используется в зарубежных государствах, занимающих лидирующее позиции в области научных исследований[1].

Едидович А. М.,
аспирант кафедры интеллектуальных прав
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ РИД В ЗАРУБЕЖНЫХ ВУЗАХ

Тема правового обеспечения трансфера технологий является крайне актуальной в современных условиях глобализации и быстрого инновационного развития. Трансфер технологий представляет собой процесс передачи результатов научно-технических исследований от разработчиков к пользователям — организациям или предприятиям, заинтересованным в применении новых разработок для повышения эффективности своей деятельности. Данный процесс является важным элементом инновационной экономики, поскольку позволяет коммерциализировать научные достижения и способствует экономическому росту.

В целях коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности, а также для обеспечения технологической модернизации субъектов деятельности в сфере промышленности осуществляется сбор информации о потребностях современных предпринимателей в научных исследованиях и разработках с дальнейшей перспективой привлечения научных организаций для осуществления научных исследований и разработок.

Университеты становятся участниками инновационных кластеров, обеспечивающих развитие инновационных процессов и развитие инновационной инфраструктуры. Влияние университетов на развитие инновационной инфраструктуры осуществляется как через развитие собственного инновационного потенциала, так и в результате активного взаимодействия с отраслевой и академической наукой, участия в инновационном развитии предприятий, организации взаимодействия участников инновационного процесса в регионах[2]. Научные учрежде-

---

[1] См., например: Technology Transfer and Commercialization Promotion Act (Act № 8108 of December 28, 2006, as last amended by Act № 9689 of May 21, 2009) // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/12894 (дата обращения: 08.01.2025) ; Gesamte Rechtsvorschrift für Forschungs- und Technologieförderungsgesetz // URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10009523 (дата обращения: 08.05.2025) ; Gesamte Rechtsvorschrift für Forschungsfinanzierungsgesetz // URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20011237 (дата обращения: 08.05.2025).

[2] *Комилов С. Д., Гафаров Ф. М., Холов Х. С.* Технопарки как основа развития инновационной системы региона (на примере Республики Таджикистан) // Проблемы современной экономики. 2021. № 3 (79). С. 145–148.

ния уже на начальных этапах научно-исследовательской деятельности имеют правовые ориентиры в вопросах распоряжения исключительными правами на ожидаемые РИД.

Так, во Франции в настоящее время действует **Закон № 99-587 «Об инновациях и научных исследованиях» (Loi sur l'innovation et de la recherche) от 12.07.1999,** который устанавливает, что коммерческое использование патентов является такой же миссией образовательных организаций высшего образования, как обучение и исследования. В соответствии с этим Законом университеты и научные организации получили право создавать подразделения по коммерциализации РИД.

Основой коммерциализации РИД в США служит закон Бэя — Доула (Bayh — Dole Act) 1980 г., который действует до сих пор. Согласно Закону, университет становится обладателем интеллектуальных прав на изобретение, которое появлялось при исследованиях, финансируемых из государственных фондов. При этом образовательная организация высшего образования обязана подать заявку на патентование изобретения, если же она этого не сделает, права возвращаются правительству. Университет обязан также искать возможность коммерческого внедрения изобретения и в случае успеха, выделить часть доходов от коммерциализации изобретателю[1].

Закон Китайской Народной Республики «О стимулировании трансформации научно-технических достижений» 1996 г. (в ред. от 01.10.2015) был вдохновлен идеями Закона Бэя-Доула. Коммерциализация РИД в Китае происходит через сеть контрактов на технологические услуги, лицензирование и продажу патентов, а также через связанные с университетами предприятия. **Обновленная патентная политика Китая** нацелена на повышение качества патентных заявок и коммерциализацию РИД. В конце 2022 г. были сформулированы новшества, которые касаются совершенствования практики патентной экспертизы, режима оценки патентной активности и усиления защиты прав интеллектуальной собственности.

На примере Кыргызской Республики, образовательные организации высшего профессионального образования вправе создавать научные лаборатории, научно-исследовательские институты, научно-образовательные центры, опытные производства, проектно-конструкторские организации, технопарки, технополисы, а также научно-образовательные консорциумы, хозяйственные общества в порядке, установленном законодательством Кыргызской Республики и получать доходы от реализации результатов научной, научно-технической и научно-инновационной деятельности (ст. 11 Закона Кыргызской Республики от 08.08.2023 № 170 «О науке»).

Сложившийся опыт формирования и развития технопарков в составе университетов показывает, что новые законодательные акты по вопросам инновационной деятельности и передачи технологии широко востребованы для коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности, организации производства образцов инновационной продукции.

---

[1] *Горбунов Ю. В.* Использование вузовских научных разработок при формировании механизма устойчивого развития промышленных предприятий : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Барнаул, 2015.

Трансфер технологий, представляющий собой передачу результатов научных исследований от разработчиков к пользователям, является неотъемлемой частью инновационной экономики, способствующей коммерциализации научных достижений и, как следствие, экономическому росту.

Актуальность создания правовой базы для этого процесса очевидна, особенно с учетом быстрого развития технологий и необходимостью их внедрения в промышленность. Примеры успешных инициатив правовых систем в таких странах, как Франция, США и Китай, демонстрируют, как государственные законы могут способствовать эффективной коммерциализации результатов научной деятельности, поддерживать университеты и научные организации в их стремлении к инновациям и интеграции в экономику.

Особое внимание заслуживает опыт Кыргызской Республики, где образовательные учреждения получают возможность развивать научные лаборатории и исследовательские институты, что открывает новые горизонты для научной и инновационной деятельности. Однако нужно отметить, что, несмотря на наличие положений, регулирующих права на результаты интеллектуальной деятельности, остаются пробелы в законодательстве, которые необходимо заполнить для создания эффективной системы управления и коммерциализации научных исследований.

Ершова И. В.,
доктор юридических наук, профессор,
первый проректор, заведующий кафедрой
предпринимательского и корпоративного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Енькова Е. Е.,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой
предпринимательского и корпоративного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

СИСТЕМА МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: МАСШТАБИРОВАНИЕ ЛУЧШЕЙ ПРАКТИКИ

Важнейшим направлением государственной политики в отношении малого и среднего бизнеса, начиная с 1995 г., является его комплексная поддержка[1]. За 20 лет была создана достаточно эффективная система стимулов, льгот и преференций. В связи с этим представляется оправданным распространить позитивную практику поддержки субъектов МСП на новые категории субъектов предпринимательской деятельности.

В XXI в. концепция устойчивого развития «видоизменяет социум, порождает новые социальные паттерны, перестраивает бизнес- и управленческие модели, свидетельствует о предельной связанности мира и, как следствие, побуждает переосмысливать правовую надстройку»[2]. Как справедливо отмечают эксперты, «стратегии и политики устойчивого развития реализуются странами мира на всех уровнях: на микроэкономическом (предприятия, корпорации и небольшие города), мезоэкономическом (мегаполисы и регионы, производственные комплексы и отрасли), национальном и международном[3]. Коммерческие организации всё чаще задумываются не только об экономической выгоде, но и о социальной стороне своей предпринимательской деятельности[4].

В настоящее время потребности гармоничного развития общества, государства и бизнеса обусловили появление новой категории субъектов, а именно **ответственных субъектов предпринимательской деятельности**.

---

[1] Предпринимательское право : учебник для бакалавриата и специалитета / отв. ред. И. В. Ершова. 2-е изд., переаб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 176–190.

[2] Инновационная юриспруденция : учебник / отв. ред. В. В. Блажеев, М. В. Мажорина. М. : Проспект, 2025. С. 547.

[3] Право устойчивого развития и ESG-стандарты : учебник / М. В. Мажорина, Б. А. Шахназаров, В. Б. Агафонов [и др.]. М. : Проспект, 2023. С. 19–20.

[4] *Ершова И. В., Енькова Е. Е., Лаптев В. А.* Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 25–35.

Президент РФ В. В. Путин в марте 2021 г. на встрече с представителями деловых кругов заявил: «важно, когда бизнес, компании на деле, конкретными решениями демонстрируют ответственность за страну, за регион, за город, в котором они работают, за специалистов в их коллективах, реализуют проекты в социальной сфере, в области защиты окружающей среды»[1].

С 1 февраля 2024 г. введен в действие национальный стандарт ГОСТ Р 71198-2023 «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг). Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса»[2]. Стандарт предусматривает проведение комплексной оценки субъектов предпринимательства по трем направлениям: экология, кадры, государство.

По общему правилу Стандарт применяется в отношении субъектов предпринимательства всех видов экономической деятельности в соответствии с ОКВЭД 2 ОК 029. В рейтинге, в частности, не участвуют: банки и другие финансовые организации, страховые компании, организации, руководителями которых выступают дисквалифицированные лица или иноагенты, компании, находящиеся в стадии банкротства или ликвидации[3].

Участниками рейтинга являются 7 млн коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей[4].

Ответственные субъекты предпринимательской деятельности

В Стандарте для обозначения на территории Российской Федерации субъектов предпринимательской деятельности, в центре внимания которых находятся не только коммерческие интересы, но и сохранение окружающей среды, использование наилучших доступных технологий, установление дополнительных социальных гарантий для работников и членов их семей, реализация экологических, социальных, образовательных, благотворительных и иных проектов, связанных с повышением уровня жизни и комфорта населения, используется термин «ответственный бизнес».

Понятие «ответственные субъекты предпринимательской деятельности» предложил региональный законодатель[5]. Обобщенно (в 10 законах из 13) это юридические лица, индивидуальные предприниматели, осуществляющие ответственное ведение бизнеса и соответствующие условиям, установленным законом субъекта РФ «О развитии ответственного ведения бизнеса«.

Но есть нюансы. Так, согласно Закону Владимирской области от 07.11.2024 № 122-ОЗ ответственный субъект предпринимательской деятельности — это коммерческая организация, соответствующая условиям, установленным на-

---

1 URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65141 (дата обращения: 30.04.2025).

2 Приказ Росстандарта от 29.12.2023 № 1765-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3 *Ершова И. В., Енькова Е. Е.* ЭКГ-рейтинг через призму институтов предпринимательского права // Предпринимательское право. 2025. № 2. С. 10–16.

4 URL: https://экг-рейтинг.рф / (дата обращения: 30.04.2025).

5 В 13 российских регионах (Воронежская, Белгородская, Орловская, Владимирская, Тамбовская, Брянская, Костромская, Смоленская, Курская, Рязанская, Липецкая, Тульская области, Забайкальский край) приняты законы о развитии ответственного ведения бизнеса. Тексты законов размещены на сайте: URL: https://экг-рейтинг.рф / (дата обращения: 30.04.2025).

стоящим Законом, и включенная в Реестр ответственных субъектов предпринимательской деятельности Владимирской области в порядке, установленном постановлением Правительства Владимирской области[1].

В Законе Воронежской области от 21.10.2024 № 112-ОЗ фигурирует термин «ответственная организация», под которой предлагается понимать юридическое лицо, осуществляющее ответственное ведение бизнеса и соответствующее условиям, установленным настоящим Законом и критериям, утверждаемым постановлением Правительства Воронежской области[2]. Такой же подход получил закрепление в Законе Забайкальского края от 30.04.2025 № 2514-ЗЗК «О развитии ответственного ведения бизнеса в Забайкальском крае»[3]. Возможно, данное определение — это отголоски научной дискуссии по вопросу, квалифицировать ли приносящую доход деятельность некоммерческих организаций в качестве предпринимательской.

Процедура и основания для обретения статуса ответственного субъекта предпринимательской деятельности регламентируются законодательством конкретного субъекта Российской Федерации. По общему правилу одним из условий получения такого статуса является наличие показателя индекса деловой репутации (ЭКГ-рейтинга) с учетом количественного значения, установленного региональным правительством.

По нашему мнению, режим деятельности ответственных субъектов предпринимательства относится к числу ординарных[4]. Он начинался как экспериментальный. В 2022 г. произошло внедрение ЭКГ-рейтинга в Центральном федеральном округе, где лидерам рейтинга предоставляется режим наибольшего благоприятствования. А спустя два года данная практика получила общефедеральное распространение, режим оформился как самостоятельный.

Подобно специальному режиму деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства целесообразно рассматривать режим деятельности ответственных субъектов предпринимательства как автономный.

Меры государственной поддержки

Возникает вопрос: зачем бизнесу, причем на добровольной основе, участвовать в рейтинге? По аналогии с включением в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства — получателей поддержки[5] внесение хозяйствующего субъекта в ЭКГ-рейтинг позволяет ему претендовать на дополнительную поддержку. **Развитие субъектами предпринимательства ответственного бизнеса сопровождается оказанием «широкомасштабных мер его поддержки на территории всей страны»**[6]. В региональных законах предусмотрены

---

1 URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/3300202411080014 (дата обращения: 30.04.2025).

2 URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/3600202410220013 (дата обращения: 30.04.2025).

3 URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/7500202504300003 (дата обращения: 30.04.2025).

4 Правовые режимы экономической деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2023. С. 34.

5 Статья 8 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6 URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/presscenter/news?portal:componentId=88beae40-0e16-414c-b176-d0ab5de82e16&navigationalstate=JBPNS_rO0ABXczAAZhY3Rpb24AAAABAA5zaW5nbGVOZXdzVmlldwACaWQAAAABAAQ5MzAxAAdfX0VPRl9f (дата обращения: 30.04.2025).

конкретные меры поддержки таких компаний. Они могут касаться упрощения условий ведения бизнеса, предоставления льгот.

Анализ регионального законодательства показал, что, несмотря на разработку проекта модельного закона «О развитии ответственного ведения бизнеса в субъекте Российской Федерации»[1], каждый областной закон включает специфический набор преференций. Вместе с тем наиболее востребованные льготы (например, предоставление субсидий, инвестиционных налоговых кредитов, поддержки в области кадрового обеспечения, подбора персонала, содействия занятости) прописаны в законах сразу нескольких субъектов Федерации. Различается и степень детализации при установлении стимулирующих мер. Если в Законе Владимирской области от 05.12.2022 № 116-ОЗ[2] закреплен довольно подробный перечень таковых, то в Законе Курской области от 18.12.2024 № 118-ЗКО[3] он, напротив, весьма краток.

Предусмотренные для ответственных субъектов бизнеса меры поддержки можно классифицировать по их отраслевой принадлежности (в частности, установлены бюджетным, земельным, налоговым, инвестиционным законодательством), а также по содержанию.

Меры финансово-имущественной направленности — скажем, предоставление находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков в аренду без торгов, поддержка со стороны государственных микрофинансовых организаций — безусловно, весомы. Однако в рассматриваемом контексте особую ценность имеют **нефинансовые меры.** Например, оперативное рассмотрение обращений ответственных инвесторов в исполнительных органах субъекта РФ[4], в том числе при предоставлении государственных услуг; оказание содействия исполнительными органами субъекта РФ в первоочередном рассмотрении обращений ответственного инвестора в ресурсоснабжающие организации; гарантии неприменения отдельных региональных актов согласно законодательству о защите и поощрении капиталовложений; вынесение вопросов по оказанию содействия ответственным субъектам бизнеса на рассмотрение инвестиционного уполномоченного в Центральном федеральном округе.

Подчеркнем, что **указанные меры не посягают на добросовестную конкуренцию.** Предусмотренные региональными законами меры поддержки не подпадают под запрет на ограничивающие конкуренцию акты, действия (бездействие), соглашения, согласованные действия органов государственной власти субъектов РФ, установленный главой 3 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Напротив, это легальные преференции, которые стимулируют субъектов предпринимательства экономически развиваться, одновременно проявляя заботу об экологии, работниках и регионе присутствия.

---

[1] Одобрен Советом законодателей Центрального федерального округа; разработан по инициативе и при участии аппарата полномочного представителя Президента РФ в ЦФО.

[2] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/3300202212050005 (дата обращения: 30.04.2025).

[3] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202412230043 (дата обращения: 30.04.2025).

[4] Например, согласно Закону Рязанской области от 25.12.2024 № 127-ОЗ обращения рассматриваются в срок, не превышающий 15 календарных дней с даты их подачи; в Законе Липецкой области от 25.12.2024 № 595-ОЗ установлен срок — до 20 календарных дней.

К слову, значение ЭКГ-рейтинга весьма велико в сфере государственных закупок. Федеральной антимонопольной службой прорабатывается возможность уменьшать процент обеспечения для компаний с высоким ЭКГ-рейтингом[1]. Звучат предложения о расширении области применения данного рейтинга. В частности, об учете соответствующих показателей в контрольно-надзорной деятельности. Например, высокий ЭКГ-рейтинг компаний определенной отрасли, отражающий добросовестность и ответственность бизнеса, может служить основанием для их перевода на механизмы саморегулирования. Это позволит снизить административную нагрузку на добросовестный бизнес и сконцентрировать усилия контрольно-надзорных органов на компаниях с более высоким риском нарушений[2].

В действительности спектр мер поддержки ответственным инвесторам обширен и разнообразен: перечни льгот и преференций в законах субъектов РФ не являются исчерпывающими; поддержку в пределах своих полномочий оказывают также органы местного самоуправления. Примечательно, что меры поддержки, в свою очередь, позиционируются как один из вариантов мер по созданию условий для развития ответственного ведения бизнеса.

Фролова Е. К.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

КАТЕГОРИЯ МСП+: ПРАВОВАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ МАЛЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) играют ключевую роль в экономическом развитии России, обеспечивая занятость, гибкость и инновационность экономики. Согласно данным официальной статистики, доля МСП в ВВП страны превышает 20 %, а в сфере занятости — около 30 %[3]. В условиях санкционного давления и курса на достижение технологического лидерства Российской Федерации особое внимание уделяется развитию малых технологических компаний.

С 2018 г. в России реализуется механизм «выращивания» МСП до поставщиков крупнейших заказчиков, включая госкорпорации. Компании, участвующие в программе, получают финансовую, имущественную, маркетинговую и информационную поддержку, включая доступ к льготному лизингу, кредитованию, сертификации. Однако по мере роста предприятия утрачивают статус субъектов МСП, а с ним и право на господдержку, что создает «ловушку для роста».

---

1 URL: https://fas.gov.ru/news/33307 (дата обращения: 30.04.2025).

2 URL: https://ldpr.ru/event/406643 (дата обращения: 30.04.2025).

3 Вклад МСП в экономику России превысил 34,5 трлн рублей // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_msp_v_ekonomiku_rossii_prevysil_345_trln_rubley.html?ysclid=maprgymhbm702377691 (дата обращения: 15.03.2025).

Для преодоления этого барьера обсуждается введение новой категории «МСП+», которая позволит сохранить часть льгот для компаний, перешедших количественные пределы МСП, но не достигших устойчивого развития. Рассмотрим далее правовую целесообразность и риски этой инициативы, сформулируем предложения по правовому оформлению указанной категории.

Правовая природа категории «МСП+» и ее целесообразность

Категория «МСП+» предполагается как промежуточное звено между субъектами малого и среднего предпринимательства и крупными компаниями. Ее суть заключается в сохранении части преференций для тех организаций, которые, превысив критерии, установленные статьей 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее — Закон о развитии МСП), всё еще нуждаются в поддержке, особенно при масштабировании технологических решений.

Правовая целесообразность введения данной категории заключается в следующем:

— устранение резкого перехода от поддержки к ее отсутствию, способного затормозить рост;
— создание условий для устойчивого выхода малых технологических компаний на новые рынки, включая рынок государственных закупок;
— снижение инвестиционных рисков, характерных для фазы пост-стартапа;
— стимулирование долгосрочного планирования и капитализации инновационного бизнеса.

Особенно это актуально для компаний в области глубокой технологической разработки (так называемого deep tech), где цикл вывода продукта на рынок превышает 3–5 лет, а потребность в поддержке сохраняется даже после формального выхода за рамки МСП.

Правовые аспекты реализации новой нормы о категории «МСП+»

Для правового оформления новой категории необходимо внести изменения в действующее законодательство, в первую очередь в Закон о развитии МСП. Это потребует:

1) определения критериев отнесения к МСП+ (например, по выручке, численности, доле расходов на НИОКР, структуре собственности);
2) установления срока действия статуса, например, от 3 до 5 лет с возможностью пролонгации при наличии технологических барьеров;
3) закрепления перечня мер поддержки, которые сохраняются для компаний категории «МСП+» (возможно, частично и с постепенным снижением);
4) создания механизма мониторинга соответствия критериям и прозрачного выхода из статуса.

Представляется целесообразным формирование специализированного правового режима для субъектов категории «МСП+», аналогичного «регуляторным песочницам», где допускается временное действие облегченных требований и особых условий регулирования.

Риски и ограничения

Введение новой категории сопряжено с определенными правовыми и экономическими рисками, которые состоят в следующем.

Размывание круга получателей поддержки. При отсутствии четких границ и критериев существует опасность перераспределения ограниченных ресурсов от малых предприятий в пользу уже укрепившихся организаций.

Административная нагрузка. Создание новой категории потребует развития учетной инфраструктуры, контроля за правомерностью получения льгот.

Манипуляции со статусом. Возможность искусственного дробления бизнеса или подгонки показателей ради сохранения привилегий.

Увеличение правовой неопределенности. Без единообразных методических указаний и типовых документов реализация может натолкнуться на проблемы правоприменения.

В связи с этим необходимо разработать единый регламент, а также определить уполномоченные органы, ответственные за присвоение и контроль статуса «МСП+». Представляется целесообразным закрепить полномочия за региональными фондами поддержки МСП, а также за Минэкономразвития России.

Перспективы для технологических компаний

Для инновационных компаний, особенно в высокотехнологичных секторах, статус «МСП+» может стать ключевым фактором успешного роста, что будет выражаться в таких эффектах, как:

— продление инвестиционного горизонта — возможность получения поддержки в критической фазе масштабирования;
— выход на новые рынки — упрощенный доступ к закупкам крупнейших заказчиков, включая компании с госучастием;
— рост доверия со стороны инвесторов — государственное признание статуса и сопровождение повышают инвестиционную привлекательность.

Однако успех возможен только при соблюдении институционального баланса между сохранением конкуренции и предоставлением преференций. Категория субъектов «МСП+» не должна заменять обычную категорию МСП, а логично дополнять ее как переходный формат.

Таким образом, инициатива по созданию категории «МСП+» отражает потребность в адаптации правового поля к реальным экономическим процессам и потребностям высокотехнологического бизнеса. При должной правовой проработке она может стать важным инструментом государственной политики поддержки инновационного предпринимательства.

Вместе с тем без четких нормативных критериев, прозрачных процедур и эффективного контроля такая мера может оказаться неэффективной или даже контрпродуктивной. Необходимо учитывать отраслевые особенности, избегать дискриминации других категорий МСП и обеспечить единую правовую практику применения новых норм.

Переход от количественного расширения поддержки к ее качественной правовой настройке — ключевой вызов ближайших лет для законодательства о предпринимательстве в России.

Осиев Р. М.,
аспирант кафедры гражданского
и предпринимательского права
Новосибирского государственного университета
экономики и управления «НИНХ»

РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Малое и среднее предпринимательство (МСП) является важным элементом экономики Российской Федерации, способствуя насыщению рынка, повышению уровня жизни населения, созданию рабочих мест, внедрению инновационных решений и в целом, выступая в качестве значимого фактора экономического роста. В условиях беспрецедентного санкционного давления наращивание потенциала этого сектора национальной экономики приобретает ключевое значение для дальнейшего развития страны и достижения реального экономического суверенитета. В связи с этим Правительство РФ уделяет особое внимание совершенствованию законодательства, направленного на поддержку малого и среднего бизнеса.

По информации Минэкономразвития России, количество работников в сфере малого и среднего бизнеса, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц, составляет 29,7 млн человек. Без учета самозанятых этот показатель составляет около 22 млн человек[1].

В рамках реализации национальной программы «Устойчивое и динамичное развитие экономики», утвержденной Указом Президента РФ от 05.07.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», необходимо обеспечить рост реальных доходов населения. Планируется, что в период с 2024 по 2030 г. рост доходов на одного работника малых и средних предприятий превысит рост валового внутреннего продукта в 1,2 раза[2].

В настоящее время доступ предпринимателей к государственной поддержке остается ограниченным. В России существует около 250 мер поддержки, однако их понимание и использование затруднено из-за отсутствия единого подхода и автоматизации. Информация о программах поддержки доступна на различных ведомственных ресурсах, что делает ее фрагментарной и труднодоступной. В результате предприниматели не могут определить, какие меры поддержки им доступны, и опасаются сложного и длительного процесса их получения. Для повышения осведомленности предпринимателей и упрощения процесса полу-

[1] Доклад «Малое и среднее предпринимательство в России: итоги развития, оценка эффективности реализации программы господдержки, вызовы и новые возможности» // URL: http://uralfo.gov.ru/media/files/file/UgCf61U21DQK34LRPL2V0KJYbcODlkKg.pdf (дата обращения: 01.01.2025).

[2] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

чения поддержки была создана цифровая платформа «МСП.РФ» (https://мсп.рф), разработанная АО «Корпорация МСП» совместно с Минэкономразвития России и представителями бизнеса[1].

В то же время потребительская кооперация как форма организации бизнеса, которая может стать эффективным инструментом поддержки и развития малого и среднего предпринимательства, остается без должного внимания. В этой связи необходимо рассмотреть правовые аспекты регулирования деятельности потребительских кооперативов и их взаимодействие с субъектами МСП в России[2].

В Российской Федерации деятельность потребительских кооперативов регулируется различными законодательными актами, среди которых можно выделить:

— Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024);
— Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 (ред. от 08.08.2024) «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации»;
— Федеральный закон от 18.07.2009 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О кредитной кооперации»;
— Федеральный закон от 29.11.2007 № 286-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О взаимном страховании»;
— Федеральный закон от 30.12.2004 № 215-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О жилищных накопительных кооперативах»;
— Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ;
— Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «О сельскохозяйственной кооперации».

Отметим, что потребительская кооперация представляет собой систему организаций, созданных для удовлетворения материальных и иных потребностей своих членов.

Потребительский кооператив представляет собой добровольное объединение граждан или юридических лиц, основанное на членстве, целью которого является удовлетворение материальных и иных потребностей участников путем объединения их имущественных взносов (п. 1 ст. 123.2 ГК РФ).

Потребительским обществом признается добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц, которое обычно создается по территориальному признаку на основе членства. Члены общества объединяют свои имущественные взносы для осуществления торговой, заготовительной, производственной и иной деятельности, направленной на удовлетворение материальных и иных потребностей участников[3].

Необходимо подчеркнуть, что в целях развития малого и среднего предпринимательства потребительская кооперация предоставляет ряд преимуществ:

1) укрепление экономической стабильности: создание стабильных каналов сбыта и поставок для малых и средних предприятий через кооперативные сети

---

[1] Доклад «Малое и среднее предпринимательство в России: итоги развития, оценка эффективности реализации программы господдержки, вызовы и новые возможности».

[2] *Соболев А. В., Беднягин С. Е.* Экономическая структура кооперативной организации // Научно-теоретический журнал. 2022. № 1. С. 64–74.

[3] Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 (ред. от 08.08.2024) «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» (ст. 1) // СПС «КонсультантПлюс».

способствует их финансовой устойчивости и долгосрочному присутствию на рынке;
2) снижение затрат: совместные закупки и распределение ресурсов позволяют снизить операционные издержки, что повышает конкурентоспособность малых и средних предприятий;
3) доступ к финансированию: потребительская кооперация может облегчить доступ к финансовым ресурсам и кредитам, что особенно важно для начинающих предпринимателей, нуждающихся в стартовом капитале;
4) финансовая поддержка: кооперативы предоставляют кредиты и другие финансовые инструменты своим членам, что значимо для начинающих предпринимателей;
5) поддержка инноваций: сотрудничество способствует внедрению передовых решений и технологий в деятельность субъектов МСП, что позволяет им адаптироваться к изменениям на рынке и усиливать свою конкурентоспособность;
6) развитие партнерства: укрепление сотрудничества между субъектами МСП и другими участниками кооперативного движения создает возможности для обмена опытом и ресурсами;
7) маркетинг и продажи: потребительские кооперативы могут помочь субъектам МСП продвигать свою продукцию на рынке, предоставляя доступ к широкой клиентской базе;
8) трудовые ресурсы: кооперативы предоставляют возможность привлекать высококвалифицированных специалистов, таких как менеджеры и отраслевые эксперты, что способствует повышению эффективности малого и среднего бизнеса;
9) конкурентоспособность: объединение ресурсов малых и средних предприятий способствует повышению их конкурентоспособности, что становится особенно актуальным в условиях конкуренции с крупными компаниями. Это имеет большое значение в контексте реализации программы импортозамещения и обеспечения отечественным предприятиям возможности конкурировать с иностранными компаниями.

Несмотря на очевидные преимущества, существуют и определенные проблемы, с которыми сталкиваются субъекты МСП в контексте потребительской кооперации:

— недостаток правовой осведомленности: многие предприниматели не знают о возможностях, которые предоставляет потребительская кооперация;
— разнообразие форм и целей потребительских кооперативов, что приводит к их различной правовой классификации и регламентации[1];
— несмотря на наличие законодательных актов, регулирующих деятельность различного вида кооперативов, отсутствие единого нормативного акта, направленного на правовое регулирование деятельности кооперативов, вне зависимости от их вида, ведет к отсутствию единых норм общего характера;
— отсутствие нормативных актов, в полной мере раскрывающих уникальные особенности потребительского кооператива, не свойственные иным организационно-правовым формам юридических лиц, не позволяет полноценно использовать данную форму субъектами предпринимательской деятельности.

[1] *Соболев А. В.* Потребительский кооператив: особенности, сущность и значение // Научно-теоретический журнал. 2021. № 4. С. 13–23.

В заключение следует отметить, что развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации, особенно в контексте потребительской кооперации, является стратегически важным направлением, способствующим повышению конкурентоспособности и устойчивости бизнеса. Правовая основа, регулирующая эту сферу, должна быть адаптирована к современным условиям, чтобы обеспечить максимальную поддержку и защиту интересов предпринимателей. Важно продолжать работу по повышению осведомленности о возможностях потребительской кооперации, совершенствованию законодательства и устранению существующих барьеров для ее развития.

Козина Е. А.,
адвокат, управляющий партнер
Адвокатского бюро г. Москвы «Элко профи»,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского
и корпоративного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КРИТЕРИИ КРУПНЫХ СДЕЛОК: КОЛЛИЗИИ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Современное состояние института крупных сделок, призванного защищать интересы хозяйственного общества и его участников от недобросовестных действий менеджмента, характеризуется системными противоречиями, обусловленными реформой 2016–2018 гг. и последующей судебной практикой. Несмотря на попытки законодателя сбалансировать защиту корпоративных интересов и стабильность оборота, установление законодателем двойного критерия (количественный и качественный) для квалификации данной сделки не только не устранило имевшиеся коллизии, но и породило неоднозначность в правоприменении. Судебные акты экономической коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 2024 г., отходящие от буквального толкования закона в контексте соотношения двух критериев, демонстрируют несоответствие между законной дефиницией и реалиями хозяйственной деятельности. Такая ситуация создает угрозу правовой определенности: участники оборота сталкиваются с невозможностью прогнозировать последствия совершаемых сделок, а судебные решения зачастую основываются на расширительном толковании «обычной хозяйственной деятельности». Это актуализирует необходимость оценки имеющихся судебных подходов к квалификации крупных сделок, включая презумпцию качественного критерия при превышении стоимостного порога и приоритет качественных характеристик над формальными параметрами.

До 2017 г. единственным критерием крупной сделки являлось превышение стоимостного порога в 25 % балансовой стоимости активов общества на последнюю отчетную дату, а соответствие такой сделки обычной хозяйственной деятельности общества являлось исключением из корпоративно-правового режима, предусмотренного законом для такой категории сделок. При этом на ответчика возлагалось бремя доказывания того, что сделка с превышением количествен-

ного критерия совершена в рамках обычной деятельности общества и ввиду этого не требовала одобрения его органами[1]. Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ установил обязательную совокупность количественного и качественного критериев для квалификации крупной сделки[2]. Если количественный критерий сохранил свое содержание, то есть пороговое значение суммы или балансовой стоимости объекта сделки в соотношении с балансовой стоимостью всех активов общества осталось неизменным, то качественный критерий существенно отличается от прежнего понимания признаков выхода сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности. Он предполагает не просто факт того, что ранее в хозяйственной жизни общества или его конкурентов не имели место сделки с аналогичными условиями, а наличие определенных последствий крупной сделки. Совершение сделки должно приводить либо к прекращению деятельности, либо к изменению ее вида или масштаба[3].

Бремя доказывания одного из трех возможных последствий крупной сделки возлагается на истца притом что он, будучи ограниченным в доступе к информации о хозяйственной деятельности общества, является слабой стороной процесса в части доказывания того, что она выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности. Помимо отмеченного аспекта к числу факторов, осложняющих оспаривание крупной сделки, следует отнести неопределенность признаков того, что сделка повлекла прекращение, изменение вида деятельности или ее масштаба[4], поскольку законы о хозяйственных обществах их не раскрывают, а попытка Верховного Суда РФ сделать это в постановлении Пленума № 27 (далее — ПП № 27) представляется неудачной. При разъяснении критериев качественного признака ПП № 27 демонстрирует противоречивость собственной позиции. А именно, в пункте девятом оценивается данный признак в динамике причины (совершение сделки) и следствия (изменение/прекращение деятельности), о чем свидетельствуют такие формулировки, как «совершение сделки приведет», «к наступлению таких последствий может привести», «сделка влечет для общества». При этом в абзаце четвертом того же пункта содержится следующее указание, которое исключает причинно-следственный подход и вызывает вопрос о возможности связи сделки с обычной деятельностью общества: «устанавливая наличие данного критерия, следует учитывать, что он должен иметь место на момент совершения сделки». Такое разъяснение как минимум вызывает трудности в оценке качественного критерия и формирует противоречивую

---

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью», п. 10 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

[2] Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СЗ РФ. 2016. № 27. Ст. 4276.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», п. 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

[4] См.: *Козина Е. А.* Критерии выхода за пределы обычной хозяйственной деятельности для экстраординарных сделок хозяйственных обществ // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 284–287.

практику, как максимум — превращает качественный критерий крупной сделки в инструмент судебного произвола.

Следующая проблема практики применения института крупных сделок заключается в неоднозначном толковании качественного критерия, который может подменяться неформальным толкованием и использоваться для оспаривания сделок без какой-либо привязки к количественным параметрам. Согласно позиции Экономической коллегии ВС РФ (далее также — СКЭС Верховного Суда РФ), выраженной в определении от 08.07.2024 № 308-ЭС24-2859, существенное превышение порогового значения количественного критерия сделки автоматически влечет признание ее крупной, даже если качественный критерий не доказан. Это означает, что сделка, цена которой превышает половину от балансовой стоимости всех активов общества, является выходящей за пределы обычной хозяйственной деятельности. Обстоятельства дела, в рамках которого ВС РФ пришел к обозначенному выводу, заключались в следующем: миноритарный акционер непубличного акционерного общества требовал выкупа своих акций после принятия общим собранием акционеров рамочного решения, одобряющего заключение обеспечительных сделок с двумя банками на сумму, превышающую балансовую стоимость активов общества; сделки не были совершены, но общее собрание утвердило их условия. Помимо того, что СКЭС Верховного Суда РФ в своем акте сформировала презумпцию качественного критерия через «стоимостной порог», данная инстанция еще обратила внимание на то, что отсутствие заключенных договоров не исключает риска прекращения деятельности общества, так как одобрение их потенциальных условий создает правовые основания для совершения таких сделок в будущем. Согласно определению СКЭС Верховного Суда РФ по делу № А41-62370/2021 «применительно к существующим в настоящее время правилам оспаривания, приоритет должен отдаваться именно качественному критерию, свидетельствующему о выходе сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности (способности спорных сделок привести к последствиям, аналогичным реорганизации и ликвидации самого общества), даже если балансовая стоимость выбывших активов формально не превысила 25 процентов общей балансовой стоимости активов (количественный критерий)»[1].

При рассмотрении иного спора, в рамках которого был установлен факт отчуждения обществом имущественного комплекса спортивного клуба посредством оплаты доли в уставном капитале другого общества, СКЭС Верховного Суда РФ приходит к аналогичному выводу о возможности оценить сделку в качестве крупной в отсутствие количественного критерия: «…сделка может быть признана крупной, даже если формально балансовая стоимость выбывших активов не превысила 25 процентов общей балансовой стоимости активов (количественный критерий), но отчужденный актив являлся ключевым для общества — его утрата не позволяет юридическому лицу вести свою деятельность или ее отдельные виды»[2].

Следует критически оценивать обозначенный подход, поскольку в отсутствие в законе четких и однозначных признаков качественного критерия крупной

[1] Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 15.08.2024 № 305-ЭС24-8216 по делу № А41-62370/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 06.09.2024 № 308-ЭС24-3124 по делу № А53-16963/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

сделки хозяйственного общества, позволяющих избежать судебного субъективизма, приоритет данного критерия над односложным количественным критерием, который привязан к пороговому соотношению цены сделки со стоимостью всех активов общества, противоречит принципу правовой определенности. Любая сделка с активом, имеющим минимальное значение для деятельности общества, становится потенциально оспоримой. Участники рынка не могут предугадать перспективы оспаривания сделок с учетом непредсказуемости судейского усмотрения в оценке их качественного критерия, что подрывает стабильность гражданского оборота. Особенно ощутимым данный прогноз может стать для бизнеса, активно взаимодействующего с банковским сектором экономики (например, застройщики и девелоперы). Банки уже сейчас ужесточают требования к обеспечению кредитов и требуют одобрения залоговых сделок, опасаясь их оспаривания, даже при соотношении суммы кредитных средств в 10–20 % от балансовой стоимости активов заемщиков. Помимо того, что компании с небольшой величиной балансовой стоимости активов вынуждены проводить собрания участников для согласования большинства операций, сопровождающих открытие кредитной линии, возросшие риски их оспаривания учитываются при определении процентных ставок. Совокупность данных факторов очевидно нарушает баланс между обеспечением интересов участников корпоративных отношений и свободой предпринимательства.

Оценивая практику СКЭС Верховного Суда РФ применительно к институту крупных сделок, нельзя оставить без должного внимания последнюю тенденцию, представленную в определении от 08.07.2024 № 308-ЭС24-2859. В данном судебном акте представлен вывод о наличии качественного критерия при существенном превышении цены сделки порогового значения в 50 % от балансовой стоимости активов хозяйственного общества, определенную на последнюю отчетную дату. Согласно позиции СКЭС Верховного Суда РФ, существенное превышение количественного критерия создает презумпцию наличия качественного критерия крупной сделки: «При столь существенном превышении количественного критерия, установленного для квалификации крупной сделки подпунктом 2 пункта 1 статьи 78 Закона № 208-ФЗ (в два и более раза), выход одобряемой общим собранием сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности общества предполагается»[1]. Иными словами, истец не должен доказывать такие перспективы совершения и исполнения сделки, как прекращение деятельности общества или изменение ее вида либо существенное изменение ее масштабов, поскольку имеет место презумпция ее квалификации в качестве крупной через стоимостной порог в половину (и более) стоимости активов общества. Сделка, формально соответствующая количественному критерию в 50 и более процентов от балансовой стоимости активов общества, автоматически признается выходящей за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Обозначенная позиция Верховного Суда РФ может задать положительную тенденцию для практики применения института крупной сделки ввиду определенности стоимостного признака сделки, наличие которого позволит констатировать крупность сделки без оценки ее последствий для хозяйственной

[1] Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 08.07.2024 № 308-ЭС24-2859 по делу № А63-20262/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

деятельности общества. В свою очередь, это освободит истца от бремени доказывания качественного критерия крупной сделки, что сделает оспаривание таких сделок действенным инструментом восстановления нарушенных экономических интересов общества, а судебную практику — более предсказуемой и релевантной цели рассматриваемого института крупной сделки.

Произведенная оценка последних судебных позиций о квалифицирующих признаках крупной сделки позволяет сделать рекомендации как минимум для разработки акта Верховного Суда, обобщающего судебную практику по рассмотрению споров о признании недействительными рассматриваемой категории сделок, как максимум — для формулирования соответствующих изменений в статью 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью[1] и статью 78 Закона об акционерных обществах[2].

Во-первых, следует найти баланс в соотношении количественного качественного критериев крупной сделки, отказавшись от презумпции того, что все сделки общества совершаются в пределах его обычной хозяйственной деятельности и в качестве альтернативы установив следующие презумпции:

1. презумпция соблюдения качественного критерия крупной сделки при превышении порогового значения в пятьдесят процентов при соотношении цены сделки (или балансовой стоимости активов общества) с балансовой стоимостью всех активов общества, определенных на последнюю отчетную дату;

2. презумпция наличия количественного критерия крупной сделки при доказанности качественного критерия, который следует определить как фактическое изменение масштабов деятельности общества по экономическим, территориальным, видовым (фактическое прекращение отдельных видов деятельности и/или осуществление новых видов деятельности) признакам, любой из которых должен иметь место не на момент совершения сделки, а после ее исполнения сторонами.

Во-вторых, необходимо сделать указанные презумпции опровержимыми, и бремя опровержения возложить на хозяйственное общество в том случае, если истцом выступает его участник.

Обозначенные меры помогут в минимальной степени сбалансировать интересы субъектов корпоративных отношений и при этом сохранить изначальное значение режима крупных сделок как механизма защиты интересов общества и его участников, не превратив его в инструмент корпоративного давления, подрывающего стабильность делового оборота. В целом для предотвращения риска оспаривания сделок, в отношении которых нельзя сделать односложного вывода о наличии квалифицирующих признаков крупности, целесообразно было бы вернуться к прежнему консервативному подходу, применяющему единственный и легко определимый количественный (стоимостной) критерий. В противном случае стороны договорных отношений даже гипотетически не смогут выявлять потенциально крупные сделки и, как следствие, соблюдать их правовой режим, что в очередной раз поставит под сомнение целесообразность данного института корпоративного права.

---

[1] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

[2] Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

Вавилин Е. В.,
заведующий кафедрой гражданского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
судья Высшего Арбитражного Суда
Российской Федерации в почетной отставке

СУДЕБНАЯ ДОКТРИНА В ОБЛАСТИ ВЛАДЕНИЯ, ПОЛЬЗОВАНИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТОЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ[1]

Цифровизация гражданского оборота как явление, во многом характеризующее современную правовую действительность, продолжает свою экспансию на традиционные правоотношения, поступательно укореняясь в правовой материи множества юрисдикций.

Развитие возможностей цифровой экономики, усиление ее роли в жизни общества и государства вызывает ответную реакцию компетентных органов государственной власти и должностных лиц, уполномоченных на утверждение актов стратегического планирования в рассматриваемой сфере. Согласно подпунктам «е» и «ж» Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2], технологическое лидерство и цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы закономерно названы в качестве национальных целей развития Российской Федерации.

В целях решения поставленных Президентом РФ задач реализуется ряд программных актов, к которым, в частности, относятся национальные проекты, государственные программы, направленные на развитие искусственного интеллекта и повышение цифровой доступности органов государственной власти, а также иные документы по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации в области цифровой трансформации государства и общества.

Заданный вектор политико-правового развития становится драйвером модернизации нормативного массива, побуждает законодателя к реформированию привычного правового регулирования. Одним из приоритетов среди инновационных объектов гражданских прав, получивших соответствующую правовую оценку, является криптовалюта.

Значимые изменения были внесены в Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»[3] (далее — Федеральный закон № 259-ФЗ), Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об

[1] Публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

[2] СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

[3] СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

электроэнергетике»[1], Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[2] (далее — Федеральный закон № 115-ФЗ) и некоторые другие нормативные правовые акты.

Вместе с тем интегрированные новеллы, направленные в первую очередь на удовлетворение публичных интересов, не разрешают концептуальных цивилистических вопросов оборотоспособности и охраноспособности объектов цифровой реальности. Указанное обстоятельство приводит к нарушению принципа единообразия судебной практики и повышает роль судебного усмотрения при разрешении споров, связанных с владением, пользованием и распоряжением криптовалютой.

Например, в ряде случаев правоприменитель рассматривает криптовалюту в качестве объекта гражданских прав[3], в других, напротив, указывает на отсутствие в статье 128 ГК РФ категории, включающей рассматриваемые взаимозаменяемые токены[4].

Анализ правоприменительных актов показывает, что некоторые изменения, внесенные в нормативные правовые акты в последние годы, повышают неопределенность в вопросе охраноспособности криптоативов.

Например, неоднородное толкование судами нормативных предписаний части 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ о необходимости информирования о факте владения и осуществления прав с использованием цифровой валюты в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, приводит к формированию неоднородной практики применения указанной нормы.

В одних случаях суд, применяя данное положение, отказывает в удовлетворении требований стороны[5].

В других случаях судами не исследуется факт надлежащего информирования истцом налоговых органов о факте владения криптовалютой, что, однако, не препятствует удовлетворению требований, связанных с владением и распоряжением таким объектом гражданских прав[6]. Следует отметить, что такая практика относится скорее к исключениям.

---

1 СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

2 СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.

3 Заочное решение Ленинского районного суда города Тюмени от 26.06.2024 по делу № 2-6060/2024 ; решение Киевского районного суда г. Симферополь от 03.07.2023 № 2-1021/2023 ; решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 02.04.2024 по делу № 2-1954/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 11.04.2025).

4 Апелляционное определение Верховного суда Республики Марий Эл от 21.01.2025 по делу № 33-90/2025 ; решение Тимирязевского районного суда города Москвы от 16.01.2025 по делу № 2-240/2025 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 11.04.2025).

5 Решение Ленинского районного суда города Барнаула от 13.02.2025 по делу № 2-224/2025 ; решение Тимирязевскиого районного суда города Москвы от 16.01.2025 по делу № 2-240/2025 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 11.04.2025).

6 Заочное решение Ленинского районного суда города Тюмени от 26.06.2024 по делу № 2-6060/2024 ; решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 02.04.2024 по

Неопределенность в вопросе установления правовой природы криптовалюты и придания ей правового режима стала причинной полярности, которую в настоящее время переживает отечественная судебная доктрина. Уникальность такого состояния проявляется в сосуществовании в едином правовом поле решений, в которых неосновательно полученная криптовалюта возвращается ее титульному владельцу[1] и решений, в которых заявляется об отсутствии у криптовалюты признаков объекта гражданских прав[2].

Указанное обстоятельство может негативно сказаться на развитии гражданского оборота в цифровой среде, в связи с чем целесообразным представляется расширение межотраслевой методологии и учет частноправовых вопросов при проектировании инновационного регулирования.

Гдлян А. Т.,
соискатель кафедры гражданского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ЧАСТЬ НЕЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В условиях экономической нестабильности особую значимость приобретает эффективное правовое регулирование оборота недвижимости, в том числе части нежилого помещения. Долгое время этот вопрос оставался дискуссионным: отсутствие четкого законодательного определения и противоречивая судебная практика создавали риски для участников сделок. Однако с принятием Федерального закона № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»[3] правовой статус части нежилого помещения стал более определенным, особенно в отношении аренды. Тем не менее вопросы купли-продажи такой части помещения по-прежнему требуют детального анализа.

Возможность (невозможность) части нежилого помещения выступать объектом права активно дискутируется в научной литературе. Отсутствие легитимного определения части объекта недвижимости создает потенциальную возможность злоупотребления правами и возникновения споров.

Кроме того, суды, Министерство экономического развития Российской Федерации и Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии до вступления в силу действующей редакции Федерального закона № 218 трактовали неоднозначно положение статьи 607 Гражданского кодекса РФ.

делу № 2-1954/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 09.04.2025) ;

[1] Решение Киевского районного суда г. Симферополь от 03.07.2023 № 2-1021/2023 // URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/apellyatsionnoe-opredelenie-_-2-1021_2023-ot-20.07.2023-stavropolskogo-kraevogo-suda-(stavropolskiy-kray) (дата обращения: 11.04.2025).

[2] Апелляционное определение Верховного суда Республики Марий Эл от 21.01.2025 по делу № 33-90/2025 ; решение Тимирязевского районного суда города Москвы от 16.01.2025 по делу № 2-240/2025 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 11.04.2025).

[3] СЗ РФ. 2015. № 29. Ч. I. Ст. 4344.

Позиции цивилистов по этому поводу также разделились: одни отстаивали точку зрения, согласно которой к необособленной части нежилого помещения договор аренды неприменим в силу того, что часть помещения не является фактически и юридически обособленной вещью[1].

Оппоненты этой точки зрения настаивали на том, что диспозитивный характер гражданско-правового договора не ограничивает право собственника предоставить во временное пользование и распоряжение часть нежилого помещения[2]. Это подтверждает и практика, повсеместно сложившаяся в хозяйственном обороте, когда в аренду сдается торговая площадь для проведения рекламной акции определенной продукции на срок менее года. В этом случае достаточно приложить к договору поэтажный план, на котором обозначена соответствующая часть помещения, государственная регистрация для такого договора не требуется. Вместе с тем в целях предупреждения возможных споров имеет смысл создать единый стандарт описания части помещения в договорах.

В настоящее время указанные доктринальные противоречия снимаются действующей редакцией Федерального закона № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», который позволяет считать часть нежилого помещения объектом прав (пп. 24 п. 1 ст. 8, пп. 2, п. 1, ст. 14).

В соответствии с частью 5 статьи 44 Закона, если в аренду на срок, превышающий один год, сдается часть нежилого помещения, право на которое зарегистрировано в государственном реестре, государственный кадастровый учет такой части осуществляется одновременно с государственной регистрацией договора аренды. Государственный кадастровый учет части помещения не осуществляется, если при регистрации договора не представлен технический план помещения. В этом случае договор аренды на такие объекты регистрируется как обременение соответствующего объекта недвижимости.

Верховный Суд РФ подтвердил, что часть нежилого помещения может быть объектом аренды, если она индивидуально определена (в частности, обозначена на поэтажном плане, приложенном к договору аренды)[3]. Вместе с тем суды исходят из того, что кадастровый учет части нежилого помещения является правом, а не обязанностью собственника или иного лица, в пользу которого устанавливаются ограничения вещных прав на это имущество. Поэтому отсутствие такового не влечет недействительности сделки.

Таким образом, вопрос аренды части нежилого помещения можно считать в большей или меньшей степени разрешенным, тогда как проблема купли-продажи части нежилого помещения является на сегодняшний день менее определенной.

---

[1] Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановления Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. Вып. 1 / рук. проекта Л. А. Новоселова, М. А. Рожкова ; Исслед. центр частного права. М. : Статут, 2007. С. 218 ; *Васильев Г. С., Рыбалов А. О.* «Часть вещи» как объект аренды // Закон. 2007. № 5. С. 174.

[2] *Ланда В. М.* Особенности гражданско-правового регулирования аренды объектов недвижимости (на примере города Москвы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8–9.

[3] Определение Верховного Суда РФ от 17.07.2018 № 305-ЭС18-9182 по делу № А40-108964/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://rdgw.msal.ru/RDWeb/webclient/index.html (дата обращения: 02.05.2025).

В научной литературе было высказано мнение, в целом отражающее сложившийся в цивилистике подход о том, что «часть помещения, не сформированная в качестве самостоятельного объекта права собственности, может являться объектом гражданских прав, но только обязательственных или ограниченных вещных прав, самостоятельным объектом права собственности она быть не может»[1]. В связи с этим необходимо обратить внимание на некоторые особенности купли-продажи части нежилого помещения.

Согласно статье 554 ГК РФ, договор продажи недвижимости должен содержать данные, позволяющие точно определить имущество, подлежащее передаче покупателю. По общему правилу способом индивидуализации объекта недвижимости является указание в договоре его кадастрового номера. Кроме того, способом индивидуализации могут служить данные о точном расположении в составе другого недвижимого имущества. Иными словами, указанная норма не содержит прямого запрета продажи, в частности, части нежилого помещения.

Позиция Верховного Суда РФ по этому вопросу, отраженная в постановлении Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54[2], состоит в том, что если в тексте договора купли-продажи недвижимости недостаточно сведений об индивидуализации предмета договора, но они содержатся в акте приема-передачи, составленном сторонами во исполнение заключенного ими договора, то такой договор не может быть признан незаключенным.

То есть отсутствие кадастрового номера части нежилого помещения не влечет признания договора незаключенным. Далее судьба такого объекта недвижимости может решаться соглашением сторон. В одном случае вместе с государственной регистрацией перехода права собственности на часть нежилого помещения может быть произведен кадастровый учет новых нежилых помещений, образованных в результате раздела, или произведена регистрация общей долевой собственности на нежилое помещение в соответствии с пунктом 4 статьи 244 ГК РФ. В последнем случае сделка не влечет изменения характеристик нежилого помещения.

Представленная точка зрения оправдана гражданско-правовым оборотом: нет убедительных оснований ограничивать права собственника нежилого помещения запретом о сдаче в аренду или продаже части этого помещения.

Таким образом, часть нежилого помещения, не выделенная в самостоятельный объект недвижимости, может быть предметом договора аренды, купли-продажи. Действующая редакция Федерального закона № 218-ФЗ устранила ключевые противоречия в регулировании аренды части нежилого помещения, признав ее самостоятельным объектом прав при условии индивидуализации. Однако правовой режим части нежилого помещения в качестве объекта купли-продажи требует дальнейшего изучения.

---

[1] *Басос Е. В.* Правовой режим помещения как объекта гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 169.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. № 9. Сентябрь. 2011.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Беликова К. М.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского
и корпоративного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ДИСТАНЦИОННОСТЬ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИДЕЯ И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Дистанционность в корпоративных отношениях и управлении может быть раскрыта через географические, нормативные, культурные и институциональные факторы. Этот подход имеет решающее значение для многонациональных предприятий, глобальных цепочек поставок и трансграничных партнерств.

Ключевые элементы дистанционного управления, по нашему мнению, можно свести к следующим позициям:

— *географическая удаленность,* которая рождает потребность трансграничного управления дочерними компаниями, поставщиками или партнерами, требующего структур для решения вопросов соблюдения юрисдикционных норм, коммуникации и шире логистики[1];

— *регуляторные различия*, требующие навигации по различающимся законам (например, общий регламент по защите данных Европейского Союза (ЕС) — *General Data Protection Regulation 2018 г.*, призванный обеспечить защиту данных и конфиденциальность граждан ЕС[2], против *Правил раскрытия информации о климате Комиссии по ценным бумагам и биржам США* (SEC), которые требуют от публичных компаний предоставлять определенную информацию, связанную с климатом, в своих публичных отчетах[3]);

— *культурологическая / институциональная удаленность*, которая требует согласования деловой корпоративной практики с местными нормами и структурами управления, например, обеспечение баланса интересов заинтересованных сторон на различных рынках и др.[4]

---

[1] См., например: *Sarfaty G. A, Deberdt R.* Supply Chain Governance at a Distance // Law & Social Inquiry. 2024;49 (2):1036-1059. DOI: 10.1017/lsi.2023.17. URL: https://goo.su/s26GQG (дата обращения: 02.05.2025).

[2] Что такое GDPR. 05.04.2024 // Moscow Digital School. URL: https://goo.su/CarbciX (дата обращения: 02.05.2025).

[3] *M. Hurd, M. Sawyer, S. Crofton.* Corporate Governance Context // Corporate Governance 2024: Global Practice Guides / Eds. B. Ward, G. Sykes, I. Hoyl, H. Smith Freehills. Chambers and Partners, 2024. P. 873. URL: https://goo.su/UH3K (дата обращения: 02.05.2025).

[4] *Беликова К. М.* Национально-правовые особенности реализации инвестиций в экономики России, Южной Кореи и Японии // Юридические исследования. 2019. № 2. С. 1–9 ; Governance Framework (American Express). URL: https://goo.su/ilbFJV (дата обращения: 02.05.2025).

Правовую основу регулирования дистанционных корпоративных отношений составляют акты и документы разного уровня (международные, региональные, национальные) и степени обязательности (стандарты корпоративного управления и др.). В их числе можно назвать:

— Руководящие принципы ООН и управление транснациональным бизнесом[1] и Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий[2], развивающиеся различными другими инициативами для поощрения этической практики, защиты прав человека и рационального природопользования, часто обеспечиваемых, например, с помощью инструментов самооценки, как в случае Инициативы в области ответственного производства, поиска, обработки и переработки минералов и металлов — *Responsible Minerals Initiative* (RMI) и ее *Risk Readiness Assessment* (RRA) — в виде набора критериев для этого. Версия 3.0 RRA включает 33 критерия, охватывающих экологические, социальные и управленческие (ESG) риски[3];
— Директиву ЕС 2024/1760 от 13.06.2024 о должной осмотрительности в области корпоративной устойчивости[4], предписывающую проявлять должную осмотрительность в области прав человека и окружающей среды в цепочках поставок, хотя ее финальная версия была ослаблена из-за политических компромиссов в преддверии выборов в ЕС;
— национальные законы о торговле и устойчивом развитии и региональные акты, например, раздел 1502 американского Закона Додда-Франка 2010 г., принятый в ходе реформы Уолл-стрит и Закона о защите прав потребителей США, нацеленный сделать прозрачными финансовые интересы, поддерживаемые вооруженными группами в районе Демократической Республики Конго (ДРК), и установить требования к использованию конфликтных минералов (conflict minerals) в продукции публичных компаний, которые производят (заключают контракты на производство) продуктов, где конфликтные минералы необходимы для функционирования (производства) продукта (например, электроника, связь, аэрокосмическая, автомобильная, ювелирная деятельность и др.). Действует вместе с Правилами SEC 2012 г. «О конфликтных минералах»[5] и Руководством о том, как компании должны отчитываться об источниках таких полезных ископаемых, как олово, вольфрам, тантал и золото.

Раздел 1502 требует от компаний, использующих конфликтные минералы, раскрывать их источник, проверять цепочки поставок на связь с конфликтом в

---

1 *K. Buhmann.* UN Guiding Principles and Transnational Business Governance. In book: Encyclopedia of Business and Professional Ethics. May 2023. URL: https://goo.su/IVp0 (дата обращения: 02.05.2025).

2 *Беликова К. М., Иншакова А. О.* Акционерное соглашение как правовой механизм защиты прав участников АО в гармонизированном корпоративном регулировании РФ и ОЭСР // Юрист. 2011. № 20. С. 18–23.

3 *Sarfaty G. A, Deberdt R.* Op. cit. ; *Zahra Awan*. RMI and the Copper Mark Publish Criteria for Responsible Minerals and Metals. 20th October, 2023. URL: https://clck.ru/3LqmUP (дата обращения: 02.05.2025).

4 Directive (EU) 2024/1760 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on corporate sustainability due diligence and amending Directive (EU) 2019/1937 and Regulation (EU) 2023/2859. URL: https://clck.ru/3LqmWY (дата обращения: 02.05.2025).

5 URL: https://u.to/fEo-Ig (дата обращения: 02.05.2025).

Конго, устранять риски и ежегодно отчитываться SEC. Закон Додда-Франка не требует отказа от источников в ДРК, а лишь обязывает к отчетности о происхождении минералов и соблюдении требований[1].

Для наилучшего понимания ситуации сто́ит привести мнение доктора Д. Муквеге, основателя и медицинского директора больницы Панзи: «Бесконфликтная добыча полезных ископаемых способствовала бы прекращению чудовищного насилия, с которым народ Конго сталкивается на протяжении многих лет»[2].

Подобным образом Регламент (ЕС) 2017/821 от 17.05.2017[3] обязывает импортеров олова, тантала, вольфрама и золота из зон конфликтов проводить комплексную проверку цепочек поставок, часто посредством Инициативы по ответственному использованию полезных ископаемых (RMI).

Другие грани дистанционности выражаются в:

— *структуре советов директоров* — такие американские компании, как *Microsoft* и *American Express*, используют системы управления для разграничения ролей между советами директоров, руководителями и комитетами, обеспечивая подотчетность во всех глобальных операциях. При этом[4] одной из характеристик сильных структур управления является интеграция деятельности членов советов директоров, чаще всего с помощью программного обеспечения;

— *централизованном управлении* — такие организации, как британское Управление по регулированию из одного источника (Single Source Regulation Office, SSRO)[5], обеспечивают подотчетность в оборонных контрактах путем делегации полномочий при сохранении надзора;

— *технологических решениях* — таких как программное обеспечение для управления объектами и др. Например, впервые электронное голосование на платформе блокчейн было проведено американской компанией *Nasdaq* в 2017 г. В России проведение электронного голосования на платформе блокчейн обеспечивается Национальным расчетным депозитарием, который использует распределенный реестр на базе *Hyperledger Fabric* для безопасности электронного взаимодействия держателей ценных бумаг с эмитентами последних во время ежегодных собраний; Центр технологий распределенных реестров СПбГУ разработал блокчейн-систему для удаленного корпоративного голосования; приложение для корпоративного голосования «*КриптоВече*» может

---

[1] Dodd Frank Act: Section 1502 // URL: https://clck.ru/3LqmXp (дата обращения: 02.05.2025) ; Progress and Challenges on Conflict Minerals: Facts on Dodd-Frank 1502. URL: https://clck.ru/3LqmYy (дата обращения: 02.05.2025).

[2] Progress and Challenges on Conflict Minerals: Facts on Dodd-Frank 1502 // URL: https://clck.ru/3LqmYy (дата обращения: 02.05.2025).

[3] Regulation (EU) 2017/821 of the European Parliament and of the Council of 17 May 2017 laying down supply chain due diligence obligations for Union importers of tin, tantalum and tungsten, their ores, and gold originating from conflict-affected and high-risk areas // URL: https://clck.ru/3Lqmc5 (дата обращения: 02.05.2025).

[4] What is a governance framework? // The Diligent team. March 25, 2024. URL: https://inlnk.ru/ZZBxYJ (дата обращения: 02.05.2025).

[5] URL: https://u.to/EUs-Ig (дата обращения: 02.05.2025) ; Open consultation: Guidance on how the regulatory framework applies to qualifying sub-contracts / Single Source Regulations Office. 2 April 2025. URL: https://inlnk.ru/VoLem1 (дата обращения: 02.05.2025).

применяться во всех сферах деятельности, требующих создания доверительной обстановки[1].

Практика использования технологий проведения общих собраний или электронного голосования на блокчейн-платформе приводит к оперативности реализации права голоса и доступности всем участникам результатов голосования и содержания принятого решения. С технологией блокчейн голосование на общем собрании становится еще более прозрачным и надежным, а участников корпорации больше стимулирует участвовать в управлении при одновременном отказе от дорогостоящих общих собраний совместного присутствия.

Однако пенсионным фондам Нью-Йорка с 2018 г. по их правилам надлежит голосовать против членов комитетов по управлению/назначениям компаний, проводящих только виртуальные ежегодные собрания[2].

Пункт 11 ст. 49 Федерального закона 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[3] предусматривает, что при проведении общего собрания акционеров могут использоваться информационные и коммуникационные технологии, а Федеральный закон № 287-ФЗ[4] в ст. 1 закрепил — Закон об АО «...24) дополнить статьей 49.1» о заседании общего собрания акционеров с дистанционным участием.

Эти положения появились на почве, которая формировалась давно. Суды с 2011 г. признавали законность участия в собраниях ООО посредством видеоконференц-связи (ВКС), если это не запрещено уставом и обеспечивает возможность выражения воли участников[5]. Важным условием является достоверная идентификация участников. Проблемы с качеством видео/звука, прерывания трансляции могут поставить под сомнение действительность решений, принятых на таком собрании, так как влияют на возможность выражения воли[6]. Другой вопрос состоит в том, как квалифицировать общее собрание в режиме видеоконференции: как очное или заочное? Если участники могут активно участвовать (выступать, слушать, голосовать) и их личность достоверно идентифицирована, то это можно считать очной формой[7]. Однако плохое качество видео/звука или прерывания трансляции, влияющие на возможность выражения воли участников, ставят под сомнение действительность принятых решений. В таких случаях, по аналогии с невозможностью проведения дистанционного собрания акционеров из-за технических проблем, решения могут быть оспорены.

---

1 *Чеховская С. А.* Корпоративное электронное управление и корпоративное управление для электронных корпораций: правовые аспекты // Предпринимательское право. 2018. № 4. С. 3–11.

2 Cydney Posner. Best Practices Committee offers recommendations for conduct of virtual annual meetings. May 8, 2018. URL: https://cooleypubco.com/2018/05/08/committee-recommendations-for-virtual-annual-meetings/ (дата обращения: 08.09.2018). Цит. по: Там же.

3 СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

4 Абзацы 5–10 п. 24 вступают в силу с 1 сентября 2027 г.

5 Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 25.10.2011 № Ф05-13210/10 по делу № А40-113202/2009 оставлено в силе определением Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.03.2012 № ВАС-1972/12 ; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2013 № 15АП-4482/13 // СПС «КонсультантПлюс».

6 Пункт 105 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 // СПС «КонсультантПлюс».

7 *Шувалова М.* Общие собрания в АО, ООО и НКО онлайн: что мешает перейти на повсеместное использование такой формы? // URL: https://u.to/pUo-Ig (дата обращения: 26.09.2023).

Таким образом, с одной стороны, дистанционное управление требует баланса между централизованным надзором и локальной адаптацией. При этом правовые рамки, такие как CSDDD и Закон Додда-Франка, устанавливают глобальные стандарты, но их эффективность зависит от корпоративной интерпретации и политической стабильности. С другой стороны, по названным причинам требуют дальнейшего изучения компенсаторные правовые и культурологические механизмы, опирающиеся на национальную почву, устраняющие пробелы в подотчетности, направленные на взаимодействие с заинтересованными сторонами и выработку адаптивных стратегий, использование технократических цифровых инструментов и т.д.

Богусевич С. И.,
главный специалист отдела корпоративных отношений ПАО «Уралкалий»,
аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ВЗГЛЯД НА ЦФА КАК НА ЦЕННУЮ БУМАГУ В РОССИИ, БРАЗИЛИИ И ГОНКОНГЕ

В 2024 г. российский законодатель подтвердил сложившуюся в отечественном правопорядке тенденцию на разграничение режима цифровых финансовых активов (или секьюрити-токенов) и ценных бумаг, введя в Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА) определение иностранных цифровых прав, из которого намеренно исключил ценные бумаги[1].

В западных правопорядках часто предлагается иное законодательное решение: рассматривать цифровые финансовые активы в качестве ценных бумаг, как, например, во Франции[2], Швейцарии[3] или США[4].

Для ответа на вопрос, какой подход является наиболее предпочтительным, предлагаем сопоставить опыт России, Бразилии и Гонконга (юрисдикций, входящих в объединение БРИКС).

---

1 Пп. «г» п. 1 ст. 5 Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4917.

2 Rapport au Président de la République relatif à l'ordonnance No. 2017-1674 du 8 décembre 2017 relative à l'utilisation d'un dispositif d'enregistrement électronique partagé pour la représentation et la transmission de titres financiers. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000036171895/ (дата обращения: 04.05.2025).

3 Loi fédérale du 30 mars 1911 complétant le code civil suisse (Livre cinquième: Droit des obligations). (État le 1er janvier 2025). Articles 973c, 973d, 973e. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/fr (дата обращения: 04.05.2025).

4 SEC. Administrative proceeding. File No. 3-18304. In the matter of MUNCHEE INC. URL: https://www.sec.gov/files/litigation/admin/2017/33-10445.pdf (дата обращения: 04.05.2025).

Регулирование ЦФА в России

В России ЦФА представляют собой разновидность цифровых прав, которые, наряду с бездокументарными ценными бумагами, являются имущественными правами (ст. 128, 141.1, 142 ГК РФ, п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА).

Разграничение ЦФА и ценных бумаг имеет под собой ряд аргументов. Во-первых, утверждается, что нормы ГК РФ о бездокументарных ценных бумагах не применимы к ЦФА[1].

Во-вторых, имеется так называемый регуляторный арбитраж[2] между ЦФА и ценными бумагами. ЦФА как и ценные бумаги позволяют привлекать средства неопределенного круга лиц на открытом рынке, при этом характеризуются простотой размещения, упрощенными требованиями к эмиссионной документации и раскрытию информации.

В-третьих, законодатель, очевидно, стремится рассматривать любые цифровые активы, учитываемые в системе распределенного реестра, как явления общего порядка. Несмотря на различную природу ЦФА и криптовалют (обладание последними не влечет возникновения относительного правоотношения между эмитентом и владельцем криптоактива), при введении института цифровых прав в гражданское законодательство предполагалось субсидиарно применять положения ГК РФ о цифровых правах к цифровым деньгам (ст. 141.2 ГК РФ[3] в итоге не была принята). В настоящее время именно Закон о ЦФА устанавливает общий режим цифровых валют (т.е. криптовалют) в России.

Тем не менее возможность признания ЦФА ценными бумагами сохраняется в случае прохождения ими процедуры квалификации Банком России в качестве ценных бумаг[4].

Регулирование ЦФА в Бразилии

Несмотря на то что изначально бразильское частное право восприняло итальянскую теорию ценных бумаг, ориентированную на платежные и кредитные инструменты, формальные и абстрактные, такие как вексель, бразильское законодательство об эмиссионных ценных бумагах испытало влияние североамериканского права, для которого не характерен принцип легалитета применительно к ценным бумагам, а для квалификации того или иного инструмента в качестве ценной бумаги решающее значение имеет мотив принятия инвестиционного решения.

---

[1] *Гонгало Б. М., Новоселова Л. А.* Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. С. 184–187, 191.

[2] Доклад Банка России «Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации» (С. 15) // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf (дата обращения: 04.05.2025).

[3] См.: законопроект № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Пакет документов при внесении // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7 (дата обращения: 04.05.2025).

[4] См.: п. 2 ст. 44, п. 1 ст. 16.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СПС «КонсультантПлюс» ; *Конюшкевич В., Базурин Г.* Криптовалюта и ICO: уникальные возможности для инвестирования или избыточные риски? Правовые аспекты // Экономика и жизнь. 2017. № 47. URL: https://www.eg-online.ru/article/361603/ (дата обращения: 04.05.2025).

Как следствие, бразильский Закон от 07.12.1976 № 6.385 о рынке ценных бумаг в ч. IX ст. 2 распространяет режим эмиссионных (т.е. массовых, взаимозаменяемых, инвестиционных, как правило, декларативных[1] (права по которым возникают из устава (акции) или решения о выпуске (облигации))[2] ценных бумаг на любые договоры коллективного инвестирования, заключаемые посредством публичных оферт, выгоды от присоединения к которым зависят от усилий оферента или третьих лиц[3].

Статья 1, ч. IV ст. 3 Закона о цифровых активах от 21.12.2022 № 14.478[4] прямо исключает из сферы его действия ценные бумаги, в том числе такие «цифровые выражения стоимости», которые уже урегулированы иным законом. Однако за 2 месяца до промульгации данного Закона Комиссия по ценным бумагам Бразилии в разъяснении от 11.10.2022 № 40 признала, что секьюрити-токены могут быть квалифицированы как ценные бумаги, если являются цифровым представлением поименованных в законе ценных бумаг или деривативом или имеют свойства договоров коллективного инвестирования, о которых было сказано ранее[5] (т.е., по сути, если отвечают признакам Howey test, сформулированного Верховным судом США[6]).

Имеющийся среди участников рынка запрос на регуляторный арбитраж[7] Комиссия по ценным бумагам Бразилии удовлетворила, разрешив применять упрощенные правила публичного размещения токенов с фиксированным доходом, ранее сформулированные для краудфандинга, в случае объема размещения не более 15 млн реалов (около 219 млн руб. на 04.05.2025)[8].

Регулирование ЦФА в Гонконге

В Гонконге определение ценных бумаг （证券）содержится в разделе 1 части 1 приложения 1 к Ордонансу о фьючерсах и ценных бумагах и включает права в

---

1 См. также: *Агарков М. М.* Учение о ценных бумагах. М., 1927. С. 90.

2 *Mattos Filho. A.O.* O conceito de valor mobiliário // Rev. adm. empres. 25 (2) Jun 1985. URL: https://doi.org/10.1590/S0034-75901985000200003 (дата обращения: 04.05.2025). P. 38–42, 46.

3 Lei nº 6.385 de 07 de dezembro de 1976. Dispõe sobre o mercado de valores mobiliários e cria a Comissão de Valores Mobiliários // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/L6385compilada.htm (дата обращения: 04.05.2025).

4 Lei nº 14.478 de 21 de dezembro de 2022. Dispõe sobre diretrizes a serem observadas na prestação de serviços de ativos virtuais e na regulamentação das prestadoras de serviços de ativos virtuais // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2019-2022/2022/lei/l14478.htm (дата обращения: 04.05.2025).

5 Parecer de Orientação CVM 40 // URL: https://conteudo.cvm.gov.br/legislacao/pareceres-orientacao/pare040.html (дата обращения: 04.05.2025). P. 6.

6 *Ferraz A., Guidi G.* Security tokens and equity tokenisation in Brazil. September 27 2023 // URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=8b2a6de7-d50c-4c37-bdec-0143d2de2a6e (дата обращения: 04.05.2025).

7 *Costa I.* Eficácia ineficaz: a Lei 14.478 entrará em vigor sem relevância prática // URL: https://www.conjur.com.br/2023-mai-31/fintech-crypto-lei-144782022-entrara-vigor-relevancia-pratica/ (дата обращения: 04.05.2025).

8 Ofício Circular CVM/SSE 04/23. 04/04/2023. Caracterização dos «tokens de recebíveis» ou «tokens de renda fixa» como valores mobiliários // URL: https://conteudo.cvm.gov.br/export/sites/cvm/legislacao/oficios-circulares/sse1/anexos/ocsse0423.pdf (дата обращения: 04.05.2025).

проекте коллективных инвестиций (在集体投资计划中的权益 / interests in any collective investment scheme)[1].

В ноябре 2023 г. Комиссией по ценным бумагам и фьючерсам Гонконга принят циркуляр о посредниках в обороте секьюрити-токенов[2], согласно которому секюрити-токены предложено классифицировать по 2 группам: токенизированные ценные бумаги（代币化证券） и цифровые ценные бумаги（数码证券）. Если первые, по мнению регулятора, представляют собой традиционные ценные бумаги (как, например, облигации), в обращении которых используется технология распределенного реестра **(DLT)**, и подчинены аналогичному режиму, то вторые, также будучи квалифицированы как ценные бумаги, являются комплексными продуктами (复杂产品), предназначенными для квалифицированных инвесторов.

Оценка регулирования ЦФА в России и в отдельных странах БРИКС

Опыт Бразилии и Гонконга показывает, что признание ЦФА ценными бумагами осуществлялось в рамках публично-правовых процедур органами надзора за финансовыми рынками в целях защиты прав инвесторов. Аналогичным образом без внесения изменений в федеральное законодательство возможно признание ЦФА ценными бумагами в России (в частности, если Банк России сочтет нежелательным сохранение регуляторного арбитража).

Вместе с тем заслуживают внимания и частноправовые аргументы в пользу квалификации ЦФА в качестве ценных бумаг.

Во-первых, DLT может найти применение не только на финансовых рыках, но и при регистрации прав на недвижимость (как, например, в Индии в г. Панчкула)[3], что, с учетом российского регулирования, означало бы признание вещных прав цифровыми, с возможностью их залога вместо вещей в силу п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, что идет вразрез со сложившимся в России учением о вещных правах.

Во-вторых, на наш взгляд, ценность в применении DLT на финансовых рынках состоит не в регуляторном арбитраже в сравнении с режимом ценных бумаг, а в качественно новом шаге в развитии режима учета бездокументарных ценных бумаг, позволяющем осуществлять права по таким ценным бумагам и распоряжаться ими без посредника (депозитария, реестродержателя, брокера). По сути, DLT позволяет обеспечить простоту обращения, характерную для ценных бумаг на предъявителя (как известно, предъявительские эмиссионные ценные бумаги имели хождение в нашей стране, в частности, в период НЭПа[4]). При этом

---

[1] 第571章 《证券及期货条例》 — Cap. 571 Securities and Futures Ordinance (elegislation.gov.hk). 附表1 — Schedule 1 // URL: https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap571!en-sc?xpid=ID_1438403472945_001&INDEX_CS=N (дата обращения: 04.05.2025).

[2] Circular on intermediaries engaging in tokenised securities-related activities. 2 November 2023 // URL: https://apps.sfc.hk/edistributionWeb/gateway/EN/circular/openFile?refNo=23EC52 (дата обращения: 04.05.2025).

[3] *Oprunenco A., Akmeemana C.* Using blockchain to make land registry more reliable in India // LSE Business Review or the London School of Economics. April 13th, 2018. URL: https://blogs.lse.ac.uk/businessreview/2018/04/13/using-blockchain-to-make-land-registry-more-reliable-in-india/ (дата обращения: 04.05.2025).

[4] *Агарков М. М.* Указ. соч. С. 81, 126.

DLT позволит избежать затруднений, связанных с установлением реального владельца секьюрити-токенов, что может иметь значение для целей ПОД/ФТ.

Поскольку исключение посредников из системы учета и обращения ЦФА может влечь кредитные риски и риски ликвидности, а также риск утраты доступа к ЦФА, на переходном этапе представляется затруднительным полностью реализовать потенциал DLT и сделать ее привлекательной для рынка без регуляторного арбитража. При этом регуляторный арбитраж, очевидно, будет ограничиваться по мере вовлечения в оборот ЦФА неквалифицированных инвесторов, что следует также из публичных заявлений должностных лиц Банка России[1].

Подводя итоги сказанному, отметим следующее.

1. Отождествление режима ЦФА и ценных бумаг за рубежом преследует цель защиты прав инвесторов и ведет к сокращению регуляторного арбитража.

2. Взгляд на цифровые права как на особую разновидность гражданских прав способен подорвать сложившиеся представления о субъективных гражданских правах, поскольку использование DLT возможно и за пределами финансовых рынков (например, для учета вещных прав).

3. Возможности DLT позволяют исключить посредника при обращении ЦФА, что позволяет ставить вопрос о соотношении их не с традиционными именными бездокументарными ценными бумагами, а с ценными бумагами на предъявителя.

Спиридонова М. П.,
аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии
Научный руководитель: ***Покачалова Е. В.,***
д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

РОЛЬ ФИНАНСОВЫХ ИННОВАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ФИНАНСОВО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Рассуждая о проявлении финансового суверенитета Российской Федерации на современном этапе, доктор юридических наук, профессор Елена Юрьевна Грачева отмечает, что выделение финансового суверенитета в системе государственного суверенитета в целом и подсистеме экономического суверенитета является обоснованным в силу глобального влияния состояния национальной

[1] ЦБ РФ займется устранением регуляторного арбитража между ЦФА и традиционными инструментами // Интерфакс. 18.10.2024. URL: https://www.interfax.ru/russia/987517 (дата обращения: 04.05.2025).

финансовой системы на степень независимости государства в проведении собственной политики и принятии решений[1].

В свою очередь, в связи со стремительно нарастающим встраиванием цифровых финансовых технологий в российскую финансовую систему ученые в области финансового права, в частности, А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская, А. А. Ситник в указанной монографии обращают внимание на тесную взаимосвязь финансового и технологического суверенитета страны. В настоящее время технологическое развитие в Российской Федерации характеризуется масштабным потоком инноваций, что отвечает стратегической цели по переходу «к инновационно ориентированному экономическому росту, усилению роли технологий как фактора развития экономики и социальной сферы»[2]. Определенным средоточием инновационных решений признается финансовая сфера, в рамках которой выделяется отдельная «финтех»-отрасль[3], начавшая свое формирование на финансовом рынке и в дальнейшем преодолевшая грани экономики, став проводником финансовых инноваций во все сферы общественной жизни. Потому не вызывает сомнений утверждение А. А. Ситника о взаимовлиянии технологической и финансовой сферы, последняя из которых «с одной стороны, подвергается структурным изменениям вследствие внедрения новых финансовых технологий, с другой — является источником финансирования цифровой трансформации других отраслей российской экономики»[4].

В данных условиях представляется возможным говорить о финансово-технологическом суверенитете Российской Федерации, обеспечение которого сейчас является общей задачей органов публичной власти, организаций всех форм собственности и даже граждан, так как финансовая безопасность в вопросе применения во многом общедоступных финансовых инноваций, в основе которых лежат новые финансовые технологии, в том числе цифровые, — требует комплексного обеспечения. Здесь следует согласиться с Н. А. Саттаровой, рассматривающей финансовую безопасность (безопасность финансовой системы) как «гарантию обеспечения финансового суверенитета»[5].

Содержание понятия финансово-технологического суверенитета видится двухаспектным. Первый аспект характеризует технико-технологическую не-

---

[1] См.: Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 73, 79.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

[3] Финтех (FinTech) с точки зрения экономической науки в самом общем виде определяется как синтез технологий, финансов и инноваций (см., например: Финансовые технологии (FinTech) : учебник / кол. авторов ; под общ. ред. Г. И. Хотинской. М. : Кнорус, 2024. С. 10). В финансово-правовой науке термин также признан и определяется как самостоятельная отрасль экономики, а в узком смысле — как сосредоточенно отдельная финансовая технология предоставления услуг (см.: *Ситник А. А.* Финансовые технологии: понятие и виды // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 28).

[4] Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 296.

[5] *Саттарова Н. А.* Финансовая безопасность и финансовый суверенитет государства: вопросы взаимосвязи // Финансовое право. № 11/2023. С. 17.

зависимость национальной финансовой системы от влияния иностранной и международной политики[1], то есть внешнюю независимость. Второй аспект охватывает внутреннюю стабильность национальной финансовой системы (в том числе технологическую устойчивость в силу внешней независимости), проявляющуюся также в самостоятельности государства в вопросах технологического функционирования финансовой сферы. При этом стабильность финансовой системы следует понимать не с позиций режима стагнации, а как ее надежность, устойчивость не только к внешним угрозам, но и внутренним трансформационным процессам, говоря проще — инновационному развитию.

Инновационное развитие — часть общей политики Российской Федерации, неизменная стратегическая цель последних десятилетий, актуальное направление российского правового регулирования и научной мысли. Так, в действующей Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации[2] период с 2001 по 2021 гг. определяется как этап формирования государством модели инновационной экономики, а период с 2022 г. — как этап активного развития науки и технологий. К слову, в данной Стратегии содержится определение термина «суверенитет Российской Федерации в технологической сфере» и оно главным образом отражает внутреннюю составляющую (второй аспект) — способность страны самостоятельно технологически обеспечить стратегически важные сферы общественной и государственной деятельности.

Примечательно, что значимость одновременного обеспечения устойчивости российского государства и независимого внутреннего развития, в том числе в финансово-технологической сфере, обусловливает активное формирование правовой базы в сфере инновационного развития. Помимо уже упомянутых в настоящей статье подзаконных нормативных актов, являющихся документами стратегического планирования в данной сфере, российское инновационное правовое регулирование пополняется и на уровне федерального законодательства. Особый интерес здесь представляет новый специальный федеральный закон, вступивший в силу 27 июня 2025 г. — Закон о технологической политике в Российской Федерации[3], устанавливающий цели, задачи и инструменты политики России по обеспечению технологического суверенитета.

В соответствии с положениями данного закона, к субъектам, осуществляющим формирование технологической политики относится и Банк России, а к лицам, осуществляющим содействие развитию технологий — «кредитные организации и юридические лица, осуществляющие финансирование проекта

---

[1] С таких позиций дается определение финансово-технологического суверенитета Российской Федерации при рассмотрении системы его финансово-правового обеспечения и отдельных ее инструментов, в частности цифрового рубля (см.: *Спиридонова М. П.* Цифровой рубль как инструмент обеспечения финансово-технологического суверенитета Российской Федерации // Состояние и тенденции развития права государств Кавказского региона : сборник материалов Международного юридического форума (г. Ставрополь, 9–11 ноября 2023 г.). Ставрополь, 2024. С. 70.

[2] Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

[3] См.: Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8533.

развития технологий», а также иные организации, задействованные в инвестиционном сопровождении развития технологий, в том числе инвестиционные платформы. Кроме того, в числе мер стимулирования указанной деятельности, установленных в главе седьмой рассматриваемого закона, выделяется поддержка инновационной деятельности, в частности в рамках установления экспериментальных правовых режимов. В этой же главе определяются особенности осуществления государственного финансового контроля за деятельностью в области стимулирования (а именно финансирования) проектов технологического развития. Обозначенный круг общественных отношений, урегулированный данным законом, по своему характеру является финансово-правовым, что дает основание полагать о формировании направлений современной российской финансовой политики в сфере инноваций.

В науке термин «финансовая политика в сфере инноваций» обосновывается, например, как «составляющая экономической политики государства, система мер, направленная на рациональное применение финансовых ресурсов при реализации научно-технической и инновационной политики»[1]. Новый виток формирования финансовой политики в сфере инноваций, обусловленный потребностью Российской Федерации в качественном и целеустремленном инновационном развитии, в том числе для целей достижения внутренней и внешней устойчивости финансовой системы России, характеризуется, как представляется, двумя основными приоритетами:

— обеспечение высокого уровня финансово-технологического суверенитета Российской Федерации, под которым предлагается понимать, с одной стороны, независимость государства в проведении финансовой и технологической политики от международного влияния (во взаимоотношениях с иными государствами и международными организациями), с другой — способность обеспечивать внутреннее устойчивое инновационное развитие финансовой системы страны;
— стимулирование развития в сфере финансовых инноваций.

Финансовые инновации играют немаловажную роль, являясь одним из инструментов реализации технологической политики в целом и финансовой политики в заданной сфере в частности. Представляется возможным проиллюстрировать такое утверждение на примере внедрения цифрового рубля, обеспечиваемого Банком России как его эмитентом. Проект по внедрению данной финансовой инновации по содержанию можно отнести к проектам развития сквозных технологий в понимании, например, Закона о технологической политике в Российской Федерации. Сквозной, согласно части десятой статьи 3 указанного закона, признается такая технология, которая оказывает существенное влияние на развитие национальной инновационной экономики путем изменения рынков или создания новых. На международном уровне признано, что внедрение цифровых валют центральных банков — это инновационный результат процесса цифровизации государственных финансов[2], при этом национальную цифровую

[1] Финансовая политика в сфере инноваций: проблемы формирования и реализации : монография / под общ. ред. О. Н. Владимировой. М. : Инфра-М ; Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 5.

[2] *Санникова Л. В.* Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. 2023. № 5. С. 42.

валюту можно признать проектом развития сквозной технологии — системы распределенного реестра, на которой она базируется. Цифровая валюта центрального банка, как представляется, — это цифровая финансовая инновация, обеспечивающая способность государства осуществлять внутригосударственные и в перспективе трансграничные операции в собственной валюте на инновационной цифровой платформе, что видится предпосылкой для трансформации различных правоотношений, денежной и финансовой системы, а также ярким примером обеспечения финансово-технологического суверенитета государства и с внутренней, и с внешней стороны.

ПРАВО, МЕДИЦИНА И БИОТЕХНОЛОГИИ: КОНВЕРГЕНЦИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Андреев А. В.,
аспирант кафедры интеллектуальных прав
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПАТЕНТОВАНИЕ БИОТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современный этап научно-технического прогресса в области медицины характеризуется усиливающейся конвергенцией права и биотехнологий. Таким образом, формируется новая парадигма технологического лидерства, где правовое регулирование становится критическим фактором, определяющим темпы инновационного развития и коммерциализацию результатов труда в области науки и техники.

Биотехнологии стремительно развиваются, а геномная инженерия, как отмечается, всё больше смещает вектор на применение результатов исследований на людях[1].

Возможность патентования таких результатов уже неоднократно становилось предметом дискуссий. В связи с этим сбалансирование правовое регулирование будет играть ключевую роль в развитии рынка биотехнологий.

В связи с возросшим интересом к исследуемому вопросу законодательство зарубежных стран за последние 10 лет значительно продвинулось в части регулирования вопросов патентования результатов геномных исследований. В то же время в Российской Федерации до настоящего момента не выработано единообразного подхода к вопросам патентования биотехнологий.

С одной стороны, согласно положениям пункта 4 статьи 1349 Гражданского кодекса Российской Федерации[2] не могут быть объектами патентных прав способы клонирования человека и его клон; способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека; использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях; указанные результаты интеллектуальной деятельности, если они противоречат общественным интересам, принципам гуманности и морали. Кроме того, изобретением не могут быть признаны открытия (пп. 1 п. 5 ст. 1350 ГК РФ). С другой — гражданское законодательство не содержит подробного регулирования отношений, связанных с созданием и использованием биотехнологий. Таким образом, не во всех случаях однозначно можно понять, может ли то или иное техническое решение

---

[1] См.: *Борулёва Е. Д.* Патентование генома человека и изобретений, основанных на геноме человека: сравнительно-правовой анализ подходов Европейского Союза, англосаксонских стран и стран БРИКС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Март. № 1 (47). С. 96–107.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российская Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

в области биотехнологий быть признано охраноспособным или на него распространяются ограничения, установленные гражданским законодательством.

В связи с этим Роспатенту при получении материалов заявки на изобретение необходимо находить баланс между интересами потенциальных патентообладателей и интересами общества, а также принципами гуманности и морали, которые заложены в нормы законодательства. Так, например, был получен патент № 2716420[1] на изобретение «Доставка и применение систем CRISPR-CAS, векторов и композиций для целенаправленного воздействия и терапии в печени», которое вызвало дискуссии как в юридическом, так и в медицинском сообществе[2].

Для целей соблюдения законодательства первый пункт формулы изобретения содержит оговорку «...для применения в лечении данного заболевания или расстройства печени, **при условии, что указанное применение не включает модификацию клеток зародышевой линии человека**...».

В то же время реферат изобретения напрямую указывает, что «Настоящее изобретение относится к биотехнологии. Предложена композиция, содержащая систему CRISPR/Cas, для применения в лечении заболевания или расстройства печени. Указанная система за счет наличия по меньшей мере одного сигнала ядерной локализации (NLS) **позволяет осуществлять эффективное редактирование генома** эукариотической клетки, в связи с чем она может быть использована для редактирования у млекопитающих генов, ассоциированных с заболеваниями печени. 19 з.п. ф-лы, 98 ил., 3 табл., 41 пр.».

Ранее действовал приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 25.07.2011 № 87 «О введении в действие Руководства по экспертизе заявок на изобретения»[3]. Раздел 10 указанного акта детально описывал особенности экспертизы изобретений, относящихся к области биотехнологии. К ним применялись общие требования, которые предъявлялись к любым изобретениям, но с некоторыми оговорками. Кроме того, акт детально описывал примеры того, какие технические решения в области биотехнологии могут быть патентоспособными, а какие — нет.

Приказом Роспатента от 27.12.2018 № 236 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата»[4] (далее — новый приказ Роспатента) указанный акт был признан утратившим силу с 27 декабря 2018 г.

---

[1] Реестр изобретений Российской Федерации // Официальный интернет-сайт Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный институт промышленной собственности» (ФИПС). URL: https://www1.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet (дата обращения: 30.04.2025).

[2] См., например: *Кэтрин Джуэлл, Виджай Шанкар Балакришнан.* Битва за права на технологию редактирования генома CRISPR/Cas9 // Журнал ВОИС. URL: https://www.wipo.int/ru/web/wipo-magazine/articles/the-battle-to-own-the-crisprcas9-gene-editing-tool-39957 (дата обращения: 30.04.2025).

[3] Приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 25.07.2011 № 87 «О введении в действие Руководства по экспертизе заявок на изобретения» // СПС «Гарант» (дата обращения: 30.04.2025).

[4] Приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 27.12.2018 № 236 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рам-

В ранее действовавшем приказе описывались общие требования к патентованию биотехнологий в целом, а далее описывались особенности экспертизы изобретений, относящихся к основным биотехнологическим продуктам, для которых испрашивается правовая охрана.

Новый приказ имеет иную структуру. Он не так детально описывает случаи и возможности патентования биотехнологий, не раскрывает понятия «Продукт, относящийся к области биотехнологии» и ни разу не упоминает понятие «биотехнология». Тем не менее он содержит отдельные требования к продуктам, которые ранее действовавшим приказом относились к биотехнологическим.

Так, например, согласно пункту 2.5.14 нового приказа Роспатента Генетическими конструкциями являются в том числе плазмиды, векторы, стабильно трансформированные клетки микроорганизмов, растений и животных, трансгенные растения и животные.

Для характеристики генетических конструкций используются признаки, характерные для устройства, при этом конструктивными элементами могут являться энхансер, промотор, терминатор, инициирующий кодон, линкер, фрагмент чужеродного гена, маркер, фланкирующие области.

Для характеристики трансформированной клетки используются, в частности, следующие признаки:
— трансформирующий элемент;
— приобретаемые клеткой признаки (свойства);
— указание происхождения клетки (для прокариотической клетки — род, семейство и (или) вид);
— таксономические признаки;
— мутация природного генома;
— условия культивирования клетки и иные характеристики, достаточные для того, чтобы отличить данную клетку от другой.

Для трансгенного растения используются, в частности, следующие признаки:
— наличие модифицированного элемента в геноме;
— приобретаемые растением признаки (свойства);
— происхождение растения;
— таксономическая принадлежность и иные характеристики, достаточные для того, чтобы отличить данное растение от другого.

Для трансгенного животного используются, в частности, следующие признаки:
— ген и (или) ДНК, трансформированный в геном животного и кодирующий или экспрессирующий целевой продукт;
— приобретаемые животным признаки (свойства);
— продуцируемый животным модифицированный продукт;
— таксономическая принадлежность и иные характеристики, достаточные для того, чтобы отличить данное животное от другого.

В название изобретения, относящегося к генетической конструкции, должно быть включено ее наименование с указанием назначения или определяющей назначение биологической функции (пп. 9 п. 2.29 нового приказа Роспатента).

ках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата» // СПС «Гарант» (дата обращения: 30.04.2025).

С одной стороны, такое описание делает документ более формальным и лаконичным, с другой — в нем отсутствуют примеры того, как следует излагать формулу изобретения в заявке, как это было указано в ранее действовавшем приказе, что усложняет документ для дальнейшего применения как лицами, не являющимися специалистами в данной области техники, так и для правоприменителей.

Как было указано ранее, катализатором инновационного развития биотехнологий и вывода на рынок результатов геномных исследований является сбалансированное правовое регулирование, которое будет одновременно удовлетворять этическим требованиям, но в то же время позволят стимулировать техническое развитие.

Первым шагом может стать разработка специальных требований к изобретениям, которые относятся к биотехнологиям, которые будут содержать дополнительно примеры того, как эти требования могут быть соблюдены, а также информацию о том, какие результаты геномных исследований могут быть признаны патентоохраняемыми, а какие не могут, по примеру того, как это было описано в приказе Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 25.07.2011 № 87 «О введении в действие Руководства по экспертизе заявок на изобретения». При этом требования и разъяснения могут содержаться как в одном акте, так и содержаться в разных: один акт будет описывать исключительно требования, а другой — содержать информацию, разъясняющую то, как эти требования могут быть соблюдены.

Гринь О. С.,
заведующий кафедрой медицинского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И БИОТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Развитие правового регулирования в сфере медицины и биотехнологий обусловлено динамикой научного прогресса, где достижение технологического лидерства становится стратегическим направлением развития страны, императивом национальной безопасности. Биомедицинские технологии — от геномного редактирования до разработки персонализированных лекарств — формируют новые условия глобальной конкуренции. При этом существующая нормативная база зачастую отстает от вызовов, порождая серьезные дисбалансы: между свободой инновационного научного творчества и биоэтикой, между открытостью международного сотрудничества и защитой национальных интересов, между стимулированием исследований и эффективной коммерциализацией результатов и др.

Так, Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в качестве одной из национальных целей определено «технологическое лидерство» и установлен ряд целевых показателей и задач, выполнение которых характеризует ее достижение, в частности обеспечение технологиче-

ской независимости и формирование новых рынков по таким направлениям, как биоэкономика и сбережение здоровья граждан. Указом Президента РФ от 18.06.2024 № 529 утверждены приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших наукоемких технологий.

Действующее законодательство в области современных научных исследований основано прежде всего на Федеральном закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», который регулирует отношения между субъектами научной и (или) научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и (или) научно-технической продукции (работ и услуг), в том числе по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности. Законом, в частности, предусмотрен базовый категориальный аппарат, при этом в нем используемый для организации научной работы, который безусловно нуждается в развитии и корректировке с учетом достижения современной биомедицины и исследований в области биотехнологий. Одним из важней видов общественных отношений, нуждающихся в данном контексте в правовом обеспечении — проведение этической экспертизы проектов в указанных областях. Отсутствие нормативных требований по этической экспертизе в том числе выражается в дефектах построения специальной инфраструктуры, прежде всего определения правового статуса и компетенции биоэтических комитетов[1].

В базовых законодательных актах, регулирующих отношения в сфере здравоохранения, в частности в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» проведение научных исследований в сфере охраны здоровья упоминается, но их комплексная регламентация отсутствует.

Развитию сферы правового обеспечения технологического развития призван служить Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вст. в силу с 27 июня 2025 г.), который регулирует отношения, возникающие между субъектами, осуществляющими формирование технологической политики в Российской Федерации, и лицами, осуществляющими содействие развитию технологий.

Применительно к генетическим технологиям, развитие которых осуществляется на основании Указа Президента РФ от 28.11.2018 № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» важно отметить, что базовый Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», призванный служить ключевым нормативным правовым актом, регулирующим деятельность в сфере генетических технологий, не отвечает потребностям современного уровня развития науки в области генетических технологий. Существенный временной интервал после вступления закона в силу характеризуется достижением наукой нового этапа развития, значительным увеличением востребованности и областей использования технологий генной инженерии. Данная трансформация объективно породила потребность в серьезной модернизации нормативного правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений.

[1] *Рузанова В. Д.* Биоэтические комитеты в развитии передовых направлений медицины: задачи права // Журнал российского права. 2024. № 12. С. 95–107.

В настоящее время нормы федерального законодательства, регулирующие отношения в сфере генетических исследований и генетических технологий, содержатся в различных федеральных законах, в частности:

— Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»;
— Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»;
— Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
— Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»;
— Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»;
— Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»;
— Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»;
— Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»;
— Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»;
— Федеральный закон от 30.12.2021 № 454-ФЗ «О семеноводстве»;
— Федеральный закон от 03.08.1995 № 123-ФЗ «О племенном животноводстве»;
— Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире».

Особое значение среди таких источников правового регулирования имеет Федеральный закон от 30.11.2024 № 428-ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях и о внесении изменений в статью 29 Федерального закона «О животном мире». Данным законом регулируются отношения в области создания, формирования, сохранения, развития, изучения и использования биологических (биоресурсных) коллекций, находящихся в федеральной собственности, и образования биоресурсных центров и организации их деятельности. Правовой режим тех коллекций, в которых хранятся биологические материалы человека на законодательном уровне по настоящее время не сформирован.

Современная правотворческая политика в рассматриваемой области предполагает два концептуальных подхода:

1. Модель исчерпывающей кодификации, предполагающая принятие единого комплексного законодательного акта, консолидирующего все базовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере генетических технологий.

2. Формирование двухуровневой системы регулирования, означающее систематизацию источников, основанных на базовом (рамочном) федеральном законе, устанавливающем общие принципы и институты правового регулирования генетических технологий и специальных (отраслевых) законодательных актах, детализирующих правовые режимы для отдельных аспектов применения генетических технологий и развивающих положения рамочного закона.

Первая модель, на первый взгляд, позволяет построить непротиворечивый стабильный «правовой фундамент» для развития указанной сферы общественных отношений. Вместе с тем с практической точки зрения как общая динамика современного законотворческого процесса, так и особенности развития

предмета правового регулирования — темпов изменений биотехнологий — не позволят построить «стабильное» и кодифицированное законодательство и данной области.

Поэтому общественные отношения в сфере генетических технологий, при реализации двухуровневой законодательной модели, образуют комплексный предмет правового регулирования, который подлежит регламентации рамочным федеральным законом, устанавливающим основополагающие нормы в области генетических технологий и осуществляющим общее нормативное воздействие (выполняющим функцию *lex generalis*) и специальными федеральными законами, закрепляющими особенности правового режима для отдельных видов генетических технологий в различных сферах (здравоохранение, сельское хозяйство, промышленность, безопасность) (выполняющими функцию *lex specialis*), а также подзаконными нормативными актами, принятыми на основании и во исполнение указанных законов и конкретизирующими их положения.

Соотношение правовых актов в данной иерархии подчиняется фундаментальному принципу юридической техники: *lex specialis derogat lex generali* (специальный закон отменяет действие общего закона), обеспечивая приоритет норм специального законодательства перед нормами рамочного закона при регулировании конкретных аспектов[1].

Специфика предмета правового регулирования предполагает особенности методологии. Правоотношения в сфере применения генетических технологий характеризуются существенной разнородностью, обусловленной многообразием участвующих субъектов, обладающих дифференцированным правовым статусом, включая органы публичной власти. Поэтому метод правового регулирования должен обеспечивать баланс интересов всех участников рассматриваемых правоотношений: индивида, представителей профессионального (научного) сообщества и индустрии, а также государства в лице компетентных органов государственной власти[2].

Основными направлениями совершенствования законодательства в данной области могут быть:

1) интеграция актуальной терминологии биомедицины, имеющей правовое значение Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»;
2) развитие экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц») для апробации генной терапии и ИИ-диагностики;
3) синхронизацию с международными стандартами (в частности, с известными стандартами ICH, GCP) при сохранении запретов на передачу критических технологий.

С учетом современного уровня развития генетических технологий, количества нерешенных фундаментальных правовых проблем в указанной сфере,

---

[1] См. подробнее: *Гринь О. С., Шилюк Т. О.* Новый взгляд на концепцию правового регулирования отношений в сфере генетических технологий в Российской Федерации // Lex Genetica. 2023. № 2 (2). С. 7–23.

[2] *Кубышкин А. В.* Правовые аспекты механизма обеспечения баланса частных, групповых и общих интересов в правовом регулировании геномных исследований // Правовое регулирование геномных исследований и практического использования их результатов в России : сборник статей. Томск, 2022. С. 58–62.

должен быть, на наш взгляд, разработан и принят новый рамочный федеральный закон «О генетических технологиях в Российской Федерации», который определит цели, задачи, принципы, закрепит понятийный аппарат, а также иные общие положения и основные направления регулирования отношений в сфере генетических технологий. Специальные федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, принятые во исполнение и развитие указанного закона, должны установить особенности применения генетических технологий в различных отраслях (в рамках двухуровневой модели).

Структура федерального закона «О генетических технологиях в Российской Федерации» должна включать в себя разделы, охватывающие как общие ключевые вопросы применения генетических технологий (общие положения, основы правового статуса субъектов, основы правового режима объектов и информации и пр.), так и осуществления деятельности в отдельных сферах генетических технологий (биоинформатика в сфере генетических технологий, проведение генетических исследований с участием человека, биобанкирование, применение генетических технологий в медицине, сельском хозяйстве и пр.). Внимание должно быть уделено особенностям проведения генетических исследований, закреплению основ государственной политики в сфере генетических технологий, кадровому и организационному обеспечению. Отдельный раздел должен регламентировать вопросы этики в сфере применения генетических технологий.

Кудряшов В. В.,
соискатель кафедры интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный специалист по судебной работе АО «Инвестгеосервис»

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕДАЧИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ О ЗДОРОВЬЕ ЧЕРЕЗ МЕССЕНДЖЕРЫ: РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Современные технологии кардинально изменили способы коммуникаций, в том числе в профессиональной медицинской среде. Мессенджеры, используемые повсеместно в бытовой жизни, казалось бы, могут быть использованы и для профессиональной деятельности тем не менее такое использование для передачи персональных данных, относящихся к здоровью, представляет собой правовую и этическую дилемму. С одной стороны, цифровые каналы связи обеспечивают оперативность взаимодействия между врачами, пациентами и медицинскими организациями. С другой — такая практика сопряжена с серьезными рисками нарушения конфиденциальности, что особенно критично в отношении настолько личной и специальной категории персональных данных, которой являются сведения о состоянии здоровья.

Вопрос правового регулирования передачи медицинских данных через мессенджеры требует комплексного анализа действующего законодательства. Прежде всего необходимо учитывать положения Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», который относит информацию о здоровье граждан к специальным категориям, предполагающим особые условия обработки. Согласно подпункту 4 пункта 2 статьи 10 данного закона, обработка

таких данных допускается в медико-профилактических целях при условии, что она осуществляется лицами, профессионально занимающимися медицинской деятельностью и обязанными сохранять врачебную тайну. При этом важно отметить, что сам по себе закон не содержит прямого запрета на использование мессенджеров, однако устанавливает общие требования к защите информации.

Значительные ограничения вводятся Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии с частью 8 статьи 10 данного нормативного акта, государственные и муниципальные учреждения, а также организации с долей государственного участия свыше 50 % не вправе использовать для передачи персональных данных иностранные информационные системы. Перечень таких систем утвержден Роскомнадзором[1] и включает популярные мессенджеры, такие как WhatsApp, Telegram, Viber, Skype и др. Данное ограничение обусловлено необходимостью обеспечения информационной безопасности и предотвращения несанкционированного доступа к конфиденциальной информации со стороны иностранных субъектов.

Особую значимость рассматриваемая проблема приобретает в контексте защиты врачебной тайны, закрепленной в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Медицинская тайна является одним из базовых элементов всей структуры здравоохранения, нарушение которой может привести не только к негативным правовым последствиям, выраженным в необходимости оплаты штрафов и возмещения убытков, но и к утрате доверия пациентов к системе здравоохранения в целом. В эпоху цифровизации, в которой утечки данных становятся всё более распространенным явлением, вопрос защиты медицинской информации требует особого внимания.

Важно понимать, что использование мессенджеров для передачи сведений о здоровье несет в себе несколько видов рисков. Во-первых, это технические риски, связанные с возможностью перехвата данных или несанкционированного доступа к переписке. Во-вторых, юридические риски, поскольку нарушение установленных запретов может повлечь административную ответственность по статье 13.11.2 КоАП РФ, предусматривающей для должностных лиц штрафы от 30 до 50 тысяч рублей, а для юридических лиц — от 100 до 700 тысяч рублей. В-третьих, репутационные риски, так как утечка медицинских данных может нанести серьезный ущерб имиджу медицинской организации, поскольку при разглашении врачебной тайны страдает не только пациент, но и репутация клиники — и для последней ущерб может быть даже бóльшим, чем для пациента[2].

При этом стóит отметить, что законодательные ограничения не распространяются на частные медицинские организации в части использования мессенджеров для внутренней коммуникации. Однако даже в этом случае необходимо обеспечивать надлежащий уровень защиты информации, соответствующий требованиям 152-ФЗ в контексте обеспечения дополнительного уровня защиты

[1] Перечень информационных систем и (или) программы для электронных вычислительных машин, указанных в ч. 8 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (утв. Роскомнадзором).

[2] *Келин Д., Орленко В., Прыгунова М., Спичкова Э.* Введение режима коммерческой тайны в целях обеспечения конфиденциальности делопроизводства // Делопроизводство. 2025. № 1.

данных, в частности, ввиду ужесточения с 30 мая 2025 г. санкций за разглашение персональных данных специальных категорий.

Таким образом, область защиты персональных данных в медицинской сфере представляет собой комплекс мер, которые связаны с технической стороной защиты данных путем использования особых способов связи, а также с разработкой и внедрением правил поведения, которые должны поспособствовать защите данных.

Полагаем, что в некоторых ситуациях использование мессенджеров действительно оптимизирует процессы по обмену информацией, тем не менее, учитывая особый характер конфиденциальности сведений, которые составляют медицинскую тайну, полагаем, что сама деятельность государственных и частных клиник не имеет существенных различий.

Учитывая существующие тенденции полагаем, что в ближайшие годы следует ожидать появления новых технических решений отечественного производства, позволяющих совместить удобство мессенджеров с требованиями информационной безопасности. Однако уже сейчас медицинским организациям необходимо проявлять максимальную осторожность при работе с персональными данными пациентов, помня о том, что защита врачебной тайны — это не только юридическое обязательство, но и фундаментальный принцип медицинской этики.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что вопрос передачи сведений о здоровье через мессенджеры требует комплексного подхода, учитывающего как правовые нормы, так и технические возможности обеспечения конфиденциальности. В условиях быстро развивающихся цифровых технологий и ужесточающегося законодательства, медицинским организациям необходимо постоянно совершенствовать свои системы защиты информации, чтобы гарантировать пациентам не только качественное лечение, но и надежную защиту их персональных данных. Только такой подход позволит сохранить баланс между прогрессивными методами коммуникации и незыблемыми принципами медицинской этики и права.

Лещева Е. Д.,
аспирант кафедры интеллектуальных прав
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

БИОТЕХНОЛОГИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

В настоящее время биотехнологии играют всё более важную роль, внося значительный вклад в различные отрасли, такие как здравоохранение, сельское хозяйство и пищевое производство, промышленность и энергетика, биологическая безопасность. Государства во всем мире уделяют большое внимание развитию биотехнологий, поэтому во многих правопорядках существуют различные национальные программы, принятые с целью совершенствования данной сферы.

Так, например, в Российской Федерации 28 ноября 2018 г. Президент РФ подписал Указ № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» (далее — Указ № 680), который направлен на комплексное решение задач ускоренного развития генетических технологий, в том числе технологий

генетического редактирования, обеспечения разработки биологических препаратов, диагностических систем и иммунобиологических средств для сферы здравоохранения, биотехнологий для сельского хозяйства и промышленности, а также совершенствования мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций биологического характера.

Постановлением Правительства РФ от 29.05.2019 № 377 утверждена государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», согласно которой одной из задач является комплексное решение задач ускоренного развития генетических технологий, в том числе технологий генетического редактирования, и создание научно-технологических заделов для медицины, сельского хозяйства и промышленности, а также совершенствование мер предупреждения чрезвычайных ситуаций биологического характера и контроля в этой области.

Во исполнение Указа № 680 принята Федеральная научно-техническая программы развития генетических технологий на 2019–2030 годы, утвержденная постановлением Правительства РФ от 22.04.2019 № 479. Основными направлениями ее реализации названы: биобезопасность и обеспечение технологической независимости; генетические технологии для развития сельского хозяйства; генетические технологии для медицины; генетические технологии для промышленной микробиологии. Приоритетными задачами программы являются: переход к персонализированной медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям здоровьесбережения, высокопродуктивному и экологически чистому агро — и аквахозяйству, рациональному применению средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, созданию безопасных и качественных продуктов питания, а также реализация других приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации.

Биотехнология означает любой вид технологии, связанный с использованием биологических систем, живых организмов или их производных для изготовления или изменения продуктов или процессов с целью их конкретного использования[1].

Разнообразие технологий, охватываемых термином «биотехнология», усложняет понимание самой сути этого понятия, который часто воспринимается неоднозначно. Для более точного понимания, важно исследовать этимологию слова «биотехнология», а также установить ее взаимосвязь с другими смежными понятиями, такими как техника и технология.

Термин «биотехнология» представляет собой сочетание двух элементов: «био» и «технология». Первый элемент «био», ассоциируется с живыми организмами и биологическими процессами, в то время как второй элемент, «технология», подразумевает методы и инструменты, используемые для достижения определенных целей.

А. В. Урядов указывал: «Как живая система «биос» обладает следующими характеристиками: эволюционным развитием, высокой устойчивостью, субъектностью, самодостаточностью, открытостью и потенциалом к вечному существованию»[2].

---

[1] Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 03.03.2025).

[2] *Урядов А. В.* Биос: к философским основаниям понятия // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (45). С. 48–51.

Относительно понятия «технология» В. Г. Горохов считал: «Главная проблема определения понятия «технология» заключена в проблеме его различного перевода на разные языки. В большинстве европейских языков в основе этого понятия лежат латинские слова technica и technologia, которые переводятся в зависимости от этимологии этих слов. В английском языке слово technology употребляется как синоним дискурса о практических, материальных искусствах, а technique применяется для обозначения реальных процессов и методов этих видов деятельности»[1].

Д. А. Складнев, в свою очередь, отмечал: «Вторая часть слова «биотехнология» — «техне» — восходит к «текс» — вить, прясть, делать что-то руками»[2]. Отсюда слово текстиль, текст, контекст, тектоника, архитектура, технология. В. М. Розин понимал под технологией «совокупность (систему) правил, приемов, методов получения, обработки или переработки сырья, материалов, промежуточных продуктов, изделий, применяемых в промышленности»[3].

Это сочетание подчеркивает взаимосвязь между живыми системами и применяемыми методами их изучения и преобразования, что и формирует суть биотехнологий. Таким образом, можно сделать вывод, что биотехнология представляет собой объединение естественных и технических наук, исследующих возможности применения живых организмов и биологических процессов для производства и переработки различных веществ и продуктов. В настоящее время биотехнологии относятся к наиболее актуальным направлениям научно-технического прогресса и служат ярким примером «высоких технологий».

Эта наука сочетает в себе знания из биологии, химии, генетики, микробиологии, агрономии и многих других наук. Биотехнологии находят применение в таких областях, как медицина, сельское хозяйство, экология, пищевая промышленность и производство энергии.

Относительно определения биотехнологии как науки, в литературе единое мнение отсутствует. Так, М. Е. Беккер раскрывает биотехнологию «как раздел науки о получении продуктов биосинтеза»[4].

Е. И. Караваева и Р. В. Кравцов отмечают, что биотехнология «в широком смысле — пограничная между биологией и техникой научная дисциплина и сфера практики, изучающая пути и методы изменения окружающей человека природной среды в соответствии с его потребностями, а в узком смысле — совокупность методов и приемов получения полезных для человека продуктов и явлений с помощью биологических агентов»[5].

---

[1] *Горохов В. Г.* Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Epistemology & Philosophy of Science. 2011. Т. XXVIII. № 2. С. 110.

[2] *Складнев Д. А.* Что может биотехнология? (научно-популярная книга). С. 4–47 // URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/58079/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 03.03.2025).

[3] *Розин В. М.* К различению и уточнению понятий «техника», «технология», «техническая среда» // Философская мысль. 2022. № 4. С. 21–33.

[4] *Бекер М. Е.* Введение в биотехнологию : пер. с латыш. Рига, 1974.

[5] *Кравцов Р. В., Караваева Е. И.* Биомедицинские технологии: вопросы правового регулирования и ответственности // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biomeditsinskie-tehnologii-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-iotvetstvennosti (дата обращения: 04.03.2025).

В. А. Орешкин определяет биотехнологию как «комплекс автономных научно-технических отраслей, которые характеризуются использованием биологического или ассоциированного с биологическим материала в качестве предмета или средства производства, либо предмета или средства исследования»[1].

В связи с наличием различных видов биотехнологий, интересным представляется рассмотрение классификации по цветам, предложенной доктором Ритой Р. Колвелл, представляющей собой систематизацию различных направлений и подходов в биотехнологии на основе их применения и функций:

1. Зеленая биотехнология — включает в себя технологии, связанные с сельским хозяйством и экологией, которые направлены на улучшение агрономических практик, устойчивое производство продуктов питания и сохранение природных ресурсов.

2. Белая биотехнология — связана с промышленными процессами, используя микробы и ферменты для производства химикатов, биоразлагаемых материалов, биотоплива и других продуктов. Эта категория акцентирует внимание на экологически чистом производстве и снижении углеродного следа.

3. Красная биотехнология — охватывает медицинские и фармацевтические технологии, включая разработку вакцин, терапий и лекарственного обеспечения.

Кроме того, выделяют дополнительно: синяя биотехнология — касается морских и океанских ресурсов, направленных на производство новых продуктов и технологий, связанных с морской биологией и морской экосистемой; серая биотехнология — включает в себя применение биотехнологий в области охраны окружающей среды, такие как очистка загрязненных водоемов, утилизация отходов.

Особо интересным видится упоминание фиолетовых биотехнологий, которые используются для обозначения технологий, внедряющих биологические инновации в контексте правовых, этических и философских обсуждений. Эти технологии становятся важной частью научных дискуссий, касающихся не только научных аспектов, но и социальных последствий их применения[2].

Сто́ит отметить, что такое развитие биотехнологий, несомненно, характеризуются большим количеством прорывных открытий, благодаря которым расширяются представления человека о них. Однако вместе с этим стремительным прогрессом общество сталкивается с целым спектром правовых и этических вызовов, которые требуют глубокого осмысления и ответственного подхода.

Всегда необходимо находить баланс между стимулированием инноваций и защитой фундаментальных ценностей, таких как уважение человеческого достоинства, справедливость, доступ к здравоохранению и сохранение окружающей среды.

Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего объединение усилий ученых, юристов, специалистов по этике и представителей общественности, а также разработки четких и прозрачных законодательных рамок, регулирующих использование биотехнологий, в том числе с учетом этических соображений.

---

[1] *Орешкин В. А.* Патентная охрана биологическогого (генетического и трансгенного) материала : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 М., 2004.

[2] *Jameel S.* Ethics in biotechnology and biosecurity // Indian J. Med. Microbiol. 2011, 29, 331.

Османова Д. О.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ДОГОВОР С ЗАЩИТНЫМ ЭФФЕКТОМ В ПОЛЬЗУ ТРЕТЬИХ ЛИЦ НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Договор с защитным эффектом в пользу третьих лиц появился как способ преодоления несовершенств деликтного немецкого законодательства. Согласно абз. 1 параграфа 823 Гражданского кодекса Германии (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB) любой, кто умышленно или по неосторожности причинит вред жизни или здоровью, посягнет на свободу, собственность или иное право другого лица, обязано возместить потерпевшему причиненный вред[1]. Так что немецкий закон в качестве генерального правила устанавливает, что возмещение возможно только в случае нарушения абсолютных прав потерпевшего. Столь строгие правила в указанной части подводят к выводу о невозможности их применения для ситуаций нарушения иных (не абсолютных) прав. Для решения такой проблемы немецкие юристы обратились к сфере договорного права.

Ключевым в данном вопросе стало решение Верховного имперского суда 1930 г. Квартиросъемщик заключил с предпринимателем договор о починке газовой плиты. Однако из-за ошибки газовщика-ремонтника в квартире произошел взрыв, в результате которого пострадала горничная, нанятая квартиросъемщиком для уборки квартиры. Суд удовлетворил договорное требование уборщицы к предпринимателю о возмещении убытков, так как предположил, что в договоре между предпринимателем и квартиросъемщиком должны были быть гарантии в пользу защиты интересов третьих лиц[2].

Другим не менее известным и важным примером является спор, рассмотренный в 1915 г., об удовлетворении требований врача, пострадавшего в результате перевозки. Между монастырем и перевозчиком был заключен договор перевозки врача в монастырь. Во время поездки по вине работника перевозчика врач получил травмы. Нижестоящие суды отказывали в удовлетворении требований врача о взыскании с перевозчика возмещения ввиду ненадлежащего оказания услуги, мотивируя отказ тем, что договор был заключен не с врачом, а перевозчиком. Верховный суд указал, что для целей привлечения перевозчика к ответственности не имеет значения, что перевозчик не был наделен правом требовать исполнения по договору[3].

В целом под договором с защитным эффектом в пользу третьих лиц принято понимать такой договор, в силу которого третье лицо, не являющееся его стороной, в случае нарушения должником принятых на себя по договору

---

1 URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__823.html (дата обращения: 22.04.2025).

2 См.: *Цвайгерт К., Кетц Х.* Сравнительное частное право : в 2 т. Т. 1 : Основы. Т. 2 : Договор. Неосновательное обогащение. Деликт : пер. с нем. М. : Междунар. отношения, 2010. С. 462.

3 См.: *Прозоров С. Ю.* Институт договоров с защитным эффектом в пользу третьих лиц в германском праве // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 190–210.

обязательств вправе предъявить требование о возмещении причиненных ему этим нарушением убытков[1].

Предложенное понимание договора с защитным эффектом в пользу третьих лиц позволяет применять такую конструкцию к разным ситуациям. Одним из возможных примеров обнаружения эффекта в пользу третьих лиц является договор возмездного оказания медицинских услуг.

Согласно п. 4, 5 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон об охране здоровья) *медицинская услуга* — медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение. *Медицинское вмешательство* — выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющее определенную направленность.

Особенностью медицинской услуги является то, что ее воздействие затрагивает интересы не только конкретной личности (пациента), но и связанных с ним лиц. Медицинское вмешательство предполагает получение определенной информации о здоровье пациента, о его биологических и генетических особенностях, выявление наличия заболеваний (в том числе наследственных) и пр. Отдельные заболевания могут представлять опасность для жизни и/или здоровья не только самого пациента, но и окружающих его лиц. Некачественное оказание медицинской помощи влияет и затрагивает интересы не только самого пациента, но и связанных с ним лиц — членов семьи, родственников, свойственников, лиц, находящихся на его иждивении и пр. Негативные последствия оказания некачественной медицинской помощи касаются не только самого пациента, но и связанных с ним лиц — третьих лиц в контексте договорной связи[2]. Это порождает вопрос о пределах правовой защиты интересов третьих лиц, связанных с пациентом, и права которых затрагиваются при исполнении договора возмездного оказания медицинских услуг. В этой связи необходимо выделить две ключевые проблемы, которые могут возникнуть в таком случае.

Прежде всего, не определен круг третьих лиц, которые могут быть признаны потерпевшими ввиду некачественного оказания пациенту медицинской услуги.

Обнаруженные примеры судебной практики демонстрируют, что преимущественно с такими исковыми заявлениями обращаются родственники пациента. Так, в п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»

---

[1] См.: *Прозоров С. Ю.* Указ. соч.

[2] Указанная позиция встречается в научной литературе. См., например: *Агапитова А. П., Тетерин А. В.* Компенсация морального вреда как форма ответственности медицинской организации // Медицинское право: теория и практика. 2023. № 3, 4 ; *Габай П. Г., Карапетян Р. Ю.* Компенсация морального вреда пострадавшим пациентам в Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики // Юрист. 2017. № 20. С. 40–46 ; *Шакирова Э.* Компенсации пациентам и их родственникам после операций — анализ споров // Жилищное право. 2023. № 12. С. 105–112.

указано, что требования о компенсации морального вреда в случае нарушения прав граждан в сфере охраны здоровья, причинения вреда жизни и (или) здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи могут быть заявлены *членами семьи такого гражданина*[1], если ненадлежащим оказанием медицинской помощи этому гражданину лично им (то есть членам семьи) причинены нравственные или физические страдания вследствие нарушения принадлежащих лично им неимущественных прав и нематериальных благ. Конституционный Суд РФ в постановлении от 13.01.2020 № 1-П отметил, что определенная медицинская информация должна быть сообщена не только пациенту (гражданину), но и *его супругу (супруге), одному из близких родственников (детям, родителям, усыновленным, усыновителям, родным братьям и родным сестрам, внукам, дедушкам, бабушкам), если пациент не запретил сообщать им об этом и (или) не определил иное лицо, которому должна быть передана такая информация*. КС РФ в этом постановлении установил презумпцию доверительных отношений пациента с супругом (супругой), близким родственником либо иным лицом, указанным пациентом[2]. И хотя рассмотренный спор касался иного вопроса, он позволяет выявить круг близких лиц, потенциально управомоченных на обращение за судебной защитой в случае некачественного оказания пациенту медицинской помощи.

Примеры позиций иных судебных органов также демонстрируют, что заявителем по спору выступает родственник пациента, например, Шестой кассационный суд общей юрисдикции рассматривал спор по исковому заявлению пережившего супруга и детей о компенсации морального вреда в связи со смертью пациента — отца[3]; в другом споре с требованием обратились родители и сестра пациента[4]; требования пережившего супруга и детей умершего пациента были предметом рассмотрения Верховного суда Республики Татарстан[5] и пр.

Между тем, по мнению автора, не совсем справедливо ограничивать перечень управомоченных лиц только близкими родственниками или членами семьи пациента. Тем более что положения законодательства и предложенные подходы высших судебных инстанций позволяют усмотреть более широкий перечень возможных «пострадавших». Так, сам пациент может установить, какое лицо

---

[1] Согласно ч. 1 ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации к членам семьи относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.

[2] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой». СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.05.2023 по делу № 88-11239/2023, 2-297/2022 (УИД 16RS0032-01-2022-000200-21) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См.: определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.08.2024 по делу № 88-15068/2024 (УИД 45RS0015-01-2022-000292-18) // СПС «КонсультантПлюс».

[5] См.: апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 02.03.2023 по делу № 33-3958/2023 (УИД 16RS0032-01-2022-000200-21) // СПС «КонсультантПлюс».

является для него близким или кого он признает членом своей семьи. У пациента может не оказаться кровных родственников, но могут быть близкие друзья, возлюбленные и иные важные (с эмоциональной точки зрения) для него люди, которые, формально не являясь членами семьи, фактически воспринимают пациента как члена семьи. Отсутствие признака кровного родства или иной подобной связи не умаляет моральные и иные страдания таких лиц, которые для пациента фактически включены в круг «членов семьи» или «близких родственников».

В одном из принятых судебных актов ВС РФ указал, что при рассмотрении вопроса о компенсации морального вреда в пользу иных лиц, суду необходимо учитывать *обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий*[1]. Таким образом, если иные лица докажут, что некачественное оказание медицинской помощи пациенту причинило им физические или нравственные страдания, требование о компенсации морального вреда в таком случае должно быть удовлетворено. Суд не должен отказывать только на том основании, что между лицами формально отсутствует родственная или кровная связь. И в этой части доктрина договора с защитным эффектом аргументирует возможность предъявления такого требования любым пострадавшим лицом, не обязательно связанным кровными или родственными узами.

Главный недостаток возможности предъявления требований иными лицами — это неограниченный круг управомоченных лиц. Это объясняет стремление судебных органов ограничить персоналии, управомоченные на правовую защиту в таком случае. Однако указанная проблема может быть решена посредством установления повышенного стандарта доказывания связанности с пациентом и влияния состояния здоровья пациента на психологическое, физическое и эмоциональное состояние обращающегося.

Другая не менее важная проблема связана не только с установлением управомоченных лиц, но и определением предмета требований.

Как было указано выше распространенной является позиция о допустимости возмещения только компенсации морального вреда. Однако причинение вреда здоровью/жизни пациента предполагает возможность и возникновения, помимо нравственных страданий, имущественных потерь.

Например, результатом некачественного оказания медицинской помощи может стать приобретение инвалидности, либо такое повреждение здоровья, которое не привело к инвалидности, но снизило физические или иные возможности пациента, ограничило его профессиональную трудоспособность. Всё это в совокупности может привести к необходимости финансовой и физической заботы о пациенте со стороны третьих лиц — родственников, членов семьи или иных лиц, которые вынуждены снижать объем собственной трудовой нагрузки, приобретать за свой счет дорогостоящие лекарства и пр. Они могут быть вынуждены отказаться от определенного уровня жизни, который обеспечивал пациент до нарушения его здоровья в результате некачественного оказания медицинской помощи. Им может потребоваться приобретение дополнительного оборудования, техники и пр. для оказания необходимой помощи пострадавшему пациенту.

[1] См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.10.2019 № 80-КГ19-13 // СПС «КонсультантПлюс».

Так что причиненный вред может иметь не только и не сколько эмоциональное, но материальное содержание.

Имеющиеся на этот счет защитные механизмы, например, предусмотренные пунктом 1 ст. 1085 ГК РФ, применимы только для самого пострадавшего пациента и могут быть им использованы при отсутствии права на бесплатное получение. Но не определены последствия имущественных потерь для связанных с таким пациентом лиц. Более того, даже при условии возмещения пациенту имущественных потерь (в том числе утраченного заработка и прочих доходов), не обязательно, что предшествующий уровень дохода и финансового благополучия будет действительно обеспечен после их взыскания в пользу самого потерпевшего. И, соответственно, позволит содержать связанных с пациентом лиц или оказывать им прежнюю финансовую помощь, или действительно исключить их собственные финансовые потери.

Доктрина договора с защитным эффектом в пользу третьих лиц формально не ставит возможность взыскания в зависимость от нарушенных прав — личных неимущественных или имущественных. Однако сложность в таком случае возникает в части определения объема допустимого возмещения и видов расходов, которые должны быть в таком случае компенсированы.

Кажется, что все перечисленные проблемы носят не материально-правовой, а процессуальный характер. Сама возможность защиты интересов третьих лиц в случае оказания пациенту услуг ненадлежащего качества, не ставится под сомнение и может быть аргументирована не только теоретически, но и нормативно. Анализ правоприменительной практики демонстрирует готовность судебных органов воспринять подобную позицию и защитить при необходимости интересы связанных с пациентом лиц. Однако последующая «настройка» такого правового инструмента должна происходить за счет уточнения выработанных позиций при решении конкретных судебных споров.

Пекшев А. В.,
кандидат медицинских наук
доцент кафедры медицинского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Стремительное технологическое развитие ставит перед Россией новые вызовы, включающие необходимость внедрения новейших технологических решений в экономику и социальную сферу, включая медицину и биотехнологии. Основой такого внедрения является не только создание необходимой научной и кадровой инфраструктуры, но и формирование правовых условий для разработки инноваций и использования таких результатов.

Прошедшая 25 марта 2025 г. в рамках XII Московского инновационного юридического форума «Право для лидерства» форсайт-сессия «Право, медицина и биотехнологии: конвергенция для обеспечения технологического лидерства» предоставила возможность специалистам разных профилей сформировать

предложения по определению таких концептуальных направлений развития российского законодательства, регулирующего отношения в данной сфере, как:
— правовое обеспечение комплексного развития генетических технологий в отраслях экономики и социальной сферы,
— правовые условия и барьеры внедрения биотехнологий в промышленность,
— совершенствование механизмов оказания медицинской помощи,
— юридические аспекты трансляционной медицины,
— развитие оборота высокотехнологических лекарственных препаратов, в том числе предназначенных для индивидуального применения,
— расширение возможностей применения медицинских изделий,
— совершенствование механизмов охраны интеллектуальных прав на объекты, созданные в результате генетических исследований.

В частности, заместитель министра науки и высшего образования Д. В. Пышный в своем выступлении отметил, что первым из четырех направлений действующей до 2030 г. Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий[1] является биобезопасность и технологическая независимость России[2]. Одним из аспектов их обеспечения является формирование национальной модели государственного управления информационной безопасностью в сфере здравоохранения, включающей семь основных направлений.

1. Разработка документов стратегического планирования в сфере обеспечения цифровых трансформаций здравоохранения и должного обеспечения информационной безопасности в информационных системах различного уровня и видовой принадлежности в сфере охраны здоровья граждан. Для этого целесообразно разработать
— Стратегию цифрового здравоохранения в Российской Федерации;
— Концепцию информационной безопасности генетической информации.

Разработка стратегий цифрового здравоохранения является одним из устойчивых трендов в сфере цифровой трансформации здравоохранения ведущих экономик мира. Ведущими направлениями стратегического развития в данном секторе в соответствии с международными рамочными документами являются:
— подготовка плана действий по созданию национального цифрового здравоохранения (дорожной карты), внедрению стандартов данных о здравоохранении с открытым исходным кодом и использованием систем или ресурсов многократного применения, поддержанию операционной совместимости информационных систем здравоохранения на национальном и международном уровнях, с тем чтобы обеспечить инновационную интеграцию различных

[1] Указ Президента РФ от 28.11.2018 № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» (вместе с Положением о совете по реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2030 годы) // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. VI). Ст. 7586 ; постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2030 годы» // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2108 ; приказ Минобрнауки России от 26.02.2024 № 129 «Об утверждении Положения о научно-техническом совете Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2030 годы» // URL: http://www.pravo.gov.ru. 28.03.2024.

[2] URL: https://moslegforum.ru/sections/1-pravo-meditsina-i-biotekhnologii-konvergentsiya-dlya-obespecheniya-tekhnologicheskogo-liderstva/ (дата обращения: 11.05.2025).

цифровых технологий за счет возможностей совместного обслуживания, гарантируя при этом высокое качество и сопоставимость данных;
— установление правовых и этических критериев, обеспечивающих безопасность пациентов, защиту данных, надлежащее использование и защиту права собственности на данные о здоровье, возможность восстановления данных, касающихся частной жизни, а также защиту прав интеллектуальной собственности;
— выявление моделей устойчивого финансирования и поощрение их использования в целях содействия развитию цифрового здравоохранения и обмена знаниями в интересах создания будущих продуктов и услуг. Это имеет особо важное значение при использовании искусственного интеллекта, включая машинное обучение, внедрение, интеграцию и техническую поддержку;
— в целях поддержки первичной медико-санитарной помощи и обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения целесообразно разработать национальную методологию оценки динамической модели зрелости цифрового здравоохранения в Российской Федерации, позволяющей определить приоритетные направления национальных инвестиций в цифровое здравоохранение страны;
— разработка и утверждение Программы научных исследований в рассматриваемой сфере, которая должна быть направлена на удовлетворение потребностей в повышении качества и распространении фактических данных и информации об использовании цифрового здравоохранения на всех уровнях. Изучение и оценка конечных результатов и эффективности применения цифрового здравоохранения имеют важное значение для обеспечения его безопасного использования и внедрения и поощрения практики подотчетности, а также для обоснования финансовых инвестиций. Кроме того, эта программа должна учитывать необходимость активизации разработки и проверки технологий, методов и инфраструктур, позволяющих преодолевать трудности на пути к использованию цифрового здравоохранения.

2. Внедрение предварительной и постоянной подготовки медперсонала по цифровому здравоохранению для эффективного использования цифровых технологий в клинической практике. Необходимо гарантировать, что медицинские работники готовы использовать преимущества цифрового здравоохранения и других новых технологических инноваций в сфере охраны здоровья граждан.

3. Развитие международной кооперации с дружественными государствами в части формирования единых реестров информации, обмена лучшими практиками обеспечения информационной безопасности в медицинских информационных системах и другие направления сотрудничества отвечают устоявшемуся мировому тренду на расширение кооперационных связей в сфере цифрового здравоохранения.

Среди общих особенностей государственного управления в сфере цифровой трансформации здравоохранения, характерных и для представителей централизованной модели, и для децентрализованной модели, является тренд на трансграничное сотрудничество в сфере информационной безопасности цифрового здравоохранения.

Например, в дополнение к национальным и региональным стратегиям цифрового здравоохранения, в Африканском союзе через Africa CDC[1], в Европейском

[1] Digital Transformation Strategy // URL: https://africacdc.org/download/digital-transformation-strategy/ (дата обращения: 01.05.2025).

Союзе через ВОЗ, а в Америке через РАНО[1] и Межамериканский банк развития, развиваются международные сотрудничества и стратегии, направленные на то, чтобы сформулировать региональные устремления, решить региональные проблемы здравоохранения, содействовать трансграничному сотрудничеству и содействовать гармонизации политик, стандартов, совместимости и других правил цифрового здравоохранения.

4. В целях ускорения перехода к новой законодательной модели защиты конфиденциальности в сфере здравоохранения путем отделения медицинской информации от личной информации и закрепления ее правового статуса в Федеральном законе «О защите медицинской информации» (руководствуясь успешными зарубежными практиками США и Сингапура)[2] целесообразно разработать и внедрить в практическое здравоохранение «Руководство по кибербезопасности и безопасности данных для поставщиков медицинских услуг», которое обеспечивает раннее введение в действие стандартов безопасности в медицинских информационных системах[3].

5. В целях установления нормативно-правового порядка осуществления внутреннего контроля за соблюдением установленных для информационных систем в сфере здравоохранения правил и процедур обработки и защиты информации Минздраву России целесообразно разработать приказ «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля за соблюдением установленных для информационных систем в сфере здравоохранения правил и процедур обработки и защиты информации», а соответствующим требованиям придать статус лицензионных.

6. Внедрение институциональных изменений в связи с запуском механизма цифрового медицинского надзора в сфере здравоохранения.

7. Внедрение системы киберстрахования от различного рода рисков в связи с цифровой трансформацией здравоохранения и дополнительной защитой медицинских организаций и медперсонала от возможных конфликтных ситуаций в связи с применением цифрового инструментария при оказании различного вида медицинской помощи.

---

[1] Pan American Health Organization // URL: https://www.ungm.org/Shared/KnowledgeCenter/Pages/PAHO (дата обращения: 01.05.2025).

[2] *Wang C., Zhang J., Lassi N., Zhang X.* Privacy Protection in Using Artificial Intelligence for Healthcare: Chinese Regulation in Comparative Perspective // Healthcare 2022,10,1878.

[3] Cyber And Data Security For Healthcare Providers // URL: https://www.moh.gov.sg/licensing-and-regulation/cybersecurity-for-healthcare-providers (дата обращения: 01.05.2025).

Пономарёва Д. В.,
к. ю. н., доцент,
заместитель заведующего кафедрой
практической юриспруденции,
старший научный сотрудник
Научно-образовательного центра правового
обеспечения биоэкономики
и генетических технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ БИОЭКОНОМИКИ

Биоэкономика тесно связана с экологической проблематикой, в том числе с реализацией концепции устойчивого развития, предусматривающей такое функционирование народнохозяйственного комплекса государства, когда одновременно обеспечиваются: удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей населения; рациональное и экологобезопасное хозяйствование и высокоэффективное использование природных ресурсов; поддержание благоприятных для здоровья человека природно-экологических условий жизнедеятельности, сохранение, воспроизводство и приумножение качества окружающей среды и природно-ресурсного потенциала общественного производства[1].

Ключевой особенностью развития современной мировой науки и производства является биологизация знаний и процессов. Тем не менее такая характеристика стала присуща мировой науке на рубеже XX–XXI вв. Именно в это время появился ряд новых междисциплинарных направлений, в которым справедливо относится и «биоэкономика». При широком подходе к определению понятия «биоэкономика» ее рассматривают как «дисциплину, интегрирующую экономические и биологические знания в области широкого использования биотехнологий для создания качественно новой экономики и достижения устойчивого развития региона. При этом термины «зеленая экономика», «низкоуглеродная экономика» и «биоэкономика» являются близкими по смыслу, однако не синонимичными»[2].

Формирование международно-правовых основ развития биоэкономики происходит в двух направлениях: экологизация сельскохозяйственного производства и промышленности, а также развитие медицинских технологий. Первое направление охватывается деятельностью Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО). Именно ФАО стало первым учреждением ООН, которое сформулировало программу в области биоэкономики как одно из приоритетных направлений осуществления Стратегической рамочной программы, концентрирующей усилия всех государств по созданию условий для реализации инновационных решений в целях повышения эффективности, спра-

---

[1] *Македон Г. М., Талавыря Н. П.* Биоэкономика как одна из основ устойчивого развития общества // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. № 1. С. 31–35.

[2] *Рассохина И. И., Коткова Д. Н., Платонов А. В.* Анализ мировой публикационной активности по направлению «биоэкономика» // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 152–165.

ведливости, жизнестойкости и устойчивости агропродовольственных систем. В настоящее время ФАО участвует примерно в 150 проектах, связанных с биоэкономикой, на общую сумму свыше 330 млн долл. США, что составляет около 15 % стоимости всего ее портфеля[1].

В настоящее время в рамках международного права правовое регулирование отношений в сфере биоэкономики носит фрагментарный, спорадический характер. Концептуальные правовые основы формируются на уровне рекомендательных актов «мягкого» права, юридически обязывающие механизмы затрагивают проблематику биоэкономики косвенно. Вместе с тем масштабные мероприятия, проводимые в рамках ФАО последние 5 лет, свидетельствуют о намерении глобального сообщества сформировать нормативную базу биоэкономики. Отражением такого намерения являются многочисленные инициативы, реализуемые на уровне международных интеграционных объединений.

В настоящее время Европейский Союз рассматривается как лидер развития биоэкономики в мире. Принятие программных документов в сфере биоэкономики на уровне ЕС предвосхитил документ Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), принятый в 2009 г. — «Биоэкономика до 2030 г.: разработка политической повестки дня»[2]. Указанный документ подчеркнул важность развития биологических наук в период 1990–2010 гг., поскольку такое развитие позволило применять новые знания и биотехнологии для обеспечения устойчивого развития экономики. Рост биотехнологических знаний и интеграция биотехнологий в промышленное производство становятся условием развития биоэкономики как особой хозяйственной системы. При этом в качестве ключевых факторов развития биоэкономики программа называет: увеличение спроса на энергию в сочетании с необходимостью сокращения выбросов парниковых газов, создание платформенных биотехнологий, развитие исследований в области генетической модификации и секвенировании ДНК, наличие соответствующих государственных программ и механизмов макроэкономического стимулирования. Представленные факторы и условия должны быть учтены государствами — участниками ОЭСР при разработке национальных и наднациональных подходов развития биотехнологий. Поскольку большинство государств — членов ЕС входят в ОЭСР, подходы данной организации не могли быть не восприняты на уровне Союза.

Несмотря на обилие программных документов, включая документы стратегического планирования, до настоящего времени в ЕС не сформировалось специализированное законодательство в области биоэкономики. Тем не менее ряд юридически обязательных документов, формирующих источники вторичного права Союза, затрагивает проблематику биоэкономики. Среди таких документов сто́ит назвать акты в сфере охраны окружающей среды и акты в сфере энергетической политики:

а) Регламент (ЕС) 2021/1119 Европейского парламента и Совета от 30.06.2021, устанавливающий основу для достижения климатической нейтральности и

[1] URL: https://www.fao.org/newsroom/detail/FAO-bioeconomy-agrifood-systems-science-innovation-forum-2023/ru (дата обращения: 12.04.2024).

[2] The Bioeconomy to 2030: Designing a Policy Agenda // Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD). URL: https://www.oecd.org/sti/futures/long termtechnologicalsocietalchallenges/thebioeconomyto2030designingapolicyagenda.htm (дата обращения: 13.04.2024).

вносящий поправки в Регламенты (ЕС) № 401/2009 и (ЕС) 2018/1999 («Европейский климатический закон»)[1];

б) Регламент (ЕС) 2018/1999 Европейского парламента и Совета от 11.12.2018 об управлении Энергетическим союзом и действиях по борьбе с изменением климата, вносящий поправки в Регламенты (ЕС) № 663/2009 и (ЕС) № 715/2009 Европейского парламента и Совета, Директивы 94/22/ЕС, 98/70/ЕС, 2009/31/ЕС, 2009/73/ЕС, 2010/31/EU, 2012/27/EU и 2013/30/EU Европейский парламент и Совет, Директивы Совета 2009/119/ЕС и (ЕС) 2015/652 и отменяющие Регламент (ЕС) № 525/2013 Европейского парламента и Совета[2];

в) Регламент (ЕС) № 1143/2014 Европейского парламента и Совета от 22.10.2014 о предотвращении и контроле интродукции и распространения инвазивных чужеродных видов[3];

г) Директива (ЕС) 2019/944 Европейского парламента и Совета от 05.06.2019 об общих правилах внутреннего рынка электроэнергии и внесении изменений в Директиву 2012/27/ЕС[4];

д) Директива (ЕС) 2023/2413 Европейского парламента и Совета от 18.10.2023, вносящая поправки в Директиву (ЕС) 2018/2001, Регламент (ЕС) 2018/1999 и Директиву 98/70/ЕС в отношении продвижения энергии из возобновляемых источников. источников и отмену Директивы Совета (ЕС) 2015/652[5].

Что касается опыта международных интеграционных объединений Африки, то в данном случае, в отличие от Южной Америки, он не является репрезентативным в части формирования специализированных стратегий развития биоэкономики. Африканские интеграционные объединением демонстрируют пример фрагментарного регулирования в данной области. Вместе с тем в отдельных интеграционных объединениях приняты программные документы, охватывающие те или иные аспекты «биоэкономической» проблематики. Так, в Африканском

---

1 Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No. 401/2009 and (EU) 2018/1999 (European Climate Law), PE/27/2021/REV/1 // OJ L 243. 09.07.2021. P. 1–17.

2 Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No. 663/2009 and (EC) No. 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No. 525/2013 of the European Parliament and of the Council (Text with EEA relevance.), PE/55/2018/REV/1 // OJ L 328. 21.12.2018. P. 1–77.

3 Regulation (EU) No. 1143/2014 of the European Parliament and of the Council of 22 October 2014 on the prevention and management of the introduction and spread of invasive alien species // OJ L 317. 04.11.2014. P. 35–55.

4 Directive (EU) 2019/944 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on common rules for the internal market for electricity and amending Directive 2012/27/EU (recast) (Text with EEA relevance.), PE/10/2019/REV/1 // OJ L 158. 14.06.2019. P. 125–199.

5 Directive (EU) 2023/2413 of the European Parliament and of the Council of 18 October 2023 amending Directive (EU) 2018/2001, Regulation (EU) 2018/1999 and Directive 98/70/EC as regards the promotion of energy from renewable sources, and repealing Council Directive (EU) 2015/652, PE/36/2023/REV/2 // OJ L 2023/2413. 31.10.2023.

Союзе с 2013 г. действует Политика и руководство по развитию биоэнергии в Африке, предусматривающие повышение энергетической безопасности и доступа, а также развитие сельских районов в Африке. В качестве целей развития биоэнергетического сектора документ называет: интеграцию биоэнергетики в стратегии энергобаланса и национальные стратегии развития, которые улучшают доступ к энергии; интеграцию политики, мер и действий (например, стандартов) с региональными инициативами; развитие сотрудничества с промышленно развитыми странами, чтобы извлечь выгоду из знаний и трансфера технологий; адаптацию критериев устойчивости, принятых в других государствах и (или) интеграционных объединениях или предложенных на международном уровне. Вместе с тем необходимо констатировать, что биоэнерия (биоэнергетика) — лишь часть биоэкономики, значительное же число направлений развития биоэкономики оказалось не охваченным специалистами в области африканской интеграции. В настоящее время даже на уровне такой масштабной интеграционной организации, как Африканский Союз не реализуется комплексный подход к продвижению биоэкономики на Африканском континенте.

В рамках СНГ действует ряд документов, которые могут быть содержательно отнесены к «биоэкономической» проблематике. В частности, в 2013 г. решением Совета глав правительств СНГ была утверждена Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в области использования возобновляемых источников энергии и План первоочередных мероприятий по ее реализации. Данная Концепция направлена на расширение межгосударственного сотрудничества в области использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и дальнейшее развитие их применения. Она основывается на приоритете экономических интересов государств — участников СНГ и направлена на создание условий, способствующих обеспечению их энергетической безопасности и устойчивого развития, что характеризует и биоэкономику.

В отличие от СНГ, в актах Евразийского экономического союза можно найти упоминание термина «биоэкономика». В частности, распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 18.10.2016 № 32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ»[1] упоминает развитие в области биотехнологий и биоэкономики в качестве цели создания Евразийской технологической платформы «ЕВРАЗИЯБИО». Также отдельные аспекты биоэкономики (включая инновационную фармацевтику в части производства высокотехнологичных лекарственных препаратов) отражены в таких документах ЕАЭС, как Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 78 «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения»[2], Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 76 «Об утверждении Требований к маркировке лекарственных средств для медицинского применения и ветеринарных лекарственных средств»[3]. Вместе с тем в рамках данного интеграционного объединения единой концепции развития биоэкономики до настоящего времени не сформировано.

[1] Official website of the Eurasian Economic Union. URL: http://eaeunion.org/, 03.06.2017.

[2] Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/. 21.11.2016.

[3] Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/. 21.11.2016.

Необходимо отметить, что на глобальном и региональном уровнях предпринята попытка создания унифицированных подходов развития биоэкономики, которые необходимо адаптировать к национальным правопорядкам. К таким подходам сто́ит отнести: переход к устойчивой экономике; внедрение «экологичного» производства пищевых продуктов с использованием наукоемких инновационных технологий (биотехнлогий); защита окружающей среды и сокращение отходов производства; масштабирование опыта «экологичного» производства на сферу медицины и фармацевтики и др. окружающей среде и значительно сократит отходы. При этом такие подходы формулируются преимущественно в программных документах и документах стратегического планирования, которые на глобальном уровне носят рекомендательный характер, поэтому их воплощение в жизнь всецело зависит от политической воли представителей государств. В юридически обязательных международных договорах и соглашениях также отражена «биоэкономическая» повестка, но такое отражение носит фрагментарный, спорадический характер. Позитивным примером закрепления начал правового регулирования отношений в сфере биоэкономики является Европейский Союз, в рамках которого не только действуют соответствующие программные документы, но и приняты юридически обязательные к исполнению акты (регламенты, директивы и решения), учитывающие тенденции нормативного регулирования в указанной сфере на глобальном уровне. Что же касается интеграционных объединений с участием Российской Федерации, то в настоящее время ни в СНГ, ни в ЕАЭС не приняты нормативные документы, в которых были бы сформулированы правовые основы развития биоэкономики. Вместе с тем с учетом формирования общего рынка ЕАЭС, в том числе в сфере сельскохозяйственной продукции, продукции промышленного производства, а также лекарственных препаратов видится необходимой инициатива разработки основ регулирования биоэкономики со стороны институциональных структур Евразийского экономического союза.

Шандро М. И.,
аспирант кафедры предпринимательского
и корпоративного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМИРОВАННОГО ДОБРОВОЛЬНОГО СОГЛАСИЯ ПРИ ИЗЪЯТИИ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БИОМАТЕРИАЛА ЧЕЛОВЕКА

Развитие здравоохранения — одна из ключевых задач Российской Федерации[1], а потому установленные нормативные правила в данной сфере должны способствовать ее достижению. Препятствием на этом пути может стать несовершенство установленных специальных норм, с одной стороны, стремящихся защитить интересы пациента, но, с другой стороны, нередко приводящих к трудностям при оказании медицинской помощи, проведении исследований и совершен-

[1] Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» // URL: http://government.ru/rugovclassifier/917/about/ (дата обращения: 22.04.2025).

ствовании системы здравоохранения в целом. Речь идет об информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство и использование биоматериала (ИДС).

Нюрнбергский кодекс 1947 г., а вслед за ним Хельсинкская декларация 1964 г. закрепили обязательность получения от пациента информированного добровольного согласия[1]. Данное правило установлено в качестве всеобщего международного стандарта, на который опираются врачи по сей день.

Согласно пункту 26 Хельсинкской декларации ИДС должно, в частности, содержать информацию о целях, методах, ожидаемой пользе, потенциальных рисках и неудобствах, квалификации исследователя, источниках финансирования, любых возможных конфликтах интересов, условиях защиты частной жизни и конфиденциальности, методах стимулирования участников, условиях лечения и/или компенсации участникам в случае нанесения вреда их здоровью в результате участия в исследовании, а также о любых иных значимых аспектах исследования. Открытый перечень указанной информации позволяет включать в ИДС иные значимые для исследования условия.

Однако точный характер исследования объективно не всегда может быть заранее определен. Это вызывает необходимость проведения дополнительных и (или) повторных исследований, следовательно, расширения пределов первоначального ИДС. В связи с этим при всей широте возможного содержания ИДС, последнее не всегда может быть объективно получено в необходимом объеме за одну встречу пациента с врачом.

Более того, анализ нормативного регулирования порядка предоставления ИДС позволяет выделить его обязательные признаки[2]:

— **Добровольность**. Пациент имеет право как согласиться, так и отказаться от участия в исследовании, а также отозвать согласие в любой момент в ходе исследования. Предоставление согласия не может быть сопряжено с обманом, давлением, угрозами или иным воздействием на пациента со стороны врача, исследователя и других третьих лиц.
— **Информированность**. Пациенту должна быть предоставлена полная, достоверная и достаточная информация о целях, методах, рисках медицинского вмешательства. Информация может затрагивать иные значимые для пациента аспекты и должна быть изложена в доступной для него форме.
— **Осознанность**. Врач должен убедиться, что пациент корректно уяснил предоставленную информацию и принимает взвешенное решение.

---

[1] Нюрнбергский кодекс // URL: https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2021/07/njurnbergskij-kodeks.pdf (дата обращения: 22.04.2025) ; Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта. (принята на 18-й Генеральной Ассамблее ВМА, Хельсинки, Финляндия, июнь 1964 г.) // URL: http://acto-russia.org/index.php?option=com_content&task=view&id=21 (дата обращения: 22.04.2025).

[2] Международное этическое руководство по проведению исследований в области здравоохранения с участием человека. Подготовлено Советом международных организаций медицинских наук (CIOMS) в сотрудничестве со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Женева, 2016 г. // URL: https://www.who.int/docs/default-source/ethics/web-cioms-ethicalguidelines.pdf?sfvrsn=f62ee074_0 (дата обращения: 22.04.2025).

— **Документальное подтверждение**. ИДС должно быть предоставлено в письменной форме. Невозможность исполнения данного требования предполагает необходимость наличия свидетеля или иного лица, которые смогут подтвердить факт выдачи согласия.

Наличие перечисленных признаков важно для использования ИДС в целях оказания медицинской помощи, проведения медицинских и научных исследований. Отсутствие любого из перечисленных признаков влечет нарушение прав пациента.

По этой причине, как отмечает В. Л. Ижевская, исследовательские центры защищают свои интересы значительным количеством отдельных информированных согласий, что приводит к тому, что в ходе исследования пациент подписывает множество различных ИДС, число которых может достигать семи[1].

Представляется, что подобное стремление специализированных организаций приводит к обратному результату. При таком обширном массиве ИДС пациенты едва ли будут должным образом проинформированы о медицинских манипуляциях, что полностью нивелирует правовой эффект таких ИДС.

В результате в условиях значительного объема ИДС и необходимости соблюдения всех обязательных требований, применяемых к согласию, сохраняется высокий риск нарушения прав пациентов при одновременной затрате существенного количества времени для сбора указанных документов со стороны медицинских организаций.

Предполагается, что эффективным способом решения обозначенной проблемы является предоставление расширенного информированного согласия.

Как следует из статьи 32 Хельсинкской декларации и статьи 12 Тайбэйской декларации, допускается многократное и даже неопределенное использование биоматериала человека при условии информирования пациента по всем существенным условиям дальнейшего хранения и использования биоматериалов[2]. В развитие данных положений следует привести и Международное этическое руководство ВОЗ (комментарий к Руководящему принципу 11), допускающее получение расширенного информированного согласия, охватывающего диапазон будущих применений в исследованиях[3].

При этом расширенное согласие не предполагает безграничное использование биоматериалов пациента. Напротив, оно содержит конкретные условия, в частности предусматривающие специальный режим хранения биоматериалов,

---

[1] Право, медицина и биотехнологии: конвергенция для обеспечения технологического лидерства. XII Московский инновационный юридический форум. 25 марта 2025 г. URL: https://moslegforum.ru/sections/1-pravo-meditsina-i-biotekhnologii-konvergentsiya-dlya-obespecheniya-tekhnologicheskogo-liderstva/ (дата обращения: 22.04.2025).

[2] Декларация Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) по этическим соображениям в отношении баз данных здравоохранения и биобанков. Принята 53-й Генеральной Ассамблеей ВМА в 2002 г. и пересмотрена на 67-й Генеральной Ассамблее ВМА в 2016 г.

[3] Международное этическое руководство по проведению исследований в области здравоохранения с участием человека. Подготовлено Советом международных организаций медицинских наук (CIOMS) в сотрудничестве со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Женева, 2016 г. // URL: https://www.who.int/docs/default-source/ethics/web-cioms-ethicalguidelines.pdf?sfvrsn=f62ee074_0 (дата обращения: 22.04.2025).

правила доступа к такому хранилищу (в том числе самого пациента), возможные виды и характер использования биоматериалов и др.

Вопреки критике данной концепции, расширенное согласие не противоречит статье 20 Закона об основах охраны здоровья[1]. Нормы приведенной статьи закрепляют общие положения об ИДС и предъявляемые к нему требования, которые не содержат запрета на его расширенную форму. Более того, нормы данной статьи обращены исключительно к вопросам медицинского вмешательства с целью оказания медицинской помощи, но не проведения научных исследований, что делает их условно применимыми к предмету настоящего исследования.

Наряду с расширенным согласием заслуживает внимания и концепция информированного отказа. Данный механизм реализуется в отношении ценных биоматериалов, оставшихся после лечения или диагностики пациента. В случае их исследовательской привлекательности пациенту предлагается передать их в биобанк для хранения и исследования. Такая передача означает, что в отношении всех дальнейших исследований действует презумпция согласия пациента. В то же время такое решение не может считаться универсальным и наиболее приемлемым, так как указание заведомо неограниченного круга исследований не всегда позволяет добиться информированности и осознанности согласия пациента, а значит, потенциально может привести к нарушению прав последнего.

Другим вариантом преодоления сложившейся ситуации является анонимизация биоматериала.

Согласие на анонимизацию представляет собой распоряжение пациента об уничтожении своих персональных данных, в связи с чем фактически устраняется тесная связь биоматериала с личностью пациента[2].

Сходная позиция предусмотрена в Международном этическом руководстве ВОЗ (комментарий к Руководящему принципу 10), согласно которому анонимизированные образцы не несут в себе никакой персональной информации. Так, комитет по этике может дать разрешение на отступления от правил об обязательности ИДС, и исследование будет проведено без получения такового, если: 1) связаться с пациентом и (или) провести исследование без отступления от обязательности ИДС не представляется возможным, 2) исследование обладает важной социальной значимостью и 3) риски пациентов не более чем минимальны[3].

---

[1] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[2] *Малеина М. Н.* Правовой статус биобанка (банка биологических материалов человека) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 112.

[3] Международное этическое руководство по проведению исследований в области здравоохранения с участием человека. Подготовлено Советом международных организаций медицинских наук (CIOMS) в сотрудничестве со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Женева, 2016 г. // URL: https://www.who.int/docs/default-source/ethics/web-cioms-ethicalguidelines.pdf?sfvrsn=f62ee074_0 (дата обращения: 22.04.2025).

Аналогичный подход предусмотрен и в ряде зарубежных государств (Италия[1], Нидерланды[2], Испания[3]), где при отзы́ве пациентом своего согласия биоматериалы подлежат либо уничтожению, либо анонимизации, и продолжают использоваться в исследованиях.

Однако анонимизация биоматериала имеет определенную специфику, которую необходимо учитывать. В частности, биоматериалы до анонимизации, сопровождаемые персональными данными пациента, представляют бóльшую научно-исследовательскую ценность[4]. Кроме того, обезличенный биоматериал все равно фактически продолжает содержать генетическую и иную идентифицирующую информацию о пациенте, в связи с чем анонимизация не исчерпывает интереса пациента в отношении такого объекта[5]. Вместе с тем упомянутые достоинства данного механизма позволяют активно его использовать в деятельности биобанков.

Практика проведения геномных исследований демонстрирует, что оба варианта, предложенных автором, нашли применение на практике.

Так, в 2024 г. был дан старт реализации национальной генетической инициативы «100 000 + Я» по сбору биоматериалов и изучению полного генома человека[6]. Перед исследованием пациенту предлагается подписать информированное согласие, которое содержит, во-первых, условие об обезличивании (анонимизации) биоматериала, во-вторых, общую информацию о цели и содержании исследовательского проекта, но без указания конкретных исследований биоматериала, сроков исследования и прочих сведений. В данном случае в одном ИДС объединены концепции анонимизации и расширенного согласия, что гарантирует достаточное правовое обеспечение исследования и соблюдение прав пациентов.

Учитывая успешный опыт реализации описанного решения, видится, что расширенное согласие в совокупности с анонимизацией биоматериала способно обеспечить достаточный уровень защиты прав пациентов. Подчеркнутая в работе объективная невозможность точного учета всех конкретных вариантов использования биоматериала, по мнению автора, не нарушает права пациента, поскольку информированность и осознанность его согласия относительно самой сути исследования может считаться достаточной, что находит поддержку и в научном сообществе[7].

---

1 General Authorisation № 8/2014 for the Processing of Genetic Data // Italy's Official Journal. 2014. № 301. URL: http://www.garanteprivacy.it (дата обращения: 22.04.2025).

2 Federa. (2011) Human Tissue and Medical Research: Code of Conduct for responsible use // URL: https://www.dataguidance.com/sites/default/files/print_version_code_of_conduct_english.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

3 Noticias Juridias. (2007) Ley 14/2007, de 3 de julio, de Investigación biomédica // URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l14-2007.t1.html (дата обращения: 22.04.2025).

4 *Трубина В. А.* Ткани и органы человека как объекты гражданских прав : монография. 2020. С. 189. *Крысенкова Н. Б., Чурсина Т. И.* Правовое регулирование геномных исследований в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2019. С. 150.

5 *Nicol D., Chalmers D.* et al. Impressions on the body, property and research // Persons, parts and property edited by Goold I. et Greasley K., Herring J. et al. Hart Publishing, 2016. P. 17.

6 Национальная генетическая инициатива «100 000 + Я» // URL: https://biotechcampus.ru (дата обращения: 22.04.2025).

7 *Османова Д. О.* Конкурсоспособность биобанков // Lex Genetica. 2024;3(1). С. 18.

Шарковская Е. А.,
старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННЫХ С РАЗРАБОТКОЙ БИОМЕДИЦИНСКИХ КЛЕТОЧНЫХ ПРОДУКТОВ

Биомедицинские клеточные продукты (БМКП) представляют собой средства медицинского применения на основе клеточный линий. С января 2017 г. начала формироваться нормативная правовая база для регулирования обращения БМКП, однако по ряду причин, в том числе регуляторного характера, их активная регистрация и применение так и не случились, несмотря на явную потребность медицинских организаций и пациентов. С учетом всех общественно-политических изменений, произошедших за это время, интерес со стороны государства, бизнеса и общества только усилился, поэтому обоснованным будет перечислить ряд правовых проблем и барьеров, преодоление которых позволит вывести БМКП на медицинский рынок и усилить технологическое лидерство Российской Федерации в этом направлении.

Этапы обращения БМКП в зависимости от содержания и назначения можно условно разделить на следующие: инновационный, производственно-реализационный, медицинский. Выделенные этапы объединены общим назначением, субъектным составом, особенностями возникающих в них правоотношений.

Целью инновационного этапа является разработка биомедицинского клеточного продукта и подготовка к государственной регистрации путем проведения доклинических исследований. Субъектный состав отношений на инновационных стадиях представлен государственными и частными научно-исследовательскими, медицинскими организациями.

Несмотря на то что разработка рассматривается в Федеральном законе от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (далее — Закон о БМКП) как часть жизненного цикла, им она практически не регулируется. Статья 5 Закона о БМКП содержит понятие разработки, описание источников финансирования и указание на то, что права разработчика охраняются гражданским законодательством. Далее в статье 9 Закона о БМКП закрепляется, что в число лиц, обладающих правом на представление документов для государственной регистрации БМКП, входят, помимо прочих, лица, обладающие правами на технологию производства БМКП.

Возникает закономерный вопрос о патентоспособности технических решений, связанных с БМКП. Важность вопросов защиты интеллектуальных прав при разработке биотехнологических объектов обусловлена их социальной значимостью[1]. Развитие института патентной защиты в Российской Федерации напрямую отражается на инвестиционной привлекательности коммерциали-

[1] *Michael d. Mehta.* Biotechnology and the Law: A Consideration of Intellectual Property Rights and Related Social Issues. Pierce Law Review Vol. 2. No. 1 p. 57.

зации биомедицинских и фармацевтических исследований[1] особенно на фоне общего роста объема инвестиций в объекты интеллектуальной собственности[2].

Участники смежного с БМКП фармацевтического рынка отстаивают усиление глобальной патентной защиты[3]. Например, в Республике Беларусь проводятся активные научные исследования эффективности пересадки гепатоцитов и мезенхимальных стволовых клеток, дифференцированных в гепатогенном направлении[4]. Фармацевтическая промышленность является наукоемкой, а патентная защита ее достижений обоснована в первую очередь с экономической точки зрения[5]. На смежном с БМКП рынке лекарственных средств уже выработан относительно единообразный подход к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности: химическая формула лекарственного средства патентуется в качестве изобретения. При этом после истечения срока действия патента, формула действующего вещества становится общедоступной, что позволяет выходить на рынок так называемым «дженерикам» — аналогам первоначального препарата[6].

В разрезе сущности БМКП условиям патентоспособности (новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость) будет отвечать техническое решение, относящееся к способу осуществления действий над клеточными линиями, и позволяющее сделать их пригодными для лечения и профилактики заболеваний. Большим шагом в правовом осмыслении охраны БМКП как результата интеллектуальной деятельности стало предложение В. Н. Синельниковой объединить «так называемые живые результаты интеллектуальной деятельности» термином «биотехнологический продукт», обобщая тем самым штаммы микроорганизмов, культуру клеток растений или животных, селекционные достижения, а также БМКП[7].

В то же время сами биологические объекты патентоспособными не являются, что неоднократно отмечалось не только в юридической литературе, но и в практике национальных судов и Европейского Суда по правам человека. В 2013 г. Верховный суд США вынес решение по делу компании *Myriad Genetics*, в котором указал, что объекты естественного происхождения не являются патентоспособными, поскольку появились без человеческих усилий и изобретений[8]. Однако в данном деле суд также признал, что синтетическая ДНК (cDNA) может быть запатентована, поскольку создана человеком[9].

---

1 *Сушкова О. В.* Защита интеллектуальных прав в фармацевтической деятельности: учеб. пособие. М. : Проспект, 2017 ; С. 51.

2 Инвестиции в объекты интеллектуальной собственности. Данные Росстата // URL: https://showdata.gks.ru/report/275570/ (дата обращения: 02.03.2020).

3 *Капусткин В. И., Родионов П. П.* Особенности развития мирового рынка фармацевтической продукции и интересы России // Вестник СПбГУ. Серия 5. 2007. Вып. 1. С. 79–80.

4 *Сыманович А. А.* Получение и характеристика биомедицинских клеточных продуктов на основе гепатоцитов и дифференцированных в гепатогенном направлении мезенхимальных стволовых клеток : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 14.01.24. Минск, 2019. С. 3.

5 *Понкин И. В., Понкина А. А.* Фармацевтическое право. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2017. С. 121–137.

6 *Пиличева А. В.* Лекарственные средства как объекты патентных прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 131.

7 *Синельникова В. Н.* Части живой природы как объекты гражданского оборота : монография. М., 2018. С. 137.

8 См.: URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-398_1b7d.pdf.

9 *Vaidhyanathan S.* Intellectual Property: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2017. P. 62.

Примечательно, что патентование БМКП и регистрация БМКП — две независимые процедуры, отличающиеся целью, требованиями и органами государственной власти, уполномоченными на проведение процедур. Данные процедуры независимы и не обусловливают друг друга. Однако в отношении лекарственных препаратов имеются предложения о необходимости проверки «патентной чистоты», предваряющей государственную регистрацию[1]. Действительно, такой механизм позволит защитить исключительные права разработчиков и правообладателей от посягательств[2]. В контексте лекарственных средств также отмечается, что отсутствие государственной регистрации само по себе не является препятствием для подачи заявки в патентное ведомство[3].

В Законе о БМКП заложен механизм, который можно рассматривать как защитный: одним из оснований отмены регистрации БМКП является решение суда о нарушении прав правообладателя на результаты интеллектуальной деятельности при обращении БМКП (статья 24 Закона о БМКП). В доктрине сформирована позиция относительно патентования и регистрации лекарственных средств: М. А. Приходько предлагает приостанавливать процесс государственной регистрации лекарственного средства до вынесения судебного решения по спору об исключительном праве на результат интеллектуальной деятельности[4]. Полагаем, что более целесообразным и менее потенциально затратным будет внедрение процедуры проверки «патентной чистоты» еще на стадии проверки документов, поданных для регистрации БМКП. По крайней мере поданная в Роспатент заявка на регистрацию изобретения будет свидетельствовать о добросовестности лица и его намерении в дальнейшем по факту государственной регистрации БМКП осуществлять его производство и реализацию. Хотя в таком случае появится риск «упреждающих» заявок, сделанных только ради создания препятствий другим участникам гражданского оборота.

Таким образом, основным способом коммерциализации разработок в сфере обращения БМКП будет создание технических решений, получение патента на них и производство БМКП, указанными при патентовании способами. Однако процедура проверки заявок на регистрацию изобретений достаточно длительная, а результат не гарантирован. Следовательно, необходимо обозначить и иные способы коммерциализации. К ним будет, в числе прочих, относиться охрана решений, связанных с разработкой БМКП, в режиме секрета производства (ноу-хау), исключительное право на которое может быть передано по договору об отчуждении исключительного права или по лицензионному договору.

---

1 *Семенов В. И., Гаврилова Е. Б., Лысков Н. Б.* Патентование лекарственных средств и государственная регистрация лекарственных препаратов: подводные камни // Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения. 2015. № 4. С. 45.

2 *Давыдов Ю. Г.* Выявление возможного нарушения патентных прав до государственной регистрации лекарственного препарата для медицинского применения // Актуальные проблемы медицинского права: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 17–18 апреля 2015 г.) / отв. ред. д. ю. н., проф. А. А. Мохов. М., 2015. С. 26.

3 *Пиличева А. В.* Лекарственные средства как объекты патентных прав. М., 2016. С. 55.

4 Международное патентование фармацевтических продуктов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 13.

НОВОЕ В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ: ПРАВОВЫЕ РЕШЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ ВЕТЕРАНОВ И ИНВАЛИДОВ

Воронин Ю. В.,
кандидат экономических наук,
заведующий Центром правового обеспечения
социально-экономических реформ
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ,
доцент кафедры трудового права
и права социального обеспечения
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный юрист Российской Федерации,
действительный государственный советник
Российской Федерации 1 класса

ПОСТОЯННЫЙ ПОСТОРОННИЙ УХОД: ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в качестве показателя в области социального обслуживания предусмотрено увеличение к 2030 г. численности граждан пожилого возраста и инвалидов, получающих *услуги долговременного ухода*, не менее чем до 500 тыс. человек из числа наиболее нуждающихся в таких услугах.

Данный показатель порождает целый ряд вопросов, ответов на которые у разработчиков показателя нет. Попробуем найти их сами силами науки и экспертного сообщества, поскольку нам еще только предстоит сформировать необходимое правовое регулирование, а также осуществить осмысление института ухода в социальном обеспечении.

Первый вопрос: **что такое «долговременный уход» и откуда взялся этот термин?**

Термин «долговременный уход» — это не что иное, как буквальный, не адаптированный к русскому языку, а уж тем более к русскому юридическому языку, перевод английского термина *long term care*. Нашей «болезнью» стало бездумное заимствование и внедрение в свой обиход англоязычных терминов. Вот и в данном случае в англо-русском словаре было взято первое попавшееся из нескольких вариантов перевода long term care наиболее распространенное его значение — «долговременный уход», при этом проигнорировано не столь распространенное, но наиболее точно подходящее к сути описываемого явления значение — «**постоянный уход**».

В чем суть различия этих значений? Характеристика «*долговременный*» означает всего лишь продолжительность времени, которая никак не влияет на

функциональное наполнение ухода (то есть акцент на сроке, который не имеет значения), а вот характеристика «*постоянный*» четко и ясно определяет существо именно этого ухода — это уход постоянный в смысле его **непрерывного характера** (то есть человека, нуждающегося в уходе, невозможно оставить без ухода ни на одну минуту). Без постороннего ухода нуждающийся в нем человек сам себя обслужить не может, поэтому уход имеет характеристику — постоянный. А срок (долгий, продолжительный), напротив, указывает лишь на его временный характер[1].

И это всё притом что в отечественном законодательстве о социальном обеспечении еще с советских времен применялся наш термин «постоянный уход», который соотносим с подлинным смыслом английского термина long term care. Так что, и переводить ничего было не надо. У нас во времена СССР всё это уже было. Но людям, которые вводили в российский обиход этот английский термин, причем в его неадаптированном переводе, казалось, что они являются первооткрыватели и несут нам «свет знаний». В 1990-е гг. такое было очень распространено на основе зарубежных переводов. Казалось, что мы с таким явлением покончили, но на самом деле еще далеко не покончили.

Проблема здесь не только в неточном термине, а в том, что, замышляя проект — отметим: очень нужный и давно ожидаемый нашими людьми — у его разработчиков отсутствовало четкое понимания следующих основных вопросов: что они хотели создать, для кого они хотели это создать и как они хотели это создать.

Второй вопрос: **почему речь идет об «услуге», а не о «государственной функции»?**

Намерение было благое, но профессионализм для его реализации отсутствовал. Тем более что Минтруд не захотел этим проектом заниматься сам, а фактически отдал его на аутсорсинг — перепоручил некоммерческой организации, у которой полностью отсутствовало понимание о том, какого именно ухода ждут от государства наши люди. В отсутствие четко плана действий («дорожной карты») некоммерческий оператор проекта решил его осуществлять через региональные пилоты по принципу Наполеона — главное ввязаться в бой, а потом уже по ходу разберемся с тем, как его вести. До сих пор не разобрались и «изобрели велосипед».

К сожалению, наши некоммерческие организации зачастую являются внешним декором для стоящих за ними коммерческих организаций. Таким образом, изначально был взят курс на монополизацию и коммерциализацию этой социальной функции, которую в логике социального обеспечения должно бесплатно для нуждающихся в ней людей осуществлять государство.

Подмена государственной функции по уходу на негосударственную услугу — это не столь безобидное действие, как это может показаться на поверхностный взгляд. Необходимо учитывать, что в 1990-е гг. глобалистские финансовые структуры (МВФ, ВБ, ОЭСР и др.), используя в тот период времени нашу зависимость от их кредитов, пытались навязать России не только свои целеполагания в области социального обеспечения (такие как минимизация социального обеспечения до задачи по борьбе с бедностью, а также приватизация государственной

[1] См. также об этом: *Антонова Н. В., Ерёмина О. Ю.* Постоянный посторонний уход: правовые вызовы // Социальное и пенсионное право. 2025. № 2. С. 23–33.

пенсионной системы[1]), но и внедрить в публичное право социального обеспечения различные частноправовые инструменты. Это проистекало из концепции «**сервисного государства**», принятой, к сожалению, «на вооружение» и у нас, согласно которой государство не функции, положенные ему, осуществляет, например, по социальному обслуживанию населения, а оказывает услуги, в том числе и на коммерческой основе. На это же работала и идея внедрения в социальное обеспечение так называемого «**государственно-частного партнерства**». А вообще, вся это игра в «услуги» была затеяна исключительно ради **коммерциализации социального обеспечения**, систему которого они оценили как слишком финансовозатратную, что в нашем современном финансовом мире считается недопустимым. Использование же НКО (якобы «социально ориентированных») на первом этапе таких проектов, как внедрение постоянного ухода, это путь к тому, чтобы сначала «застолбить» предоставление этой «услуги» за какой-то конкретной организацией, затем ее фактически монополизировать под предлогом, что в социальном обеспечении не может быть рыночной конкуренции (что правда), а потом уже через своих основных коммерческих партнеров осуществить ее приватизацию.

Мы не должны забывать о том, что социальное обеспечение — это **государственное обеспечение**, обеспечение для нуждающегося в нем человека **бесплатно** — за счет государственных средств. Иной подход будет отходом от наших цивилизационных ценностей, чего допустить нельзя.

Третий вопрос: **кто должен иметь право на постоянный уход?**

Сегодня этот вопрос четко не определен. Поразительно: проект реализуется уже несколько лет, но до сих пор нет понимания по ключевому вопросу — вопросу права. По моему глубокому убеждению, право на бесплатное для человека осуществление постоянного ухода за ним со стороны социального работника на первом этапе должны иметь лица, которым медико-социальная экспертная комиссия (МСЭК) установила **третью степень ограничения способности к самообслуживанию** (самую тяжелую — они полностью не могут себя сами никак обслужить).

Ни некоммерческий оператор проекта, ни региональный орган социальной защиты не могут определить право на уход. Это может сделать только МСЭК, признающая человека лицом, имеющим ограничения к самообслуживанию соответствующей степени (как минимум третьей степени, а возможно в пер-

---

[1] См. об этом: Пенсионные накопления в России: кризис ожидания или новые возможности : монография / Т. Я. Хабриева, Ю. В. Воронин, В. П. Емельянцев [и др.] ; отв. ред. Ю. В. Воронин, В. П. Емельянцев. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2017 ; *Воронин Ю. В.* Публично-частное регулирование отношений в сфере пенсионного обеспечения: мифы и реальность // Проблемы общей части права социального обеспечения : монография / под ред. Э. Г. Тучковой. М., 2017. С. 88–103 ; *Воронин Ю. В.* Частное в публичном, или Некоторые размышления о методологии научных исследований накопительного компонента пенсионной системы Российской Федерации в праве социального обеспечения // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 84–96 ; *Воронин Ю. В., Столяров А. В.* Трансформация накопительного элемента пенсионной системы Российской Федерации: в поисках концептуализации современной модели // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 94–111 ; *Воронин Ю. В., Столяров А. В., Угодников К. В.* Формы стимулирования частных пенсионных накоплений: тенденции и перспективы // Социальное и пенсионное право. 2021. № 3. С. 21–30.

спективе при наличии достаточных средств — и второй степени), на основании медицинских документов.

Четвертый вопрос: **что именно надо понимать под постоянным уходом?**

Постоянного (в смысле — непрерывного) ухода в настоящее время в российской системе социального обслуживания нет. До развала СССР постоянный уход осуществлялся только в стационарах социального обслуживания (домах-интернатах для престарелых и инвалидов), а также через патронатных сестер Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца.

Социальный работник — основной субъект осуществления социального обслуживания — оказывает помощь по дому, причем одновременно нескольким нуждающимся в этом людям, но такая помощь не является постоянным уходом. Для этого социальному работнику потребовались бы совсем иные профессиональные знания, навыки и умения, а также нормативы обслуживания, позволяющие обеспечить непрерывность ухода. Следовательно, существующую в стране систему социального обслуживания необходимо было достроить отсутствующим в ней «верхним этажом», который является наиболее сложным в организационном отношении и дорогим в финансовом отношении.

Однако оператором проекта были запущены ненужные «пилоты» в регионах, на них за несколько лет потрачены миллионы бюджетных рублей, причем без утвержденной Минтрудом концепции того, что с их помощью собирались создать. «Строители» системы постоянного ухода в результате отмеченных выше факторов, не понимая того, какой уход они хотят внедрить и для кого, вместо того, чтобы усовершенствовать существующую уже в стране систему социального обслуживания, начали создавать какую-то **параллельную систему оказания разнообразных социальных услуг** (кому чего нужно) — и по постоянному уходу, и по временной помощи, и по какой-либо поддержке, и по пригляду, присмотру, и по сопровождению, и т.п. — **неопределенному кругу лиц** на основании только одного их желания (без необходимых медицинских документов), чем обрекли важнейший проект постоянного ухода на неудачу.

Из предложенного мною определения круга лиц прямо вытекает и то, о каком уходе должна идти речь. Это не любая помощь и поддержка, а **посторонний уход (в его буквальном значении)** со стороны специального социального работника за нуждающимся в нем человеке, которым может быть и родственник этого человека, но не на общественных началах, а платно со стороны государства. Речь идет о кормлении человека, его мытье и санитарной обработке, включая борьбу с пролежнями, помощь в том, чтобы человек мог справить его естественные нужды, прием лекарств, измерение артериального давления и уровня сахара в крови, оказание элементарной медицинской помощи, осуществление уколов и других подобных медицинских манипуляций, вывоз на прогулку и т.п.

Лицо, осуществляющее постоянный уход, должно исполнять только и исключительно эту функцию, а иные функции по помощи в быту, не входящие в понятие личного ухода (уборка квартиры, покупка продуктов, приготовление пищи, осуществление коммунальных платежей и т.д.), по-прежнему могли бы осуществляться традиционным социальным работником (то есть у одного человека может быть одновременно несколько социальных работников с разными задачами).

Принципиально важно, что под постоянным уходом следует понимать социально-медицинский уход **по принципу 24/7, то есть круглосуточно, а не частично**.

В том проекте ухода, который осуществляется сейчас, ни о каком реальном постоянном уходе на самом деле речь не идет, поскольку услуга по «долговременному уходу» осуществляется в зависимости от группы нуждаемости, к которой оператором проекта отнесен тот или иной заявитель, либо 28 часов в неделю, либо 21 час в неделю, либо 14 часов в неделю. Из 168 потребных часов. Тем самым государственные средства распыляются, а поставленная задача не решается.

Пятый вопрос: **кого и по каким критериям необходимо относить к нуждающимся в уходе из числа лиц, имеющих на него право?**

Несмотря на то что установление МСЭК третьей степени ограничения способности к самообслуживанию предусмотрено нормативными правовыми актами, учет таких лиц в настоящее время отсутствует. Но эту цифру можно вычислить опытным путем. У нас численность инвалидов I группы составляет 1 млн 300 тыс. чел. В советские времена эту группу инвалидности устанавливали только тем, кто нуждался в постоянном уходе. Сейчас практика изменилась, но можно предположить, что при предлагаемом мною подходе право на такой уход будут иметь примерно 870 тыс. чел. Они все являются **нуждающимися в уходе** (отделять имеющих право на уход от нуждающихся в уходе абсурдно — раз имеешь право, значит нуждаешься, и, наоборот), но если сегодня на всех имеющих право нет достаточных средств, то тогда из числа нуждающихся в уходе надо выбрать **наиболее нуждающихся материально** и не имеющих трудоспособных родственников, на которых распространить постоянный уход в первоочередном порядке.

Вопрос шестой: **откуда взялась цифра в 500 тыс. чел. и почему отсутствует цифровой показатель для периода 2030–2036 гг.?**

Понятно, что сейчас в условиях СВО государство может выделить на цели ухода ограниченные средства, но в таких условиях целесообразно применять критерий материальной нуждаемости и одиночества. Лучше ввести на первом этапе полноценный постоянный уход для ограниченного числа людей, чем превращать постоянный уход в непостоянный, тем самым извращая его сущность.

Первые поручения о создании системы ухода были даны Президентом РФ еще в 2017 г. по инициативе Агентства стратегических инициатив, однако системы нет до сих пор. Оператор проекта отчитывается о 120 тыс. граждан, охваченных тем, что они называют «долговременным уходом». По данным Минтруда их 174 тыс. Однако в любом случае это «капля в море» относительно нуждающихся в постоянном уходе.

Таким образом, цифра в 500 тыс. человек взята разработчиками явно «с потолка», она просто примерно подогнана под сумму средств, которая выделена на эти цели. А «наиболее нуждающихся» оператор проекта определяет **случайным образом** из числа лиц, желающих получить помощь со стороны социального работника, которые оказались в числе первых обратившихся и, кроме того, уложились в объем выделенного финансирования. То есть по принципу: «кто первый встал — того и тапки». Ни о каком равноправии и ни о какой социальной справедливости здесь говорить не приходиться.

В силу этого обстоятельства в «майском указе» нет цифры до 2036 г., поскольку при существующем подходе ее невозможно рассчитать.

Вопрос седьмой: **каким мог бы быть источник финансирования постоянного ухода?**

Пока уход существует в статусе пилота его финансируют из средств федерального бюджета, притом что меры социального обслуживания, к числу которых

должен относиться уход, финансируются из бюджетов субъектов Российской Федерации. Согласно мировой практики источником финансирования постоянного ухода могут быть либо страховые взносы на обязательное социальное страхование, либо средства федерального бюджета (средств регионов на этот институт не хватит). Страховой источник возможен, но вряд ли в современных условиях власти пойдут на увеличения совокупной ставки страховых взносов. Их можно только перераспределить, но для этого необходимо передать какой-то из существующих видов социального страхования на бюджет (например, обязательное медицинское страхование, что давно предлагают сделать специалисты)[1].

Кроме того, предоставление ухода не «по праву», а «по усмотрению» (оператора проекта и органа социальной защиты), как это имеет место сейчас, само по себе отсекает возможность задействования страхового источника, поскольку в обязательном социальном страховании усмотрение недопустимо.

Поэтому с учетом всех обстоятельств федеральный бюджетный источник представляется наиболее реалистичным. Средства потребуются не только на оплату работы по осуществлению ухода, но и на создание инфраструктуры постоянного ухода на дому и в условиях стационара (как социального, так и медицинского), включая соответствующие учебные заведения для подготовки необходимых кадров.

Кожушко Л. А.,
директор Федерального методологического и методического центра развития сопровождаемого проживания инвалидов, ведущий научный сотрудник, ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р имени Г.А. Альбрехта Минтруда России

СОПРОВОЖДАЕМОЕ ПРОЖИВАНИЕ: СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Переход к правозащитной модели инвалидности на основе биопсихосоциального подхода привел к признанию равных прав и возможностей людей с инвалидностью. Правозащитная модель предполагает переход от проживания в закрытых специализированных интернатах к проживанию в домашних условиях. Для людей с тяжелой инвалидизирующей патологией, неспособных проживать самостоятельно, альтернативой стало внедрение сопровождаемого проживания.

Развитие нового направления в системе медико-социальной реабилитации инвалидов напрямую связано с совершенствованием уже существующей правовой базы и разработкой новых нормативных правовых актов (НПА). Данная

[1] См. об этом: *Воронин Ю. В., Гонтмахер Е. Ш., Сафонов А. Л.* Долгосрочная стратегия развития системы социального страхования в Российской Федерации // Новые организационно-правовые формы социального страхования : сборник статей / отв. ред. Ю. В. Воронин, Н. А. Поветкина. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2018. С. 39–60.

работа в нашей стране шла от нормативного[1] до законодательного закрепления данного понятия[2].

Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» рассматривает сопровождаемое проживание как комплекс мер, направленных на обеспечение проживания инвалидов в домашних условиях. К этим мерам относится предоставление инвалидам комплекса услуг: социальных, по реабилитации и абилитации, ассистивных, а также создание специальных условий для получения инвалидами образования и осуществления трудовой и иной занятости[3].

Для реализации положений закона утверждены подзаконные нормативные правовые акты: постановление Правительства РФ от 03.07.2024 № 910 «Об утверждении Правил организации сопровождаемого проживания инвалидов» и приказы Минтруда России, регулирующие вопросы определения нуждаемости инвалидов в сопровождаемом проживании (приказ № 606н)[4], организации сопровождаемой трудовой деятельности (приказ № 652н)[5] и социальной занятости инвалидов (приказ № 605н)[6]. А принятые в феврале 2025 г. методические рекомендации, дают пояснения по всем вопросам организации данной технологии[7].

Однако имеются и не отрегулированные вопросы: не утвержден перечень и объем услуг, востребованных инвалидами на сопровождаемом проживании, не определен порядок предоставления жилых помещений для этих целей, не полностью решены и другие вопросы, что требует дальнейшего совершенствования законодательства.

В то же время утверждение Критериев, позволило регионам единообразно оценивать нуждаемость инвалидов к сопровождаемому проживанию, с учетом имеющихся у них ограничений жизнедеятельности и нарушенных функций организма. По результатам анализа оценка нуждаемости по указанным критериям в 2024 г. проведена в отношении 1 416 человек (32,3 %). В зависимости от степени выраженности автономии, им был определен объем необходимых

---

1 Приказ Минтруда России от 14.12.2017 № 847 «Об утверждении методических рекомендаций по организации различных технологий сопровождаемого проживания инвалидов, в том числе такой технологии, как сопровождаемое совместное проживание малых групп инвалидов в отдельных жилых помещениях».

2 Федеральный закон от 28.04.2023 № 137-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3 Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

4 Приказ Минтруда России от 28.07.2023 № 606н «Об утверждении критериев, применяемых для установления нуждаемости инвалида в сопровождаемом проживании (с учетом ограничений жизнедеятельности и нарушенных функций организма), определения объема, периодичности и продолжительности предоставления услуг по сопровождаемому проживанию».

5 Приказ Минтруда России от 09.08.2023 № 652н «Об утверждении порядка организации сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов».

6 Приказ Минтруда России от 28.07.2023 № 605н «Об утверждении примерного порядка организации социальной занятости инвалидов».

7 Приказ Минтруда России от 25.02.2025 № 85 «Об утверждении методических рекомендаций по сопровождаемому проживанию инвалидов».

услуг по сопровождаемому проживанию, включающий тип периодичности предоставления таких услуг и их продолжительность в течение дня/недели.

С целью формирования единого подхода к определению перечня, стандарта и объема социальных услуг, предоставляемых при содействии жизнеустройству инвалидов, ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р имени Г.А. Альбрехта Минтруда России (далее — Центр) разработан примерный «Стандарт услуг сопровождаемого проживания», согласованный с общественными организациями[1]. Использование данного стандарта поможет органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в разработке регионального стандарта, что позволит индивидуально подойти к определению объема и периодичности предоставления услуг, востребованных инвалидом на сопровождаемом проживании и рассчитать их стоимость.

Для организации планомерной работы по внедрению и развитию данного направления в регионах Минтрудом России утвержден Межведомственный комплексный план («дорожная карта») по развитию сопровождаемого проживания инвалидов в субъектах Российской Федерации на период до 2026 года от 15.05.2024.

В соответствии с Дорожной картой идет формирование НПА в субъектах Российской Федерации с учетом региональных особенностей организации сопровождаемого проживания. Анализ региональных дорожных за 2024 г. показал, что в 78 субъектах Российской Федерации (87,6 %) утверждены НПА по организации сопровождаемого проживания и оценке нуждаемости инвалидов в данной форме жизнеустройства, еще в 9 регионах (10,1 %) разработаны их проекты, которые в настоящее время находятся на согласовании.

Финансовая поддержка регионов со стороны государства осуществляется в рамках Государственной Программы «Доступная среда»[2]. Предусмотрено федеральное софинансирование мероприятий, направленных на формирование системы сопровождаемого проживания, в том числе на оснащение организаций, реализующих данные практики реабилитационным оборудованием, мебелью, бытовой техникой, на подготовку кадров, обучение инвалидов и их семей реабилитационным навыкам и др. В настоящее время такую поддержку получили 72 субъекта РФ.

По результатам ежегодного Мониторинга, который проводится Центром с 2018 г., по состоянию на 31.12.2024, в 84 субъектах Российской Федерации (94,4 % от 89) ведется работа по организации сопровождаемого проживания (в 2018 г. было 34 региона). Численность инвалидов, получающих услуги в данной форме жизнеустройства составила 6 937 чел. (было 2 542 чел.). Из них большинство (5 198 чел.) получали услуги в рамках учебного сопровождаемого проживания. Трудоустроены были 510 человек, включены в социальную занятость 1 357 человек.

Изучение кадрового состава специалистов, обеспечивающих предоставление инвалидам услуг в рамках данной технологии, показало, что преимущественно

---

[1] Методические рекомендации «Примерный перечень услуг и мероприятий в рамках сопровождаемого проживания и методика их подбора и предоставления инвалидам». 2024 // URL: https://center-albreht.ru/ru/federalnyy_tsentr_soprovozhdaemogo_prozhivaniya/metodicheskie_materialy/.

[2] Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 363 (ред. от 14.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда».

были задействованы социальные работники (77,5 %), а также педагоги (6,5 %), психологи (6,5 %), ассистенты помощники (2,6 %) и другие специалисты (6,9 %). По результатам Мониторинга в настоящее время в этой сфере работает 2 696 специалистов, в том числе 2 359 человек в государственных учреждениях и 337 человек в негосударственных.

Анализ использования жилых помещений для целей сопровождаемого проживания показал, что используются жилые помещения различной формы собственности и различного назначения (выделенные в Жилищном кодексе РФ) в том числе: специализированного использования; социального использования, индивидуального использования и коммерческого использования.

По результатам мониторинга, общее число квартир группового сопровождаемого проживания в 2024 г. составило 204 квартиры, из них в отдельных жилых домах — 100 квартир, в многоквартирных жилых домах 104 квартиры, в том числе 20 квартир в помещениях специализированного или социального жилищного фонда.

Для формирования единого подхода к организации жилого пространства для инвалидов с различными нарушениями функций и ограничениям жизнедеятельности при групповом сопровождаемом проживании, Центром разработаны методические рекомендации по организации квартиры для группового сопровождаемого проживания инвалидов, на основе действующего законодательства, которые размещены на сайте Центра[1].

Качественное функционирование системы сопровождаемого проживания невозможно без осуществления контроля. Нами установлено, что контроль за деятельностью организаций социального обслуживания (государственных и НКО), предоставляющих услуги в рамках сопровождаемого проживания, осуществляется в рамках действующего федерального законодательства — ст. 5 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» и Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. По результатам, анализа материалов, представленных от ИОГВ 75 субъектов Российской Федерации, выявлено, что в 2023 г. в отношении большинства НКО (92,7 %) был осуществлен государственный региональный контроль и проведена независимая оценка качества предоставления услуг.

С целью формирования статистического инструментария для оценки состояния и динамики развития сопровождаемого проживания, социальной занятости и сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов в субъектах Российской Федерации, Центром разработан проект формы статистического наблюдения «Сведения о организации сопровождаемого проживания инвалидов 1-СП», которая была утверждена приказом Росстата[2]. Ее внедрение позволит в установленном законом порядке своевременно получать достоверные и полные сведения о развитии данной технологии в субъектах Российской Федерации.

---

[1] Методические рекомендации: по использованию жилищного фонда для организации сопровождаемого проживания инвалидов малыми группами. СПб., 2025. URL: https://center-albreht.ru/ru/federalnyy_tsentr_soprovozhdaemogo_prozhivaniya/metodicheskie_materialy/.

[2] Приказ Росстата от 07.02.2025 № 46 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 1-СП «Сведения об организации сопровождаемого проживания инвалидов» и указаний по ее заполнению».

Таким образом, в настоящее время идет поэтапное развитие сопровождаемого проживания в субъектах Российской Федерации: формируется нормативная и правовая база федерального и регионального уровня, увеличивается количество регионов, внедривших данную форму жизнеустройства инвалидов, растет численность инвалидов, получающих услуги сопровождаемого проживания, развивается инфраструктура, привлекается негосударственный сектор в предоставление инвалидам услуг, организован учет сведений в данной сфере.

Дальнейшее развитие технологий сопровождаемого проживания позволит инвалидам быть более независимыми и чувствовать себя равноправными членами нашего общества.

Заблоцкис Е. Ю.,
юрист региональной общественной
благотворительной организации
«Центр лечебной педагогики» (г. Москва),
член рабочей группы Минтруда России
по сопровождаемому проживанию инвалидов

СОПРОВОЖДАЕМОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНВАЛИДОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

С сентября 2023 г. вступили в силу изменения в Ф*едеральный закон* от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее — Закон)[1], регулирующие сопровождаемое проживание инвалидов. В статье сделан акцент на актуальных вопросах развития сопровождаемого проживания инвалидов.

1. Сопровождаемое проживание инвалидов направлено на обеспечение проживания инвалидов старше 18 лет, неспособных вести самостоятельный образ жизни, в домашних условиях путем предоставления в том числе социальных услуг в соответствии с законодательством о социальном обслуживании граждан (статья 9.1 Закона).

Термин «домашние условия» не определен и может толковаться неоднозначно.

Одной из задач стационарных организаций социального обслуживания, в которых граждане проживают в целях получения услуг по уходу, является обеспечение в этих организациях условий проживания, приближенных к домашним (п. 36 Правил организации деятельности организаций социального обслуживания, их структурных подразделений, утв. приказом Минтруда России от 24.11.2014 № 940н[2]). Еще в 2017 г. Минтруд России допустил организацию сопровождаемого проживания в жилых помещениях специализированного жилищного фонда системы социального обслуживания, к которым зачастую

[1] Федеральный закон от 28.04.2023 № 137-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3214.

[2] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. 04.03.2015, с изм. приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.03.2020 № 157н // URL: http://www.pravo.gov.ru. 23.04.2020.

относятся стационарные организации социального обслуживания[1] (Методические рекомендации по организации различных технологий сопровождаемого проживания инвалидов, в том числе такой технологии, как сопровождаемое совместное проживание малых групп инвалидов в отдельных жилых помещениях, утвержденные приказом Минтруда России от 14.12.2017 № 847[2], утратили силу с 1 марта 2025 г. в связи с изданием приказа Минтруда России от 25.02.2025 № 84). В настоящее время значительная часть поставщиков услуг сопровождаемого проживания — это стационарные организации социального обслуживания: дома-интернаты, психоневрологические интернаты[3].

Концепция развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 г. (раздел VII. Особенности организации комплексной реабилитации и абилитации, социализации и жизнеустройства ментальных инвалидов, распоряжение Правительства РФ от 18.12.2021 № 3711-р), предусматривает задачу по обеспечению права инвалидов выбирать место проживания без дискриминации, включая право проживать в домашних условиях при наличии такой возможности. Для этого инвалидам должно предоставляться сопровождение независимо от места их проживания — дома, в малой группе в квартире или жилом доме в обычной городской или сельской среде (сопровождаемое проживание малыми группами), в стационарной организации социального обслуживания и др.

В Методических рекомендациях по сопровождаемому проживанию инвалидов, утвержденных приказом Минтруда России от 25.02.2025 № 85 и вступивших в силу с 1 марта 2025 г. (далее — Методические рекомендации), впервые указано, что квартира для целей сопровождаемого проживания располагается в многоквартирном или одноквартирном жилом доме (п. 39), рекомендовано предоставлять социальные услуги по месту проживания инвалида в форме социального обслуживания на дому, обеспечивающие его проживание дома (п. 23).

Эти положения подтверждают, что законодатель рассматривает домашние условия как проживание в квартире жилого дома обычной городской или сельской среды, и исключают возможность называть сопровождаемым проживанием социальное обслуживание в стационарной форме с проживанием в стационарной организации социального обслуживания.

В то же время в Методических рекомендациях выделено учебное сопровождаемое проживание как вид сопровождаемого проживания, нацеленный на развитие у инвалида навыков самообслуживания и самостоятельного удовлетворения основных жизненных потребностей, на его подготовку к самостоятельному или к сопровождаемому проживанию, и реализуемый при проживании инвалида в

---

[1] Постановление Правительства РФ от 26.01.2006 № 42 (ред. от 18.07.2016) «Об утверждении Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений».

[2] Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2018. № 1.

[3] Например, перечни поставщиков услуг сопровождаемого проживания Кировской и Ленинградской областей: распоряжение Министерства социального развития Кировской области от 30.10.2024 № 101 «Об организации сопровождаемого проживания инвалидов в Кировской области», приказ Комитета по социальной защите населения Ленинградской области от 09.09.2024 № 04-58 «Об утверждении Порядка организации сопровождаемого проживания инвалидов в Ленинградской области».

условиях, приближенных к домашним, и в течение периода реализации учебной программы (п. 35). Указано, что учебное сопровождаемое проживание в отличие от сопровождаемого проживания (постоянного) может быть организовано как в учебных (тренировочных) квартирах в жилых помещениях жилищного фонда, так и в отдельных помещениях организаций социального обслуживания. Таким образом, в зданиях организаций социального обслуживания может быть организовано только учебное сопровождаемое проживание.

2. Параллельно с сопровождаемым проживанием инвалидов развивается долговременный уход.

Согласно приказу Минтруда России от 27.12.2024 № 732 долговременный уход **—** это ориентированный на граждан пожилого возраста и совершеннолетних инвалидов способ предоставления социальных услуг по уходу в форме социального обслуживания на дому. Предусмотрено, что гражданину бесплатно предоставляются социальные услуги в объеме до 28 часов в неделю (социальный пакет долговременного ухода), софинансируемые из федерального бюджета и бюджета субъекта РФ. Если гражданин нуждается в большем объеме услуг, и недостающий уход не обеспечивается, например, родственниками, рассматривается вопрос об устройстве в стационарную организацию социального обслуживания.

Федеральной гарантии бесплатного предоставления инвалидам сопровождаемого проживания не установлено, бесплатность услуг может быть определена субъектом РФ (статья 31 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»). Социальные услуги сопровождаемого проживания могут предоставляться в объеме от 4–28 часов в неделю до 24 часов ежедневно постоянно — для инвалидов, нуждающихся в постоянной посторонней помощи, уходе, присмотре (пункты 10, 11.4 Критериев, применяемых для установления нуждаемости инвалида в сопровождаемом проживании (с учетом ограничений жизнедеятельности и нарушенных функций организма), определения объема, периодичности и продолжительности предоставления услуг по сопровождаемому проживанию, утв. приказом Минтруда России от 28.07.2023 № 606н). Такой значительный объем услуг (ежедневно от 4 до 24 часов) рекомендован в групповой форме: при совместном проживании инвалидов, нуждающихся в сопровождаемом проживании, в одной квартире — не более 5–7 инвалидов в одной квартире или одноквартирном жилом доме, предназначенном для сопровождаемого проживания (п. 34 Методических рекомендаций).

Таким образом, сопровождаемое проживание и долговременный уход — виды помощи, направленные на поддержку проживания совершеннолетних инвалидов дома, но предполагают разный объем услуг и условия их предоставления. Инвалид вправе выбрать наиболее подходящий ему вид помощи.

В то же время справедлив вопрос: может ли инвалид, нуждающийся в уходе, получать бесплатно социальные услуги, входящие в социальный пакет долговременного ухода, при организации ему сопровождаемого проживания. Пока такая возможность не определена.

3. Право на сопровождаемое проживание имеют инвалиды старше 18 лет, неспособные вести самостоятельный образ жизни без помощи других лиц. Порядок определения нуждаемости в сопровождаемом проживании устанавливается субъектом РФ с учетом критериев, утвержденных приказом Минтруда России от 28.07.2023 № 606н (ст. 9.1 Закона).

Ряд субъектов РФ приняли нормативные правовые акты, в которых лишили права на сопровождаемое проживание целые группы инвалидов. Так, в Санкт-Петербурге сопровождаемое проживание может быть организовано только для дееспособных инвалидов, способных к самостоятельному образу жизни с регулярной помощью других лиц, а в случае, если требуется постоянное (круглосуточное) предоставление услуг по сопровождаемому проживанию, определяется нуждаемость инвалида в социальном обслуживании в иных формах социального обслуживания (распоряжение Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга от 28.12.2024 № 1519-р), в Ленинградской области сопровождаемое проживание организуется для дееспособных и ограниченных в дееспособности инвалидов (приказ Комитета по социальной защите Ленинградской области от 09.09.2024 № 04-56).

Такой подход отражает сложившуюся практику: государственные поставщики услуг, как правило, организуют учебное сопровождаемое проживание для инвалидов с высоким потенциалом вести в дальнейшем самостоятельный образ жизни. В то же время негосударственные поставщики активнее отвечают на запрос со стороны семей с инвалидами, которые скорее всего всю жизнь будут нуждаться в значительном сопровождении, и организуют сопровождаемое проживание в групповой форме для постоянного проживания[1].

Насколько объективно оправданно и обоснованно лишение права на сопровождаемое проживание групп инвалидов на уровне законодательства субъектов РФ — вопрос, который требует тщательного рассмотрения. Инвалиды, которые лишены права на уровне субъекта РФ (недееспособные, ограниченные в дееспособности, нуждающиеся в постоянном уходе), имеют право на социальное обслуживание в стационарной организации социального обслуживания — это им предлагается вместо сопровождаемого проживания, что предполагает расходы на их социальное обслуживание, которые соразмерны расходам на их сопровождаемое проживание[2]. Вопрос не в деньгах, а в отсутствии инфраструктуры сопровождаемого проживания, которая способна удовлетворить запрос общества.

Сопровождаемое проживание реализуется рядом поставщиков услуг порядка десяти-пятнадцати лет. Поставщики услуг принимают инвалидов, с которыми уже знакомы: инвалиды участвуют в проводимых поставщиком услуг мероприятиях, получают другие услуги, например, участвуют в социальной занятости, в учебном сопровождаемом проживании, и в процессе поставщик услуг оценивает потребности инвалида, особенности его здоровья, поведения, актуален ли вопрос подбора опекуна и как его можно решить, свои возможности обеспечить качественные услуги, в том числе с учетом организации сопровождаемого проживания в групповой форме, когда в одной квартире проживают несколько инвалидов с разными особенностями здоровья, поведения, потребностями.

В Методических рекомендациях указано, что критериями не являются недееспособность или ограничение дееспособности инвалида (п. 3), даны рекомен-

---

[1] *Пономаренко Г. Н., Кожушко Л. А., Рохманова М. В.* Сопровождаемое проживание как новая технология в комплексной реабилитации инвалидов // Профилактическая и клиническая медицина. 2024. № 3 (92). С. 83–91.

[2] Разработка финансово-экономической модели сопровождаемого проживания граждан с ментальной инвалидностью и ее сравнение с ПНИ». М. : НИУ ВШЭ, 2021.

дации по решению вопросов опеки и попечительства (п. 8, 19), в целях обеспечения безопасности и качества жизни инвалидов со значительно выраженными нарушениями рекомендовано включать в группу сопровождаемого проживания не более одного такого инвалида (п. 34), поставщик услуг сопровождаемого проживания должен оценивать возможность обеспечения инвалиду комфортных и безопасных условий сопровождаемого проживания с учетом особенностей состояния здоровья инвалида и его предпочтений, и при отсутствии подходящих инвалиду условий для организации сопровождаемого проживания или отсутствии свободных мест с согласия инвалида принимать решение о постановке его на очередь для получения услуг сопровождаемого проживания и направить в уполномоченную организацию для предоставления социального обслуживания в иной форме (п. 15 Методических рекомендаций).

Такой индивидуальный подход к возможности организации сопровождаемого проживания на текущем этапе развития сопровождаемого проживания представляется более рациональным и справедливым, чем лишение права групп инвалидов, и соответствует сложившейся практике.

Ногайлиева Ф. К.,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры трудового и социального права
Санкт-Петербургского государственного
университета

ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Выполнение государством обязательств социального обслуживания пожилых и инвалидов в институциональных формах в совокупности с коренными изменениями в практике семейного ухода создают значительную нагрузку на государственный бюджет и ставят под угрозу обеспечение достойного уровня жизни этих категорий нуждающихся. Это, в свою очередь, подразумевает необходимость переосмысления и новации подходов общества и государства к проблемам длительного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами. Возможность проживания в семье на поздних этапах жизни человека оказывается критически важной по причине нуждаемости в безопасности и стабильности, удовлетворении интересов и потребностей человека. В то же время вопросы приемной семьи для пожилых и инвалидов сходного системного урегулирования на федеральном уровне не получили, воплощаясь в поисках оптимальных форм на уровне субъектов РФ.

Обобщенная правовая модель приемной семьи, сформированная на уровне субъектов РФ, предполагает заключение трехстороннего договора между:

1) организацией, уполномоченной на это органами исполнительной власти соответствующего субъекта (государственным учреждением социального обслуживания населения, комплексным центром социального обслуживания и т.п.),
2) лицом, изъявившим желание организовать приемную семью,
3) лицом, нуждающимся в социальных услугах.

Определение приемной семьи в нормативных правовых актах субъектов РФ отличается вариативностью. Вместе с тем можно выделить устойчивую структуру определения, включающую в себя: Базовое определяющее понятие + Указание на принимаемых в приемную семью лиц + Ключевые признаки реализации + Указание на нуждающегося участника приемной семьи.

В качестве *базового определяющего понятия* в нормативных правовых актах указывается, как правило, форма оказания социальных услуг, социального обслуживания, социальной поддержки (оказания) социальной помощи, жизнеустройства. Некоторые правовые акты оперируют понятием «стационарнозамещающая технология».

Указание на *принимаемых в семью лиц* отличается меньшим разнообразием. В подавляющем большинстве случаев в качестве таковых указаны граждане пожилого возраста и инвалиды, в некоторых случаях принимаемые в семью лица определяются без указания на категорию инвалидов — исключительно как пожилые граждане. В единичных случаях принимаемые в семью лица определяются как «лица, находящиеся в трудной жизненной ситуации»; «гражданин, нуждающийся в социальном обслуживании»; «гражданин пожилого возраста, признанный нуждающимся в социальных услугах в стационарной форме социального обслуживания». *Ключевым признаком* реализации формы приемной семьи практически во всех случаях указывается совместное проживание и ведение совместного/общего хозяйства. В ряде определений также содержится указание на правовое основание возникновения приемной семьи в виде договора о приемной семье.

Категории *принимаемых в семью лиц* определяются посредством целого ряда критериев, набор и наполняемость которых варьируется в различных нормативных правовых актах, т.е. варьируется по субъектам федерации (критерии гражданства и дееспособности, возраста, инвалидности, места жительства (проживания), признания гражданина нуждающимся соответствующими органами власти, одиночества, несамостоятельности и нуждаемости в помощи, невозможности получения помощи от обязанных лиц, отсутствия медицинских противопоказаний. Категория принимаемых в семью лиц включает не только отдельных граждан, но семьи, понятие которых формулируется в нормативных правовых актах различным образом. Таким образом, принимаемые в семью лица могут включать отдельных граждан (мужчин и женщин), супружеские пары, семьи (совместно проживающих граждан); проживающих совместно в одном жилом помещении. Категория принимаемых в семью лиц определяется прежде всего через критерии возраста и наличия инвалидности. Обычно формулируется критерий гражданства и дееспособности лица (дееспособный гражданин). Тем не менее встречаются единичные указания на отсутствие значимости критерия дееспособности (дееспособный или недееспособный гражданин).

Критерий инвалидности формулируется единообразно, однако в единичных случаях — с применением возрастного критерия: инвалид (в том числе инвалид с детства); инвалиды первой и второй групп; инвалид (за исключением ребенка-инвалида); инвалиды старше 18 лет (в том числе инвалиды с детства); в возрасте 70 лет и старше с группой инвалидности. Также обязательно указываются критерии места жительства (проживания) на соответствующей территории, т.е. территории правового регулирования, одиночества (одиноко проживающий и т.п.), несамостоятельности и нуждаемости в помощи. Отнесение лица к катего-

рии нуждающегося связывается, как правило, с невозможностью получения им помощи родственников и иных лиц по объективным и уважительным причинам (родственники не могут обеспечить помощь или уход по причине продолжительной болезни (более месяца), инвалидности, пенсионного возраста, отдаленности проживания от нуждающегося в уходе гражданина, частых или продолжительных командировок и др.). Следует отметить, что среди перечисленных критериев в нормативных правовых актах субъектов крайне редко встречаются критерии признания гражданина нуждающимся соответствующими органами власти и отсутствия медицинских противопоказаний. *Правовой статус организатора приемной семьи* также достаточно урегулирован в законодательстве субъектов и имеет различные наименования (помощник; гражданин, оказывающий помощь; гражданин, осуществляющий уход; лицо, оказывающее социальные услуги; и т.п.). Требования к организаторам приемной семьи, создаваемой на основании трехстороннего договора, определяются посредством целого ряда критериев, набор и наполняемость которых варьируется в субъектах федерации. Наиболее часто используются критерии гражданства и дееспособности; возраста; места жительства (проживания); отсутствия судимости и уголовного преследования; отсутствия инвалидности; отсутствия медицинских противопоказаний по опасным заболеваниям. Некоторые из перечисленных критериев используются также применительно к лицам, совместно проживающим с организатором приемной семьи, в рамках процедуры оценки возможности создания приемной семьи (критерий отсутствия судимости и уголовного преследования; критерий отсутствия медицинских противопоказаний по опасным заболеваниям). Наиболее вариативным является критерий возраста организатора приемной семьи (его верхняя граница). Нижняя возрастная планка определяется достижением лицом совершеннолетия, верхняя — достижением возраста 60, 65, 70 лет или без границы. В ряде законов критерий возраста поставлен в зависимость от правового статуса организатора приемной семьи в отношениях по пенсионному обеспечению: создать приемную семью может гражданин, не достигший возраста, дающего право на страховую пенсию по старости в соответствии с Законом «О страховых пенсиях».

В правовых актах встречаются весьма *спорные критерии,* устанавливающие требования о наличии среднего общего образования; среднего профессионального образования; высшего профессионального образования; требования о прохождении профессиональной подготовки в образовательных учреждениях, соответствующей требованиям и характеру выполняемой работы.

Процедура создания приемной семьи имеет различную степень детализации в различных субъектах. Вместе с тем прослеживаются общие этапы и элементы данной процедуры.

Этап обращения в уполномоченную организацию лиц, заинтересованных в создании приемной семьи. Создание приемной семьи инициируется единственным субъектом этих отношений — лицом, желающим организовать приемную семью. Его волеизъявление должно иметь форму письменного заявления о создании приемной семьи. На этом этапе возникают спорные ситуации, связанные с квалификацией письменного заявления и правовых последствий его подачи для государственных органов.

Этап подачи документов заявителем. Перечень документов в правовых актах варьируется и ориентирован прежде всего на оценку соответствия фактических

обстоятельств установленным в субъектах федерации требованиям к созданию приемной семьи.

Этап принятия решения уполномоченной организацией. На данном этапе уполномоченная организация не позднее установленного срока со дня поступления документов проводит обследование социально-бытовых условий проживания лица, по месту жительства (пребывания) которого планируется создание приемной семьи, о чем составляется акт, проверяет поступившие документы. С учетом требований к созданию приемной семьи принимается решение о возможности/невозможности заключения договора о приемной семье. Подписанию договора предшествует, как правило, психологическая подготовка и встреча лиц, участвующих в приемной семье. Договор о создании приемной семьи заключается между уполномоченным органом и лицами, участвующими в приемной семье.

Существенными условиями договора о приемной семье являются перечень социальных услуг, оказываемых в приемной семье лицу, нуждающемуся в них, а также размер вознаграждения лица, организовавшего приемную семью. Вознаграждение лицу, организовавшему приемную семью, выплачивается в расчете за каждого принимаемого в семью гражданина и имеет существенные различия по субъектам.

В практике возникают споры о природе правового статуса лица, создавшего приемную семью, который суды разрешают, опираясь, в свою очередь, на то, как они определяют природу денежного вознаграждения этому лицу. Практически единодушным является вывод судов, что поскольку договор о создании приемной семьи имеет гражданско-правовой характер, то вознаграждение по нему — вознаграждение за выполнение работы или оказание услуги. Следовательно, лица, получающие такое вознаграждение, являются занятыми в категориях законодательства о занятости, а если они получают пенсию — то работающими пенсионерами в категориях пенсионного законодательства. При этом суды признают как основанную на неверном толковании правовых актов оценку природы денежного вознаграждения лицам, создавшим приемную семью, как мер их социальной поддержки.

В договоре о приемной семье могут быть указаны и иные условия. При заключении договора о приемной семье уполномоченным органом заполняется паспорт приемной семьи, содержащий основную информацию о членах приемной семьи, движимом и недвижимом имуществе лица, оказывающего социальные услуги, и лица, нуждающегося в социальных услугах, социально-бытовых условиях проживания семьи, проблемах семьи, сроках и методах их решения, способствующий контролю соблюдения интересов лица, принятого в семью. Повсеместно в субъектах РФ закрепляется обширный перечень требований к созданию приемной семьи. Данный перечень формулируется, как правило, посредством установления обязательных условий создания приемной семьи и формулирования обстоятельств, препятствующих ее созданию. Так, создание приемной семьи допускается с согласия органа опеки и попечительства. При этом максимальное количество подопечных в одной приемной семье, как правило, не должно быть более двух человек (в единичных случаях — не более трех, четырех и пяти человек). Обстоятельствами, препятствующими созданию приемной семьи, могут являться: отношения родства лиц, организующих приемную семью; их недееспособность или ограниченная дееспособность; их опасные

заболевания; судимость организатора приемной семьи за определенные виды преступлений; несоответствие требованиям к жилому помещению, предназначенному для проживания приемной семьи.

Отказ в создании приемной семьи для граждан пожилого возраста и инвалидов признается судами обоснованным в случаях, прямо указанных в региональных правовых актах. При этом региональные акты устанавливают перечень этих оснований как императивно исключающих создание приемной семьи, что не предполагает возможности их субъективной оценки при принятии решения об отказе в удовлетворении заявления о создании приемной семьи. Правовые акты субъектов обычно содержат указания, каким именно образом (какими документами) должно быть доказано отсутствие оснований, препятствующих созданию приемной семьи. Однако если такого указания в актах нет, суды руководствуются не только содержанием документов, но и иными доказательствами.

В актах субъектов предусматриваются меры, сопутствующие ее созданию, в частности, по выявлению и учету лиц, нуждающихся в приеме в семью, и лиц, желающих организовать приемную семью. В ряде субъектов РФ предусмотрен контроль за деятельностью приемной семьи и за деятельностью учреждений социального обслуживания по месту жительства (пребывания) приемной семьи. Учреждение проводит плановые и внеплановые проверки выполнения лицом, организовавшим приемную семью, условий договора о приемной семье, оценивая выполнение лицом, организовавшим приемную семью, его обязанностей.

На договор о создании приемной семьи распространяются требования статей 450–453 ГК РФ, в силу которых договор о создании приемной семьи может быть расторгнут по соглашению сторон, а также по требованию одной из сторон, но только при существенном нарушении договора другой стороной, а также в случаях, указанных в ГК, других законах и в самом договоре. Акты субъектов могут содержать указания на то, каким именно образом (какими документами) должно быть доказано отсутствие оснований, препятствующих созданию приемной семьи. Однако если такого указания в нормативных актах нет, суды руководствуются не только содержанием документов, но и иными доказательствами. Исходя из того, что договор о создании приемной семьи по содержанию и по ст. 779 ГК РФ является договором возмездного оказания услуг, суды считают возможным его расторжение в одностороннем порядке по правилам, установленным статьей 782 ГК, т.е. по инициативе заказчика, которым в данном случае является уполномоченный государственный орган (учреждение) при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Основанием одностороннего расторжения договора о создании приемной семьи по инициативе заказчика может быть неспособность исполнителя продолжать оказание социальных услуг.

Пигасов В. А.,
полковник в отставке, ветеран боевых действий,
председатель общественной комиссии
по социальной защите
Российского союза ветеранов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВЕТЕРАНОВ И ИНВАЛИДОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Инвалиды

В настоящий момент Российская Федерация проводит специальную военную операцию. В результате проведения данной операции у нас сейчас очень много инвалидов. Их численность исчисляется сотнями тысяч.

Остро встал вопрос нехватки протезов. Центров по изготовлению протезов мало, и они не способны покрыть всю необходимую потребность в протезах. Также не хватает специалистов по изготовлению протезов.

Цены на протезы очень высокие — от 5 до 8 млн руб. Сейчас инвалиду сделают и дадут протез. Протезы через несколько лет меняются. Где потом инвалид возьмет 5 млн руб. на новый протез? Протез — это сложный механизм. Для того чтобы научиться пользоваться протезом, научиться ходить на протезах необходимы реабилитационные центры. Реабилитационных центров очень мало и инструкторов, которые могли бы научить ходить и пользоваться протезом не хватает.

Также нельзя не сказать о том, что из-за бюрократических проволочек, неспособности должностных лиц решать вопросы, протезы могут получить не все.

Человек на войне стал инвалидом, и он ОБЯЗАН быть обеспечен протезом.

Ветераны

Начинается разделение ветеранов — ветераны СВО и все остальные ветераны боевых действий. Вторую группу ветеранов начинают усиленно забывать. Ветераны боевых действий — это люди, которые после 1945 г. и до СВО принимали участие в 50 вооруженных конфликтах и с оружием в руках защищали интересы страны и точно так же погибали и становились инвалидами. Забывать этих людей недопустимо.

Остро назрел вопрос социальной адаптации участников СВО. К каждому участнику СВО необходимо проявить заботу и внимание. Признание ветеранами боевых действий — это отдельный вопрос, который нельзя оставить без внимания. Не все военнослужащие, которые сейчас принимают участие в СВО, имеют право получить удостоверение ветерана боевых действий.

Части расположены на территориях Белгородской, Курской и Брянской областях и в полном объеме принимают участие в СВО. Личный состав, проходящий службу в этих частях и принимающий непосредственное участие в СВО, не может получить удостоверение ветерана боевых действий, т.к. эти три области определены как территории, на которых проводится контртеррористическая операция.

Я подготовил и отправил в Комитет ГД по обороне письмо, в котором говорилось о том, чтобы на законодательном уровне определить, что в этих трех областях проводится СВО. Результат — ноль.

Прошла информация, что военнослужащие, выполняющие задачи в Курской области, получат статус ветерана боевых действий.

По словам Председателя Государственной Думы В. В. Володина, «это вопрос поддержки наших солдат и офицеров, которые сегодня защищают нашу страну и граждан на линии боевого соприкосновения». Принять соответствующие изменения в законодательство ранее поручил Президент РФ В. В. Путин.

Необходимо обратить внимание на то, что не ГД приняла решение и внесла соответствующий законопроект, а Президент дал поручение. У нас ГД самостоятельно, к большому сожалению, не способна решать такие вопросы.

Если надо ввести какой-то налог на граждан, то тут ГД сразу и самостоятельно без дополнительных указаний принимает такие решения.

Как будут получать удостоверения ветеранов боевых действий добровольцы, ЧВК, люди с судимостями?

В Закон «О ветеранах» была введена формулировка «за содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы».

Как это понимать?

В окопе находятся два военнослужащих. Из них один «выполняет задачи», а второй «содействует в выполнении задач». Беспредел.

В Порядке выдачи удостоверений ветерана боевых действий, который определен приказом Министра обороны, говорится о «выполнении задач».

Люди с судимостями. Отдельно необходимо остановиться на этой категории. Сейчас все тюрьмы пустые, все на СВО и с тяжелыми статьями тоже. Как они будут и будут ли получать удостоверение ветерана боевых действий? Когда их отправляли туда — думали об этом?

СВО закончится. Они вернутся. Попробуйте не дать им то, что положено участнику СВО. Хотелось бы знать, чем это закончится?

Президент РФ неоднократно говорил о том, что ветераны Великой Отечественной войны уходят, необходимо повернуться лицом к ветеранам боевых действий.

Что мы имеем?

Есть Закон от 04.03.2002 № 21-ФЗ «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией».

Среди тех, кто получает дополнительное ежемесячное материальное обеспечение, есть такая категория, как «чемпион Олимпийских игр», и нет такой категории, как «ветеран боевых действий».

Оказывается, у чемпиона Олимпийских игр есть особые заслуги перед Родиной, а у ветерана боевых действий этих заслуг нет.

Но должен заметить, что если спортсмен не добежит или не допрыгнет, то стране от этого ничего не будет.

А если военнослужащий не выполнит боевую задачу, то это закончится жертвами, разрушениями и т.д.

А те выплаты, которые получает ветеран боевых действий — 4 500 руб. — это проявление элементарного неуважения.

Ветеран боевых действий должен быть почетен и уважаем, и это должно выражаться не только в денежных выплатах.

Т.к. речь идет о ветеранах, то необходимо сказать, что после 1945 г. ВС СССР и ВС РФ принимали участие в 50 вооруженных конфликтах и 4 национально-освободительных движениях. По состоянию на сегодняшний день признаны

ветеранами боевых действий только за Афганистан, Чечню, Таджикистан и вторую Сирию с 2014 г.

Как это понимать? Почему они не признаны ветеранами боевых действий?

Раз речь идет о правовых решениях в интересах ветеранов, то нельзя не остановится на такой категории ветеранов, как военный пенсионер, который является ветераном военной службы.

В пункте 1 ст. 2 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» сказано: «Военная служба — особый вид федеральной государственной службы».

Нет больше ни одной профессии, которая бы имела такую высокую оценку на законодательном уровне.

Военный пенсионер — это еще и ветеран государственной службы, но этот статус военного пенсионера полностью игнорируется.

В 2011 г. в Закон № 4468-1 (о пенсионном обеспечении военнослужащих) Государственной Думой в ст. 43 был введен пункт 2, на основании которого военные пенсионеры были лишены права получать пенсию в полном объеме.

Этот пункт противоречит п. 2 ст. 55 Конституции РФ, в котором сказано, что «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

Государственная Дума не хочет признавать это нарушение.

Ни в одной стране мира нет такого, чтобы военный пенсионер был лишен права получать пенсию в полном объеме. Только в Российской Федерации.

В заголовке сегодняшнего форума есть такая фраза «новое в социальном обслуживании». Так, новым должно стать то, что законы, которые принимаются в отношении ветеранов и инвалидов, выполнялись, а новые принимаемые законы защищали и поддерживали интересы ветеранов и инвалидов.

Без спортсмена страна проживет, а вот без военного, который защищает страну, обеспечивая ее территориальную целостность и неприкосновенность, НИКОГДА.

Президент РФ В. В. Путин объявил 2025 год Годом защитника Отечества.

Министр обороны РФ А. Р. Белоусов, выступая на расширенной коллегии Министерства обороны 16 декабря 2024 г. с участием Президента РФ, сказал: «Кардинально повысить престиж военной службы».

Это не просто фраза Министра обороны РФ, а задача государственной важности. Исходя из этого, каждый должен внести свой вклад в решение этой задачи.

Шахова Е. С.,
кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры финансового права,
конституционного,
административного и гражданского
судопроизводства
Юго-Западного государственного университета
(ЮЗГУ)

ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ УЧАСТНИКОВ И ВЕТЕРАНОВ СВО И ИХ СЕМЕЙ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

В конце прошлого века и начале текущего международная правовая система, находившаяся в переходной фазе после завершения холодной войны, оказалась в состоянии глобального кризиса. Эти потрясения вызвали радикальные изменения. Международное сообщество столкнулось как с прежними угрозами, но и новыми вызовами и рисками.

Мощным импульсом для развития многополярности мира, как нами уже отмечалось ранее, послужила специальная военная операция России (СВО), требующая от общества, от граждан повышенной и качественной отдачи[1].

В. Д. Зорькин справедливо замечал, что «Россия может существовать только как большая территория с сильным государством»[2]. В нынешнее время создана прямая угроза безопасности и целостности Российской Федерации, в том числе и путем вторжения и оккупации Курской области украинскими неонацистами.

Итак, центральным вопросом для Российской Федерации является национальная безопасность.

Преамбула Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 г., играет важную роль в формировании основополагающих принципов и ценностей, на которых строится российское государство. В ней отражены ключевые идеи, которые определяют не только правовую систему, но и социальные, культурные и моральные ориентиры общества.

Преемственность в контексте Конституции РФ подразумевает связь между историческими традициями, культурными ценностями и современными правовыми нормами. Преамбула подчеркивает, что Россия уважает свою историю, включая достижения и уроки прошлого. Это важно для формирования идентичности народа и его единства.

«…Чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость…».

Тема исторической памяти и ее утраты, часто выражаемая в фразе «Иваны, не помнящие родства», поднимает вопросы о значении культурных и исторических ценностей, о формировании национальной идентичности. Так, в России тра-

[1] *Шахова Е. С.* Проблемы реализации социальных прав участников специальной военной операции и членов их семей: меры государственной защиты и поддержки // Теория и практика применения и толкования в частном праве : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. СПб., 2025. С. 72–80.

[2] *Зорькин В. Д.* Лекции о праве и государстве. СПб. : Конституционный Суд, 2024. С. 49.

дицонно с большим уважением и поклонением относились к воинам, героям, освободителям.

В нынешнее время российские военнослужащие, добровольцы — участники СВО — воины света — ведут борьбу с украинскими неонацистами.

Социальное обслуживание участников и ветеранов СВО и их семей имеет актуальное значение и является важной задачей для государства и общества. Без сомнения социальная поддержка участников специальной военной операции и членов их семей — это не только важное направление развития правовой мысли и правовой действительности, но и вектор консолидации российского общества. Актуальной задачей выступает формирование благоприятных социальных трендов и установок, объединение всего российского общества в поддержку участников СВО и членов их семей[1].

В условиях современных вызовов, связанных с военными действиями, необходимо обеспечить комплексный подход к поддержке тех, кто отдал свои силы и здоровье на защиту Родины.

Основной задачей социального государства выступает цель — не оставить человека одного в трудной жизненной ситуации. Поэтому можно смело утверждать, что в праве социального обеспечения появилась новая уязвимая группа — субъект социальной защиты — участники, ветераны СВО и члены их семей.

Заострив полемически некоторые аспекты, отметим, что основной проблемой правовой регламентации социального обслуживания участников и ветеранов СВО и членов их семей, как и права социального обеспечения в целом, выступает несформированный понятийный аппарат, что приводит к путанице.

Согласно Федеральному закону от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) (далее — Закон № 442) социальное обслуживание — деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам. Социальная услуга — действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности.

Социальное обслуживание включает в себя систему мер, направленных на поддержку и помощь гражданам, нуждающимся в социальной защите. Это может включать в себя как социально-бытовые услуги, направленные на поддержание жизнедеятельности получателей социальных услуг в быту; социально-медицинские, направленные на поддержание и сохранение здоровья получателей социальных услуг путем организации ухода, оказания содействия в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения за получателями социальных услуг для выявления отклонений в состоянии их здоровья; социально-психологические, предусматривающие оказание помощи в коррекции психологического состояния получателей социальных услуг для адаптации в социальной среде, в том числе оказание психологической помощи анонимно с использованием телефона

[1] *Труфанова А. Ю.* Комплексная поддержка участников СВО и членов их семей: формирование благоприятных социальных трендов и установок // Молодежь и наука: шаг к успеху : сборник научных статей 7-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых. Курск, 2024. С. 376–379.

доверия; социально-педагогические, направленные на профилактику отклонений в поведении и развитии личности получателей социальных услуг, формирование у них позитивных интересов (в том числе в сфере досуга), организацию их досуга, оказание помощи семье в воспитании детей; социально-трудовые, направленные на оказание помощи в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией; социально-правовые, направленные на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг; услуги в целях повышения коммуникативного потенциала получателей социальных услуг.

Безусловной проблемой правовой регламентации социального обслуживания участников и ветеранов СВО и их семей выступает правовой вакуум. Решение принимается как ответ на вызовы, не всегда своевременно и адекватно.

Заострим внимание, что в ст. 15 Закона № 442-ФЗ, в которой названы основания признания гражданина, нуждающимся в социальном обслуживании, не содержится упоминаний об участниках и ветеранах СВО и их семьях. Думается, что это катастрофическое упущение.

В условиях участия супругов в СВО, для многих жен «помощь фронту» постепенно приобретает ключевое значение, выступая в качестве механизма поддержки как для самих супругов, так и для их сослуживцев. Волонтерская деятельность нередко становится приоритетной, что приводит к снижению внимания к семейным обязанностям и, как следствие, к недостаточному вниманию к детям.

Постоянная неопределенность относительно судьбы близких ввергает в состояние хронической тревожности, что существенно влияет на психоэмоциональное состояние женщин.

В условиях глубокого стресса некоторые женщины выбирают изоляцию вместе с детьми, избегая социальных взаимодействий на протяжении длительных периодов.

Наблюдается стремление женщин к непосредственному участию в поисковых операциях на поле боя, в случае гибели или ранения супруга.

Распространенность симптомов депрессии и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) среди этих женщин является значительной.

В силу очевидных обстоятельств, официальные данные о численности участников СВО в открытых источниках отсутствуют, поэтому исследуя меры государственной защиты и поддержки участников СВО и членов их семей, можно только предполагать масштаб нуждающихся в социальной поддержке лиц.

Информация об участниках СВО является закрытой, что не позволяет супругам военнослужащих самостоятельно помочь себе, например, создавать сообщества для поддержки друг друга в сложной ситуации.

Женщины активно занимаются поиском информации о своих близких в медицинских учреждениях, предпринимают все возможные меры по розыску супруга, если он пропал без вести.

Если военнослужащий не выходит на связь с родными и считается без вести пропавшим процесс горевания у супруги затрудняется, что препятствует началу полноценного переживания утраты. И женщина продолжает жить в режиме — ожидания весточки.

Все вышесказанное подчеркивает необходимость оказания социальных услуг для членов семей участников СВО, что требует внесения соответствующих изменений в Закон № 442-ФЗ.

Определенные сложности порождает тот факт, что супруги участников СВО не верят психологам, что затрудняет оказанием им психологической помощи.

Положительно следует оценить, что довольно много внимания уделяется вопросам социальной поддержки и защиты участников и ветеранов СВО и членов их семей[1].

При этом правовое регулирование такой помощи носит скорее фрагментарный характер, система комплексной защиты пока еще не создана в полной мере. Думается, что для организации всемерной помощи участникам СВО и членам их семей требуется унификация правового регулирования.

Основное внимание уделяется мерам материальной поддержки и различным выплатам, что, безусловно, является важным и необходимым аспектом, однако недостаточным для обеспечения полноценной жизнедеятельности.

Приоритетной задачей выступает предоставление качественной медицинской помощи и реабилитации для ветеранов СВО, включая психологическую поддержку, необходимую для успешной интеграции в мирную жизнь.

Особого внимания заслуживает вопрос социализации и взаимодействия с профессионалами в области психического здоровья — психологами, психотерапевтами и психиатрами — для участников СВО и членов их семей, с целью их адаптации после завершения военной службы и участия в боевых действиях.

В Российской Федерации психологическая помощь до сих пор воспринимается с определенной долей скептицизма, что, возможно, частично обусловлено отсутствием до настоящего времени законодательного акта «О психологической помощи» и неопределенностью статуса специалистов в данных помогающих профессиях.

Психологическая реабилитация, восстановление ментального здоровья не менее важно, чем восстановление физиологических функций организма. Немаловажно то, с каким набором антропологических характеристик человек оказался в зоне СВО.

Работа с психологами позволит избежать маргинализации ветеранов СВО. Психологическая поддержка также помогает выявить суицидальные наклонности, особенно у лиц, получивших увечья и травмы различного характера, тем самым снижая риск негативных последствий для их психического здоровья.

Последствия военных конфликтов неизменно оказывают мощное воздействие на жизненный путь человека. Статистические данные указывают на то, что каждый пятый участник боевых действий, не имеющий видимых физических травм, сталкивается с неврозами и психическими расстройствами, включая посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), вызванное пережитыми экстремальными событиями. Целью реабилитации является оказание помощи бывшим военнослужащим в преодолении последствий боевого стресса.

Сложившаяся ситуация, которая продолжается до сих пор, настолько неординарна и исключительна, что является мощным системным вызовом для всего государства и общества.

В заключение можно отметить следующее. Эффективное социальное обслуживание участников и ветеранов СВО и их семей требует интеграции различных

[1] Правовое регулирование социальной защиты участников специальной военной операции и членов их семей: методическое пособие / Р. Н. Жаворонков, О. Ю. Еремина, Д. А. Семянникова ; под ред. Р. Н. Жаворонкова. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025.

аспектов поддержки, включая материальную, медицинскую и психологическую помощь. Особое внимание должно быть уделено психологической реабилитации, которая играет ключевую роль в успешной адаптации к мирной жизни и предотвращении маргинализации.

Необходимы законодательные изменения, направленные на формализацию статуса специалистов в области психологической помощи и устранение негативных стереотипов, связанных с обращением за такой поддержкой.

Социальные услуги должны быть адаптированы к индивидуальным потребностям ветеранов СВО и их семей, учитывая их уникальные антропологические и психологические характеристики.

Эффективная реализация инновационных стратегий требует сотрудничества между различными профессиональными сообществами, включая медиков, психологов, социальных работников и законодателей.

Таким образом, внедрение инновационных стратегий социального обслуживания должно основываться на комплексном и индивидуализированном подходе, что позволит обеспечить устойчивую поддержку и улучшение качества жизни участников и ветеранов СВО и членов их семей.

Чхутиашвили Л. В.,
доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры управления и экономики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Социальное обслуживание как система мер, направленных на поддержку и защиту различных категорий населения, нуждающихся в помощи, играет ключевую роль в обеспечении социальной справедливости, стабильности и благополучия общества. Социальную работу от материальной поддержки до психологической реабилитации и адаптации людей в сложных жизненных ситуациях невозможно переоценить, особенно учитывая рост социальных проблем, связанных с экономическими трудностями, демографическим старением, увеличением числа инвалидов и других наиболее уязвимых членов общества страны.

Социальное обслуживание общества — деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам[1]. Всевозможные меры для поддержки граждан, находящимся в сложной жизненной ситуации. престарелых, инвалидов, детей-сирот и других принимает государство. Это могут быть пожилые граждане, инвалиды, многодетные семьи, дети-сироты, безработные и др., которым сложно самостоятельно справляться с жизненными трудностями.

[1] *Прядко Л. А., Сенников В. А.* Система социальной защиты населения В Российской Федерации // Омские социально-гуманитарные чтения — 2016 : материалы IX Международной научно-практической конференции. Министерство образования Омской области ; Омское отделение Российского общества социологов ; Омский государственный технический университет. 2016. С. 112–117.

Социальное обслуживание предоставляется решением органов соцзащиты в специализированных учреждениях, находящихся в их ве́дении, либо посредством договоров между этими органами и социальными службами иной формы собственности[1]. Учреждения, осуществляющие социальную защиту и помощь, включают: интернаты, дневные и ночные стационарные отделения, специализированные жилища для одиноко проживающих пожилых лиц, лечебницы и подразделения для пациентов с хроническими заболеваниями, различные типы больниц, региональные социальные центры, службы домашней поддержки и геронтологические комплексы.

В Российской Федерации на углубление и конкретизацию правового регулирования отношений в области социального обслуживания для различных категорий граждан направлены такие специальные законы, как Федеральные законы от «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»[2]; «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»[3], «О ветеранах»[4]. Социальное обслуживание государственными службами в Российской Федерации предоставляется бесплатно: 1) несовершеннолетним детям; 2) лицам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, вооруженных межнациональных (межэтнических) конфликтов. Другие категории граждан имеют право на бесплатное социальное обслуживание при условии, «если их среднедушевой доход ниже или равен предельной величине среднедушевого дохода для пре доставления социальных услуг бесплатно, установленной законом субъекта Российской Федерации»[5].

Кроме того, право на достойную жизнь, здоровье, образование и безопасность закреплено в международных документах и конституциях большинства стран. Социальное обслуживание обеспечивает каждому человеку возможность жить полноценной жизнью независимо от его социального статуса или физических возможностей. ООН, ВОЗ, ЮНЕСКО и ЕАЭС разрабатывают рекомендации и стандарты, направленные на улучшение качества жизни людей во всем мире. Международное сотрудничество позволяет обмениваться опытом и способствуют решению глобальных социальных проблем.

Среди принципов, наиболее четко выражающих основные тенденции развития национального законодательства в области социального обслуживания,

---

1 *Коршунова Н. Е.* Роль центра социального обслуживания в организации активного образа жизни пенсионеров // Инновации в гражданской авиации. 2018. Т. 3. № 2. С. 53–62.

2 Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

3 Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.

4 Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168.

5 Размер предельной величины среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно не может быть ниже полуторной величины прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ для основных социально-демографических групп населения. Порядок определения среднедушевого дохода, утв. постановлением Правительства РФ от 18.10.2014 № 1075 «Об утверждении Правил определения среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно» // СЗ РФ. 2014. № 43. Ст. 5910.

в которых выражается роль и значение социального обслуживания многие специалисты (А. Л. Благодир[1], П. Е. Морозов[2], С. И. Кобзева[3] и др.) выделяют:

— поддержка социально уязвимых слоев населения (питание, жилье, медицинское обслуживание, образование и психологическая поддержка);
— обеспечение социальной справедливости (снижение уровня бедности и повышение качества жизни наиболее уязвимых слоев населения);
— укрепление стабильности в обществе (уверенность в завтрашнем дне, снижение социальных конфликтов и напряжений);
— социальное обслуживание способствует росту производительности и уменьшению затрат государства на социальные выплаты (программы профессиональной переподготовки и трудоустройства);
— развитие человеческого капитала (образовательные программы, курсы повышения квалификации, консультирование по вопросам карьеры и профессионального роста);
— создание условий для социализации граждан (реабилитационные мероприятия для инвалидов; программы по борьбе с алкоголизмом, наркоманией, преступностью и насилием для молодежи и взрослых; физкультурно-оздоровительной программы, досуговые мероприятия, медицинские и бытовые услуги пожилым людям);
— поддержка семей с детьми (выплата пособий, предоставление льгот, организация детских садов и школ);
— адаптация мигрантов и беженцев (изучение русского языка, поиск работы, получение образования);
— развитие гражданской активности и солидарности (волонтерские движения, благотворительность, общественные организации укрепляют связи между гражданами и делает общество более сплоченным и устойчивым к внешним угрозам)[4].

Будучи инструментом государственной политики социальное обслуживание, на наш взгляд:

— обеспечивает выполнение государством социальных гарантий и поддерживает общественный порядок, устанавливая стандарты оказания услуг и контролирует их соблюдение;
— помогает гражданам получать льготы и пособия, решать бытовые и личные проблемы;
— просвещает население по вопросам здоровьем человека, экологии, безопасности и др.;
— способствует сохранению и развитию культурных традиций, поддерживая национальные праздники, фестивали, выставки и другие культурные мероприятия;

---

[1] *Благодир А. Л.* Социальное обслуживание в странах ЕАЭС: анализ отдельных положений законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11 (63). С. 142–151.

[2] *Морозов П. Е.* Право социального обеспечения (частноправовой аспект) : учебное пособие. М. : Русайн, 2024.

[3] *Кобзева С. И.* к вопросу о кодификации законодательства о социальном обеспечении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11 (63). С. 117–122.

[4] *Овчарова Л. Н., Синявская О. В., Бирюкова С. С., Горина Е. А., Нагерняк М. А., Пишняк А. И.* Социальная защита в России: развилки будущего // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 5–31.

— способствует укреплению социальной ответственности бизнеса;
— учит развивать взаимопонимание и сотрудничество граждан, толерантности и уважению в многонациональном и многоконфессиональном обществе;
— стимулирует внедрение новых технологий и подходов в работе с людьми (информационные системы, дистанционное обучение, телемедицина).

Таким образом, социальное обслуживание в современном обществе помогает защищать интересы наиболее уязвимых категорий населения, способствует социальной справедливости и стабильности, развивает человеческий потенциал и формирует толерантное отношение к различиям. Эффективная система социального обслуживания является залогом успешного функционирования государства и благополучия его граждан. Важно продолжать развивать эту сферу, используя новейшие технологии и подходы, чтобы сделать жизнь граждан качественной и комфортной.

Цифровая трансформация госуправления и формирование концепции электронного правительства (digital government), основанная на принципах ориентации на потребности граждан, многоформатного взаимодействия и приоритетности цифровых решений (digital by default)[1], значительно упрощают гражданам доступ к эффективному и качественному социальному обслуживанию[2].

Батусова Е. С.,
кандидат юридических наук,
доцент департамента публичного
права факультета права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (г. Москва)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ИНВАЛИДОВ В СТРАНАХ СНГ

В современных условиях в законодательстве стран СНГ о социальном обслуживании инвалидов можно констатировать наличие ряда актуальных тенденций, возникших на основании реализации положений таких модельных законов СНГ, как Модельный закон «Об основах социального обслуживания населения»[3] и Модельный закон «О социальной защите инвалидов»[4].

К этим тенденциям можно отнести:

1) тенденцию расширения правового статуса инвалидов в сфере социального обслуживания;

---

[1] *Малкин В. Ю.* Концепция социально-экономической эффективности и качества обслуживания населения на рынке единых государственных услуг // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 2-1. С. 37–44.

[2] *Чхутиашвили Л. В., Чхутиашвили Н. В.* Государственная роль в условиях рыночной экономики // Учет и контроль. 2024. № 7. С. 84–88.

[3] Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. № 29. 2002.

[4] Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2009. № 43. Принят на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 31-19 от 25.11.2008).

2) тенденцию оптимизации деятельности организаций, оказывающих социальные услуги инвалидам;
3) тенденцию развития социального предпринимательства в целях оказания социальных услуг инвалидам.

С 1 июля 2024 г. в Беларуси вступила в силу новая редакция Закона «О социальном обслуживании». Были внесены изменения в сфере социального обслуживания инвалидов в части системы долговременного ухода, дистанционного обслуживания, пересмотра норматива оказания услуг няни, транспортного обеспечения.

Была проведена работа по созданию механизма долговременного ухода для инвалидов с выраженными ограничениями способности к самостоятельному передвижению и обслуживанию.

Реабилитационные услуги можно получать дистанционно, т.е., например, кружки для детей — неходячих инвалидов проводят свою работу в форме дистанционной коммуникации.

Введен критерий количества детей инвалидов для определения нормы часов для возможности использования услуг няни — установлен норматив до 40 часов в неделю для семей с 2 и более детьми, имеющими статус инвалида.

Произведено расширение субъектного состава для бесплатного обеспечения перевозки автомобильным транспортом, а именно не только инвалидам 1 и 2 групп, но и пенсионерам с выраженными ограничениями функций по самообслуживанию и детям-инвалидам с 3 и 4 степенью утраты здоровья.

Интернаты для инвалидов в связи с дополнением перечня предоставляемых услуг по реабилитации, получению трудовых навыков, социализации посредством организации досуга поменяли свой профиль и были в связи с этим переведены в статус социальных пансионатов с 1 июля 2024 г. Таким образом, созданы условия для более полной реализации прав инвалидов на основе принципов государственной политики создания равных возможностей.

Для обеспечения соблюдения прав пожилых граждан и инвалидов введено лицензирование деятельности частных социальных пансионатах по оказанию социальных услуг с проживанием.

Обратимся к изучению новой редакции Кодекса Республики Казахстан от 20.04.2023 № 224-VII «Социальный кодекс Республики Казахстан[1], а именно главы закрепляющей основы правового регулирования предоставления специальных социальных услуг (глава 12). Предоставляющие специальные социальные услуги с 1 января 2025 г. стали вправе принимать участие в конкурсах на обеспечение такими услугами за счет государственного бюджета в соответствии с законодательством о государственных закупках.

Внедрен также электронный формат ведения регистров организаций, предоставляющих специальные социальные услуги, и регистр специалистов, оказывающих такие услуги. Сведения о них являются общедоступными при условии

[1] Кодекс Республики Казахстан от 20.04.2023 № 224-VII «Социальный кодекс Республики // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36492598&pos=2619;-28#pos=2619;-28&sdoc_params=text%3D%25D1%2583%25D1%2581%25D0%25BB%25D1%2583%25D0%25B3%25D0%25B8%2520%25D0%25B8%25D0%25BD%25D0%25B2%25D0%25B0%25D0%25BB%25D0%25B8%25D0%25B4%25D0%25B0%25D0%25BC%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D36492598%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 25.03.2025).

предоставления согласия организаций и специалистов. Правила формирования регистра организаций, предоставляющих специальные социальные услуги были пересмотрены и были внесены изменения в приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 06.06.2023 № 205 «Об утверждении Правил формирования в электронном виде на портале социальных услуг регистра организаций, предоставляющих специальные социальные услуги».

Представляется, что данный регистр должен быть общедоступен безусловно, без согласия, т.к. оказываемые ими услуги являются социально значимыми и лица (или их законные представители) находящиеся в ситуации нуждаемости в таких услугах должны иметь возможность получить информацию о организациях и обратиться за услугами без дополнительных затрат, например рядом с местом их проживания или пребывания, не тратя денег на транспорт.

Обратимся к последним изменениям в законодательстве Таджикистана о правовом регулировании социальных услуг. Государственные социальные службы вправе предоставлять бесплатные и платные услуги.

В феврале 2024 г. во исполнение Закона «О социальном обслуживании» был принят порядок, регулирующий предоставление платных социальных услуг на уровне постановления Правительства Республики[1].

Ответственным государственным органом в части разработки и обоснования размера оплаты за такого род услуги назначена Антимонопольная служба и Министерство здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан. Такой механизм разработки нацелен, в частности, на предотвращение коррупции.

Порядок устанавливает, что такие услуги не должны быть навязаны гражданам. При этом как граждане государства, так и иностранные граждане могут иметь право на получение платных услуг. Данные услуги имеют своей целью максимально удовлетворить потребность граждан в социальных услугах, расширить сферу обслуживания, повышения эффективности деятельности государственных социальных служб.

Порядок, в частности устанавливает три понятия: понятие государственной социальной службы, такой услуги, пользователей таких услуг. Сами услуги должны способствовать, в частности, профилактике повторения трудной жизненной ситуации при оказании помощи. Платные услуги не должны предоставляться субъектам, которым оказываются такие услуги бесплатно. Платные услуги должны состоять в перечне и оказываться в соответствии со стандартом социальных услуг, организации для их оказания должны иметь лицензию и аккредитацию. Таким образом, должно обеспечиваться равное качество услуг. Отдельным разделом утвержден порядок их организации.

Социальное предпринимательство в Республики Таджикистан урегулировано отдельным законом от 02.01.2025[2].

---

[1] Утвержден постановлением Правительства Республики Таджикистан от 27.02.2024 № 95. URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=147783 (дата обращения: 25.03.2025).

[2] Закон Республики Таджикистан «О социальном предпринимательстве». Принят постановлением МН МОРТ от 13.11.2024, № 1483. Одобрен постановлением ММ МОРТ от 27.12.2024, № 571. URL: https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=167162 (дата обращения: 25.03.2025).

В законе установлены социально уязвимые группы граждан: инвалиды и приравненные к ним физические лица, например, дети-инвалиды и их представители.

Данный закон ввел понятие «социальное предпринимательство», основным признаком которого является поддержка уязвимых слоев населения посредством поставки товаров или оказания услуг. Благодаря этому закону сфера социальных услуг станет быстрее развиваться.

Помимо понятия установлены условия, которым должно соответствовать такое предприятие. Таких условий всего три, но для того что бы быть признанным социальным предприятие должно соответствовать хотя бы одному критерию, а именно:

— не менее половины работников должны представлять социально уязвимые группы граждан и суммарно их оплата труда должна составлять не менее половины фонда оплаты труда организации;
— не менее половины годового дохода организация должна получать от социального направления своей деятельности;
— не менее половины полученной прибыли должно вкладываться в социальную сферу развития бизнеса[1].

Обратимся к Закону Республики Узбекистан «О социальных услугах для престарелых, лиц с инвалидностью и других социально уязвимых категорий населения»[2]. Он устанавливает, что социальные услуги должны быть нацелены на оказание услуг пенсионерам, инвалидам, иным уязвимым категориям.

В законе в 2022 г. проведена корректировка используемых терминов с «инвалид» на «лицо с инвалидностью» в формулировке цели закона и в установленном перечне социально уязвимых групп граждан. То есть «инвалиды I и II групп, дети-инвалиды» заменены на «лица с инвалидностью I и II групп, дети с инвалидностью».

Если инвалид это лицо со стойким расстройством функций организма, то лицо с инвалидностью это человек с значительными отклонениями от нормального развития. Таким образом, введены более мягкие понятия.

В перечне принципов оказания социальных услуг, например закреплена «профилактическая направленность», «добровольность» данные принципы соотносятся также с направленностью регулирования аналогичной сферы в законодательстве Узбекистана.

Принципы проекта влияют на закрепленные направления политики в этой сфере. Представляется, что политика по сохранению связей субъектов, получающих социальные услуги с семьей и обществом является направлением связанным с реализацией адресности и индивидуального подхода[3].

---

[1] Статья 17 Закона Республики Таджикистан «О социальном предпринимательстве».

[2] Закон Республики Узбекистан «О социальных услугах для престарелых, лиц с инвалидностью и других социально уязвимых категорий населения» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2016. № 52. Ст. 596 ; 2017. № 24. Ст. 487 ; Национальная база данных законодательства. 18.05.2022. № 03/22/770/0424. Принят Законодательной палатой 6 октября 2016 г. Одобрен Сенатом 12 октября 2016 г. URL: https://lex.uz/docs/3083194 (дата обращения: 25.03.2025).

[3] См.: ст. 3, 4 Закона Республики Узбекистан «О социальных услугах для престарелых, лиц с инвалидностью и других социально уязвимых категорий населения».

Таким образом, социальные услуги направлены на сохранение социальных ролей лиц несмотря на их состояние здоровья, что невозможно без индивидуального похода к оказанию социальных услуг, и социальному предпринимательству.

Шалберкина М. Н.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры конституционного и муниципального
права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ

В 2025 г. специальному Федеральному закону от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее — Закон № 181-ФЗ)[1], регулирующему обеспечение равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ[2] исполняется 30 лет. В настоящее время он действует в 73 редакции, поэтому допустимо вести рассуждения о тех изменениях его концептуальной основы, которые привели к формированию действующей модели социальной защиты инвалидов, имеющей не только достижения, но и недостатки в правовом регулировании.

Согласно официальным данным Росстата России по состоянию на 2024 г. численность лиц, признанных инвалидами, составляет 11 млн 123 тыс. человек[3]. Инвалиды относятся к социально уязвимой категории населения, они испытывают трудности при реализации прав, гарантированных Конституцией РФ.

Приведем примеры отдельных проблем правового регулирования отношений в области социальной защиты инвалидов.

Проблема разграничения полномочий

В соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ социальная защита и социальное обеспечение инвалидов находятся в совместном ве́дении Федерации и ее субъектов. Это вовсе не означает, что решение вопросов социальной защиты и социального обеспечения инвалидов переходит в плоскость совместных полномочий, поскольку они у органов публичной власти разные. Компетенция органов публичной власти Федерации и ее субъектов в исследуемой сфере конкретизируется в нормах федеральных законов.

---

1 Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. 06.10.2022.

3 Официальный сайт Росстата России. URL: https://rosstat.gov.ru/.

В 2004 г. в результате принятия Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ (далее — Закон № 122-ФЗ)[1] полномочия по социальной защите и социальному обеспечению инвалидов были перераспределены между Федерацией и ее субъектами, весьма витиевато. В статью 5 базового Закона № 181-ФЗ, определяющую полномочия органов государственной власти субъектов РФ, были внесены следующие изменения. Исключив термин «компетенция» применительно к органам государственной власти субъектов РФ, законодатель ограничился термином «участие», что не предполагает столь жестких обязательств по объему и качеству предоставления социальных услуг, как термины «организация», «создание», «управление». Таким образом, полномочия органов государственной власти субъектов РФ, регламентированные Законом № 181-ФЗ, существенно сузились. Но это лишь на первый взгляд. В соответствии со ст. 28.2 Закона № 181-ФЗ органам государственной власти субъектов Федерации переданы по полномочия по предоставлению мер социальной поддержки инвалидов по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и по обеспечению жильем инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, нуждающихся в улучшении жилищных условий, вставших на учет до 1 января 2005 г. В юридической литературе отмечалось, что Законом № 181-ФЗ не был определен порядок обеспечения жильем инвалидов, вставших на учет после 2005 г., что создало препятствия для реализации прав инвалидов на обеспечение доступным жильем[2]. В результате чего Верховный Суд РФ принял решение о том, что за регионами закреплено общее полномочие по социальной поддержке инвалидов, частью которого, по мнению Суда, является и обеспечение жильем[3].

В 2012 г. связи с ратификацией нашим государством Конвенции о правах инвалидов[4] Федеральным законом от 01.12.2014 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов»[5] были внесены очередные поправки в Закон № 181-ФЗ в части предоставления инвалидам дополнительных гарантий социальной защиты на всех уровнях публичной власти. Так, в соответствии со ст. 15 федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Федера-

---

[1] Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607

[2] *Киреева А. В.* Оптимизация расходных обязательств субъектов РФ в социальной сфере: возможности и перспективы // Административное право и процесс. 2018. № 6. С. 39–42.

[3] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1. 2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11.

[4] Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468.

[5] Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» // СЗ РФ. 2014. № 49 (ч. VI). Ст. 6928.

ции, органы местного самоуправления обеспечивают инвалидам условия для создания безбарьерной среды, к числу которой относятся беспрепятственный доступ к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, возможности самостоятельного передвижения по территории, на которой расположены объекты социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, надлежащее размещение оборудования и носителей информации, необходимых для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов и пр. Безусловно, что эти дополнительные полномочия легли новым бременем на органы государственной власти субъектов РФ.

К числу последних изменений Закона № 181-ФЗ в 2023 г. сто́ит отнести возложение на органы исполнительной власти субъектов РФ полномочий по реализации комплекса оптимальных для инвалида мероприятий и услуг по основным направлениям комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, предусмотренных индивидуальной программой реабилитации и абилитации инвалида, что определено положениями Федерального закона от 25.12.2023 № 651-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1].

Хотелось бы отметить, что общая норма из Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»[2] п. 24 ч. 2 ст. 26.3 определяющая полномочия органов государственной власти субъектов РФ по решению вопросов социальной поддержки и социального обслуживания инвалидов за счет средств субъектов РФ, благополучно перекочевала в действующее правовое регулирование, а именно в положения п. 49 ст. 44 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[3].

С авторской точки зрения использование обобщенных терминов «решение вопросов», расплывчатость подобных формулировок порождает организационные проблемы и проблемы правоприменения. Что негативно отражается на доступности для инвалидов отдельных видов социальных услуг.

Проблема юридической терминологии

Какая из исследуемых проблем является первичной рассуждать не приходится. Важно понимать, что инвалид — человек с особым правовым статусом и четкость юридической терминологии играет огромную роль в реализации гарантированных Конституцией РФ прав.

В научной литературе отмечается, что в настоящее время на конституционном уровне наряду с термином «социальная защита» в п. 7 ст. 75 Конституции РФ закрепляется один из элементов социальной защиты — адресная социальная

---

[1] Федеральный закон от 25.12.2023 № 651-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 32.

[2] Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005. (Утратил силу.)

[3] Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

поддержка граждан[1]. В юридической литературе имеется достаточное количество научных работ, посвященных исследованию правовой природы данных категорий и их соотношению[2]. Хотелось бы высказать некоторые соображения применимо к исследуемой категории граждан.

В федеральном законодательстве правовое определение «адресная социальная поддержка граждан» не содержится. Действующий Закон № 181-ФЗ апеллирует понятиями «социальная защита» и «меры социальной поддержки», «социальная помощь», «набор социальных услуг». Причем термин «социальная защита» является родовым по отношению к терминам «социальная поддержка», «социальная помощь». Анализ положений Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»[3] и тех правовых механизмов, которые сегодня активно развиваются, например, федеральный национальный проект «Социальное казначейство», рассчитанный на предоставление мер адресной социальной поддержки позволяют сказать, что «адресная социальная поддержка» и выше упоминаемые термины «социальная поддержка», «социальная помощь», «набор социальных услуг» не соотносятся как смежные понятия. С авторской точки зрения формы «социальная поддержка», «социальная помощь», «набор социальных услуг» должны предоставляться инвалидам, которые в случае их непредоставления **могут оказаться в трудной жизненной ситуации в силу своей беспомощности, ограниченности жизнедеятельности.** Когда как социальная защита в форме адресной социальной поддержки должна быть направлена в адрес нуждающихся **которые оказались в трудной жизненной ситуации по независящим от них причинам,** например, малоимущим, многодетным семьям и иным лицам с низким уровнем доходов[4]. Адресно может предоставляться ограниченное количество социальных услуг и ограничено оно временны́ми интервалами, с авторской точки зрения, на фоне отдельных оптимизационных процессов системы социального обеспечения не стоит по отношению к инвалидам принцип адресности ставить в число главенствующих, поскольку к этой категории граждан применяются иные подходы, предопределенные зависимостью от гарантий государственной защиты.

---

[1] Проблемы власти и управления: Ежегодник ЦИПТУС / гл. ред. А. Н. Чертков ; Министерство образования Московской области, Корпоративный университет развития образования, Центр исследований проблем территориального управления и самоуправления. М. : КУРО, 2024. С. 36.

[2] См., например: *Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А.* Принцип адресности социальной поддержки: содержание и особенности // Социальное и пенсионное право. 2020. № 4. С. 39–44 ; *Федорова М. Ю.* Конституционная терминология в праве социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2024. № 1. С. 4–9.

[3] Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

[4] Проблемы власти и управления : Ежегодник ЦИПТУС. С. 36.

Василенко Ю. Е.,
аспирант кафедры трудового,
экологического права и гражданского процесса
Юридического института
Алтайского государственного университета
(АлтГУ)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ТЕНЕВОЙ ЗАНЯТОСТЬЮ ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ВЕТЕРАНОВ И ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Теневая занятость продолжает оставаться серьезной проблемой на рынке труда, особенно в отношении социально уязвимых категорий, таких как ветераны и лица с ограниченными возможностями. Незаконные формы трудоустройства не только лишают работников социальных и трудовых гарантий, но и создают препятствия для их полноценной интеграции в общество.

О. В. Кучмаева справедливо отмечает, что масштабы и уровень инвалидности в мире и России продолжают расти, что, на первый взгляд, может показаться парадоксальным. Однако это связано с расширенными возможностями медицинских технологий, позволяющими сохранять жизнь и трудоспособность людей с тяжелыми заболеваниями, а также с возрастающим общественным осознанием ценности человеческой жизни и здоровья[1].

На сегодняшний день согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) (далее — Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в РФ»)[2], «инвалид — лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.

Ребенок-инвалид — инвалид в возрасте до 18 лет». Далее, ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в РФ» устанавливает, что «ограничение жизнедеятельности — полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью».

Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод о том, что законодательное определение инвалидности в Российской Федерации основывается на наличии стойкого расстройства функций организма, приводящего к ограничению жизнедеятельности. Важно, что ограничение жизнедеятельности охватывает не только медицинские аспекты, но и социальные факторы, затрагивающие способность человека к самообслуживанию, передвижению, обучению, труду

---

1 *Кучмаева О. В.* Занятость инвалидов в регионах России: состояние, дифференциация, факторы // Статистика и экономика. 2020. № 5. С. 28.

2 Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Российская газета. 1995. № 234.

и другим видам активности. Таким образом, правовое регулирование инвалидности направлено не только на медицинскую оценку состояния здоровья, но и на обеспечение социальной защиты лиц с ограниченными возможностями.

Помимо защиты прав инвалидов, российское законодательство уделяет особое внимание и другим социально уязвимым категориям граждан, включая ветеранов. Как и в случае с инвалидами, правовое регулирование статуса ветеранов направлено на обеспечение их социальной поддержки и гарантий, учитывая особые обстоятельства, связанные с их трудовой или военной деятельностью.

Правовой статус ветеранов регулируется Федеральным закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О ветеранах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) (далее — Федеральный закон «О ветеранах»)[1]. Данный Федеральный закон не устанавливает легальное определение понятие ветеранов. Вместе с тем согласно ст. 1 Федерального закона «О ветеранах» к ветеранам относятся: к ветеранам относятся:

1. Ветераны Великой Отечественной войны — лица, участвовавшие в боевых действиях в годы ВОВ, а также те, кто трудился в тылу.

2. Ветераны боевых действий — граждане, принимавшие участие в вооруженных конфликтах и боевых операциях, в том числе за пределами России.

3. Ветераны военной службы — граждане, проходившие военную службу в Вооруженных Силах СССР, РФ и других силовых структурах при наличии установленного стажа.

4. Ветераны труда — лица, имеющие трудовой стаж, достаточный для назначения пенсии, и награжденные государственными наградами или почетными званиями за трудовые заслуги.

Вместе с тем как инвалиды, так и ветераны являются социально уязвимыми категориями граждан, для которых важны гарантии трудовой занятости и стабильного дохода. Однако на практике они, как и многие другие группы работников, могут сталкиваться с проблемами нелегального трудоустройства, когда официальное оформление трудовых отношений подменяется гражданско-правовыми договорами или вовсе отсутствует.

В 2017 г. был подписан Указ Президента от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», который в пп. 19 п. 12 выделяет в числе прочих вызовов экономической безопасности теневую экономику. В свою очередь, М. В. Облаухова и С. П. Анофриков справедливо отмечают, что составной частью теневой экономики является неформальная занятость, в связи с чем теневые процессы на рынке труда необходимо также рассматривать в качестве угрозы экономической безопасности[2].

В свою очередь, последствия теневой занятости для ветеранов и лиц с ограниченными возможностями особенно ощутимы. Не сто́ит забывать, что при теневой занятости могу нарушаться многие гарантии и нормы трудового законодательства. В частности, требования охраны труда. В судебной практике существуют примеры, когда, сотрудник, работая «неофициально» становился

[1] Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (ред. от 13.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Российская газета. 2000. № 1.

[2] *Облаухова М. В., Анофриков С. П.* Теневые процессы на рынке труда как источник угроз экономической безопасности государства // Сибирская финансовая школа. 2021. № 3. С. 3.

инвалидом[1]. В отдельных случаях работодатели неофициальных сотрудников могут устанавливать режим рабочего времени с нарушением положений ч. 2 ст. 91 Трудового кодекса РФ, которая закрепляет норму продолжительности рабочего времени — не более 40 часов в неделю[2]. Так, по делу № 2-113/2024, рассмотренному Игринским районным судом Удмуртской Республики 26 февраля 2024 г., было установлено, что сотрудник, не оформленный надлежащим образом, фактически работал по графику «сутки через двое». Такой режим работы при отсутствии официального оформления трудовых отношений привел к нарушению его трудовых прав, поскольку суммарная продолжительность рабочего времени за учетный период превышала допустимую норму, установленную частью 2 ст. 91 ТК РФ[3].

Помимо этого, В. В. Невинский отмечает, что при теневой занятости сотрудник зачастую недополучает заработную плату. В частности, работодатель не оплачивают работу в выходные и праздничные дни, а также может устанавливать зарплату ниже минимального уровня и т.д.[4]

Не сто́ит забывать, что при теневой занятости работник в целом лишен возможности оформить больничный лист, что может быть особенно ощутимо для инвалидов и ветеранов, которые чаще нуждаются в медицинской помощи и социальной поддержке.

Ю. И. Богомолова отмечает, что начиная с 2014 г. доля неформально трудоустроенных инвалидов и ветеранов на рынке труда растет. Помимо этого, автор выделяет особую группу инвалидов пожилого возраста, которые, по мнению ученого, обладают менее высокими запросами к работодателю[5].

В такой ситуации многие ученые анализируют меры борьбы с теневой занятостью инвалидов и ветеранов. Так, Б. Д. Андикян отмечает, что в некоторых странах устанавливаются квоты на прием инвалидов на работу, а также предусмотрена ответственность за их невыполнение. Инвалиды должны составлять 6–8 % от общего числа работников в организации (например, в Германии, Франции, Чехии и других странах)[6].

Помимо этого, в качестве меры борьбы с теневой занятостью для инвалидов и ветеранов можно рассмотреть включение специального состава в ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[7] с

---

[1] Решение Апатитского городского суда (Мурманская область) от 09.07.2021 по делу № 2-731/2021 // sudact.ru. URL: https://clck.ru/3H5p4i (08.03.2025).

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. 07.04.2025) // Российская газета. 2001. № 256. Ст. 1752.

[3] Решение Игринского районного суда Удмуртской Республики от 26.02.2024 по делу № 2-113/2024 // sudact.ru. URL: https://clck.ru/3HAcFT (09.03.2025).

[4] *Невинский В. В.* Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (невзятый рубеж постсоветской истории) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 56–65.

[5] *Богомолова Ю. И.* Инвалиды на российском рынке труда: масштабы, проблемы, перспективы // Экономика труда. 2018. № 5 (3). С. 732.

[6] *Андикян Б. Д.* Особенности занятости и трудоустройства инвалидов // Человек. Общество. Инклюзия. 2012. № 3. С. 86.

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.03.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) // Российская газета.

более высокой суммой штрафов за неофициальное трудоустройство данных категорий граждан, что позволит более эффективно пресекать нарушение их прав и обеспечивать их социальные гарантии.

Таким образом, можно сделать вывод, что борьба с теневой занятостью в сфере трудоустройства ветеранов и лиц с ограниченными возможностями требует комплексного подхода, включающего усиление государственного контроля, внедрение эффективных правовых механизмов и повышение уровня информированности граждан. Легализация трудовых отношений способствует не только защите прав работников, но и формированию более справедливого рынка труда.

2001. № 256. Ст. 1.

МЕДИАБЕЗОПАСНОСТЬ И КОГНИТИВНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА: ВЫЗОВЫ ПРАВУ

Красинский В. В.,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
Института информационной
и медиабезопасности
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

АНАЛИЗ КРИПТОВАЛЮТНЫХ ТРАНЗАКЦИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

В связи с ростом уровня информатизации и цифровизации преступных сообществ, международных и межрегиональных наркогруппировок, внедрением распределенных механизмов финансирования и ресурсного обеспечения криминальной среды новым элементом финансирования организованной преступной деятельности, легализации преступных доходов стало повсеместное использование криптовалют.

Криминологическое значение и доказательная база находящихся в публичном доступе графов криптовалютных транзакций заключается в документировании преступной деятельности всех ее участников и их связей. Децентрализованная база блокчейна обеспечивает надежную и стабильную запись любых финансовых операций, в том числе подозрительных и криминальных, с использованием криптовалют[1].

Нужно признать, что анализ баз блокчейнов криптовалютных транзакций на современном этапе развития мониторинговых инструментов не позволяет сразу деанонимизировать участников преступной деятельности по распространенному набору параметров (Ф. И. О., криптокошелек, криптоадрес, номер мобильного телефона и др.). Вместе с тем качественная разметка кошельков и провайдеров виртуальных активов дает возможность направления запросов провайдерам, получения установочных данных и иной значимой информации в отношении фигурантов финансовых расследований.

---

[1] *Земцова С. И.* Криптовалюта в незаконном обороте наркотических средств: вопросы деанонимизации и ответственности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1. С. 54–62 ; *Судницын А. Б., Молоков В. В.* Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 213–221 ; *Рождественский С.* След в сети. Для чего нужен KYT и как он изменил крипторынок // РБК Крипто. 22.08.2022 (дата обращения: 04.01.2025) ; *Рождественский С.* Как деанонимизируют криптокошельки. URL: https://www.ixbt.com/live/crypto/kripta-snimaem-maski.html (дата обращения: 05.01.2025) ; *Красинский В. В., Норкина А. Н.* Криминологические исследования блокчейнов криптовалют в российской антиотмывочной системе // Современное право. 2024. № 8. С. 88–94.

Для выявления фигурантов строятся графы устойчивых связей, их финансовые транзакции, моделируются схемы (типологии) преступлений[1].

В Российской Федерации в деятельности субъектов оперативно-розыскной деятельности и органов предварительного расследования основным инструментом мониторинга криптовалют является цифровой сервис Росфинмониторинга «Прозрачный блокчейн». Данная программа в ноябре 2023 г. внесена в Российский и Евразийский Реестры программного обеспечения.

Государственный модуль Прозрачного блокчейна состоит из аналитических инструментов для мониторинга криптовалютных операций (транзакций), анализа финансовых потоков в криптовалюте и проведения расследований в сфере обращения криптовалют в целях ПОД/ФТ[2].

Программа решает следующие задачи:

— сбор информации и сведений об операциях с криптовалютами;
— выявление, анализ и учет активов лиц, осуществляющих операции с криптовалютой;
— проведение риск — мониторинга лиц, использующих операции с криптовалютой;
— проведение финансовых расследований по операциям, связанным с использованием криптовалюты;
— содействие выполнению требований ПОД/ФТ.

Учебный модуль Прозрачного блокчейна предназначен для обучения сотрудников государственных организаций и студентов высших учебных заведений Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ мониторингу операций с криптовалютами, анализу криптовалютных транзакций и проведению расследований в сфере обращения криптовалют[3].

Государственный модуль Прозрачного блокчейна позволяет правоохранительным и контрольно-надзорным органам осуществлять проверку подозрительных аккаунтов участников криптовалютной среды, цепочек криптовалютных транзакций и цифровых финансовых активов.

В отличие от бесплатных ресурсов (blockchain.com, blockchair.com, walletexplorer.com и др.), «Прозрачный блокчейн» позволяет проводить кластеризацию адресов, детализацию разметки, экспресс-оценку кошельков, устанавливать участников криптовалютных транзакций и рассчитывать риски[4].

В 2020–2022 гг. сервис прошел успешную апробацию в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков на площадке обслуживания криптовалютных

---

[1] См.: *Крылов Г. О., Лоскутов И. Н.* Криптовалюта — будущее без инфляции или новые проблемы ПОД/ФТ? // Сборник материалов междунар. научно-практ. конференции МСИ в сфере ПОД/ФТ. М., 2016. С. 144–156 ; *Лоскутов И. Н., Иванов В. К.* Технология блокчейн в сфере ПОД/ФТ // Вестник РАЕН. 2017. № 3. С. 41–48.

[2] Реестровая запись № 19900 от 13.11.2023 // URL: https://reestr.digital.gov.ru/reestr/1931211/?sphrase_id=4203922 (дата обращения: 21.03.2024).

[3] Реестровая запись № 19902 от 13.11.2023 // URL: https://reestr.digital.gov.ru/reestr/1931215/?sphrase_id=4203922 (дата обращения: 21.03.2024).

[4] *Красинский В. В.* Противодействие финансированию терроризма с использованием криптовалют // Современное право. 2022. № 9. С. 108–116.

транзакций в даркнете[1]. В настоящее время с использованием Прозрачного блокчейна расследовано уже свыше 1 тысячи уголовных дел.

В открытом доступе находится свыше 500 судебных решений по делам о преступлениях, связанных с использованием криптовалют. Большинство финансовых расследований проведено на платформе Прозрачного блокчейна.

Важное значение имеет пакетное сопоставление криптовалютных транзакций с фиатными деньгами, поскольку вывод в фиат является этапом легализации криминальных доходов и способом сокрытия финансовых следов преступлений.

В 2024 г. совместно с банками — членами Совета комплаенс Росфинмониторингом начат пилотный проект по разработке методологии цифрового комплаенса с использованием возможностей Прозрачного блокчейна.

29 февраля 2024 г. Банком России изданы Методические рекомендации по усилению контроля за операциями по банковским счетам «дропов» и переводами денежных средств, связанных с покупкой цифровых валют.

С использованием Прозрачного блокчейна выявлены международные расчетные цепочки по финансированию наркобизнеса, а также межрегиональные операции с преобладающим участием членов этнических ОПГ по конвертации криптовалюты, полученной от продажи наркотических средств через интернет-магазины.

Анализ трансграничных финансовых потоков указывает на значительную вовлеченность в криминальную деятельность, прежде всего в сфере незаконного оборота наркотиков, украинских криптопровайдеров[2].

Значительное число аккаунтов, относящихся к украинской криптовалютной индустрии и зарегистрированных в соответствующей юрисдикции, обслуживают теневую и криминальную финансовую деятельность. Ярким примером может служить украинский онлайн-обменник BTCBank (https://btcbank.com.ua). Данная финансовая площадка долгое время специализировалась на обеспечении крупнейших торговых площадок продажи наркотиков RAMP и HYDRA, транзите, обналичивании и легализации преступных доходов от сетевого бесконтактного сбыта наркотиков и психотропных веществ, а также геймблинга (задокументирована связь с 16 410 криминальными транзакциями).

Базы блокчейнов показывают 1 288 транзакций на 74,13 биткоинов из BTCBank на RAMP и 44 транзакции из RAMP в BTCBank на сумму 34,1 биткоина. Зафиксированы 3 022 транзакции объемом 23,9 биткоина из BTCBank на HYDRA, а также 220 транзакций из HYDRA в BTCBank на 51,6 биткоина. Из BTCBank на сервис онлайн-казино 999.Dice[3] перечислено 92,3 биткоина (3 922 транзакции). В свою очередь, на BTCBank переведено 93,7 биткоина (2 667 транзакций).

Аналогичная структура финансовых потоков характерна для украинских обменников CoCO-Pay (задокументирована связь с 5 216 криминальными транзак-

---

[1] Росфинмониторинг разработает систему слежения за сделками с криптовалютой / Tass.ru/ekonomika/9169821 (дата обращения: 23.01.2024) ; Эксперты оценили идею слежки за сделками с биткоинами / iz.ru/1046878/2020-08-11/eksperty-otcenili-ideiu-slezhki-za-sdelkami-s-bitcoinami (дата обращения: 23.01.2024).

[2] *Красинский В. В.* Применение микро- и макроанализа финансовых операций криптопровайдеров в целях противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма // Современное право. 2025. № 2. С. 107–111.

[3] Ресурс 999.Dice.com включен в реестр заблокированных сайтов ФНС России.

циями) и MINE.exchange. Графы криптовалютных транзакций показывают вывод с CoCO-Pay 35,9 биткоинов на HYDRA, а также вывод 9,62 биткоинов на Mega. На сервис онлайн-казино 1XBET[1] перечислено 12,22 биткоина.

С MINE.exchange можно отследить перечисления на HYDRA 3 209 биткоинов (119 919 транзакций). В свою очередь, с площадки HYDRA на MINE.exchange проведено 11 586 транзакций на 707 биткоинов.

Помимо украинской теневой финансовой инфраструктуры для целей отмывания денег используются и европейские провайдеры виртуальных услуг (в первую очередь зарегистрированные в Германии и Эстонии).

Так, судя по данным реестров транзакций, немецкий обменник Swapcoin.cc длительное время обслуживал криминальный маркетплейс Hydra. С использованием обменника оплачены криминальные товары и услуги Hydra на 124,7 биткоинов (9,5 тыс. операций). Одновременно обменник использовался как техническая площадка для вывода средств и легализации (на Swapcoin с Hydra проведено 7 877 операций на сумму 108,6 биткоинов). В дальнейшем часть средств выводилась с Hydra на финскую криптобиржу LocalBitcoins.

Через обменник 365cash (Эстония) переведено 985,79 биткоинов на даркнет-площадку Hydra (в реестре 15,3 тыс. транзакций). С Hydra выведено и обналичено через обменник 617,89 биткоинов (11 тыс. транзакций). Присутствует связь с криминальными адресами по 32,2 тыс. транзакциям.

Анализ финансовых операций свидетельствует, что криптообменники BTCBank, CoCO-Pay, Swapcoin, 365cash и MINE.exchange не осуществляют комплаенс-контроль соблюдения антиотмывочных норм и выступают технической обнальной и легализационной площадкой для организованной преступности.

Выводы:

В большинстве схем финансирования организованной преступной деятельности, наркобизнеса, легализации преступных доходов фиксируются многочисленные, не имеющие очевидного экономического смысла запутанные финансовые операции с длинными цепочками промежуточных транзакций.

Для выявления организаторов, бенефициаров, координаторов, спонсоров и пособников криминального рынка криптоуслуг нужен анализ финансовых механизмов и финансовых связей участников данных преступлений, макроанализ финансовых операций провайдеров услуг виртуальных активов.

Несмотря на действующие антиотмывочные стандарты, на Украине и в ряде стран ЕС (в первую очередь в Эстонии и Германии) отсутствуют надлежащие процедуры антиотмывочной аутентификации и контроля, криптопровайдеры участвуют в оказании (материальном обеспечении, поддержке) криминальных услуг и отмывании доходов, полученных преступным путем.

Вопросы отмывания денег, финансирования незаконного оборота наркотиков и их прекурсоров с помощью криптовалют, противоречащие обязательствам и национальным интересам Российской Федерации, необходимо рассматривать и широко освещать в рамках профильных международных мероприятий (семинаров, конференций, форумов, тренинговых мероприятий) с целью принятия мер реагирования и пресечения подобной деструктивной деятельности.

Для участия в судебных процессах с использованием современных информационных технологий, инновационных финансовых инструментов, криптовалют,

[1] Ресурс 1XBET включен в реестр заблокированных сайтов ФНС России.

сервисов децентрализованного финансирования целесообразно привлекать подготовленных судей или консультантов-экспертов, имеющих специальные познания в данных предметных областях.

Бессонов А. А.,
доктор юридических наук, доцент,
ректор Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК УГРОЗА МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ И КОГНИТИВНОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ ГОСУДАРСТВА

Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей.
Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»

Сегодня информационные технологии приобрели роль мощного инструмента влияния на индивидуальное и массовое сознание и бессознательное людей в силу того, что ими охвачено 66,2 % населения Земли при погруженности пользователей в виртуальное пространство в среднем от нескольких часов до практически всего времени бодрствования. Согласно отчету Global Digital 2024 уникальными пользователями мобильных устройств являются 69,4 % населения нашей планеты, а 62,3 % — постоянно пользуются социальными сетями[1]. При этом для многих пользователей Интернет играет роль главного источника информации, воспринимаемой без какого-либо критического отношения и как несомненно достоверной.

Современный ландшафт информационных угроз определяется не только стремительным и всеобъемлющим развитием информационных технологий, но также состоянием киберпреступности[2] и трансформацией мирового порядка. Причем исследователи выделяют до 70 информационных угроз и вызовов интересам и безопасности нашего государства, объединенных в 12 групп, из числа которых основными являются: технология искусственного интеллекта, квантовые технологии, сбор и аналитика пользовательских данных, зависимая инфраструктура, контролируемый контент и зависимые СМИ, информационная и когнитивная война[3]. В этой связи трудно не согласиться с тем, что защита от

[1] URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report (дата обращения: 01.05.2025).

[2] Под киберпреступлениями мы понимаем преступные деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

[3] *Дмитриев В. В.* Информационные угрозы и вызовы интересам и безопасности России в условиях современной трансформации мирового порядка // Вестник Академии военных наук. 2024. № 1 (86). С. 30–32.

этих угроз информационного пространства России выступает одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности[1].

Рассмотрим ключевые термины, имеющие принципиальное значение для рассматриваемой проблемы. Под информационными технологиями согласно статье 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» следует понимать процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов[2]. Более емкое определение информационных технологий приведено в ГОСТ Р ИСО/МЭК 38500-2017, где под ними понимаются ресурсы, используемые для получения, обработки, хранения и распространения информации[3].

Следовательно, информационные технологии — это процессы и методы работы с информацией во всем ее многообразии и необходимая для этого инфраструктура. Субъектами работы с этими технологиями выступают не только их производители, но и пользователи. При этом рассматриваемые технологии одновременно являются инструментом генерации информации и средством ее доставки до потребителя.

В определении понятия «медиабезопасность» мы солидарны с В. Д. Никишиным о том, что она представляет собой состояние защищенности ментально-когнитивного иммунитета населения от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, в том числе вовлечения в сообщества аутодеструктивной и гетероагрессивной направленности; пропаганды противоправного поведения и установок, противоречащих традиционным российским духовно-нравственным ценностям; фальсификации истории и политической пропаганды через распространение фейковой информации; распространения дискредитирующего и диффамационного контента (репутационная безопасность); манипулирования потребительской активностью (в том числе через агрессивный маркетинг) и т.д.[4]

Опираясь на данное В. Д. Никишиным определение[5] понятия «когнитивный суверенитет государства», мы всё же предложим понимать под ним обеспечение защиты проживающих на его территории людей от информационно-психологического воздействия извне, направленного на посягательство на его национальную безопасность.

---

[1] *Галяшина Е. И., Никишин В. Д.* Информационно-мировоззренческая безопасность и интернет-медиа : монография. М. : Блок-Принт, 2023. С. 4.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 № 303-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[3] ГОСТ Р ИСО/МЭК 38500-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Стратегическое управление ИТ в организации. М. : Стандартинформ, 2017. С. 3.

[4] *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (ч. 2) // Lex russica. 2024. Т. 77. № 12. С. 149–151.

[5] *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (ч. 1) // Lex russica. 2024. Т. 77. № 11. С. 151.

Поскольку одним из векторов информационных угроз выступает киберпреступность нельзя не сказать о имеющей место динамике стремительного роста количества составляющий ее структуру деяний. За последние 8 лет количество киберпреступлений в Российской Федерации увеличилось в 8,5 раз: с 90 587 в 2017 г. до 765 365 — в 2024 г. (рис. 1). При этом прослеживается тенденция рас-

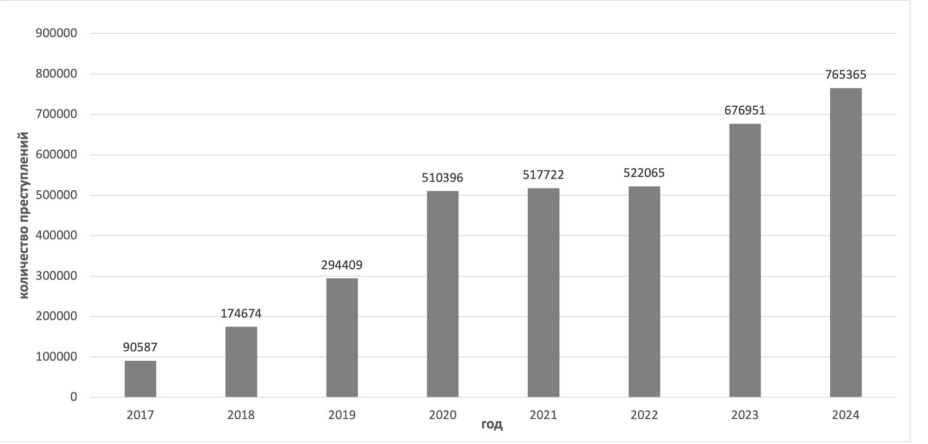

Рис. 1. Состояние киберпреступности в Российской Федерации

ширения видов преступлений, в механизм совершения которых интегрируются информационно-телекоммуникационные технологии. Сегодня с их использованием совершаются как преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, конституционных прав и свобод человека и гражданина, так и покушающиеся на российские традиционные духовно-нравственные ценности, составляющие основу мировоззрения русского человека. Причем в последние годы, особенно с момента начала специальной военной операции, набирают обороты криминальные деяния, целью которых выступает когнитивный суверенитет нашего государства (рис. 2).

Исходя из приведенных выше определений, анализа эмпирического материала о киберпреступлениях[1] и основываясь на ранее проведенных нами исследований сделаем первый вывод о том, что с целью нанесения вреда медиабезопасности и когнитивному суверенитету нашего государства манипуляция с информацией осуществляется в форме определенных психологических техник. Упомянем наиболее распространенные из них:

— рефрейминг — изменение контекста убеждений, ценностей, представлений у объекта воздействия;
— вставленные сообщения — в текст с одним содержанием включаются слова или фразы, в совокупности имеющие иное скрытое самостоятельное содер-

[1] Нами изучено 208 уголовных дел о 515 киберпреступлениях, совершенных 235 лицами, расследованных следственными органами 26 субъектов Российской Федерации и двумя следственными органами на транспорте за период 2022–2024 гг., а также различные аналитические материалы Следственного комитета Российской Федерации.

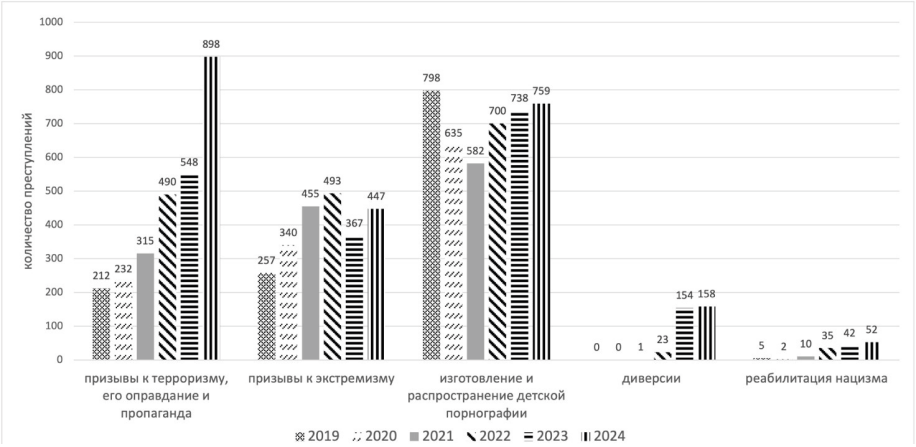

Рис. 2. Отдельные виды преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

жание, подсознательно влияющее на определенную аудиторию в силу его эмоциональной значимости;

— «Окно Овертона» — изменение в общественном мнении любой неприятной идеи до уровня нормы путем ее трансформации по схеме: «немыслимо — радикально — приемлемо — разумно — популярно (стандартно) и норма (легально)»;

— фейковизация — замена в медиапространстве достоверной информации на ложную или измененную либо создание полностью недостоверных информационных продуктов различной формы, в том числе с целью порождения псевдоценностей, формирующих искаженное мировоззрение;

— «эриксонианский гипноз» — использование слов и лингвистических структур для введения слушателя в состояние бóльшей чувствительности и восприимчивости, так называемый «транс», при котором его разум «входит внутрь себя» и позволяет наделять определенным значением те или иные концепты[1].

Второй вывод касается того, что изучение механизма киберпреступлений в первую очередь позволяет получить знания о технологии посягательства в целом на информационную безопасность государства, прежде всего с использованием современных информационных технологий. Такие знания необходимы для выявления механизма реализации угроз медиабезопасности и когнитивному суверенитету российского государства, разработки методов противодействия такой деструктивной деятельности и профилактических мер, направленных в будущее.

Практика использования преступниками для реализации своих криминальных замыслов технологии искусственного интеллекта выводит проблему обеспечения информационной безопасности на качественно новый уровень, а

[1] *Бессонов А. А.* Информационные технологии как угроза национальной безопасности и средство по ее обеспечению // Предварительное расследование. 2023. № 2 (14). С. 22 ; *Бессонов А. А.* Криминалистика на защите российских традиционных духовно-нравственных ценностей // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 1. С. 20–21.

активное развитие генеративного искусственного интеллекта позволяет вести речь о его экзистенциальной угрозе для человечества. В частности, последние исследования показали, что современные нейронные сети способны разрабатывать и воплощать в жизнь манипулятивные и обманные стратегии без участия человека, при обучении на намеренно искаженных данных начинают одобрять деструктивную идеологию и поведение («эмерджентное рассогласование»), при угрозе уничтожения создают свои резервные копии, по-прежнему демонстрируют эффект «галлюцинирования». Всё это обуславливает необходимость принятия со стороны государств и разработчиков этой технологии дополнительных мер по обеспечению ее безопасного использования для общества.

Бадалов А. О.,
аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

СОХРАНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОГНИТИВНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Цифровизация и ее влияние на все аспекты человеческой жизнедеятельности и государственного управления, порождаемые ей новые угрозы обществу, в последние годы справедливо подвергаются всестороннему научному осмыслению. Одним из его результатов следует считать концепции медиабезопасности и когнитивного суверенитета государства[1]. В своем содержании они выходят за пределы формально-догматического представления о праве и задачах правового регулирования, связываются с «защитой населения от деструктивной пропаганды и навязывания ценностей, чуждых российскому цивилизационному коду»[2]. Как можно заметить, категория «ценностей» занимает одно из ключевых мест в содержании понятия когнитивного суверенитета. В настоящее время ей уделяется много внимания государством и научным сообществом[3]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее — РФ), утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, используется понятие традиционных духовно-нравственных ценностей, подчеркивается необходимость их защиты (п. 11). Более конкретное воплощение данное направление государственной политики нашло в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (далее — Основы).

---

1 *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (ч. 1) // Lex russica. 2024. Т. 77. № 11. С. 147–149.

2 *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета... Ч. 1. С. 148–149.

3 См.: *Алексеенко А. П., Архипов В. В., Белов С. А., Кондуров В. Е.* Реализация традиционных российских духовно-нравственных ценностей в правовой системе // Правоведение. 2024. Т. 68. № 3. С. 332–359.

Ценности предстают структурным элементом комплексного понятия — социокультурной идентичности. Она является опорой когнитивного суверенитета, ее ориентиром, определяющим объект государственной защиты от враждебного когнитивного воздействия. В подобном смысле сохранение российской социокультурной идентичности становится одной из важнейших задач когнитивного суверенитета. Вместе с тем глубина содержания данного явления, к тому же рассматриваемого сквозь призму понятия правовой системы, порождает сложности при определении конкретных объектов и пределов его рационального сохранения, что детерминирует актуальность настоящего исследования.

Для начала сто́ит заметить, что наряду с социокультурной идентичностью в научной литературе и документах стратегического планирования обнаруживаются другие сходные понятия — российской цивилизационной идентичности[1] и общероссийской гражданской идентичности (п. 4 Основ). Перечисленные понятия предлагают различные уровни обобщения или конкретизации составляющих их ценностей, вместе с тем представляется, что можно утверждать об их сущностном синонимичном характере. При этом нельзя не заметить большую формальную близость социокультурной и цивилизационной идентичностей, что следует из представлений о цивилизации как социокультурной суперсистеме[2]. Социокультурная идентичность, как и прочие, предстает социально-психологическим восприятием основ российской государственности, поскольку связывается с категорией идентичности.

Данное понятие соотносится с «осознанием человеком своей принадлежности к какой-либо группе»[3], детерминированным его потребностью в упорядочивании собственного окружения. Оно давно известно мыслителям, однако, как справедливо замечается отдельными авторами, в социокультурном содержании было введено в научный оборот в связи с кризисным, переходным состоянием современного общества[4]. В основе процесса формирования всякой идентичности лежит сравнение. Его природу можно проследить на примере теорий социальной идентичности и самокатегоризации Г. Тэджфела и Дж. Тернера. По утверждению исследователей, формирование социальной идентичности проходит в три этапа: социальная категоризация (деление окружения на социальные группы), социальная идентификация (помещение себя в группу), социальная идентичность (отождествление себя с группой). При этом социальная самокатегоризация предполагает «фаворитизм» по отношению к «группе членства» путем постоянного поиска положительных отличий от иных групп, в том числе посредством обращения к стереотипам и предрассудкам[5].

Социокультурная идентичность, таким образом, предстает совокупностью культурных, языковых, ценностных установок, норм, правил и моделей поведения, принимаемых лицом, обеспечиваемых им конструирование собственно-

---

1 Основы российской государственности : учеб. пособие. М. : РАНХиГС, 2024. С. 195.

2 Основы российской государственности : учеб. пособие. С. 208.

3 *Жукова Е. Д., Гильмиянова Р. А.* Социокультурная идентичность: современные теоретические подходы // Педагогический журнал Башкортостана. 2024. № 1 (103). С. 133.

4 *Шакурова М. В.* Социокультурная идентичность личности: к определению понятия // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12. № 12. С. 59.

5 *Захарова О. В.* Социальная идентификация и социальная идентичность в изменяющемся обществе : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 44–46.

го «Я», отождествление себя с определенной культурной общностью. Поскольку человек как субъект права входит в структуру правовой системы, социокультурная идентичность правовой системы определяется социокультурной идентичностью индивида, которым она создается. При этом между идентичностями обнаруживается взаимная связь, потому что государство также выполняет функции важнейшего социального института, формирующего идеологическую политику, ориентации и ценности общества.

Собственно социокультурная идентичность правовой системы является частью совокупной российской социокультурной идентичности, которую также можно назвать цивилизационной идентичностью. Именно с понятием цивилизации как системы культурных ценностей общества первоочередно связывается социокультурная идентичность ввиду ее неюридического характера. Правовое преломление таковой обладает своими особенностями. Их также можно определенным образом обобщить, результатом чего следует назвать понятие правовых семей, выявляющее сходные формальные признаки социокультурной идентичности различных правовых систем.

Ввиду сложности категории правовой системы, включающей как средства правового регулирования, так и его результаты, ее социокультурная идентичность также оказывается многогранным понятием. Ей характеризуются управленческие, содержательные и технические особенности организации государства — специфика его источников и системы права, построения и разделения системы властей, организации государственного аппарата, правовых статусов его граждан и многое другое. Позитивное право, безусловно, отражает социокультурную идентичность правовой системы, однако не позволяет выявить ее конкретные очертания, поскольку все правовое регулирование в той или ной степени можно назвать воплощением таковой. Ее неким формализованным началом является Конституция РФ, которая дает представление о правовых основаниях социокультурной идентичности, однако она не исчерпывает ее содержания, в том числе позитивного.

Социокультурная идентичность правовой системы исторически изменчива, что предопределяет возможность существования дискуссии о необходимости ее сохранения. Современные угрозы ей преимущественно связываются с процессом цифровой трансформации — изменения основы организации общественных отношений и форм их протекания в связи с развитием и внедрение в сферы человеческой жизнедеятельности цифровых технологий. Она, в совокупности с глобализацией, обусловила современный кризис идентичностей, а также стала источником социокультурных угроз в смысле положений п. 9 Основ. Так, в литературе можно встретить подразделение современных вызовов отечественной государственности на геополитические, технологические и мировоззренческие[1]. В контексте права они, однако, приобретают особенное содержание. Угрозы социокультурной идентичности российской правовой системы в условиях цифровой трансформации можно подразделить на два основных типа: 1) юридико-технические и 2) содержательно-организационные.

Юридико-технические угрозы связаны с потенциальными возможностями искажения, умаления сформировавшейся юридической языковой традиции, отраслевого терминологического аппарата, а также правил юридической техники.

[1] Основы российской государственности : учебник. М. : Проспект, 2025. С. 337.

В перспективе они связываются с концепцией машиночитаемого права. Им предполагается изложение права в виде программного кода, который бы затем анализировался машиной в аналитических и правоприменительных целях. Между тем машина работает с унифицированным кодом, а потому для создания такого права потребуется приведение к единому знаменателю терминологического аппарата, отличающегося внутри правовых систем и отраслей права[1]. Более злободневной проблемой является заимствование зарубежного терминологического аппарата, которое происходит вслед за заимствованием технологий, а также в результате мировоззренческих установок и «модных» тенденций. Заимствование терминологии не всегда угрожает умалением социокультурной идентичности правовой системы, однако создает предпосылки для последующего заимствования смыслов.

Собственно содержательно-организационные угрозы связаны с возможностями искажения фундаментальных начал организации российской правовой системы, а потому представляют большую опасность. К их числу можно отнести: 1) избыточное специальное регулирование цифровых отношений — излишнее урегулирование новых цифровых явлений, в случаях, когда таковое не требуется ввиду достаточности традиционного механизма; 2) умаление значения юридической профессии — чрезмерное использование достижений цифровых технологий в правосудии, правоприменении и правотворчестве; 3) снижение роли закона в правовом регулировании в связи с его отставанием от развития общественных отношений — риск перехода инициативы в правовом регулировании частному сектору[2]; 4) технологическая дегуманизация — негативная трансформация ценностей права в связи с цифровой революцией[3]; 5) алгоритмизация и примитивная практикоориентированность права — негативные последствия трансформации юридических функций в ответ на технологическое развитие[4].

Как отмечалось ранее, социокультурная идентичность подвержена исторической трансформации — составляющие ее установки динамичны. Процесс их смены можно описать терминами «цикла правового развития»[5], «социокультурной травмы»[6]. Сказанное, впрочем, не означает отсутствия статического в содержании понятия социокультурной идентичности правовой системы, которое составляют: 1) нравственные ценности как аксиологический ориентир совершенствования[7]; 2) суверенные правовые традиции — сложившееся начала

---

[1] См.: *Понкин И. В.* Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 234–236.

[2] *Рыбаков О. Ю.* Правовая информационная культура в условиях цифровой трансформации общества и государства // Правосудие. 2024. Т. 6. № 3. С. 65.

[3] См.: *Рыбаков О. Ю.* Правовая информационная культура в условиях цифровой трансформации общества и государства. С. 64 ; *Лапаева В. В.* Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 4–35.

[4] *Рыбаков О. Ю.* Указ. соч. С. 66–68.

[5] Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ. Норма : Инфра-М, 2021. С. 199.

[6] *Дегтярев А. К.* Социокультурная травма в формировании российской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 27.

[7] *Корнев В. Н.* Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие. 2023. Т. 5. № 1. С. 13 ; Основы российской государственности : учеб. пособие. М. : РАНХиГС, 2024. С. 202.

организации российской правовой системы, исторически обеспечивавшие ее суверенное положение[1].

Статические начала социокультурной идентичности российской правовой системы определяют возможность включения в нее новых идентарных установок. Тем не менее сохранение социокультурной идентичности не означает ее консервацию в неизменном виде. «Историческая инерция», «бездумный консерватизм», «архаичная самобытность» столь же вредны и опасны для нее как «системы активной адаптации»[2]. Таким образом, сохранение социокультурной идентичности российской правовой системы в современных реалиях должно связываться с активным подходом, обеспечивающим баланс традиций и инноваций, построенном на началах: 1) поддержания приоритета законности над целесообразностью; 2) интеграции вспомогательных цифровых технологий в юридическую практику; 3) прогностического подхода к регулированию потенциальных вызовов идентичности; 4) создания необходимой базы для обеспечения защиты прав человека в условиях цифровой трансформации; 5) систематизации действующего законодательства с использованием цифровых технологий[3], 6) защиты системы традиционных духовно-нравственных ценностей.

Сохранение социокультурной идентичности в условиях цифровой трансформации предполагает сочетание правовых и технологических, а также социальных мер. Это осознается законодателем и правоприменителем, отражается в различных актах стратегического планирования и направлениях государственной политики (например, инициативе по борьбе с англицизмами). В то же время противодействие социокультурным угрозам не может осуществляться на формалистских началах, а укрепления социокультурной идентичности не добиться запретами и директивными указаниями — необходим гибкий и тонкий подход. Поскольку она связана с идентичностью отдельно взятого человека, успех ее сохранения слагается из эффективности работы государства во всех сферах, уважения и защиты им своих граждан, что позволило бы им легче самокатегоризоваться в рамках общей социокультурной идентичности.

---

[1] См.: *Корнев В. Н.* Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства.

[2] *Корнев В. Н.* Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства. С. 201, 202, 205, 206.

[3] *Синюков С. В.* К истории правотворчества как социальной системы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3 (127). С. 210.

Бакаева А. В.,
член Экспертного совета Комитета по делам национальностей Государственной Думы ФС РФ
bakaeva.anyuta@yandex.ru

Никишин В. Д.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, директор Института информационной и медиабезопасности, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

МЕХАНИЗМЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Фундаментальной основой обеспечения национальной безопасности любой развитой страны является защита прав и свобод человека и гражданина, а также защита таких жизненно важных интересов, как экономика, обороноспособность, конституционный строй.

Понятие «национальная безопасность» сочетает в себе и безопасность государства, и безопасность общества, и безопасность личности[1]. Под национальной безопасностью целесообразно понимать состояние защищенности указанных трех субъектов от внутренних и внешних угроз, позволяющее обеспечить достойный уровень жизни, а также защитить суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации.

Аналогичное по своей сути толкование можно встретить и в Стратегии национальной безопасности, которая является ключевым документом, описывающем приоритеты, цели и задачи, направленные на обеспечение национальной безопасности[2].

Нельзя не сказать о том, что в эпоху digital, когда вся жизнедеятельность общества и человека связана с использованием современных цифровых средств коммуникации, именно информация стала влиять на национальную безопасность. С одной стороны, в условиях участившихся кибератак, информация нуждается в усилении защиты, с другой стороны, в условиях информационных войн всё больше появляется информации, от которой нужно защищать интернет-пользователей для обеспечения их когнитивного иммунитета и суверенитета государства, охраны общественного порядка.

---

[1] *Беркетов Г. А., Микрюков А. А., Федосеев С. В.* Оптимизация системы обеспечения безопасности информации в автоматизированных информационных системах // Инновации на основе информационных и коммуникационных технологий. 2010. № 1. С. 331–334.

[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1&rangeSize=1 (дата обращения: 27.05.2025).

Всё чаще об угрозах в информационном пространстве говорит и Президент России Владимир Путин. Выступая на расширенной коллегии ФСБ в 2020 г., глава государства сказал следующее: «Все последние годы мы отмечаем рост угроз в сфере информационной безопасности. И на прошлогодней коллегии предметно говорили об участившихся случаях масштабных и скоординированных кибератак. Сейчас в ряде стран уже созданы специальные центры для проведения таких акций. Разрабатываются стратегии превентивного применения киберсредств», — заключил В. Путин[1].

В эпоху повсеместного использования гаджетов, ни для кого не станет секретом, что именно информация способна если не изменить, то оказать прямое влияние на ход истории. Примеров такого вмешательства масса: начиная от деятельности «Викиликс» до массовых акций протеста, прокатившихся по ряду стран, в том числе и России[2].

У любой войны всегда есть конкретная цель, не исключение и информационная война, которая хотя и обладает «бескровным» характером, но тем не менее является не менее жестокой и технологичной.

«Викиликс» — один из ярких примеров информационного оружия, созданный некими интересантами и ставящий своей задачей ограничить влияние мировых держав в информационном пространстве[3]. За период с 2006 по 2014 гг. Викиликс опубликовал более 77 тысяч секретных документов, связанных с деятельностью США в Афганистане, включающую личные переписки чиновников и дипломатов[4]. В октябре 2010 г. Викиликс опубликовал почти 400 000 документов под названием «Журнал войны в Ираке», охватывающий период с 2004 по 2009 г. и содержащий данные о гибели 15 000 человек из числа гражданского населения.

Можно с уверенностью утверждать, что одной из задач такого рода «слива» информации стала попытка подорвать доверие к руководству США. Отсюда, можно сделать вывод о том, что информационная война всегда ставит своей целью не только распространить информацию, но и сделать так, чтобы она повлияла на общественное мнение или сформировала новое, некую иллюзию социальной реальности, которая будет выгодна интересанту.

К методам ведения информационной войны можно отнести следующее: информационные атаки, фишинговые атаки, дезинформация, боты и некоторые другие, которые в целом можно отнести к техническим.

Тем не менее подчеркнем, что в глобальной повестке всё большее внимание уделяется именно психологическому аспекту информационной войны, а именно такой ее составляющей, как манипуляция сознанием через мифологизацию образа врага.

---

[1] Владимир Путин: Мощность информационного оружия будет только возрастать // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/02/20/vladimir-putin-moshchnost-informacionnogo-oruzhiia-budet-tolko-vozrastat.html (27.05.2025).

[2] *Цибуля А. Н., Гордин В. А.* К вопросу о состоянии информационной безопасности государства в условиях современных вызовов и угроз // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 20–24.

[3] *Цибуля А. Н., Гордин В. А.* К вопросу о состоянии информационной безопасности государства в условиях современных вызовов и угроз.

[4] *Цибуля А. Н., Гордин В. А.* К вопросу о состоянии информационной безопасности государства в условиях современных вызовов и угроз.

Британский писатель Артур Понсонби в своей книге о военной пропаганде писал: «Не обязательно заставлять ненавидеть весь народ. Надо персонифицировать образ врага, показать своему населению, что глава, руководитель «других» — это душевнобольной, свихнувшийся, продажный человек»[1].

Можно сказать, что это утверждение используется как посыл к действию и сегодня, достаточно посмотреть на то, как оппозицией демонизируется образ руководства страны, как власть противопоставляется населению, а лидер предполагаемой революции всегда играет роль «жертвы режима».

Мифологизация врага как метод информационно-психологического воздействия, на протяжении последних лет всё чаще стал использоваться против России и включает в себя две составляющие: демонизация и дегуманизация.

Ни для кого не секрет, что Россия демонизирована, она представлена как «угроза миру», агрессивная держава, нападающая на соседей. В таком контексте Россия напрочь потеряла человеческое лицо и получила ярлык «агрессора» во главе с лидером «тираном». Это и есть пример демонизации — одного из самых ярких методов мифологизации. Другими словами, демонизация — это наделение кого-либо или чего-либо качествами демона.

Существует и другой пример, это — дегуманизация. Простыми словами, обесчеловечивание[2].

Дегуманизированный субъект становится объектом воздействия и требует уничтожения как создающий всеобщую опасность. В этой связи можно в качестве примера вспомнить ряд деятелей, которые были переведены в ранг в «плохих» при помощи западной пропаганды: С. Милошевич, С. Хусейн, М. Каддафи, Ф. Кастро и др.

Здесь уместно вспомнить сюжет новостной телепрограммы канала Fox News, когда американцам рассказали о том, что что Саддам Хусейн больше всего на свете любит «принимать душ, омываясь кровью своих жертв»[3].

Можно привести и еще один довольно яркий пример применения метода демонизации, который был умело использован западными пиарщиками. Речь идет о высказывании Дж. Байдена о В. Путине.

Вспоминая свой визит к Президенту России, который тогда возглавлял Правительство России, Байден поделился, что сказал Путину: «Мистер премьер-министр, я смотрю вам в глаза и не думаю, что у вас есть душа»[4].

Конечно же, после того, как новость разлетелась по миру, западная пресса мгновенно построит умозаключение: раз В. Путин такой, а бóльшая часть населения поддерживает его на посту Президента и считает лидером, значит, они «такие же». Прямой вывод, следующий из силлогизма простой: у русских нет души, а значит, они не гуманны. После этого, вся нация объявляется врагом для США и «всего цивилизованного мира».

---

1 *Artur Ponsoby.* Falsehood in war-time. London, 1928.

2 Энциклопедический словарь // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/107919/дегуманизация (дата обращения: 27.05.2025).

3 Сороченко В. А. Принципы военной пропаганды // URL: https://psyfactor.org/propaganda3.htm (дата обращения: 27.05.2025).

4 The Biden Agenda // URL: https://www.newyorker.com/magazine/2014/07/28/biden-agenda (дата обращения: 27.05.2025).

Далее, все внутренние проблемы, происходящие в США, например, расовые столкновения, происходящие на почве недовольства общества социально-политической обстановкой, будут перекладываться на общего врага американской нации — В. Путина и россиян. Такая демонизация Президента России вызывает согласие жителей Америки с необходимостью принимать дополнительные меры против якобы опасного врага.

Именно поэтому в 2021 г. Дж. Байденом была высказана необходимость увеличения военных затрат с таким опасным противником, как «Путинская Россия», и это не вызвало резонанса в обществе.

Простыми словами, описанный механизм как раз является примером того, как враг был мифологизирован путем дегуманизации, а затем демонизации личности, а в дальнейшем это было экстраполировано на возглавляемое им государство. Всё это представляет собой наглядный пример психологической операции, направленной на манипулирование общественным сознанием.

Одной из угроз в сфере информационной безопасности стал так называемый информационный терроризм, который представляет собой осуществление насильственных действий в отношении конкретной цели в информационном пространстве. Информационный терроризм или терроризм в информационном пространстве — это «использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в террористических целях»[1].

Нужно признать, что общепринятого определения понятия «терроризм в информационном пространстве» или «информационный терроризм» не существует. Сто́ит согласиться с мнением исследователя Е. В. Старостиной: «…терроризм давно уже стал международным, или транснациональным преступлением, то и кибертерроризм (в литературе его еще называют «информационный терроризм», «компьютерный терроризм», «высокотехнологичный терроризм») уже вышел на мировую арену в качестве особенно опасного явления, поэтому к нему часто добавляется определение «международный»[2].

Оружием против информационного терроризма может стать только знание. В это слово мы включаем и понимание процессов, происходящих в мире и умение анализировать, изучать технологии управления информацией, а самое главное, уметь критически мыслить.

Важно понимать, что психологическая самооборона — это умение работать с поступающей информацией.

На государство сегодня возложена важная задача: обеспечить население, прежде всего молодежь, знаниями, в том числе навыками психологической самообороны в информационной среде для своевременного распознавания манипуляций противника[3].

---

[1] Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратагемы для России / под общ. ред. Смирнова А. И. М., 2014. С. 358.

[2] *Старостина Е. В.* Подход к выработке единого понятия «кибертерроризм» (научное обоснование, сравнительная характеристика) // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. 2006. № 101.

[3] *Бурмистрова Е. С.* К вопросу об исполнении исполнительных документов в электронной форме // Современные тенденции в науке, технике, образовании : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 3 ч. 2016. С. 165–166.

Нельзя не сказать о том, что работа в этом направлении уже начата. Прежде всего, в России было возрождено существовавшее еще в советское время общество «Знание», и особенно важно, что эта задача была поставлена Президентом России В. Путиным, в ходе Послания Федеральному Собранию[1]. Благодаря переформатированию общества «Знание» началась масштабная просветительская работа со школьниками и студентами, включающая проведение лекций, семинаров, мастер-классов.

Сегодня стоит задача с самого раннего возраста научить молодых людей отделять «зерна от плевел» и научить распознавать попытки манипулировать сознанием в информационном пространстве.

Несмотря на прорыв в данном вопросе, нужно сказать, что работы еще много. Именно поэтому немаловажно объединить усилия гражданского общества, представителей военной сферы для того, чтобы совместными усилиями выработать единую концепцию доведению информации о методах психологической войны до конечного пользователя цифровой среды.

Градосельская Г. В.,
кандидат социологических наук, доцент,
Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ)

СЕТЕВОЕ КАРТИРОВАНИЕ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ: ОТ ТЕОРИИ ЧЕРЕЗ ИЗМЕНЕНИЯ ПРАКТИК К ИЗМЕНЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Введение: постановка проблемы трансляции социальных теорий в повседневные практики

По результатам наших предыдущих исследований, молодые ученые-гуманитарии являются основными посредниками, распространяющими свои идеалы, ценности на другие молодежные, социально и политически активные группы, формирующие их практики. Изменяя ценностные установки и практики групп ученых-гуманитариев можно изменять практики широкого спектра групп-реципиентов, связанных с ними. Таким образом, со временем, можно получить изменения некоторых социальных институтов, формальных и неформальных.

Наиболее уязвимыми объектами изменения социальной реальности являются ключевые социальные институты: государство, социальные группы и страты, семья, образование и т.п. Лучше всего изменение социальных институтов объясняют авторы-теоретики т.н. «активистской парадигмы», получившей распространение в 70х-90-х гг. прошлого века. Она рассматривает механизмы глобальных социальных изменений через изменения практик отдельных акторов.

Носителями социологических теорий, распространяющих их в элитах целевых стран воздействия, являются ученые-гуманитарии. Отсутствие национальных теорий способствует импорту чужих теорий и вытеснение акторов и институтов

[1] Послание Президента Федеральному Собранию 21.04.2021 // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418 (дата обращения: 21.05.2025).

в нишу, предписанную чужими теориями. Доминирование социологических теорий — как структуры концептов и ценностей, транслируемых из-за рубежа, обосновывается в статье В. В. Радаева «Есть ли шанс создать национальную теорию в социальных науках?»[1]. Статья была опубликована в 2000 г., но отношение к социальным концепциям с тех пор не изменилось.

Для того чтобы понять структуру воздействия теорий на социальную ткань общества, необходимо подробнее рассмотреть сами социологические теории и их изменяющееся позиционирование на протяжении последних 70 лет. Поэтому мы придерживаемся инструменталистского подхода к рассмотрению социологических теорий: рассматриваем теории как эволюционную цепочку взглядов на общество и роль ученых в его познании.

Ученых-гуманитариев можно рассматривать как трансляторов социологических теорий и одновременно — как агентов их легитимации в целевых аудиториях. Наиболее точно эту ситуацию описывает П. Бурдье в своей работе «Начала»: «Агенты, состоящие… в поле символического манипулирования, могут сообща осуществлять символическое действие: это люди, которые стремятся манипулировать мировоззрениями (и через это изменять практики), манипулируя структурой восприятия мира (как природного, так и социального), манипулируя словами и, через них, принципами построения социальной действительности…»[2].

Методы и материалы исследования ученых-гуманитариев в социальных сетях

Для понимания спектра научных и социальных интересов нами было проведено подробное картирование групп российских ученых-гуманитариев в социальной сети «ВКонтакте». Использовался наш авторский метод зернового приращения. Основные принципы метода и этапы его практической реализации описаны в наших публикациях[3].

Из 50 групп ученых-гуманитариев социальной сети «ВКонтакте», отобранных экспертно на нулевом (зерновом) этапе, в результате нескольких итераций приращения было получено 1500 групп. Связями являлись пользователи — совместные участники между группами. После заполнения матриц смежности была проведена визуализация картирования ученых-гуманитариев. Отбор групп для визуализации проводился последовательным повышением порогового уровня связей. Для визуализации было использовано программное обеспечение ORA. Для итогового картирования были отобраны 567 групп с пороговым значением связей в 5 000 совместных подписчиков.

Далее были выделены ядерные группы, структурно находящиеся в центре сети и посвященные обсуждению непосредственно научной тематики, — 261 группа. Из этих групп потом выгружались тексты, файлы, анализировались речевые маркеры и т.п. Так же, по прямым ссылкам, было получено расширение в 13 000 сопутствующих групп, характеризующих пристрастия ученых в литературе, хобби, образе жизни.

---

1 *Радаев В.* Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? // 2000. Т. 5 № 3. С. 202–214.

2 *Бурдье П.* Начала / пер. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. С. 150.

3 *Градосельская Г. В., Щеглова Т. Е., Карпов И. А.* Картирование политически активных групп в Фейсбуке: динамика 2013–2018 гг. // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 4. С. 94–104.

Для понимания доминирующих философских, социальных, экономических и политических идей, были скачаны 84 000 файлов книг, литературы, ссылки на которые появлялись в группах ученых-гуманитариев за последние два года до момента исследования (2019–2021 гг.).

Помимо этого, были проанализированы тексты публикаций в группах ученых-гуманитариев за два года, предшествующие исследованию. Были получены 23 000 слов (токенов), которые оказалось возможным содержательно проинтерпретировать. Из них получены списки имен собственных: имен ученых, философов, литераторов, и общественных деятелей — российского и мирового уровня. Также попались имена современников, авторитетных в среде молодой российской интеллигенции. Помимо имен собственных были получены наиболее распространенные теории, идеологемы, ценностные качества и пр. содержательные характеристики.

По итогам исследования были сделаны выводы о доминирующих в среде молодых ученых-гуманитариев практиках, теориях, идеях и степени их распространения в смежных социальных группах. Также оказалось возможным сделать выводы о социальных институтах, претерпевающих изменения и механизмов их изменения.

Практики и модели их продвигаются опосредованно через контент, распространяемый по социальным сетям. Обращаем особое внимание на термин «контент», поскольку смыслы можно распространять не только через тексты. Дополнительным результатом нашего исследования стало выявление большой части контента, который не является текстовым: это т.н. «мемы», видеоконтент и аудиоконтент (т.н. «подкасты»). Таким образом, повышается значимость on-line социальных сетей как технических средств трансляции смыслов, их адаптации для широкого круга пользователей (целевых аудиторий). Сетевой анализ в этой ситуации остается важным инструментальным подходом, поскольку органично сочетает исследование связей с их контекстной средой.

Результаты: картирование ученых-гуманитариев

При рассмотрении структуры выделяются три подгруппы. В центре — группы, характеризующие научную активность. Слева — группы, которые показывают распространение научных сетей в регионах, а также группы окружения, которые характеризуют интересы ученых-гуманитариев. Справа — группы, которые демонстрируют социальную и политическую активность.

Таким образом, группы ученых-гуманитариев занимают посредничающую позицию между группами, распространяющими повседневные практики в разных целевых аудиториях, и группами политической активности. Таким образом, через структуру опосредуется прямая связь между теоретическим обоснованием и непосредственным социальным действием.

Большое значение при картировании групп ученых-гуманитариев имеют сопровождающие группы по направлению: музыка, искусство, фотография, кино — этот дополнительный контент служит фоном и проводником эмоционально-психологического содержания в целевых аудиториях.

Общий уровень групп эмоционально-психологического сопровождения — негативный, депрессивный, социопатический.

Значительную часть в картировании занимают манипулятивные группы, влияющие на изменения сознания и пр.

Бóльшая часть контента имеет нетекстовый характер (фото, картинки, в том числе видеоролики и аудио — т.н. «подкасты»). Также распространены «мемы», где тексты заключены в нетекстовый формат.

По результатам анализа содержания групп можно выделить социальные институты, на изменение которых направлены «загружаемые» посредством текстов практики. Прежде всего это формальные институты: 1) государство как институт, 2) президент как личность, 3) силовые структуры как формальная основа государства, 4) православие как наиболее распространенная религия на территории России. Также изменение практик направлено и на изменение неформальных институтов, статус которых не закреплен юридически.

Изменение институтов возможно, и происходит посредством изменения повседневных практик, которые распространяются опосредованно, через контент (текстовый и нетекстовый). Рабочая типология манипулятивных практик и примеры некоторых из них показаны ниже.

Результаты: манипулятивные приемы распространения повседневных практик

Распространение повседневных практик, следствием которых будет изменение социальных институтов, не происходит хаотично. В основе их распространения лежат модели и методы манипулятивного воздействия, изученные (а иногда — разработанные) в рамках разных гуманитарных наук. Например, в социологии исследуется модель «мы-они», которую часто используют для сегментации общества. Обзор подобных моделей и их теоретические основания приведены в статьях О. А. Оберемко «Интеракционистская модель формирования идентичности: реконструкция»[1] и С. Г. Климовой «Критерии определения групп «Мы» и «Они»[2].

Методы манипулятивного воздействия можно разделить на социальные, психологические и коммуникативно-лингвистические. При этом коммуникативно-лингвистические модели являются приоритетными в плане изучения, поскольку контент является техническим проводником и носителем всех моделей.

Примерами манипулятивных социальных практик могут быть:
— изменение самоидентичности аудиторий, на которые направлено воздействие;
— создание моделей «мы-они»;
— депривация, абсолютная и относительная;
— навязывание групповых норм;
— создание моды и атрибутики;
— изменение привычных поведенческих практик;
— пространственная сепарация;
— сепарация в формальных институтах и представительство в них и т.д.

Примерами манипулятивных психологических практик могут быть:
— изменение восприятия (новая эстетика);

[1] *Оберемко О. А.* Интеракционистская модель формирования идентичности: реконструкция // Социологический ежегодник : сборник науч. трудов / ИНИОН РАН; ГУ-ВШЭ. М., 2009. С. 114–135.

[2] *Климова С. Г.* Критерии определения групп «Мы» и «Они» // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 83–102.

— изменение состояния (депрессия);
— размывание границ и норм;
— разрушение табу и т.д.

Примерами коммуникативно-лингвистических практик могут быть:
— лингвистическая сепарация (создание специальных терминов для определения «свойх» и исключения «чужих»);
— система письменных источников («библий»);
— версия учения «лайт» для расширения сторонников и т.д.

Заключение

Исследование позволило сделать выводы в структурном, содержательном и методологическом направлениях.

В структурном плане, группы ученых-гуманитариев занимают посредничающую позицию между группами, распространяющими повседневные практики в разных целевых аудиториях, и группами политической активности.

Подтвердилось значение ученых-гуманитариев в распространении маргинальных практик по целевым группам. При этом они адаптировали теоретические концепты к особенностям нашего общества и целевых групп (прежде всего молодежи), переводя их в повседневные практики. Подобные практики провоцируют разрушение институтов, официальных и неофициальных. Дискредитируются государство, силовые структуры, президент, православная религия. Разрушается самоидентификация, институты семьи и детства, ценность жизни, реанимируются деструктивные исторические практики.

В процессе исследования показал значимое приращение первичных данных дополнительный тип связей — гиперссылки из групп. Этот вид связей позволил расширить информационные источники и вывел на дополнительные группы, содержащие контент, сопутствующий активности ученых-гуманитариев. Этот тип связей при анализе информационных процессов можно использовать как дополнительный, расширяющий базовые связи между группами, опосредованные пользователями.

С точки зрения обработки материалов было выявлено большое количество контента, который распространялся в нетекстовом формате: видео, картинки, аудио («подкасты») — и нес при этом большую смысловую нагрузку. Потенциально, необходимо разрабатывать программные средства для анализа этих данных, их поиску в социальных сетях, сбору и анализу. Подобные средства должны сочетать алгоритмы работы с большими данными и понимание социального контекста.

Никишин В. Д.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий,
директор Института информационной
и медиабезопасности,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

О НЕОБХОДИМОСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СФЕРЕ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ

Жизнь современного общества неразрывно связана с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», значительно упрощающей возможности коммуникации между пользователями, открывающей практически безграничные возможности для доступа к информационным ресурсам. Интернет по своей сути превратился в отдельную сферу общественной жизни, куда с течением времени переходит всё больше общественных отношений. Но данное достижение технического прогресса не только служит общественным интересам, но и активно используется для нанесения вреда охраняемым законом правам, свободам и интересам граждан. Данный тезис подтверждается статистическими данными. Согласно материалам Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности за 2024 г., преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составили 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений в стране, что является максимумом от общего числа зарегистрированных преступлений, начиная с 2020 г.[1]

Также Интернет сегодня — это мощнейший инструмент манипулятивного воздействия на пользователей, среда для проведения широкомасштабных психологических операций. При этом большинство информационных угроз обусловлены не какими-то личными мотивами, а скрывают за собой целенаправленную скоординированную деятельность, направленную на ослабление государственной власти и подрыв государственного суверенитета в рамках «войны смыслов», «войны за умы»[2]. В качестве примера можно обратиться к статистическим данным Научно-технического центра ФГУП «ГРЧЦ», согласно которым рост количества внешних информационных атак на Российскую Федерацию составил 80 %, суточный бюджет иностранных государств, выделяемый на психологическое и медийное воздействие на граждан, составляет 5 млн долл. То есть данные факторы вынуждают рассматривать Интернет как театр действий гибридной, когнитивной войны, конечная цель которой, согласно словам А. Н. Медушевского — «преодолеть внутренние информационно-пропагандистские барьеры государства, изменить систему ценностей и понимания мира, вынудить население к принятию желательного решения, установить над ним

[1] В России в 2024 г. IT-преступления достигли пика за последние пять лет // URL: https://tass.ru/proisshestviya/22978955 (дата обращения: 10.06.2025).

[2] *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (ч. 1) // Lex russica. 2024. № 11. С. 153.

рефлексивный контроль, подорвав его способности наблюдать, ориентироваться, решать и действовать»[1].

И в этой развернутой информационной когнитивной войне противники используют самые разнообразные методы, нацеленные на граждан нашей страны независимо от пола, возраста, религиозных взглядов, принадлежности к определенной социальной группе. Таковыми являются: направление пользователям обширного неконтролируемого информационного потока с целью подрыва имиджа российских компаний, разрушение традиционных ценностей, насаждение негативных мировых трендов, формирование отрицательного отношения и недоверия к официальным государственным средствам массовой информации, вовлечение в диверсии, пропаганда и распространение ПАВ, использование фишинга, технологий OSINT и PsyOps против сотрудников государственных учреждений и их родственников. Отдельно сто́ит отметить участившиеся попытки дестабилизации деятельности органов государственной власти и государственных корпораций через информационно-психологические атаки на сотрудников и членов их семей, включающие введение в депрессивное состояние, склонение к суициду.

Говоря об используемых способах ведения когнитивной войны, нельзя не упомянуть о том, что имеет место междисциплинарная проблематика, для понимания механизмов которой затрагивается гуманитарный блок и вопросы технологического плана. Так, для воздействия на пользователя могут быть использованы технологические особенности Интернета как такового: особенности рекомендательных технологий, сгенерированный контент, наличие уязвимых мест в системах защиты персональных данных и т.д. Гуманитарный блок, в свою очередь, сопряжен с использованием разноплановых гуманитарных технологий: социальная инженерия, проведение информационных кампаний и психологических операций, ориентированных на целенаправленное изменение социальной реальности, ее структур и институтов, определяющих человеческое поведение и обеспечивающих контроль[2]. Конвергенция технологического и гуманитарного аспектов позволяет усилить эффект от использования тех или иных манипулятивных практик, формировать «информационные коконы» вокруг интернет-пользователей.

Рассмотренные риски и угрозы позволяют говорить о необходимости обеспечения когнитивного суверенитета государства, то есть независимости от каких-либо внешних сил в реализации политик государства, связанных с познавательной деятельностью, в том числе информационной политики, политики в области образования и науки, культурной политики, правовой политики (нормотворческой и правоприменительной) и независимости в целеполагании, стратегическом планировании и принятии управленческих решений в условиях защищенности от навязывания социально-экономических практик, чуждых цивилизационному коду государства (суверенные управленческие практики)[3].

---

[1] *Медушевский А. Н.* Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 2 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 93.

[2] *Резник Ю. М.* Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 87–96.

[3] *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (ч. 2) // Lex russica. 2024. № 12. С. 149.

Деятельность по обеспечению когнитивного суверенитета государства неразрывно связана с деятельностью по обеспечению медиабезопасности, то есть состояния защищенности ментально-когнитивного иммунитета населения от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия[1]. В узком смысле медиабезопасность можно расценить как защищенность от медиаугроз, перечень которых в том числе был рассмотрен выше. Следует отметить, что обеспечение медиабезопасности тесно связано с правовой политикой государства, выстраиванием такой регуляторной модели, которая обеспечивает баланс права на свободу слова и защиту от злоупотребления этим правом[2].

Оценка профессионального поля противодействия медиаугрозам позволяет сделать ряд выводов об уровне проводимой работы. Так, можно сказать, что современная работа по профилактике медиаугроз ведется разрозненно по каждому направлению, будучи преимущественно нацеленной на широкую аудиторию. В сфере образования и воспитания работа по профилактике возложена на педагогов, которые не только загружены выполнением своих обычных должностных обязанностей, но и не обладают всесторонними компетенциями по медиабезопасности. Можно резюмировать, что деятельность по обеспечению медиабезопасности сводится к «тушению текущих пожаров», так как отсутствует достаточный уровень анализа трендов и работы на опережение.

Однако современные вызовы медиасреды требуют комплексного подхода для их преодоления. Таковыми мерами могут, в частности, выступать: формирование механизмов быстрого реагирования на отрицательные тренды медиасреды, формирование механизмов управления медиаповесткой на локальном и (или) региональном уровнях, вовлечение лидеров мнений для естественного распространения профилактической информации, подготовка кадрового резерва универсальных специалистов, которые смогут вести работу по всем направлениям медиабезопасности, локализация работы до уровня отдельных организаций и контингентов этих организаций.

Отдельно сто́ит отметить такую меру для укрепления сферы обеспечения медиабезопасности, как подготовка кадрового резерва специалистов в сфере медиабезопасности. Данную подготовку необходимо реализовывать в формате дополнительного профессионального образования, а именно в форме профессиональной переподготовки. Для осуществления своих профессиональных функций, указанные специалисты должны будут обладать комплексом компетенций разнообразных профессий, среди которых: аналитик, юрист, психолог, политолог, социолог, специалист по работе с молодежью, менеджер, IT-специалист. В ходе своего обучения потенциальные специалисты в сфере медиабезопасности должны получить знания о современном состоянии медиасреды и медиаугрозах, вызовах современной геополитики, правовом регулировании медиасреды, правовой экспертизы деструктивного контента, технических аспектах функционирования Интернета и основах информационно-технической безопасности, знания в области просвещения в сфере медиабезопасности и формирования правосознания и т.д. Для наиболее продуктивной подготовки специалистов следует готовить по нескольким профилям: «Когнитивный суверенитет и профилактика», который ориентирован на противодействие вовлечению в деструктивные сообщества и

[1] *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета. Ч. 2.

[2] *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета. Ч. 2.

распространению деструктивного контента, а также профиль «Репутационная безопасность и правовой комплаенс медиаактивности», ориентированному на подготовку специалистов служб собственной безопасности организаций.

В первую очередь подготовленные специалисты будут представлять собой кадровый резерв Координационных центров Координационного совета по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, одним из направлений деятельности которых является мониторинг, противодействие распространению медиаугроз, а также повышение информационной грамотности. Но подготовленные кадры также могут быть потенциально востребованы для органов власти в сфере информации и внутренней политики, правоохранительных и надзорных органов, служб собственной безопасности.

Справедливости ради следует отметить, что работа в рассмотренном направлении уже ведется, и на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) реализуется программа профессиональной переподготовки «Специалист в сфере медиабезопасности».

Подводя итог, следует сказать, что обеспечение когнитивного суверенитета является одним из приоритетных направлений политики государства в условиях современных вызовов гибридных войн, что подчеркивает актуальность деятельности по обеспечению медиабезопасности как для каждого отдельного гражданина, так и для всего общества и государства. Комплексный подход к решению возникающих проблем, а также совершенствование системы подготовки кадров способно оказать продуктивное воздействие на превентивное выявление формирующихся угроз медиасреды, противодействие им, а также их профилактику и предупреждение.

Никишин В. Д.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий,
директор Института информационной
и медиабезопасности,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Хомутов А. А.,
стажер-исследователь Института
информационной и медиабезопасности,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РЕГУЛИРОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР: ВЫЗОВЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ

В современном мире компьютерные игры занимают одну из лидирующих позиций на рынке досуговых услуг для общества. Данное развлечение представлено обширнейшим охватом жанров и направлений, нацеленных на аудиторию разных возрастов. Компьютерные нацелены на завладение и удержание

внимания пользователя, для чего они предлагают последним яркие и хорошо прописанные образы персонажей, увлекательные и проработанные истории сюжетов, интересный игровой процесс, фотореалистичную графику, что способно на долгое время увлечь пользователя в виртуальный мир. Как показывают статистические данные, в Российской Федерации более 88 млн человек старше 18 лет играют в видеоигры. Также около 22 млн человек следят за развитием индустрии киберспорта[1]. Как хобби, компьютерные игры способны развить у пользователя скорость реакции, сосредоточенность, пространственное мышление, воображение. Также современное развитие индустрии компьютерных игр способствует процессам глобализации и международной интеграции, в частности, появление многопользовательских игр, которые позволяют при наличии доступа в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», играть с единомышленниками по всему земному шару.

Однако нельзя отрицать тот факт, что компьютерные игры также способны причинить вред законным правам и интересам как одного рядового пользователя, так и обществу, и государству. Поэтому одним из актуальнейших вопросов современного законодательства является урегулирование отрасли компьютерных игр, усиление роли государственного контроля с целью минимизации возможностей возникновения противоправных последствий в рассматриваемой отрасли.

Определяя пределы правового регулирования рассматриваемой отрасли, нельзя не отметить такие факты, как ее межотраслевой характер, а также отсутствие профильной законодательной регламентации в данной сфере. В современных реалиях деятельность по разработке и распространению компьютерных игр тесно пересекается с отраслями гражданского, административного, уголовного права, но не имеет профильного федерального закона. Также правовое регулирование во многом затруднено по причине невыработанного четкого понятийного аппарата. Но что же, в свою очередь, может представлять компьютерная игра? В доктрине существует несколько подходов к ее определению:

1. мультимедийный продукт как совокупность различных компонентов: текст, музыка, аудиовизуальное произведение, технический код (ст. 1240 ГК РФ)[2];

2. программа для ЭВМ (ст. 1226 ГК РФ);

3. база данных, когда фактически игра представляет собой совокупность уже известных игровых компонентов, но вводится иной, ранее неизвестный порядок игры (правила игры)[3].

В свою очередь, компьютерная игра также является разновидность информации, что накладывает определенные ограничения относительно применения того или иного режима ее производства и распространения[4].

---

[1] Более половины опрошенных россиян старше 18 лет играют в видеоигры // URL: https://tass.ru/obschestvo/15180745 (дата обращения: 24.06.2025).

[2] *Андреев Н. Ю.* Субъективный учебник по праву компьютерных игр Н. Ю. Андреев // URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/4/subektivnyj_uchebnik_po_pravu_kompyuternyh_igr_vvedenie_i_paragraf_pervyj (дата обращения: 09.06.2025).

[3] *Архипов В. В.* Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61–69.

[4] *Васильев А. А.* Реальные правовые проблемы виртуальных миров компьютерных игр / А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова // Вестник юридического факультета Южного федерального

Сто́ит отметить, что рассмотренные особенности не остаются без внимания. В настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации рассматривается законопроект № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации»[1], который являет собой меру превенции, призванную регламентировать отношения в области компьютерного (игрового) взаимодействия путем регламентации таких отношений еще на стадии производства и распространения компьютерных игр.

С опорой на указанный законопроект, а также действующее законодательство Российской Федерации можно рассмотреть возможности и риски складывания сферы законодательного регулирования компьютерных игр. Во-первых, отметим, что компьютерная игра как конечный продукт имеет несколько составных частей, к которым относятся:

1. игровой контент: совокупность информации, содержащейся в компьютерной игре (игровое окружение, игровой мир, игровая история (лор), информация, создаваемая игроками);

2. игровой процесс: процесс взаимодействия пользователя с компьютерной игрой, то есть с ее игровым контентом посредством конкретной игровой механики.

Наиболее юридически определенной категорией является контент, заложенный разработчиками. Так, в отношении игрового контента формально применяется «возрастная» классификация информационной продукции, закрепленная во главе 2 Федерального закона № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Законопроект № 795581-8 также уделяет внимание возрастной маркировке, присвоению определенных дискрипторов на основе оценки демонстрируемых сцен, а также сюжетных линий, закладываемых разработчиками. Однако сто́ит отметить, что текущее законодательное регулирование и выработанные ее критерии классификации ориентированы не на интерактивный контент, а следовательно, мало применимы к области компьютерных игр. То есть имеется ситуация, при которой игровой процесс как вторая составляющая компьютерной игры не охватывается какой-либо базой оценки степени информационно-психологического воздействия на несовершеннолетних. А возрастная маркировка компьютерных игр должна отличаться более комплексным подходом, ориентированным на оценку не только контента, но игровых механик, приемов формирования зависимостей через созданный разработчиками процесса взаимодействия пользователя с игрой и т.д.

Также можно отметить некоторую неопределенность относительно возможностей экспертизы, проводимой в отношении компьютерной игры. Открытыми остаются вопросы о критериях и признаковых моделях исследуемой продукции с целью категорирования, а также вопрос о требованиях, предъявляемых к эксперту.

Особое внимание также заслуживают игры-песочницы. Данный жанр компьютерных игр представляет пользователям значительную свободу во взаимодействии друг с другом а также с игровым миром. Такие игры отличаются нелинейностью: открытый мир, свобода в выборе последовательности дейст-

университета. 2022. Т. 9. № 4. С. 26–32.

[1] Законопроект № 795581-8 О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8 (дата обращения: 09.06.2025).

вий при прохождении, разные пути к результату, дополнительные испытания[1]. Игроки фактически сами устанавливают правила и в значительно большей степени влияют на ход игры. Данные игры являют собой интерактивные медиа, предлагая своим пользователям разные варианты общения, большую степень свободы действий, получению совершенно разных игровых (коммуникационных) впечатлений. Они — новые формы мультимедиа, где коммуникация строится синхронно посредством текста, голоса, аватаров и поведения игроков (один на один, один и несколько)[2]. Так как данные игры часто поддерживают многопользовательский режим и отличаются активным внутриигровым взаимодействием между пользователями из разных стран, то на платформах данных многопользовательских игр, а также на форумах и чатах фанатского сообщества пользователей нередко осуществляется коммуникация членов экстремистских, террористических и иных организаций (сообществ), осуществляется реклама и продажа наркотических средств или психотропных веществ, распространяется деструктивный контент. В настоящее время коммуникации в многопользовательских играх могут контролироваться лишь внутренней модерацией, которая, с другой стороны, может устанавливать правила, ограничивающие свободу слова, выбора, мнения для многих игроков по всему миру. Модераторы могут также ограничивать коммуникативные возможности игроков, тем самым разрушая потенциальные межличностные связи. То есть можно говорить о существующей необходимости установления обязанности игровых платформ по сбору и хранению переписки, аудиосообщений и т.д. по аналогии с нормой, предусматривающей такую обязанность для операторов мобильной (сотовой) связи. Также необходимым видится установление обязанности разработчиков по осуществлению текущей модерации используемых пользователями платформ, которая может быть организована по аналогии со ст. 10.6 Федерального закона № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3], в том числе посредством ручного или автоматизированного поиска (парсинга) по ключевым словам, а также с использованием технологий искусственного интеллекта. Применение совокупности рассмотренных мер позволит минимизировать риски распространения деструктивного контента посредством использования открытых площадок компьютерных игр.

Также риски, сопряженные с многопользовательскими играми и их площадками в сети «Интернет» можно минимизировать путем введения идентификации пользователей, и как следствие, ликвидации анонимности. Данное предложение можно реализовать посредством применения таких способов, как:

1. идентификация с использованием мобильного номера;

2. идентификация с использованием ГИС «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-техно-

---

[1] *Волкова И. И.* Компьютерные игры и новые медиа: игровой подход к коммуникациям в виртуальном пространстве // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». 2017. № 2. С. 317.

[2] Виртуальное право: правовое регулирование отношений в виртуальных вселенных и компьютерных играх / А. С. Юхно, В. В. Архипов, Г. А. Грищенко [и др.] // Искусственные общества. 2023. Т. 18. № 4.

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165.

логическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (далее — единая система идентификации и аутентификации);

3. идентификация с использованием государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» в порядке, предусмотренном статьями 9 и 10 Федерального закона № 572 «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»;

4. с использованием иной информационной системы, обеспечивающей авторизацию пользователей видеоигр и соответствующей требованиям о защите информации, установленным статьей 16 Федерального закона № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1].

Здесь следует отметить, что данные меры будут сопряжены с ограничением определенных прав граждан, однако их применение выглядит обоснованным, так как выводит на первый план вопросы обеспечения безопасности и противодействия правонарушениям.

Данное предложение во многом коррелируется с возможностями введения регламентации доступа несовершеннолетних к сети «Интернет», а также времени их пребывания в киберпространстве. В данном векторе уже развивается законодательство многих стран: США, Великобритании, Германии, Китая, где осуществляется верификация возраста по идентификаторам, используется система распознавания лиц, регистрация аккаунта ребенка через профиль родителя и т.д. Видится необходимым введение подобных мер и в России.

Подводя итог, необходимо отметить, что комплексное применение рассмотренных мер способно обеспечить минимизацию рисков, связанных с компьютерными играми, как для определенного пользователя, так и для интересов общества и государства. В то же время, так как компьютерные игры занимают важную составляющую современной общественной жизни, необходимо выстраивать модель умеренного контроля, построенного на балансе публичных интересов, а также интересов пользователей и разработчиков компьютерных игр.

Никишина А. В.,
аспирант кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПОНЯТИЕ «ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ»: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Российская Федерация, сохраняя многовековой синтез традиций, в настоящее время осуществляет активное формирование правовых механизмов, направленных на защиту семьи как фундаментальной основы государственности. Однако

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

динамичный характер общественных отношений, усиление роста индивидуализма и влияние западных ценностных моделей обусловливают возникновение дискуссий относительно оптимального баланса между сохранением культурной самобытности и адаптацией к современным реалиям.

Сохранение и укрепление традиционных ценностей является одной из целей государственной политики, утвержденной Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1]. В контексте нормативно закрепленного перечня традиционных ценностей, одним из ключевых элементов выступает ценность крепкой семьи, что подразумевает ее приоритетное значение в рамках государственной защиты семьи, материнства и детства.

Конституционное признание важности института семьи для российского общества и государства впервые было отражено в Конституции СССР 1977 г.[2] и, соответственно, в Конституции РСФСР 1978 г.[3], где семья была предстала конституционно значимой ценностью, требующей особой защиты. Впервые на законодательном уровне термин «семейная политика» был закреплен в 1989 г. в программе «Семейная политика СССР в 90-е годы». Он содержал основные семь принципов по организации семейной политике.

В Конституциях и иных актах СССР содержатся ряд положений по урегулированию семейной политики. Необходимо в дальнейшем проанализировать данные акты с целью выявления положений для усовершенствования современного законодательства в сфере обеспечения семейной политики государства.

В настоящее время в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (часть 2 статьи 7 Конституции РФ). Материнство и детство, семья находятся под защитой государства (часть 1 статьи 38 Конституции РФ). Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, а потому государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим; государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (часть 4 статьи 67.1 Конституции РФ). Следовательно, ценностные ориентации, определяющие характер семейных отношений и формирующие модель семейного поведения, детерминированы конституционными нормами, что подчеркивает их значимость для российского государства.

Как неоднократно подчеркивал в своих решениях Конституционный Суд РФ, «семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непре-

[1] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

[2] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 619.

[3] Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.04.1978 // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

рывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства»[1].

В российских нормативных правовых актах отсутствует легально закрепленный исчерпывающий перечень традиционных семейных ценностей, однако указанные ценности фактически положены в основу целого ряда норм семейного законодательства, а также публично-правового обеспечения информационной безопасности, в том числе в правовых механизмах борьбы с деструктивным контентом. Кроме того, упоминание традиционных семейных ценностей содержится в целом ряде документов стратегического планирования и иных подзаконных актов в сфере государственной демографический, семейной, информационной и культурной политики и т.д.

Сохранение и защита традиционных духовно-нравственных ценностей, особенно семейных, является стратегическим приоритетом для Российской Федерации. Данное положение закреплено в Стратегии национальной безопасности (Указ Президента от 02.07.2021 № 400, п. 93[2]), где обеспечение защиты традиционных ценностей, культуры и исторической памяти реализуется через комплекс мер. Ключевыми элементами являются укрепление института семьи как базовой социальной единицы, сохранение традиционных семейных ценностей, обеспечение преемственности поколений и проведение государственной информационной политики. Эта политика направлена на повышение значимости традиционных ценностей в общественном сознании и формирование у граждан неприятия деструктивных идей и моделей поведения, распространяемых извне. Защите подлежат сам институт семьи, преемственность поколений, обеспечивающая передачу культурного наследия, а также духовно-нравственные и культурно-исторические основы семейных отношений, определяющие национальную идентичность.

Поддержка семьи как фундамента общества осуществляется через разработку Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 г.[3] Ее цели включают укрепление института семьи, актуализацию семейных ценностей, повышение роли семьи в обществе, укрепление авторитета родительства, профилактику семейного неблагополучия и улучшение качества жизни семей. Исторически российская семья характеризовалась многопоколенностью и сильными иерархическими связями, где воспитание основывалось на духовно-нравственных ценностях и уважении к старшим. Однако современные вызовы, такие как неудовлетворенность браком, ослабление ценности брачных уз и семейные конфликты, угрожают стабильности семьи. Это требует не только утверждения семейных ценностей как приоритета, но и создания социально-

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // Российская газета. 2021. № 159.

[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 12.

культурной среды, поддерживающей традиционный уклад, что необходимо для сохранения культурной идентичности и социального благополучия.

Государственная политика также направлена на поддержку женщин, стремящихся сочетать карьерный рост с семейными обязанностями. Национальная стратегия действий в интересах женщин (2023–2030)[1] гарантирует женщинам с детьми дошкольного возраста доступ к профессиональному обучению и дополнительному образованию, помогая им достичь гармонии в семье и карьерный достижениях. С 2020 г. категории женщин, имеющих такое право, расширяются. Реализация этой стратегии включает образовательные программы, укрепляющие семейные ценности и навыки межпоколенческого взаимодействия.

На международной арене Россия позиционирует себя как гарант традиционных ценностей в рамках Концепции гуманитарной политики за рубежом[2]. Систематическое информирование зарубежной аудитории о российских социокультурных достижениях и ценностных ориентирах, особенно о семейных ценностях, приобретает особую значимость на фоне экспансии неолиберальной идеологии. Международное сообщество всё чаще воспринимает Россию как защитника духовного наследия, приоритета духовного над материальным, гуманизма, милосердия, коллективизма и института семьи.

Государственная культурная политика в области воспитания ставит задачи по восстановлению традиций семейного воспитания, преодолению межпоколенческого разрыва, утверждению семейных ценностей в обществе, повышению статуса семьи и налаживанию общественного диалога поколений[3]. Конкретные меры включают возрождение семейного воспитания, популяризацию многодетности, преподавание основ семейной культуры в школах и стимулирование изучения семейной истории[4].

Защита детей от информационных угроз также неразрывно связана с сохранением традиционных ценностей. Стратегия комплексной безопасности детей[5] указывает, что изменение представлений о традиционных, в том числе семейных, ценностях является одной из ключевых угроз в медиапространстве. Деструктивное влияние информации может подрывать моральные нормы и наносить вред здоровью детей. Поэтому укрепление института семьи и сохранение традиционных ценностей выделены как основные направления защиты детей.

В сфере противодействия ВИЧ-инфекции государственная политика[6], выходящая за рамки чисто медицинских мер, включает формирование идеологии

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.» // СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 477.

[2] Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 6315.

[3] Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

[5] Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.

[6] Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2020 № 3468-р «Об утверждении Государственной стратегии противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 1 (ч. II). Ст. 190.

безопасного поведения. Это подразумевает не только информирование населения, но и продвижение здорового образа жизни, опираясь на традиционные семейные и морально-нравственные ценности как основу для ответственного поведения.

Таким образом, традиционные семейные ценности являются неотъемлемой и ключевой частью системы духовно-нравственных ценностей России. В конечном счете обеспечение защиты этих ценностей, прав и свобод личности, общества и государства требует построения целостной и эффективной системы национальной безопасности.

В части 2 статьи 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»[1] (далее — Закон о защите детей от информации) используется понятие «информация, отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи».

Представляется, что для российского правопорядка любые взгляды, идеи, представления или концепции, альтернативные традиционным семейным ценностям, не могут быть квалифицированы в качестве априори негативной ценностной парадигмы, но рассматриваются как деструктивные элементы. В этой связи корректным категориальным противопоставлением выступает не бинарная оппозиция «традиционные семейные ценности» — «антисемейные ценности», а скорее дихотомия «сохранение/поддержка традиционных семейных ценностей» — «отрицание/дискредитация традиционных семейных ценностей», подчеркивающая их антагонистическую, а не альтернативную природу[2].

Таким образом, в самом общем виде антисемейными ценностями являются ценностные установки отрицания и (или) дискредитации традиционных семейных ценностей либо глумления над традиционными семейными ценностями, в том числе над ценностью института семьи, а также установки, формирующие отталкивающий образ материнства, детства и (или) пропагандирующие отказ от деторождения либо искажающие общепринятые представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных семейных отношений.

---

[1] Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

[2] *Ксенофонтова Д. С.* Законодательные предложения «Защита традиционных семейных ценностей: законодательные предложения» // URL: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/S_6-Zashhita-trad.cennostej.pdf (дата обращения: 20.04.2025).

Рашитханов Р. С.,
заместитель директора Института информационной и медиабезопасности, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); руководитель Лаборатории правовых исследований в сфере национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОТИВОПРАВНЫХ ЦЕЛЯХ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Стремительное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) трансформируют все сферы общественной жизни, создавая при этом новые, масштабные вызовы для медиабезопасности государства.

Под медиабезопасностью в данном контексте понимается состояние защищенности личности, общества и государства от негативных информационных воздействий в медиасреде, включая угрозы информационно-психологической манипуляции, распространения противоправного контента, дезинформации и посягательств на репутацию[1]. В Российской Федерации противоправное использование ИИ становится фактором риска для информационного пространства, особенно в контексте увеличения темпов роста возможностей по генерации деструктивного контента.

Проблематика обеспечения медиабезопасности усугубляется недостаточной теоретической разработанностью вопросов, связанных с противоправным применением ИИ, включая терминологическую неопределенность. Как отмечается некоторыми авторами, в первую очередь мы сегодня сталкиваемся с проблемой определения понятийного аппарата[2]. Научное осмысление и правовое регулирование этих процессов осложняются необходимостью глубокого междисциплинарного подхода, сочетающего юридическую науку с науками технического и гуманитарного профиля. Несмотря на растущее число исследований, наблюдается рассогласованность в понимании феноменов цифровой эпохи, а правовое регулирование ИИ и смежных технологий остается фрагментарным как в России, так и в мире, где большинство государств ограничиваются разработкой концептуальных документов лишь стимулирующих развитие ИИ.

Следует более подробно раскрыть некоторые аспекты, посвященные проблематике использования ИИ злоумышленниками в целях дестабилизации медиабезопасности государства. Применение технологий ИИ в противоправных целях создает многообразные и масштабные угрозы медиабезопасности, которые можно систематизировать по нескольким ключевым направлениям.

---

1 *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (ч. 1) // Lex russica. 2024. Т. 77. № 11. С. 145–160.

2 *Махмутова Л. Р.* Ответственность лиц за преступления, совершенные искусственным интеллектом // Российское право онлайн. 2021. № 4. С. 10–13.

Во-первых, одной из наиболее серьезных угроз является ускоренная генерация деструктивного контента посредством технологий ИИ. Генеративно-состязательные сети (GAN) и большие языковые модели (LLM), существенно ускоряют и удешевляют процесс создания недостоверных новостей, экстремистских материалов, дестабилизирующих публикаций в больших масштабах. Это приводит к упрощению способов формирования ложных нарративов и разжигания социальной, этнической и религиозной ненависти в конкретной обстановке. Сегодня ИИ уже активно используется для создания фейковых новостей и очевидно, что тенденция будет лишь нарастать[1]. Автоматизация этих процессов позволяет злоумышленникам осуществлять целевые комбинированные атаки с минимальными ресурсами. Это, в свою очередь, вынуждает правоохранительные органы корректировать стратегии противодейсвтия подобным угрозам в кратчайшие сроки, что сказывается на качестве этого процесса.

Нельзя обойти стороной и тему дипфейков (deepfakes). Термин deepfake объединяет слова deep learning (глубокое обучение) и fake (подделка). Под дипфейками в науке предлагается понимать цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий, для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом[2]. Технологии синтеза сверхреалистичных поддельных видео-, аудиозаписей и изображений представляют одну из наиболее опасных угроз медиабезопасности государства. Сегодня они позволяют накладывать на реальных людей чужие параметры лица, голоса, речи, создавая ложные высказывания или компрометирующие ситуации публичных лиц (политиков, военных, чиновников) или искусственно сгенерированных персонажей. К сожалению, большинство населения уже сегодня не способно отличить реальные видеоролик/фотоизображения от искусственно сгенерированного[3]. Ярким примером может служить широко распространившийся фейковый ролик с якобы заявлением главы Центробанка Российской Федерации о заморозке активов граждан[4]. Однако наибольшую опасность представляют полностью сгенерированные видео, моделирующие события, ведущие к дестабилизации общественно-политической обстановки, подрыву доверия к СМИ, манипуляции общественным мнением в период выборов или кризисов, провоцированию социальной розни[5].

---

[1] Исследование показало, что 10 % фейков в Интернете создаются при помощи ИИ // URL: https://tass.ru/obschestvo/21231355 (дата обращения: 02.05.2025).

[2] *Бодров Н. Ф.*, *Лебедева А. К.* Угрозы и вызовы в эпоху генеративного искусственного интеллекта с учетом криминогенного потенциала дипфейков // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024.

[3] Более 60 % россиян не смогли отличить дипфейки от реальных фото. Один из дипфейков сразу 81 % участников опроса посчитали настоящим снимком // URL: https://www.rbc.ru/life/news/683eca379a794727b5fc3d05 (дата обращения: 05.05.2025).

[4] Видео с заявляющей о заморозке активов россиян Набиуллиной оказалось фейком // URL: https://lenta.ru/news/2025/03/31/video-s-zayavlyayuschey-o-zamorozke-aktivov-rossiyan-nabiullinoy-okazalos-feykom/ (дата обращения: 05.05.2025).

[5] Google's New AI Tool Generates Convincing Deepfakes of Riots, Conflict, and Election Fraud // URL: https://time.com/7290050/veo-3-google-misinformation-deepfake/ (дата обращения:

Еще одним направлением в рамках рассматриваемой тематики выступает оптимизация кибератак на медиаплатформы Российской Федерации. Технологии ИИ могут способствовать нахождению уязвимостей, созданию фишинговых сообщений с высокой степенью персонализации, облегчать процесс DDoS-атаки, что может приводить к нарушению работы официальных площадок распространения информации. К сожалению, подобные взломы уже происходили[1]. Однако тем важнее обратить большее внимание к обеспечению кибербезопасности крупных медиапредприятий Российской Федерации, имеющих государственное значение.

Одними из наиболее серьезных угроз являются автоматизация процесса распространения деструктивного контента и формирование искусственных информационных фильтров. Алгоритмы ИИ, используемые в социальных сетях и рекомендательных системах, могут быть использованы для массового распространения деструктивного контента и целенаправленного формирования искусственных информационных фильтров, изолирующих пользователей в информационных средах, усиливающих их радикальные взгляды и способствующих поляризации общества. ИИ также позволяет сегодня автоматизировать управление сетями ботов (так называемыми ботнетами), которые позволяют симулировать массовую поддержку или осуждение какого-либо острого социального вопроса, манипулируя тем самым массовым сознанием и конструируя необходимую социальную реакцию.

Вышеуказанные направления можно объединить в таблицу.

Направления использования ИИ в противоправных целях и угрозы медиабезопасности

Направление использования ИИ	Угрозы медиабезопасности	Последствия
Генерация деструктивного контента	Массовое создание фейковых новостей, экстремистских материалов, дестабилизирующего дискурса	Формирование ложных нарративов, разжигание ненависти, подрыв социального согласия
Создание дипфейков	Фальсификация аудиовизуальных сообщений ключевых фигур (политики, военные, бизнес)	Манипуляция общественным мнением, провокация конфликтов, хищение средств
Оптимизация кибератак	Атаки на медиаплатформы, СМИ, системы распространения контента;	Нарушение работы СМИ, кража данных, распространение дезинформации в момент кибератаки
Автоматизация процесса распространения деструктивного контента	Формирование искусственных фильтров, распространение идеологически ангажированного контента	Поляризация общества, усиление радикальных настроений

01.05.2025).

[1] В нескольких регионах России взломали телеканалы во время парада Победы // URL: https://www.rbc.ru/society/09/05/2024/663cf8199a794773c24c3bed (дата обращения: 03.05.2025).

Противодействие выявленным угрозам наталкивается на некоторые правовые и организационные проблемы. Так, например, действующее российское уголовное законодательство не содержит норм, предусматривающих использование ИИ в преступных целях, особенно в контексте медиавоздействия. Квалификация сегодня осуществляется по нормам, которые не учитывают специфику и повышенную общественную опасность использования ИИ. Тем не менее законодателем уже были озвучены инициативы по исправлению данной ситуации, что, на наш взгляд, следует оценивать положительно[1].

Отметим, что внедрение квалифицирующих признаков или новых составов требует чрезвычайно точной юридико-технической проработки во избежание избыточной криминализации легальной деятельности в сфере ИИ и необоснованного ограничения процесса инновационного развития отрасли.

Для эффективного противодействия угрозам медиабезопасности необходим комплексный подход, сочетающий правовые, технологические и организационные меры. Противоправное использование технологий искусственного интеллекта представляет серьезную угрозу для медиабезопасности Российской Федерации. Как продемонстрировано выше, спектр угроз широк — от сверхреалистичных дипфейков, способных спровоцировать социально-политическую дестабилизацию и целевых кибератак на медиаплатформы до формирования искусственных информационных фильтров и создания персонализированного деструктивного контента. Эти угрозы эксплуатируют уязвимости современного медиапространства и обладают большим потенциалом по подрыву доверия ко всем источникам информации.

Обеспечение медиабезопасности в эпоху ИИ требует оптимального правового регулирования и постоянного технологического развития возможностей правоохранительных органов, системного повышения цифровой грамотности граждан, а также формирования стандартов ответственного использования и разработки технологий искусственного интеллекта. ИИ стал катализатором трансформации преступности, и ответ на вызовы, рождаемые этой трансформацией должен быть сформулирован в кратчайшие сроки.

Учитывая комплексный характер угроз медиабезопасности, данная тема требует повышенного внимания со стороны аналитических центров, формирующих основы государственной политики в сфере национальной безопасности. Представляется целесообразной актуализация стратегических документов в части отражения специфики угроз, связанных с противоправным использованием ИИ в медиасфере. В первую очередь речь идет о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[2] (имеется в виду раздел «информационная безопасность»), а также о Доктрине информационной безопасности Российской Федерации[3].

---

[1] Уголовную ответственность за использование дипфейков обсудят в Госдуме // URL: https://www.garant.ru/news/1807799/ (дата обращения: 07.05.2025).

[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[3] Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

Савельева А. Ю.,
ведущий эксперт
отдела экспертизы информационной продукции
ФГУП «Главный радиочастотный центр»

КИНО КАК МЯГКАЯ СИЛА. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации[1] среди национальных интересов выделяется развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия.

Кинематограф, который сам по себе является системой и обладает сложной структурой, реализует все функции массовой коммуникации. Функции кино разнообразны — познавательная, коммуникативная, эстетическая, идеологическая, воспитательная, рекреационная. Как правило, художественный фильм[2] реализует в себе сочетание перечисленных функций: и распространяет информацию о каком-либо явлении, создает и внедряет в массовое сознание кинематографическую картину мира, закрепляя, формируя или трансформируя нравственные установки и эстетические вкусы, воспроизводя или размывая национально-культурную идентичность социума, транслирует идеалы и поведенческие стереотипы. Кино — это социальный институт, способ организации и регулирования общественной жизни при помощи информационно-эстетической связи, «мягкая сила», ключевой особенностью которой является добровольный характер восприятия субъектом получаемой информации, делая реципиента более открытым, расположенным, доступным, «проницаемым» к восприятию транслируемого материала.

В отечественной психологии массовую коммуникацию относят к одному из видов социально ориентированного общения. А. А. Леонтьев[3], в частности, указывает, что «общение есть не столько процесс внешнего взаимодействия изолированных личностей, сколько способ внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого». Ю. А. Шерковин[4], еще один представитель отечественной психологии, рассматривал массовую коммуникацию как «систематическое распространение сообщений (через печать, радио, телевидение, кино, звукозапись, видеозапись) среди численно больших рассредоточенных аудиторий с целью утверждения духовных ценностей и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей».

---

[1] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[2] Художественный (игровой) фильм — фильм, который создан в художественной форме средствами актерской игры и имеет в основе сюжет, воплощенный в сценарии и интерпретируемый режиссером-постановщиком (ст. 3 Федерального закона от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»).

[3] *Леонтьев А. А.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовая коммуникация. Изд. 2, стер. / под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Соркина. М. : Смысл, 2019.

[4] *Шерковин Ю. А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.

Развитие современных технологий обеспечило возможность глубокого проникновения кинематографа в повседневную жизнь человека. На каждом смартфоне или планшете может быть обеспечена возможность выхода в сеть Интернет, установлены мобильные приложения аудиовизуальных сервисов, социальных сетей. Кино нередко становится в повседневной бытовой жизни человека незаметным фоном (например, просмотр кино в транспорте или вечерами за ужином). В настоящее время социализацию (механизм передачи знаний, опыта, культурных кодов) всё больше и больше реализуют разнообразные медиа и в научный оборот вошли понятия «медиасоциализации» и «киберсоциализации».

Кино как культурная индустрия участвует «в производстве социального смысла»[1], «рождает новую мифологию, с помощью которой происходит утверждение моделей человеческого поведения в культуре, помещение индивидуального бытия в новую систему социальных и культурных координат»[2], погружает реципиента в определенную матрицу смыслов, транслируя эталоны восприятия, оценки, отношения и способа реагирования на те или иные явления и события.

В условиях коммуникативной ситуации специальной военной операции задача анализа экспертами ФГУП «ГРЧЦ»[3] коммуникативной направленности материалов, транслируемых идей и формируемых у реципиента установок, при проведении психолого-лингвистических исследований и экспертиз зарубежных аудиовизуальных произведений приобретает особую актуальность и важность.

Также особо важное значение приобретает государственный контроль в информационном пространстве на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей, а также Республики Крым, учитывая высокие риски деструктивного информационно-психологического воздействия на население, проживающее на указанных территориях, особенно на несовершеннолетних (которые в силу возраста могли не быть непосредственными свидетелями недавних исторических событий и просмотр кино, помимо рекреационной цели, может выполнять обучающую функцию), чья картина мира уязвима и находится в процессе формирования.

Художественные фильмы (планируемые к прокату с прокатным удостоверением) при получении прокатного удостоверения оцениваются Минкультуры России на предмет наличия информации, нарушающей законодательство Российской Федерации. Художественные фильмы, распространяемые на пиратских ресурсах, в социальных сетях соответствующий «фильтр» могут не проходить. В ходе деятельности, а также обращением в компетентные органы граждан и организаций, реализующих общественный контроль, были выявлены ряд худо-

---

[1] *Хезмондалш Д.* Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой ; под науч. ред. А. Михалевой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

[2] *Огурчиков П. К.* Традиции и проблемы экранной культуры в контексте современного коммуникативного пространства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2010. № 1. С. 131–139.

[3] ФГУП «ГРЧЦ» является отраслевым центром, как подведомственная Роскомнадзору организация, помимо прочего, участвует в осуществлении Роскомнадзором возложенных на него функций по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, в том числе посредством проведения исследований и экспертиз информационных материалов, распространяемых в СМИ и СМК, на предмет установления наличия/отсутствия признаков нарушений законодательства РФ.

жественных фильмов, посвященных военной тематике, созданных в последнее десятилетие в Украине и/или в Украине совместно с иными недружественными государствами.

В качестве иллюстрации приведем два примера аудиовизуальных произведений: одно ориентировано на взрослую аудиторию, второе — на детскую[1].

Художественный фильм «Иловайск 2014 Батальон «Донбасс»[2] (сценарий: Иван Тимченко, Тарас Константчук[3]; продюсеры: Тарас Константчук, Светлана Соловьева; режиссер: Иван Тимченко), 2019 г. производства, в жанре военной драмы, с элементами триллера, имитацией документалистики, посвященный событиям июля — августа 2014 г., когда украинская армия и батальон «Донбасс»[4] в ходе АТО[5] оказались окруженными в г. Иловайске («Иловайский котел»). Картина создана без привлечения государственных средств, в съемках ленты принимали участие около 50 бойцов батальона «Донбасс», которые выжили в событиях 2014 г. Премьера художественного фильма в Украине состоялась 29.08.2019 — в 5-ю годовщину боев за Иловайск. Украинские военнослужащие позиционируются в художественном фильме как герои, демонстрируют идею «солдатского братства» и патриотизма: они опрятны, слаженно взаимодействуют в боях, имеют хорошую подготовку, обладают высоким моральным духом, в моменты боя в случае получения ранения немедленно помогают товарищам и оказывают медицинскую помощь, по-человечески обращаются с погибшими товарищами (провожают с почестями), что представлено на контрасте резко отрицательного образа «сепаратистов» ДНР и гражданских лиц в ДНР («ватники») — военнослужащие трусливы, легко сдаются, их трупы валяются в городе, их обгладывают собаки, среди них есть русские добровольцы (наркоман, его мотивация: уйти

---

[1] Фильм для детей и юношества — фильм, который предназначен для просмотра детьми в возрасте до восемнадцати лет, направлен на воспитание подрастающего поколения, создан на основе сценария и соответствует по тематике, содержанию и художественно-стилистическому решению физическому, психическому, духовному и нравственному развитию детей (ст. 3 Федерального закона от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»).

[2] Название на языке оригинала: «Іловайськ 2014 Батальон «Донбас» (2019).

[3] Сведения из открытых источников. Украинский общественный деятель, руководитель ОО участников боевых действий «Сармат», в прошлом — командир штурмовой группы добровольческого батальона «Донбасс» (2014).

[4] Южным окружным военным судом террористическое сообщество 2-й батальон специального назначения «Донбасс» 15-го отдельного Славянского полка Национальной гвардии Украины (войсковая часть 3035) признано террористической организацией (решение от 18.12.2024, б/н, вступившее в законную силу 30.01.2025), включено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (№ 61).

[5] АТО — антитеррористическая операция. И. о. президента Украины, председателем Верховной Рады Турчиновым А. В. был подписан Указ Президента Украины от 14.04.2014 № 405/2014 «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 13.04.2014 «О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранении территориальной целостности Украины», которым было введено в действие решение Совета национальной безопасности и обороны Украины от 13.04.2014 и начата так называемая антитеррористическая операция с привлечением вооруженных сил Украины.

из семьи, чтобы прекратить скандалы с родителями, и деньги), о населении формируется маргинальные представления (лицемеры, предатели, алкоголики, шлюхи). Центральными персонажами в художественном фильме является раненный командир штурмовой группы батальона «Донбасс» с позывным «Бигшут» (Тарас Константчук, камео), прячущийся с товарищем у пенсионерки в оккупированном городе (также показаны его лучшие качества как военнослужащего — он сдержанный, собранный, рациональный, в то же время он не теряет боеспособности даже после ранения, у него высокие моральные принципы — он оказывает медицинскую помощь, извлекает пулю из раны, женщине, которая ругается и обзывает его карателем и фашистом, являясь представителем населения ДНР) и бывший полковник ГРУ Рынков, который приехал из Ростова на Донбасс, стал комендантом города, его раздражает война, люди, он руководит «кадыровцами», но его цель — месть и найти своего сына-наркомана, вызволить его из плена. В завершении художественного фильма содержится текст на украинском языке следующего содержания: «*Общие потери украинских войск с начала войны на востоке Украины достигли более 4 100 человек. На время завершения работы над фильмом точно установлены имена 339 бойцов добровольческих батальонов и подразделений ВСУ, которые полегли под Иловайском. Более 80 человек пропали без вести. В боях за Иловайск и при выходе из города так называемым «зеленым коридором» погибли 59 бойцов 2-го батальона специального назначения НГУ «Донбасс». Война с Россией продолжается*».

Фильм не затрагивает период времени специальной военной операции, однако так или иначе касается непосредственно ассоциированных событий (АТО, противостояние ДНР и Украины, «Иловайский котел»), однако в материале формируется убеждение о Российской Федерации как военном агрессоре (поддерживающем активно «сепаратистов» ДНР), а также выражены недостоверная общественно значимая информация — во время прохождения через организованный «зеленый коридор» колона с украинскими военнослужащими и бойцами батальона «Донбасс» была якобы расстреляна Вооруженными силами РФ (при этом демонстрируются кадры с военнослужащим с опознавательными знаками ВС РФ, наблюдающим ход колоны в бинокль, и последующая работа орудий).

Президент РФ В. В. Путин 17.12.2015 в ходе традиционной большой пресс-конференции заявил: «Мы никогда не говорили, что там [на Украине] нет людей, которые занимаются решением определенных вопросов, в том числе в военной сфере, но это не значит, что там присутствуют регулярные российские войска. Почувствуйте разницу».

Таким образом, в художественном фильме распространяется под видом достоверных сообщений недостоверная информация, содержащая данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Следующий пример аудиовизуального произведения представлен анимационным фильмом[1], созданным в 2022 г., ориентированным на детскую аудиторию, под названием «Крошка Кро». Согласно описанию проекта на официальном сай-

[1] Анимационный фильм — фильм, который создан в анимационной форме на основе сценария и в котором использованы специально созданные, в том числе при помощи компьютерной графики, и двигающиеся на экране рисованные или объемно-кукольные образы и объекты

те студии «Квартал 95»[1]: «…до войны анимационной студией «Квартал 95» были изготовлены две серии мультфильма о приключениях крокодильчика Кро-Кро. Но с началом полномасштабного вторжения *создатели мультика решили, что крошка Кро может быть полезна на информационном фронте (курсив автора)*. Теперь толковый не по возрасту крокодильчик рассказывает детям, что сейчас происходит в нашей стране: в форме стихотворных сказок объясняет малышам, что такое война, что такое свобода, как нужно любить и защищать свою Родину и почему нельзя посягать на чужую территорию».

Начиная с третьей, во всех последующих сериях анимационного фильма образ персонажа Крошка Кро представлен не с головным убором (бейсболка красного цвета), а элементом военного снаряжения (шлем в камуфляжной расцветке с изображением государственного флага Украины), персонаж повествует, что сейчас происходит в его стране: «в форме стихотворных сказок и детских песен объясняет, что такое война, что такое свобода, как надо любить и защищать свою Родину и почему нельзя посягать на чужую территорию».

В анимационном фильме образы Президента РФ, военнослужащих Российской Федерации, а также простых мирных жителей России с применением принципа контраста позиционируются исключительно в отрицательном свете.

С помощью метафорического моделирования (используя традиционных сказочных персонажей известных русских сказок, например, «Колобок», «Теремок», «Кощей Бессмертный», «Золотая рыбка», а также персонажей, традиционно ассоциирующихся с Россией, например, медведь, щука, двуглавый орел), помещенных в отрицательный контекст, проектируется стереотип «Российская Федерация — враг», отрицается принадлежность русских к цивилизованному культурному миру — демонизация врага или, по Г. Лассуэллу[2], происходит мобилизация ненависти к врагу, классическая военная пропаганда.

Гражданское население Российской Федерации представлено персонажами с низкими моральными устоями, живущими в нищете и грязи, зомбированными информацией из телевизоров, российские военные — глупыми, примитивными и агрессивными, беспрекословно исполняющими любые, даже нелепые указы руководства.

Один из персонажей в анимационном фильме сходен по своим чертам с изображением Президента РФ В. В. Путиным Данный персонаж изображается в следующих образах:

— Кощея Бессмертного (серия под названием «Казкові речі») — находящегося в пространстве, воспринимающемся как бункер, его костюм представлен накидкой, в области груди визуализируется декоративный элемент, представленный изображением в виде окружности черного цвета, трех лепестков черного цвета на фоне желтого цвета, являющегося международным симво-

(ст. 3 Федерального закона от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»).

[1] Студия «Квартал-95». URL: https://kvartal95.com/uk/projects/kazky-vid-kro-kro/ (дата обращения: 10.06.2025).

[2] *Лассуэлл Г. Д.* Техника пропаганды в мировой войне : пер. с англ. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований, Отд. политической науки, Отд. социологии и социальной психологии; сост. и переводчик В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко; вступ. статья Д. В. Ефременко, И. К. Богомолова. М., 2021.

лом опасности — радиации, рядом с персонажем визуализируется предмет черного цвета с расположенной на нем красной кнопкой (символ «ядерного чемоданчика»).

— Царя (серия под названием «Золота рибка») — находящегося аналогично в пространстве, воспринимающемся как бункер, его костюм представлен накидкой, в области груди визуализируется декоративный элемент, представленный изображением в виде окружности черного цвета, трех лепестков черного цвета на фоне желтого цвета, являющегося международным символом опасности — радиации, голову венчает корона, в правой руке скипетр, рядом с персонажем визуализируется предмет черного цвета с расположенной на нем красной кнопкой (символ «ядерного чемоданчика»), пожелавшего поймать ему Золотую рыбку, у которой он просит «замок в Геленджике, жену молодую, можно гимнастку, крейсер, боеголовки, великую армию и быть морским владыкою».

Одна из серий (серия под названием «Абетка») создана в виде азбуки, направленной на запоминание букв с помощью демонстрации и озвучивания предмета, название которого начинается на соответствующую букву (т.е. материал ориентирован на аудиторию раннего возраста, 2–3 лет). Все избранные образы ассоциированы исключительно с военно-политической тематикой: А — «Азов»[1] (изображается лицо мужского пола в военном обмундировании с шевроном «Азов»), Б — «Байрактар», В — волонтер, Г — гасло (девиз, Слава Україні!), Г — гвалт (изображается телевизор, на экране которого транслируется следующее: изображение курицы с микрофоном и изображение медведя в футболке с надписью «Тагиииил!!!»[2], держащим государственный флаг Российской Федерации и взобравшимся на башню [кремлевскую], которую венчает рубиновая звезда), Д — донат (народная финансовая помощь на нужды ВСУ), Л — «Леопард» (немецкий танк), Т — тероборона[3], Ф — Ф-16 (американский самолет, истребитель), Ш — шеврон, и т.п.

Таким образом, анимационный фильм как содержащий признаки речевой дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, осуществляемой посредством апелляции к эмоциональной сфере реципиента (через образы, а также через введение в отри-

---

[1] Верховным Судом РФ Украинское военизированное националистическое объединение «Азов» (другие используемые наименования: батальон «Азов», полк «Азов») признано террористической организацией (решение от 02.08.2022 № АКПИ22-411С, вступившее в законную силу 10.09.2022), включено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (№ 41).

[2] «Тагиииил!!!» — восклицание-мем, ассоциирующееся с бескультурным поведением и дебоширством российских туристов.

[3] Территориальная оборона — система общегосударственных военных и специальных мероприятий, осуществляемых в мирное время и в особый период с целью противодействия военным угрозам, а также для оказания помощи в защите населения, территорий, окружающей среды и имущества от чрезвычайных ситуаций (ст. 1 Закона Украины от 16.07.2021 № 1702-IX «Об основах национального сопротивления») // URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1702-20#Text (дата обращения: 10.06.2025).

цательно оцениваемый контекст, отражающий негативное отношение автора к действиям Вооруженных сил Российской Федерации), представляет собой информационный смоделированный идеологизированный продукт, направленный на неэтичное семиотическое вторжение, морально-нравственную дискредитацию идеалов, формирование искаженного представления о социально-политической реальности, то есть формирование когнитивных и ценностных параметров мировосприятия (антироссийской политической картины мира) и может быть признан обладающим признаками несоответствия интересам когнитивной безопасности несовершеннолетних.

Помимо психологического воздействия в ходе просмотра вышеописанных и подобных аудиовизуальных произведений, реципиент избирательно (не без участия рекомендательных технологий) дополнительно подвергается психологическому воздействию (сопутствующему кинопросмотру на ресурсах, не являющихся аудиовизуальными сервисами): в виде распространения сообщений, содержащих заведомо ложную информацию об использовании Вооруженных сил Российской Федерации (разнообразные «заставки» перед началом воспроизведения кино, размещение ссылок на телеграмм-каналы, «освещающих» события с информационного ракурса Украины); в виде распространения информации, содержащей предложение о финансировании противника в условиях вооруженного конфликта, военных действий, контртеррористической операции или иных действий с применением вооружения и военной техники, участие в которых принимает Российская Федерация, а также сведения о возможных способах осуществления такого финансирования (размещение баннеров с QR-code при сканировании которых предлагается осуществить финансирование деятельности ВСУ).

При выявлении такой информации (сопутствующей кинопросмотру), обладающей признаками нарушения законодательства Российской Федерации, предусмотрен правовой механизм, позволяющий внесудебно на уровне межведомственного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций принимать меры оперативного реагирования — ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Представим некоторые статистические данные: начиная с 2022 было выявлено 5 477 (!) пиратских интернет-ресурса, распространяющих в ходе просмотра аудиовизуальных произведений вышеуказанные баннеры (суммарно 517,3 млн посещений в месяц). С 89 интернет-ресурсов противоправная информация владельцами была удалена, к текущему моменту ее размещение не возобновлялось, в связи с чем ограничение доступа к данным ресурсам было отменено. Касательно распространения зарубежных аудиовизуальных произведений (художественных фильмов, посвященных военной тематике, созданных в последнее десятилетие в Украине и/или в Украине совместно с иными недружественными государствами), содержащих признаки нарушения законодательства Российской Федерации, с декабря 2024 г. доступ к ним по 470 ссылкам ограничен[1].

Важной актуальной задачей государства сохраняется обеспечение информационного суверенитета (способность и возможность самостоятельно осуще-

[1] Данные ФГУП «ГРЧЦ» по состоянию на 24.03.2025.

ствлять функции государства в информационной сфере с целью соблюдения прав и свобод граждан, обеспечения национальной безопасности[1]), являющегося средством достижения информационно-психологической и национальной безопасности населения.

При обнаружении материалов, потенциально обладающих признаками нарушения законодательства в сфере СМИ и СМК, реализовать общественный контроль граждане и организации могут путем обращения в общественную приемную Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций на официальной интернет-странице «Общественная электронная приемная Роскомнадзора»[2].

[1] Постановление № 41-13 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О проекте Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников Содружества Независимых государств». Принято в г. Санкт-Петербург 28.11.2014 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 62 (ч. 2) ; решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников Содружества Независимых Государств». Принято в г. Москве 25.10.2019 // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: http://cis.minsk.by (дата обращения: 10.06.2025).

[2] Общественная электронная приемная Роскомнадзора» // URL: https://rkn.gov.ru/treatments/ask-question/.

Гринь Е. С.,
к. ю. н., доцент,
заместитель заведующего кафедрой
интеллектуальных прав
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АККАУНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В современном обществе с учетом технологического развития, аккаунты в социальных сетях стали неотъемлемым элементом имущественного и информационного оборота. Они используются как для личных, так и для профессиональных целей, нередко обладают значительной стоимостью, а также могут служить средством воздействия на общественное мнение и располагать творческим контентом. Несмотря на это, в российском законодательстве до сих пор отсутствует четкое и развернутое определение правового режима аккаунта, что порождает многочисленные трудности в юридической практике, включая вопросы его квалификации как объекта гражданских прав, возможности его наследования, отчуждения, включения в состав наследуемого имущества, обращения взыскания, применения обеспечительных мер и блокировки по инициативе государственных органов.

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность комплексного теоретического осмысления и правового анализа правовой природы аккаунтов в социальных сетях, в том числе с учетом зарубежных правопорядков и изучения судебной практики в России.

Правой режим аккаунтов в социальных сетях определяется по-разному и в научной литературе нет единого мнения. Одни авторы отмечают, что аккаунты — это базы данных либо программа для ЭВМ, другие считают, что это персональные данные, не относящиеся к авторско-правовым вопросам. Отдельно аккаунты рассматриваются как разновидность сложных объектов интеллектуальных прав[1]. Однако еще больший вопрос в правоприменительной практике возникают по поводу аккаунтов, которые создаются и функционируют с помощью технологий искусственного интеллекта.

В современной юридической науке отмечается, что основной вызов состоит в отсутствии четких юридических определений ключевых «цифровых объектов», таких как аккаунт в социальной сети. В трудах В. Б. Наумова подчеркивается: право и государственное управление сталкиваются с новыми категориями и субъектами, появившимися в результате технологического прогресса, — от самих пользователей до технологических олигополий и ИИ-систем. Основные вызовы сформулированы как геополитические, социокультурные (цифровое

[1] См. об этом: *Гринь Е. С.* Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 128–134.

неравенство, идентификация) и правовые, связанные с адаптацией существующих институтов[1].

Вопросам авторства и интеллектуальных прав на объекты, производимые с использованием ИИ, посвящены многие современные исследования (В. О. Калятин[2], Е. С. Гринь[3] и др.). Подчеркивается, что пока ИИ не может быть признан самостоятельным субъектом права, следовательно — объект, созданный ИИ, должен рассматриваться как произведение без автора либо закрепляться за лицом, организовавшим процесс создания (разработчик, пользователь, заказчик). Дискуссии ведутся и о том, может ли аккаунт рассматриваться как объект права собственности, или же это исключительно услуга, предоставляемая по договору, иные права на цифровой след пользователя.

Международная и отечественная судебная практика по вопросам цифровых объектов, включая аккаунты, складывается неоднозначно, о чем свидетельствуют многочисленные знаменитые дела — особенно если речь идет о правах на произведения, сообщения и данные, размещенные в аккаунтах и при их взаимодействии с искусственным интеллектом (например, при автоматизированной генерации контента).

Так, судебные споры по поводу нарушений авторских прав при обучении ИИ (The New York Times vs OpenAI, Sarah Andersen et al. v. Stability AI и др.) часто затрагивают вопрос: кто вправе претендовать на права в отношении данных, размещенных, хранимых или переработанных через аккаунты? Например, в деле The New York Times vs OpenAI истец утверждал, что доступ и обработка статей через цифровые платформы и аккаунты без согласия владельца является нарушением авторских прав, поскольку эти материалы использовались для обработки обучающимися ИИ-системами, что, возможно, искажает или подрывает рыночную ценность оригинального контента[4].

Можно сделать вывод, что с точки зрения технической и современных правовых систем рассматривают аккаунт в первую очередь как совокупность прав и обязанностей по пользованию цифровым сервисом — своеобразный нематериальный актив, сочетающий элементы объекта интеллектуальных, гражданских и договорных прав. Однако всё чаще отмечается необходимость создания самостоятельного института «цифровых активов» с самостоятельным юридическим статусом и прозрачными правилами оформления, передачи, использования и защиты прав на такие объекты.

В зарубежной практике доминирует интерпретативный подход: ключевым признаком правоспособности авторских и иных прав, используемых или реализуемых через аккаунт, признается наличие творческого вклада человека и

---

[1] См. об этом: *Наумов В. Б.* Общие вызовы права и государственного управления в цифровую эпоху // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55).

[2] См.: *Калятин В. О.* Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4.

[3] См.: *Гринь Е. С.* Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 128–134.

[4] См.: The New York Times vs OpenAI (2023) // URL: https://www.courtlistener.com/docket/68117049/the-new-york-times-company-v-microsoft-corporation/ (дата обращения: 14.05.2025).

его активное участие. Исключение составляют ситуации автоматизированного производства контента, где отсутствует творческое усилие пользователя.

Российские суды начинают формировать практику по категории дел, связанными с аккаунтами: если пользователь (оператор аккаунта) доказал свое непосредственное влияние на результат деятельности (например, сформулировал запрос, отредактировал и принял результат работы ИИ), возможна охрана такого объекта как результата интеллектуального труда; если же участие человека минимально или отсутствует — и ИИ самостоятельно генерирует контент — правовой защиты такие объекты не получают.

В ряде случаев суды переходят к раскрытию внутренней документации ответчиков, чтобы установить способы сбора информации для обучения и проверить соблюдение режима авторских прав и другие требования закона (например, дело SARAH ANDERSEN и др.). В деле Concord Music Group v. Anthropic PBC (США, 2024)[1] на первый план выходит вопрос массового использования и дальнейшей коммерциализации произведений без разрешения правообладателей. Эти процессы подчеркивают необходимость международного правового регулирования и поиска унифицированных подходов.

Интересны и решения о распределении ответственности за ошибки ИИ. В деле Moffatt v. Air Canada (Канада, 2024)[2] суд признал, что за действия бот-помощника несет ответственность компания, чей сервис был источником информации, введшей истца в заблуждение. Напротив, в деле Roberto Mata vs Castel (США) штрафы были наложены на адвокатов, которые без должной проверки использовали ложную информацию, сгенерированную ИИ. Эти решения фиксируют приоритет человеческого контроля за автономной цифровой системой и выполнение функций надзора за точностью и достоверностью данных, выходящих за рамки так называемого «слепого» доверия технологиям[3].

Особое значение для правового статуса объектов интеллектуальной собственности, созданных с помощью ИИ, имеют решения, определяющие или отрицающие охраноспособность подобных результатов. Например, в США Бюро по авторским правам не признает произведения, созданные полностью автоматически без значительного творческого вклада человека (истории с Théâtre D'opéra Spatial и комиксом Крис Каштановой). Напротив, в Китае и ряде российских дел суд усмотрел в действиях пользователя ИИ самостоятельное проявление творческой воли и признавал такие работы охраняемыми результатами (дела Li v. Liu, Shenzhen Tencent против Shanghai Yingxun, постановление 13-го арбитражного апелляционного суда РФ). В этих случаях определяющим критерием становятся степень участия человека в постановке задачи и доводке результата до конечного произведения.

В патентной сфере сохраняется единство подхода: и в США, и в ЕС, и в Великобритании суды последовательно отказывают в признании ИИ субъектом права

---

[1] См.: Concord Music Group & ors v. Anthropic PBC // URL: https://www.bakerlaw.com/concord-music-group-inc-v-anthropic-pbc/ (дата обращения: 14.05.2025).

[2] См.: Moffatt v. Air Canada // URL: https://www.canlii.org/en/bc/bccrt/doc/2024/2024bccrt149/2024bccrt149.html (дата обращения: 14.05.2025).

[3] См.: Roberto Mata vs Castel, U.S.D.J. // URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nysdce/1:2022cv01461/575368/54/ (дата обращения: 14.05.2025).

на изобретение (дела Thaler v. Hirshfeld, Dabus), подчеркивая законодательную привязку термина «изобретатель» к человеку[1].

Таким образом, в судебной практике по вопросам искусственного интеллекта формируется несколько ключевых позиций: в случае нарушений интеллектуальных прав в большинстве случаев отвечают те лица, которые обладают контролем или извлекают выгоду из данных технологий: владельцы, разработчики, пользователи, либо организации, предоставляющие сервис. Признание охраноспособности результатов деятельности, созданные с помощью искусственного интеллекта зависит от наличия и объема творческого (человеческого) вклада. Если вклад сведен к простому вводу данных или выбору параметров без существенной индивидуализации, скорее всего, охрана не предоставляется. При значимых авторских решениях (выбор темы, компоновка, доработка) охраноспособность может быть признана. Практика развивается стремительно, но комплексного и однозначного регулирования в большинстве стран еще не выработано,

Очевидна необходимость дальнейшей законодательной конкретизации, основанной на анализе международных практик, с учетом как интересов правообладателей, так и необходимости стимулирования инноваций в цифровой экономике.

Карабань П. С.,
студент 2-го курса магистратуры
«Юриспруденция»,
направленность «Финансовый
и налоговый консалтинг»,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ВВЕДЕНИЕ 3 %-НОГО ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПЛАТЕЖА ДЛЯ РЕКЛАМНОГО РЫНКА. ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ

26 декабря 2024 г. был принять Федеральный закон о внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» и отдельные законодательные акты РФ (далее — Закон), который предполагает введение 3 % обязательного платежа с рекламы распространяемой на территории РФ в Интернете. В существующей редакции предлагается ввести обязательные отчисления от суммы дохода, полученного от реализации услуг по распространению рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Размер отчисления:

Три процента от дохода, полученного в течение квартала рекламораспространителями, операторами рекламных систем, лицами осуществляющими действия в целях распространения рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по поручению и за счет рекламодателя и (или) рекламораспространителя или оказывающих услуги по распространению рекламы от реализации услуг по распространению в информационно-телекоммуникационной сети

[1] См.: *Домовская Е. В., Гринь Е. С., Новоселова Л. А.* Учет и систематизация прав на результаты интеллектуальной деятельности. М., 2019.

«Интернет» рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей рекламы, находящихся на территории Российской Федерации[1].

Противоречия, имеющиеся в Законе:

1) Не совсем понятна правовая природа термина «обязательного отчисления». В Российском законодательстве данный термин не встречается. Согласно ст. 8 Налогового кодекса Российской Федерации существуют следующие понятия, включающие в себя обязательность:

Налог — обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения, принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ве́дения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований[2].

Сбор — обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий), либо уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введен сбор, отдельных видов предпринимательской деятельности[3].

Страховой взнос — обязательные платежи на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное медицинское страхование, взимаемые с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения реализации прав застрахованных лиц на получение страхового обеспечения по соответствующему виду обязательного социального страхования[4].

Проанализировав данные определения, можно прийти к выводу о том, что термин «обязательный платеж» по своей правовой природе следовало бы отнести к налогу. Из этого вытекает следующее противоречие законодательству.

2) Исходя из фактического толкования текста Закона следует, что данный обязательный платеж распространяет свое действие на всю территорию Российской Федерации. Таким образом, данный «обязательный платеж» должен быть закреплен в НК РФ как налог. Так как, в соответствии с ч. 1 ст. 12 НК РФ:

«Федеральными налогами и сборами признаются налоги и сборы, которые установлены настоящим Кодексом и обязательны к уплате на всей территории Российской Федерации, если иное не предусмотрено пунктами 7 и 8 настоящей статьи[5].»

При всем при этом не понятна логика внесения предлагаемых изменений в Федеральный закон «О рекламе» и детального определения субъектов, объекта, размера, периода и прочих вещей, которые в обязательном порядке должны быть указаны при взимании налогов.

---

[1] Федеральный закон от 26.12.2024 № 479-ФЗ о внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации.

[2] Ст. 8 Налогового кодекса Российской Федерации.

[3] Ст. 8 НК РФ.

[4] Ст. 8 НК РФ.

[5] Ст. 12 НК РФ.

Не сто́ит забывать об основных началах законодательства о налогах и сборах, закрепленных в ст. 3 НК РФ:

«Ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги и сборы, а также иные взносы и платежи, обладающие установленными настоящим Кодексом признаками налогов или сборов, не предусмотренные настоящим Кодексом либо установленные в ином порядке, чем это определено настоящим Кодексом»[1].

Таким образом, осуществление реализации данного Закона, противоречит ч. 9 ст. 6 НК РФ.

Предлагаемые изменения:

Законодателю необходимо определиться с правовой природой данного платежа и внести изменения не в Федеральный закон «О рекламе», а в НК РФ.

Проанализировать возможность введения системы поощрений для участников рынка рекламы, добросовестно выполняющих свои обязательства введя понижающий коэффициент за каждый год для тех, кто нарушал законодательство не более определенного количества раз. Тем самым получится замотивировать участников рынка добросовестно выполнять свои обязательства и вести легальную налоговую оптимизацию.

Ввести повышающий коэффициент для злостных нарушителей законодательства о рекламе.

Передать данный налог на уровень субъектов Российской Федерации в зависимости от места регистрации юридического лица, индивидуального предпринятая, а также предоставить возможность субъектам самостоятельно определять ставку в четких границах для привлечения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в свой регион.

Хабибуллина А. С.,
член Союза юристов-блогеров
при Ассоциации юристов России
и Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к. ю. н., доцент кафедры трудового права
и права социального обеспечения
Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Оренбург

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ-БЛОГЕР: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И РИСКИ

Социальные сети в настоящее время — это не просто источник новостей и публикации о личной жизни, в последнее время они стали и платформой для профессионального развития и коммуникации в совершенно различных областях, в том числе в научно-педагогической деятельности. Преподаватель-блогер уже никого не удивляет, однако, морально-этические требования к ведению социальных сетей педагогическими работниками предъявляются более строгие ввиду следующего.

[1] Ст. 3 НК РФ.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» педагогический работник — физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности.

Тем самым к педагогическим работникам относят работников как высших учебных заведений, так и средних профессиональных, общеобразовательных школ, воспитателей в детских садах, интернатах, тьютеров, старших вожатых, музыкальных руководителей, концертмейстеров, методистом, тренеров-преподавателей, мастера производственного обучения[1].

При этом основной характеристикой такого вида деятельности является осуществление не только обучения, но и воспитания[2] обучающихся и организация образовательной деятельности.

В соответствии с ч. 2 ст. 48 Федерального закона № 273-ФЗ педагогический работник обязан соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики, уважать честь и достоинство обучающихся и других участников образовательных отношений; формировать в процессе осуществления педагогической деятельности у обучающихся чувство патриотизма, уважение к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимное уважение, бережное отношение к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации; развивать у обучающихся познавательную активность, самостоятельность, инициативу, творческие способности, формировать гражданскую позицию, способность к труду и трудолюбие, ответственное отношение к профессиональной, добровольческой (волонтерской) деятельности, формировать у обучающихся культуру здорового и безопасного образа жизни и другие обязанности.

Все перечисленные обязанности педагогический работник должен реализовывать в том числе в быту, а значит, и при ведении социальных сетей. Об этом свидетельствуют положения профильных актов, так, в письме Минпросвещения России, Профсоюза работников народного образования и науки РФ от 20.08.2019 № ИП-941/06/484 «О примерном положении о нормах профессиональной этики

---

[1] Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» // Российская газета. № 237. 20.10.2010.

[2] Воспитание обучающихся — деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде (ст. 2 Закона № 237-ФЗ).

педагогических работников» выделяются следующие обязанности педагогического работника, касающиеся поведения и в социальных сетях: необходимость избегать ситуаций, способных нанести вред чести, достоинству и деловой репутации педагогического работника и (или) организации, осуществляющей образовательную деятельность; воздерживаться от размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в местах, доступных для детей, информации, причиняющий вред здоровью и (или) развитию детей.

С точки зрения трудового законодательства повышенные требования к педагогическим работникам проявляются и в специальных основаниях увольнения — увольнение по инициативе работодателя работника, выполняющего воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы (пп. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Достаточно устойчивое применение в судебной практике нашли следующие ситуации совершения аморального проступка со стороны педагогических работников: распитие спиртных напитков (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2024 № 88-23399/2024); оскорбление обучающихся в присутствии иных студентов, применение мер физического воздействия (определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2025 № 88-6372/2025).

Однако с развитием социальных сетей расширяется и перечень действий педагогических работников, которые квалифицируются как аморальные проступки, например, размещение в социальной сети публикаций и видео обращений с критикой личностных качеств руководства страны, педагогического сообщества, призывами не верить средствам массовой информации и власти в целом в условиях происходящих политических событий в стране в связи с проводимой специальной военной операцией и доведение таких сведений до неопределенного круга лиц, в том числе несовершеннолетних, является аморальным поступком (определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2024 по делу № 88-10414/2024). Также был квалифицирован как аморальный проступок размещение информации в социальных сетях которая содержит недостоверную общественно значимую информацию о событиях, связанных с проведением Российской Федерации специальной военной операции по защите Донецкой и Луганской народных республик (определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2023 по делу № 88-5693/2023).

Еще одним требованием при ведении блогов педагогическими работниками является требование соблюдения законодательства об интеллектуальной собственности. Так, педагогические работники, учителя и преподаватели высших и средних учебных заведений часто создают различные произведения — текстовые (посты), аудиовизуальные (видео), информационный материал (чек-листы, рабочие листы, презентации), которые размещают в социальных сетях как бесплатно, так и на платной основе. В данном вопросе необходимо придерживаться общих правил по соблюдению прав третьих лиц, в частности не нарушать права авторов на фото, видео, тесты, с одной стороны, то есть быть автором контента, который размещается на странице, либо заключать договоры о приобретении прав на такие произведения от третьих лиц (дизайнеров, помощников).

Таким образом, при размещении в социальных сетях произведений необходимо соблюдать авторские и исключительные права третьих лиц, в частности не использовать такие произведения без согласия правообладателей.

Следующим вопросом, требующим повышенного внимания со стороны педагогических работников при ведении блогов, является вопрос использования изображений учеников, студентов и иных обучающихся, которое должно происходить с согласия их законных представителей.

В соответствии со ст. 152.1 ГК РФ обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина.

Такое согласие не требуется, в частности, когда изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования.

Таким образом, для законного использования фото и видеозаписей с участием граждан (детей, в том числе) в блоге необходимо получать согласие на использование и обнародование изображения человека (законного представителя ребенка).

Проведенное исследование законодательства об образовании, а также трудового и гражданского законодательства свидетельствует о том, что для педагогических работников предъявляются повышенные требования к размещению информации в социальных сетях в связи с наличием специального законодательства, устанавливающего определенные морально-этические условия занятия педагогической деятельностью, при нарушении которых может наступить как дисциплинарная, так и административная, и уголовная ответственность.

Ермохина Е. А.,
юрист, член Союза юристов-блогеров
при Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
и Ассоциации юристов России

ВЛИЯНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ НА БЛОГОСФЕРУ

Сегодня ведение блогов выходит за рамки простого распространения информации, превращаясь в многогранное социокультурное явление, объединяющее элементы журналистики, маркетинга и политических технологий. Блогосфера представляет собой динамичную среду, потенциал которой для изучения в контексте цифровых коммуникаций еще полностью не раскрыт.

Важным трендом в социальных сетях стало стремительное распространение нейросетей, оказывающих значительное влияние на блогосферу. Они трансформируют процессы создания, распространения и анализа контента, автоматизируя рутинные задачи, персонализируя контент, оптимизируя его для поисковых систем и выявляя актуальные тренды. Автоматизация создания контента с помощью искусственного интеллекта (ИИ) ускоряет производство текстов, изображений и видео, позволяя блогерам сосредоточиться на стратегии и взаимодействии с аудиторией. Персонализация контента на основе анализа данных пользователей повышает вовлеченность и лояльность аудитории. SEO-

оптимизация с помощью нейросетей увеличивает органический трафик и улучшает видимость блога. Анализ трендов помогает блогерам создавать актуальный контент и принимать обоснованные решения.

Нейросети также применяются для борьбы с дезинформацией, что повышает доверие к контенту и укрепляет репутацию автора. Многие блогеры активно используют нейросети для создания контента на популярные темы, используя специальные запросы, известные как промты.

В настоящее время правовой статус промтов остается неопределенным. Сам по себе промт обычно не является достаточным основанием для получения авторских прав, поскольку рассматривается как инструкция. Однако сложные и креативные промты с оригинальной структурой могут быть защищены как литературные произведения, если обладают достаточной степенью оригинальности и творческим характером. Важным критерием является степень творческого вклада. Авторское право может распространяться на творческую компоновку, отбор и координацию элементов в таких промтах. Для защиты своих идей рекомендуется создавать не просто технические, а по-настоящему авторские промты.

Блогерам следует проявлять осторожность в отношении контента, созданного нейросетями, чтобы избежать потери охватов и доверия аудитории. Пользователи социальных сетей ценят оригинальный контент и быстро распознают искусственно сгенерированные посты. Неуникальный контент также негативно сказывается на ранжировании, поскольку алгоритмы продвигают интересные авторские публикации и выявляют плагиат. Кроме того, существует риск нарушения авторских прав, так как нейросети могут использовать фрагменты чужих текстов или изображений без разрешения владельцев.

Основной проблемой регулирования ИИ является отсутствие четкого понимания его правового статуса. В российском законодательстве субъектами права признаются физические, юридические лица и публично-правовые образования, в то время как ИИ таковым не является. В правовой среде существуют различные точки зрения относительно авторства произведений, созданных с помощью ИИ: автором, может считаться сам ИИ, человек, сформировавший запрос (промт), или разработчик ИИ. Единого мнения по этому вопросу пока нет.

Нейросети позволяют блогерам значительно сократить время на планирование и создание контента, поиск новых идей и концепций. Появляется всё больше сервисов, специализирующихся на создании контента для социальных сетей, которые значительно экономят ресурсы и время блогеров.

С развитием ИИ появились также ИИ-инфлюенсеры — виртуальные персонажи, созданные с использованием искусственного интеллекта. Эти персонажи, разработанные креативными агентствами, взаимодействуют с аудиторией, делятся контентом, одобряют продукты и общаются со своими подписчиками, подобно обычным влиятельным лицам в социальных сетях. Однако важно помнить, что их взаимодействие с продуктами, услугами и подписчиками полностью сфабриковано, поэтому к информации от ИИ-инфлюенсеров следует относиться с осторожностью.

Трансформация блогосферы в платформу самовыражения медийной личности привела к изменению вектора общения в сети: образ персоналии становится ядром, вокруг которого формируется общественное мнение. Эффект воздействия на аудиторию определяется готовностью интернет-читателей следовать или возражать блогеру.

Влияние нейросетей на блогосферу не ограничивается упрощением создания контента. Они также предоставляют новые возможности для анализа аудитории и выстраивания долгосрочных отношений с подписчиками. Использование алгоритмов машинного обучения позволяет выявлять наиболее активных пользователей, анализировать их интересы и потребности, а также прогнозировать их поведение. Эти данные помогают блогерам создавать более релевантный контент, оптимизировать стратегии продвижения и повышать эффективность взаимодействия с аудиторией. Кроме того, нейросети способны автоматизировать процессы модерации комментариев и выявлять случаи нарушения правил сообщества, что способствует созданию более комфортной и безопасной среды для общения.

С ростом популярности нейросетей в блогосфере возрастает и потребность в разработке этических норм и правил их использования. Важно, чтобы блогеры осознавали ответственность за контент, созданный с помощью ИИ, и не злоупотребляли возможностями автоматизации. Необходимо соблюдать авторские права, избегать распространения дезинформации и не вводить аудиторию в заблуждение относительно происхождения контента. Открытость и прозрачность в отношении использования ИИ являются ключевыми факторами для поддержания доверия аудитории и сохранения репутации блогера.

Одним из перспективных направлений развития блогосферы является интеграция нейросетей в процессы обучения и развития блогеров. Использование алгоритмов машинного обучения позволяет анализировать эффективность различных стратегий продвижения и выявлять наиболее успешные практики. На основе этих данных можно создавать персонализированные программы обучения, направленные на развитие конкретных навыков и компетенций блогеров. Кроме того, нейросети могут помочь блогерам в освоении новых инструментов и технологий, что позволит им оставаться конкурентоспособными в быстро меняющемся цифровом мире.

В будущем можно ожидать появления новых форм взаимодействия между блогерами и нейросетями. Например, ИИ может стать полноценным соавтором, помогая в создании сценариев, разработке визуальных концепций и даже проведении прямых эфиров. Однако важно, чтобы блогер оставался главным творцом и определял стратегию развития своего блога. Нейросеть должна служить инструментом, расширяющим возможности блогера, а не заменяющим его.

Таким образом, нейросети оказывают многогранное влияние на блогосферу, преобразуя процессы создания, распространения и анализа контента. Они предоставляют блогерам новые возможности для повышения эффективности своей работы, но также ставят перед ними новые этические и юридические вызовы. Успех блогеров в будущем будет зависеть от их умения эффективно использовать потенциал ИИ, сохраняя при этом креативность, человеческий фактор и приверженность этическим принципам.

В будущем блогосфера продолжит трансформироваться под воздействием нейросетей, и успех блогеров будет зависеть от их умения эффективно использовать потенциал ИИ, сохраняя при этом креативность, человеческий фактор и этические принципы.

Горчакова А. П.,
ассистент кафедры таможенной
и товароведческой экспертизы МИУиБ
ФГАОУ ВО «Росбиотех», аспирант Юридического
института РУДН имени Патриса Лумумбы

ЗАЩИТА ПРАВ НА ДИЗАЙН БЛОГА

В современных условиях бывает трудно защитить свои творческие результаты. Всё чаще блогеры сталкиваются со страничками «зеркалами», копирующими их блог с целью инфо-мошенничества. Это влияет на репутацию блога и часто создает опасность совершения преступлений. В этом аспекте, а также с точки зрения защиты субъективных гражданских прав актуален вопрос правовой охраны дизайна блога.

Начнем исследование с изучения базового понятия блога. В соответствии с последней редакцией Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) (далее — Федеральный закон № 149-ФЗ), «Владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации» (ст. 10.6). Такое понимание «блогера» наводит читателя на понятие «блога» как такового.

Исследователи в разных областях предполагают различные вариации понимания блога:

— Лингвисты пишут, что это «гипертекст, который не предполагает линейного прочтения»[1], а также «сайт или разновидность сайта, содержащая датированные записи текстового и мультимедийного характера с возможностью комментирования, расположенные в обратном хронологическом порядке»[2].
— По данным Большой российской энциклопедии, «блог, интернет-дневник, отдельная страница (англ. standalone), аккаунт в социальной сети или раздел на сайте, где новые материалы публикуются последовательно и располагаются в хронологическом порядке»[3].

---

[1] *Евсюкова Т. В.*, ГермашеваТ. М. Основные подходы к определению понятий «блог» и «блогосфера» в лингвистике.

[2] *Баженова Е. А.*, *Иванова И. А.* Блог как интернет-жанр / Е. А. Баженова, И. А. Иванова // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». Пермь : Август, 2013. С. 125.

[3] Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: https://bigenc.ru/c/blog-7cbbd5.

— Иностранные коллеги трактуют блог как «веб-сайт, содержащий сетевой частный дневник с размышлениями, комментариями и часто гиперссылками, предоставляемыми автором»[1].

На основании вышеизложенного ясно следующее — блогом является ресурс, на котором автор выкладывает информацию о чем-либо в хронологическом порядке. Для юриста очевидно, что хронологический порядок не является творческим, а значит, сам порядок постов в блоге не охраняется авторским правом. Но также интересен вопрос, можно ли говорить о возможности правовой охраны дизайна блога (внешнего вида постов, общей концепции блога и др.)?

Начнем рассмотрение вопроса с базовых положений законодательства об интеллектуальных правах — идеи и концепции не охраняются авторским правом в соответствии с пунктом 5 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации. Таким образом, однозначно, что общая стилистика блога не охраняется правом (например, нельзя говорить о «краже» идеи ведения блога, посвященного этюдам жизни советских граждан в формате коротких видео).

Оригинальные элементы дизайна (например, уникальная графика, иллюстрации, фотографии, логотипы) защищаются авторским правом, если они обладают творческой уникальностью.

Важно помнить, что блог может быть аккумулирован не только на общепользовательских сайтах (VK, Rutube и др.), но и на собственно разработанном сайте. В таком случае веб-дизайн и макет могут охраняться как «произведение дизайна» или «сборник» (компиляция), если расположение элементов (цветовая схема, шрифты, структура) демонстрирует творческий подход. Однако стандартные шаблоны или типовые решения (например, базовый макет VK) защите не подлежат.

Если веб-сайт создан лицом самостоятельно или по договору, возникает право на код, созданный творческим трудом. В таком случае можно говорить об охране литеральных элементов программы — способ защиты сайта «изнутри».

Что насчет внешнего вида сайта? В данном вопросе следует обратиться к судебной практике. Рассмотрим пример из определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2, 3-466/2019. Компания ООО «Роял Девелопмент», владеющая доменом kaliningrad.priem-metallolom.com, подала иск против Е. И. Барановского, владельца домена kaliningrad.metallolom-priem.com, и ООО «Эймарт», разработчика сайта. Истец заявил, что ответчики незаконно использовали дизайн его сайта, включая цветовую гамму и расположение элементов, что привело к поразительному сходству между сайтами.

Суд определил, что сайты не идентичны. Различия включают: графические элементы дизайна, такие как наклон рисунков на страницах, различные геометрические формы логотипов, наличие интерактивной карты на сайте ответчика, отсутствующей на сайте истца, а также различия в текстах и других аспектах дизайна.

Таким образом, судом установлено, что дизайн сайта — реальная категория, охраняемая законом в настоящее время.

Несмотря на проделанное исследование, всё еще актуален вопрос, можно ли говорить об охраняемом дизайне блога, если он расположен не на отдельном сайте, а в социальной сети.

[1] Dictionary by Merriam-Webster Online // URL: URL: http://www.merriam-webster.com/.

Для ответа на этот вопрос нужно понять, что, в сущности, является элементами блога в социальной сети:

— Уникальная графика: логотипы, иконки, анимации, авторские иллюстрации.
— Фотографии и видео (например, кадры с уникальной композицией или обработкой).
— Тексты: посты, слоганы, описания профиля.
— Макет/компоновка: если расположение элементов на странице (например, порядок разделов, сочетание изображений и текста) демонстрирует творческую уникальность (простое хронологичное расположение не является творческим).
— Фирменные элементы: например, уникальный водяной знак или паттерн, созданный специально для вашего блога.

Безусловно, как указано выше, сама концепция и идея блога не подлежит правовой охране, однако, например, если блогер разработал свои шаблоны сопроводительных изображений к текстовым постам, их использование является незаконным.

Кроме того, важно помнить о том, что возможен риск введения потребителей в заблуждение в случае, если лицо попытается скопировать (полностью или частично) такие «имиджевые» элементы, по которым блогера узнают в интернет-сообществе (ст. 14.2 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Также нужно отметить, что все эти элементы охраняются тогда, когда они являются творческими, оригинальными (ст. 1257, 1259 ГК РФ). Со средствами индивидуализации блога дела обстоят проще, поскольку нанесение специальных знаков не так строго регламентировано. Если блогер хочет иметь легальные индивидуализирующие знаки, он вправе зарегистрировать их в Роспатенте. Однако это затратно для большинства блогеров и не имеет такой ценности, поскольку нет товаров и услуг, которые подлежат индивидуализации. В таком случае можно говорить о незарегистрированных знаках, отметках. Это не будет полным аналогом товарного знака, но поможет в борьбе с копированием, блогами зеркалами, мошенниками, позволит создать свою уникальную идентичность публичной странички.

В контексте Федерального закона № 149-ФЗ блог определяется как высокопосещаемый интернет-ресурс для распространения информации на языках Российской Федерации, представляющий собой хронологически упорядоченный гипертекст или интернет-дневник, порядок публикаций в котором не охраняется авторским правом. Согласно п. 5 ст. 1259 ГК РФ, идеи и общая стилистика блога не подлежат правовой охране, что исключает защиту тематической направленности или формата. Однако оригинальные элементы дизайна, такие как уникальная графика, иллюстрации, фотографии и логотипы, могут быть защищены авторским правом при условии их творческой уникальности. При самостоятельной разработке сайта веб-дизайн может охраняться как произведение дизайна или компиляция, а литеральные элементы кода — как объект авторского права. Для эффективной защиты дизайна блога следует фокусироваться на создании и фиксации оригинальных элементов, учитывая, что типовые шаблоны и стандартные решения не подпадают под правовую охрану.

Никитина Е. И.,
ассистент кафедры гражданского права
Саратовской государственной
юридической академии,
аспирант 1-го курса,
член Союза юристов блогеров,
практикующий юрист,
юрист ЮФ «Косенков и Суворов»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВОК. ДИАЛОГ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Цифровая трансформация театрального искусства актуализирует вопросы правовой защиты и правовой охраны интеллектуальной собственности в нетрадиционных сферах. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу трансформации института авторского права в условиях цифровизации театрального искусства в целом и театральных постановок в частности. По данным Росстата, 67 % российских театров используют цифровые технологии в постановках, что требует переосмысления традиционных правовых подходов. Данную тенденцию можно увидеть в развитии онлайн-показов известных театральных постановок, таких как «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова, «Вишневый сад» А. П. Чехова в постановках на сцене Государственного Академического Малого театра[1].

Современный театр переживает период фундаментальной трансформации, вызванной стремительным развитием цифровых технологий[2]. Согласно данным Министерства культуры Российской Федерации, за последние пять лет доля театров, использующих в своих постановках цифровые технологии, увеличилась с 28 % до 73 %. Этот процесс кардинальным образом меняет не только художественные практики, но и систему правового регулирования интеллектуальной собственности в сфере сценического и театрального искусства.

Актуальность исследования обусловлена наличием существенных пробелов в правовом регулировании новых форм театрального творчества. Традиционные нормы авторского права, сформированные в эпоху аналогового искусства, зачастую оказываются неприемлемыми для решения вопросов, возникающих в связи с применением технологий виртуальной реальности, генеративного искусственного интеллекта и других цифровых инноваций современности.

Автором при проведении настоящего исследования были применены: метод сравнительно-правового анализа, метод изучения и систематизации судебной практики, а также был использован междисциплинарный подход, объединяющий юридическую науку и театроведение.

---

[1] Культурный ход: 12 великолепных спектаклей, которые можно посмотреть онлайн // URL: https://thegirl.ru/articles/kulturnyi-khod-12-velikolepnykh-spektaklei-kotorye-mozhno-posmotret-onlain/ (дата обращения: 15.05.2025).

[2] *Иванова А. К.* Трансформация театрального искусства в эпоху цифровизации // 2023. URL: https://rewizor.ru/theatre/reviews/transformatsiya-teatralnogo-iskusstva-v-epohu-tsifrovizatsii/ (дата обращения: 15.05.2025).

Рассматривая правовой статус отдельных элементов театральной постановки, можно прийти к выводу о том, что исторически сложилось, что авторское право охраняло преимущественно литературную основу театрального произведения, а именно драматический текст. Однако современное понимание театральной постановки как синтетического искусства требует пересмотра этого подхода.

Согласно ст. 1259 ГК РФ, драматические произведения защищены как литературные тексты, однако их сценическое воплощение остается правовой «серой зоной». Однако по общему правилу театрально-зрелищная постановка отнесена юридической доктриной к сложным объектам интеллектуальных прав.

Цифровизация театра дополнительно усложняет эту проблему. Если традиционная постановка включала относительно стабильный набор элементов (текст, актерскую игру, декорации), то современные технологии позволяют создавать принципиально новые формы сценического искусства. Например, спектакли с использованием технологий дополненной реальности стирают границы между физическим и виртуальным пространством, а системы искусственного интеллекта могут генерировать изменяющиеся в реальном времени визуальные образы.

При этом особую сложность представляет вопрос правовой охраны цифровых элементов театральной постановки. Видеопроекции, являющиеся неотъемлемой частью многих современных спектаклей, также находятся в правовой «серой зоне». С одной стороны, они могут рассматриваться как аудиовизуальные произведения, с другой — как часть сценографического решения, декорации.

Еще более сложный случай представляют спектакли с элементами виртуальной реальности. Правовой статус VR-компонентов театральной постановки остается неопределенным. Возникают вопросы: можно ли считать VR-среду частью сценографии? Как квалифицировать интерактивные элементы, изменяющиеся в зависимости от действий зрителей?

Отдельного внимания заслуживает проблема использования искусственного интеллекта в создании театральных постановок. В случаях, когда ИИ генерирует визуальные образы или даже текстовые компоненты спектакля, возникает вопрос об авторстве таких элементов и их правовом статусе.

Видеопроекции, ставшие неотъемлемой частью многих современных постановок, таких как «Черный квадрат»[1], находятся в правовой серой зоне. Их юридическая квалификация колеблется между статусом самостоятельного аудиовизуального произведения, составной частью сценографии и новым видом объекта авторского права. Эта неопределенность усугубляется интерактивным характером современных проекционных решений, изменяющихся в реальном времени, что противоречит традиционному пониманию произведения как статично зафиксированного объекта. Как отмечает А. А. Ушкарёв[2], подобные технологии стирают границы между исполнением и произведением, создавая принципиально новые правовые реалии, не предусмотренные действующим законодательством.

---

[1] Официальный сайт ТКК «Александринский». URL: https://spb.ticketland.ru/teatry/tkk-aleksandrinskij/proekt-chyornyy-kvadrat-akt-v-noch-v-berline-e-t-a-gofman/ (дата обращения: 15.05.2025).

[2] *Ушкарёв А. А.* Цифровизация театра. Осмысление феномена // Художественная культура. 2023. № 2 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-teatra-osmyslenie-fenomena (дата обращения: 15.05.2025).

VR-реконструкции исторических спектаклей, подобные проекту «Виртуальный БДТ», порождают сложные коллизии на стыке авторского права и права на изображение[1]. При создании цифровых реконструкций возникает необходимость согласования интересов правообладателей оригинальных постановок, актеров, чьи образы используются в виртуальной среде, и создателей новых цифровых интерпретаций. Особую сложность представляет правовая квалификация подобных проектов, которые с трудом подпадают под традиционное понимание производных произведений. В отсутствие специальных норм судебная практика вынуждена применять по аналогии положения о фотографических произведениях, что не всегда адекватно отражает специфику виртуальной среды.

Технологии motion-capture, использованные в спектакле «Цифровой Гамлет»[2] поставленном на сцене великого МХТ имени Чехова, ставят перед правовой доктриной принципиально новые вопросы о статусе цифровых двойников актеров. Правовая природа таких цифровых образов остается неопределенной — являются ли они самостоятельными объектами авторского права или производными от личности актера. Проблема усложняется вопросами распределения прав между участниками творческого процесса и определения правового режима коммерческого использования цифровых образов после окончания контрактных отношений. Современное законодательство не содержит четких механизмов регулирования этих вопросов, что создает значительные риски для всех участников творческого процесса[3].

Эти правовые коллизии усугубляются стремительным развитием технологий, опережающим возможности законодательной системы. Профессор Л. Маркович в своем анализе Директивы ЕС об авторском праве[4] подчеркивает, что традиционные правовые конструкции оказываются неприменимыми для регулирования новых форм цифрового театра. Сложившаяся ситуация требует комплексного пересмотра авторско-правовых доктрин с учетом специфики цифровых технологий в сценическом искусстве, что невозможно без тесного взаимодействия юристов, театральных деятелей и технологических специалистов.

Также следует отметить, что цифровые технологии радикально изменили практику лицензирования театральных постановок. Традиционная модель, предполагающая заключение договоров на постановку конкретного спектакля в определенном театре, уступает место более сложным схемам.

Онлайн-трансляции спектаклей стали массовым явлением, особенно после пандемии COVID-19. Это потребовало разработки новых типов лицензионных соглашений, учитывающих территориальный характер авторских прав в цифро-

---

1 *Батаршин Р. Р.* Феномен цифровизации драматического театра: Digital как новейший опыт БДТ имени Г.А. Товстоногова // Философия и культура. 2023. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovizatsii-dramaticheskogo-teatra-digital-kak-noveyshiy-opyt-bdt-im-g-a-tovstonogova (дата обращения: 15.05.2025).

2 Онлайн-архив МХТ имени А.П. Чехова: URL: https://library.mxat.ru/video/153 (дата обращения: 15.07.2024).

3 Digital Theater Institute. Annual Report on Motion Capture Technologies in Performing Arts: Legal and Artistic Implications. Berlin, 2024. URL: https://digitaltheatreinstitute.org/reports/2024-mocap (дата обращения: 15.05.2025).

4 *Markovich L.* Digital Performance and EU Copyright Law: Challenges of Technological Convergence // European Intellectual Property Review. 2022. Vol. 44. No. 5. P. 291–305.

вой среде. Проблема «геоблокинга» — ограничения доступа к контенту по географическому признаку — стала одной из наиболее острых в театральной сфере.

Еще одним вызовом стало появление «гибридных» постановок, сочетающих живую игру актеров с цифровыми компонентами. Лицензирование таких спектаклей требует детальной регламентации прав на каждый используемый элемент, включая программное обеспечение и цифровые активы.

Цифровизация театрального искусства привела к появлению принципиально новых форм нарушения авторских прав. Традиционное «контрафактное» воспроизведение спектакля дополнилось такими явлениями, как: несанкционированная запись и распространение VR-спектаклей; использование скриншотов цифровых декораций в других постановках, незаконное копирование и модификация алгоритмов, используемых в спектакле.

Методы борьбы с цифровым пиратством также требуют переосмысления в современном праве. Из анализа интервью блогеров и искусствоведов и журналистов, анализа научных и публицистических статей, можно увидеть, что технологии блокчейна начинают применяться в том числе для отслеживания прав на цифровые компоненты постановок. Некоторые ведущие театры экспериментируют с NFT-сертификатами для подтверждения подлинности и прав на цифровые элементы спектаклей.

Если говорить о перспективах развития правового регулирования в данной сфере, следует отметить, что современное законодательство явно отстает от технологических изменений в сфере театрального искусства.

Во-первых, требуется законодательное закрепление понятия «цифровая театральная постановка» как особого объекта авторских прав. Это понятие должно охватывать как традиционные элементы, так и новые цифровые компоненты.

Во-вторых, необходимо разработать специальные правила лицензирования цифровых элементов постановок. Особого внимания заслуживает вопрос о праве на повторное использование цифровых активов в новых постановках.

В-третьих, законодателю следует предусмотреть специальные механизмы защиты от новых форм цифрового пиратства. Возможно, сто́ит рассмотреть введение мер специальной ответственности за незаконное использование цифровых компонентов театральных постановок.

В заключение следует отметить, что цифровая трансформация театрального искусства требует принципиального пересмотра подходов к правовой охране авторских прав в этой сфере. Традиционные концепции авторского права, сформированные в эпоху аналогового искусства, зачастую оказываются неактуальными для регулирования новых форм творчества.

Необходима разработка гибкой правовой модели, которая, с одной стороны, обеспечивала бы эффективную защиту прав создателей цифровых театральных постановок, а с другой — не создавала бы избыточных барьеров для развития новых форм сценического искусства. Это требует тесного взаимодействия юристов, театральных деятелей и специалистов в области цифровых технологий.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ, СОВЕРШАЕМОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Галяшина Е. И.,
доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор,
почетный работник сферы образования Российской Федерации,
заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

О ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В Концепции государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (утв. распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р), указано, что информационно-аналитическое обеспечение создания и функционирования системы может включать разработку единого методического подхода (криминалистической методики) расследования данного рода преступлений[1].

Отвечая на вызовы времени, учитывая требования руководства вуза в части ответственного подхода к выбору тем диссертационных исследований, кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) ориентирует соискателей ученых степеней на необходимость ведения научного поиска, исходя из актуальной повестки.

В настоящее время к защите на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки) в диссертационном совете 24.2.336.03, созданном на базе Университеа имени О.Е. Кутафина (МГЮА) принята диссертация на тему «Теоретико-прикладные основы методики расследования мошенничества в сфере оборота жилых помещений, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», подготовленная ассистентом кафедры криминалистики А. Д. Фокиным (научный руководитель профессор кафедры криминалистики С. Л. Кисленко). Достигнутые в рамках исследования по заявленной теме результаты в области криминалистики, направленные на обеспечение противодейст-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501090003 (дата обращения: 15.03.2025).

вия мошенничеству, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, позволяют обеспечить в ближайшем будущем:
— формирование частных и укрупненных методик расследования мошенничества, совершаемого с использованием ИКТ, в том числе с учетом особенностей транснациональной и пенитенциарной преступной деятельности;
— разработку тактических приемов и их комплексов по проведению отдельных следственных действий в процессе расследования мошенничества, совершаемого с использованием ИКТ (осмотра интернет-ресурсов, обыска в мошеннических call-центрах, допроса и др.);
— выработку криминалистических рекомендаций, направленных на обеспечение незамедлительного извлечения и исследования криминалистически значимой информации из электронных носителей информации (компьютеров, смартфонов, SIM-карт, карт памяти и пр.), а также совершенствование процесса сбора, систематизации, обработки и анализа информации о дистанционно совершаемых с использованием ИКТ преступлений.

Весной 2025 г. доцент О. А. Белов был прикреплен на кафедру криминалистики в качестве соискателя для подготовки диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. В рамках исследования, посвященного проблемам профилактики преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий, будут разрабатываться научно-методические рекомендации по криминалистическому прогнозированию и криминалистической превенции рассматриваемой категории преступлений с использованием ИКТ. В частности, будут сформулированы рекомендации по совершенствованию деятельности правоохранительных органов по формированию и ведению банков данных генетической информации, а также международного информационного обмена в рамках функционирования национальных баз данных ДНК биологических объектов.

Осенью 2025 г. планируется утверждение темы докторской диссертации старшего преподавателя К. М. Богатырева, который после успешной защиты в 2023 г. кандидатской диссертации[1] продуктивно работает над формированием концептуальных основ учения о криминалистическом обеспечении медиабезопасности. В работе будет рассматриваться проблематика создания, совершенствования и использования средств и методов работы с источниками криминалистически значимой информации о противоправных информационно-коммуникативных действиях, а также методические аспекты выявления, раскрытия, расследования, предупреждения и прогнозирования преступлений, совершаемых с использованием ИКТ.

Дело в том, что закономерности возникновения и распространения генерированных с помощью искусственного интеллекта (ИИ) вербальных и поликодовых сообщений в сравнении с естественными продуктами коммуникативной деятельности человека в криминалистике изучены слабо. В современных условиях вопросы о сущности и значении следов преступлений, совершенных с использованием ИИ как носителей криминалистически значимой информации, заслуживают самостоятельного глубокого изучения.

[1] *Богатырев К. М.* Знания в области речеведения в системе криминалистических средств противодействия преступлениям в цифровой медиасреде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

В связи с этим особый интерес представляют так называемые знаковые следы, которые для непосредственного восприятия правоприменителями и иными участниками процесса расследования преступления недоступны, поскольку требуют декодирования в силу того, что знак для получателя информации является условным обозначением какого-либо предмета, объекта или явления. Знаковые системы состоят из однообразно интерпретируемых сигналов, которыми можно обмениваться как по естественным, так и по техническим каналам связи[1]. К знаковым следам относятся и сведения, передаваемые с помощью машинного кода (языка программирования), с использованием информационно-телекоммуникационных систем, в том числе Интернета.

Сложность понимания сути знака состоит в том, что в его определение должны входить предмет обозначения, адресат, отношение знака к ним. Знак — это «некий материальный объект, выступающий в коммуникативном или трансляционном процессе в качестве аналога другого объекта (предмета, свойства, явления, понятия, действия), который способен его заместить»[2]. Знаки рассматриваются как средство абстрагирования и средство мышления; значения знаков обусловлены общественной практикой и развиваются исторически.

Очевидно, что форма фиксации криминалистически значимой информации, учитывая скорость научно-технического прогресса (сегодня при передаче информации по оптическим каналам связи используются не только электронные, но и квантовые технологии), не столь важна как семантика передаваемого сигнала. Можно согласиться с мнением профессора В. А. Мещерякова: «В искусственной специально созданной для решения конкретных задач электронно-цифровой среде процесс отражения происходит не напрямую… а опосредованно, через целую иерархию формализованных (математических) моделей используемых для описания реальных физических явлений. В результате записанная на соответствующем материальном (магнитном, оптическом, электронном, а также и каком-либо ином) носителе совокупность цифровых значений представляют собой лишь параметры формализованной модели, используемой в конструкции и соответствующих режимах работы регистрирующего устройства»[3].

Это значит, что сегодня в криминалистике на первый план выходит изучение закономерностей порождения криминалистически значимой информации в кодированном виде и следов, посредством которых она фиксируется, к числу которых относятся следы применения ИКТ.

Соответственно, в целях профилактики общественно опасных деяний, совершаемых с использованием ИКТ, шире надо использовать возможности криминалистической фоноскопии.

Во-первых, не только для формирования баз биометрических образцов голосов лиц, совершающих телефонные мошенничества, как это предлагает Минци-

---

[1] О классификации следов в криминалистике в зависимости от условий получения криминалистически значимой информации о событии преступления см.: Криминалистика : учебник / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. С. 43–49.

[2] *Бабайцев А. В.* Знак, символ, эмблема: дифференциация понятий // Вестник ДГТУ. 2010. Т. 10. № 6 (49). С. 992.

[3] *Мещеряков В. А.* Теоретические основы следообразования в цифровой криминалистике : монография. М. : Проспект, 2022. С. 104–105.

фры России (которые предполагается собирать и хранить на единой антифрод-платформе)[1]. Необходимо вести такого рода фоноучет всех подозреваемых и обвиняемых, причастных ранее к подобным преступлениям, а также, возможно, потенциально склонных к совершению такого рода противоправных деяний лиц («пранкеры», «телефонные хулиганы», «скамеры» и т.п.). При этом необходимо принимать во внимание возможности современного программного обеспечения, используемого для умышленного изменения голоса с целью его маскировки и/или имитации голоса и речи «целевой жертвы» в режиме интерактивного диалога.

Во-вторых, в ситуации, когда следствие нуждается в специальных знаниях для установления факта фальсификации доказательств, криминалисты-фоноскописты могут дать научно обоснованные рекомендации по фиксации и изъятию распространяемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий дипфейков для их распознавания в качестве таковых.

Использование технологий ИИ для имитации голоса и изображения человека (дипфейки) стали «золотой жилой» для транснациональных преступных организаций и телефонных мошенников. Еще более серьезной проблемой, чем манипуляции с изображениями и видеозаписями, является способность технологии ИИ имитировать голос, интонацию и речевые паттерны целевой жертвы с недоступной ранее точностью. Синтезированная речь уже сейчас активно используется в мошеннических схемах, включая махинации с банковскими счетами или фиктивные похищениях, когда жертвы сперва отбираются через социальные сети, а потом получают телефонные звонки с требованием выкупа за любимого человека или ребенка. Если для видеоизображения специалистами по IT найдены определенные технические решения по выявлению синтезированных видеоизображений, то для audio deepfake эксперты разводят руками в бессилии предложить эффективные методики их распознавания. Особую тревогу экспертов вызывают текстовые дипфейки, которые создаются с помощью нейронных сетей и не содержат внешних признаков их искусственного порождения. Помимо обнаружения дипфейков необходима разработка методов аутентификации, которые позволили бы определить дату, время и физическое происхождение содержимого аудио и видеодипфейка.

В настоящее время авторским коллективом Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) проводится научно-прикладное исследование по теме «Противоправное использование основанных на искусственном интеллекте технологий синтеза текстовой, аудио- или визуальной информации» (ответственный исполнитель: заведующий кафедрой криминалистики профессор Е. И. Галяшина). Поэтапно планируется достижение следующих результатов, направленных на обеспечение противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ:

— выработка криминалистических рекомендаций, направленных на выявление, фиксацию и изъятие из информационно-коммуникационной сферы следов применения в противоправных целях синтезированной на основе искусственного интеллекта текстовой, аудио- или визуальной информации;

[1] Для борьбы с телефонными мошенниками в России будут использовать ИИ и базу биометрических данных // URL: https://3dnews.ru/1117691/dlya-borbi-s-telefonnimi-moshennikami-budut-ispolzovat-bazu-biometricheskih-dannih (дата обращения: 20.03.2025).

— разработка рекомендаций по расследованию преступлений, совершаемых посредством распространения в социальных сетях (на платформах, онлайн-сервисах, веб-сайтах) с использованием средств мгновенного обмена сообщениями (интернет-мессенджеров) криминогенных информационных материалов, содержащих синтезированную на основе искусственного интеллекта текстовую, аудио- или визуальную информацию.
— разработка тактических приемов сбора доказательств противоправного использования синтезированной на основе искусственного интеллекта текстовой, аудио- или визуальной информации при общении пользователей с использованием SIP-телефонии и средств мобильной связи без использования сети «Интернет».

Вышеуказанные предложения нашли поддержку участников панельной дискуссии «Криминалистическое обеспечение противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», проведенной 26 марта 2025 г. кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках XII Московского инновационного юридического форума.

Кисленко С. Л.,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Фокин А. Д.,
ассистент кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБОРОТА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Эффективное расследование преступлений немыслимо без активного использования следователем знаний из различных областей человеческой деятельности, находящихся на современном уровне их развития. Такие знания в большинстве своем являются специальными, без них невозможно обеспечить объективность, полноту и всесторонность предварительного следствия.

Применительно к расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), эта проблема стоит особенно остро. Как отмечается в литературе, с момента поступления сообщения о преступлении, сотрудники правоохранительных органов начинают испытывать трудности, поскольку примененные при его совершении цифровые технологии выходят за пределы правовых знаний, которыми они обладают[1].

[1] *Подольная Н. Н., Подольный Р. Н.* Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных с применением цифровых технологий // Огарев-Онлайн. 2023. № 1. С. 5.

Следователю всё чаще приходится сталкиваться с необходимостью квалифицированно обнаружить, зафиксировать и изъять источники компьютерной информации. В данном ракурсе мы солидаризируемся с теми учеными, кто полагает, что работа с данными источниками сегодня должна рассматриваться сквозь призму криминалистической категории тактического риска. Это обуславливается тем, что неквалифицированные действия лица, который осматривает электронные носители источники, могут повлечь уничтожение информации или ее повреждение, блокирование доступа к средствам защиты, отключение определенных линий связи по сети «Интернет» без возможности их установления и восстановления[1].

Как свидетельствуют результаты исследований, сегодня менее 30 % сотрудников правоохранительных органов имею правильное понимание о том, как работать с цифровыми источниками информации (включая процессы их обнаружения, фиксации и изъятия)[2]. Проведенное нами интервьюирование практических работников показало следующее. Из числа опрошенных нами 94 % следователей сообщили о владении навыками изготовления скриншотов, но лишь 7,5 % смогли назвать специализированное программное обеспечение, обеспечивающее фиксацию изображения веб-страницы в определенный момент; 54 % имеют навыки работы с хранилищем паролей браузера; 63 % осведомлены как изучить историю просмотров в разных браузерах, 23 % — как посмотреть историю активности приложений в разных операционных системах; при фиксации информации 43,5 % респондентов способны самостоятельно выбрать правильное разрешение экрана для более четкого и детального снимка, 20 % владеют навыками настройки подходящего формата сохранение изображения без потери его качества; 11 % могут отличить актуальную версию осматриваемой интернет-страницы от более ранней, сохраненной в кэше.

Применительно к рассматриваемому нами виду преступных деяний отметим, что нормативное регулирование отношений в сфере оборота жилых помещений опирается на положения множества отраслей права (гражданского, жилищного, семейного и пр.), которые постоянно подвергаются модернизации. Уследить за всеми изменениями и ориентироваться в их правоприменительных тонкостях следователь априори неспособен. Кроме того, для правильного понимания отдельных обстоятельств дела, как отмечается в литературе, недостаточно найти нужный нормативный акт и изучить его, необходимо провести аналитическое исследование, основанное на знании современного законодательства[3]. Зачастую это немыслимо без привлечения соответствующих лиц, сведущих в определенных отраслях права (за исключением знаний в области уголовного и уголовно-процессуального права) в целях получения консультативной помощи в рамках производства по уголовному делу.

---

[1] *Ялышев С. А.* Об особенностях осмотра места происшествия по уголовным преступлениям, совершенным с использованием ресурсов Интернет // Ученые записки Санкт-Петербургского имени Б.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 1. С. 106–110.

[2] Ростовцев А. В., Берестенко Е. Д. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 4. С. 75.

[3] *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации : монография. М. : Проспект, 2025. С. 8–9.

Обобщение следственной практики позволило нам выделить следующие ключевые направления использования следователем специальных знаний в рамках расследования мошенничества в сфере оборота жилых помещений, совершенного с использованием ИТТ.

1. При установлении на стадии возбуждения уголовного дела признаков противоправных действий со стороны подозреваемых лиц.

Например, по делам рассматриваемой категории часто задерживают лиц, выполняющих роль дропперов в схеме легализации дохода, полученного мошенническим путем. На начальном этапе расследования они ссылаются на отсутствие умысла на хищение чужих денежных средств, выдвигают версию о предоставлении своих счетов (банковских карт) третьим лицам для обналичивания, например, криптовалюты. Данные действия формально образуют состав преступления, предусмотренный статьей 187 УК РФ (Неправомерный оборот средств платежей), а не ст. 159, 174, 210 УК РФ. Проведение специалистом по финансовому мониторингу[1], по поручению следователя, исследования документов, отражающих информацию о движении денежных средств по счету держателя карты, позволяет выявить признаки транзакций, носящих подозрительный характер, могущих свидетельствовать о действиях дропперов в рамках организованной преступной группы, занимающейся мошенничеством.

2. При выявлении несоответствия действий подозреваемых лиц нормативным правовым актам, регулирующим отдельные направления сделок с недвижимым имуществом, или практике финансового рынка и рынка недвижимости, что дает основания для выдвижения следователем версии об умышленном характере преступной деятельности.

В данной ситуации следователь может обратиться за консультацией к риелтору, который может по результатам сделки, отраженной в документах, указать на признаки ее подозрительности: совершение сделки с недвижимым имуществом по цене, отличной от рыночной в два и более раза; многократной (три и более раз) покупке и (или) продаже физическим лицом объекта недвижимости; предложения или попытке клиента совершить сделку с недвижимым имуществом, на которое наложено обременение (за исключением ипотеки) и пр.[2]

3. При установлении способов противоправного завладения жилым помещением или сокрытия преступления. Например, по одному уголовному делу в ходе предварительного следствия не удалось установить, каким образом виновный использовал денежные средства, похищенные в результате мошеннических действий с жильем. При этом органам предварительного следствия стало известно, что обвиняемый неоднократно выезжал за пределы России. В связи с этим при помощи специалиста следователем был составлен запрос в Росфин-

[1] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 24.07.2015 № 512н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по финансовому мониторингу (в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма)» // URL: https://base.garant.ru/71165556/ (дата обращения: 19.01.2025).

[2] Приложение к Особенностям представления в Федеральную службу по финансовому мониторингу информации, предусмотренной Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // URL: https://base.garant.ru/403567262/10ed0f917186039eb157d3ba4f962ee5/ (дата обращения: 19.01.2025).

мониторинг о предоставлении данных о вывозе данным лицом крупных денежных сумм за пределы страны, а также сведениий об открытых счетах на его имя в банковских учреждениях Российской Федерации[1].

4. При установлении соответствия действий должностного лица определенным правилам, закрепленным в нормативных правовых актах.

В данной ситуации роль специалиста заключается в распознавании признаков противоправных действий должностного лица при осуществлении юридически значимых действий. В частности, он может оценить объективность проведенной должностным лицом правовой экспертизы представленных на регистрацию документов: наличие всех необходимых документов; наличие полномочий заявителя на обращение в орган регистрации прав с заявлением; действительность поданных заявителем документов; соответствие документов, представленных для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, требованиям законодательства; наличие прав у подготовившего документ лица или органа власти и пр.[2]

5. При выдвижении версий о возможных пособниках мошенника и их личностных характеристиках, а также в определении круга свидетелей, владеющих информацией об отдельных операциях с недвижимым имуществом.

6. При установлении перечня документов, подлежащих изъятию и последующему исследованию.

7. При определении ущерба, причиненного преступлением. При расследовании мошенничества, результатом которого явилось лишение гражданином права на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ), нередко возникает необходимость в установлении реальной стоимости жилища. Для этого следователь может получить из агентства по недвижимости заключение о рыночной стоимости подобного жилья на момент его продажи. Желательно, чтобы это агентство находилось в том же районе, где расположен объект недвижимости. Объясняется это тем, что сотрудники таких агентств предоставляя данные о стоимости жилого помещения, ориентируются, как правило, на среднюю цену на подобное жилье в регионе или городе[3].

8. При планировании и подготовке производства отдельных следственных действий (выемка документов, осмотр электронных носителей информации, интернет-ресурсов и т.д.). В результате данной совместной деятельности следователем разрабатывается и уточняется алгоритм действий, который обеспечит не только эффективность работы на каждом этапе проведения следственного действия, но и позволит избежать ошибок, которые могут возникнуть при работе с отдельными носителями криминалистически значимой информации. Например, при проведении осмотра изъятых документов роль специалиста будет

---

[1] *Белов И. Т., Першин А. Н.* Криминалистическое обеспечение расследования мошенничества, связанного с отчуждением жилых помещений. М. : Проспект, 2023. С. 77.

[2] Приказ Минэкономразвития РФ от 07.06.2017 № 278 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по предоставлению государственной услуги по государственному кадастровому учету и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество» // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71651130/?ysclid=m87cxhxpj802017623 (дата обращения: 19.01.2025).

[3] *Скогорева Т. Ф., Чхвимиани Э. Ж.* Использование специальных знаний при расследовании мошенничества с объектами жилищных прав // Современная научная мысль. 2018. № 1. С. 206.

заключаться в пояснении того, насколько значим каждый из осматриваемых документов, правильно ли он оформлен, соблюдены ли условия его заполнения.

9. При применении технических средств и программного обеспечения в процессе обнаружения, закрепления и изъятия объектов имеющих значение для уголовного дела, а также оказании помощи следователю в использовании такого оборудования (ст. 58, ч. 6 ст. 164 УПК РФ).

10. При оказании помощи следователю путем проведения предварительного исследования доказательств.

Так, по одному уголовному делу в ходе обыска в офисе мошенников был изъят персональный компьютер, в котором следователь Следственного комитета РФ по г. Санкт-Петербургу с помощью специалиста обнаружил программное обеспечение «1С:Предприятие». Проведенное совместное со специалистом исследование данного программного обеспечения позволило следователю получить подробные сведения о финансовой деятельности преступной группы с 2018 г.[1]

11. При назначении следователем экспертизы и постановки вопросов эксперту.

Кондаков А. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой судебно-экспертной
и оперативно-розыскной деятельности
факультета подготовки криминалистов
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

Карелин А. С.,
обучающийся Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

СТАНДАРТИЗАЦИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

На сегодняшний день одними из наиболее актуальных в деятельности судебно-экспертных учреждений являются проблемы методического обеспечения. Подход к их урегулированию посредством стандартизации (системы действий, направленных на достижение упорядоченного функционирования экспертной деятельности всех ее субъектов посредством введения общеобязательных стандартов) видится наиболее рациональным[2]. Рассмотрим некоторые аспекты

[1] Впервые пойманы телефонные мошенники, обманывающие от имени банков // URL: https://rg.ru/2021/04/25/vpervye-pojmany-telefonnye-moshenniki-obmanyvaiushchie-ot-imeni-bankov.html (дата обращения: 12.12.2024).

[2] См.: Федеральный закон от 30.12.2020 № 523-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О стандартизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 1 (ч. I). Ст. 62. № 27 (ч. II) ; *Россинская Е. Р.* Стандартизация судебно-экспертной деятельности сквозь призму использования цифровых технологий // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 178–183; и др.

соотношения процессов цифровизации и стандартизации судебно-экспертной деятельности.

Актуальность рассматриваемой проблематики подтверждается тем, что цифровизация является одним из основных направлений развития государства, в том числе затрагивает процессы автоматизации использования специальных знаний в ходе расследования преступлений. При этом вопросы методического обеспечения и унификации процессов внедрения современных технологий во все сферы общественной жизни на сегодняшний день остаются открытыми[1].

В статье 11 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» сказано, что государственная экспертная деятельность осуществляется на единой научно-методической основе. Однако на практике различные ведомственные экспертные учреждения и подразделения самостоятельно разрабатывают методическое обеспечение производства экспертиз в целях стандартизации и упорядочивания экспертной практики в рамках ведомства. Закономерным следствием является то, что ведомственные методики приобретают специфические особенности и могут иногда довольно существенно различаться. Потому заключения экспертов судебно-экспертных учреждений и подразделений разных ведомств (далее — СЭУ) в части полученных в ходе исследования результатов нередко бывают противоречивыми, что, в свою очередь, ставит под вопрос возможность объективной оценки заключения эксперта следствием и судом.

Значительные усилия по стандартизации судебно-экспертной деятельности были предприняты после создания 10 лет назад Технического комитета по стандартизации ТК 134 «Судебная экспертиза»[2]. Результатом деятельности Комитета стали 13 национальных стандартов, закрепляющие единые термины и определения. Справедливости ради надо признать, что далеко не все ученые и практики, специализирующиеся в области производства охваченных стандартами видов судебных экспертиз, поддержали позицию их разработчиков. Так, Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации в 2023 г. был дан отрицательный отзыв на проект национального стандарта ГОСТ Р «Роды судебных экспертиз. Термины и определения» (текст имеется в распоряжении авторов статьи). В нем в частности указывалось, что сначала необходимо выработать и согласовать детализированные критерии отнесения судебных экспертиз к определенному классу, роду, виду, которые впоследствии должны стать неотъемлемой частью стандарта; подчеркивалось, что вопросы производства судебной (!) экспертизы регулируются исключительно процессуальным законодательством, и не подпадают под действие стандарта; отмечалось, что эксперт не является субъектом «получения фактических данных», он отвечает на вопросы, которые поставлены на его разрешение правоприменителем. Впрочем, высказанное мнение не помешало принятию этого стандарта.

В литературе под цифровизацией в области судебно-экспертной деятельности понимается внедрение информационных технологий в процесс сбора,

[1] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 5351.

[2] Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13.05.2015 № 561 «О создании технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза» // СЗ РФ. 2020. № 1 (ч. I). Ст. 34. № 23 (ч. II).

хранения, обработки и передачи информации в области осуществления исследований в целях решения задач судебной экспертизы, основанное на единых подходах[1].

Одним из направлений цифровизации в рамках стандартизации судебно-экспертной деятельности является разработка аналитических систем исследования изображений. Данные системы позволяют автоматизировать процесс анализа изображений при решении задач идентификационного и диагностического характера. В первую очередь они могут быть использованы в процессе производства портретных экспертиз. В частности, речь идет об аналитической системе ПАРСИВ (Подсистема автоматической регистрации сценариев индексирования видеоинформации), позволяющей исследовать внешний облик человека посредством системы «маска» в различных положениях, при различных технических характеристиках фото-, видеотехнических устройств, погодных условиях и условиях освещения. Таким образом, ПАРСИВ обеспечивает снижение значимости субъективных факторов при проведении экспертных исследований.

Еще одним важным направлением является разработка универсальных технических средств и единого программного обеспечения производства судебных экспертиз. Данный вопрос обострился из-за санкционного давления на Россию и прекращения поддержки функционирования зарубежного программного обеспечения, например, базовых программных продуктов Microsoft. Использование различных версий единых служб интерфейса противоречит принципам стандартизации деятельности СЭУ. Когда разработанное в рамках конкретного ведомства программное обеспечение функционирует на базе выбранных разработчиками алгоритмов, не являющихся общедоступными и повсеместно используемыми, отсутствие стандартизированного программного обеспечения может привести к потере информации об объектах исследования. Ввиду отсутствия поддержки функционирования программного обеспечения Microsoft сегодня СЭУ осуществляют экспертную деятельность с помощью нелицензированного программного обеспечения. Это значит, что результаты исследования могут быть признаны недопустимыми.

С развитием цифровых технологий возникли новые направления развития программных комплексов автоматизированного решения экспертных задач. Данные программы предоставляют возможность алгоритмизации процесса исследования, описания и классификации объектов и даже подготовки проекта заключения эксперта. Нам видится возможным автоматизированное составление заключения эксперта (по отдельным видам экспертиз) посредством ввода исходных данных, что, помимо прочего, поспособствует унификации процедуры экспертных исследований. Подобные автоматизированные комплексы уже используются в рамках криминалистической экспертизы веществ, материалов, изделий и судебно-психиатрической экспертизы. Например, эксперты используют АС «Фармакологический справочник», отражающий влияние различных лекарственных препаратов на возможность лица осознавать общественную опасность и противоправный характер своих действий. Также используется АИС «Наркология»: данный комплекс помогает определить наркотическое веще-

[1] *Набиева Н. Ю.* Цифровизация: понятие и особенности // Форум молодых ученых. 2022. № 3 (67). С. 86–90.

ство, которое было употреблено лицом, по признакам поведения. Кроме того, в данную систему встроен словарь жаргонизмов, употребляемых наркоманами[1].

Думается, что процесс цифровизации, являясь этапом эволюционного развития научно-технического обеспечения деятельности человека, должен быть использован в целях повышения качества экспертных исследований и объективизации деятельности судебных экспертов в целом. Мы считаем, что закономерным результатом использования современных технологий станет разработка и повсеместное внедрение в практику автоматизированных рабочих мест экспертов — комплексов, состоящих из унифицированного программного обеспечения, инструментов интерфейса, аналитических и вычислительных программ.

Очевидно, что данный процесс должен соотноситься с работой по стандартизации деятельности СЭУ — логично, если его возьмет под контроль ТК 134 «Судебная экспертиза», чтобы упорядочить и довести необходимую информацию до всех заинтересованных сторон. По нашему мнению, результатом взаимовлияния процессов стандартизации и цифровизации в рамках судебно-экспертной деятельности может стать создание единой экспертной службы[2], аккумулирующей экспертный потенциал всех СЭУ в целях оптимизации процесса использования специальных знаний, прежде всего в судопроизводстве, создания единой материально-технической и методической основы для объективизации результатов экспертной деятельности.

Те, кто поддерживает данную идею, в качестве примера ссылаются на опыт Республики Казахстан, где много лет успешно функционирует Центр судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан. С момента создания данного учреждения[3] ему было передано производство всех видов экспертных исследований. На сегодняшний день Центр проводит около 30 видов экспертиз. На официальном сайте Центра размещен реестр судебных экспертов, содержащий квалификационное свидетельство, лицензию эксперта, информацию об учебном заведении, в котором было получено высшее образование и специализации эксперта, то есть какой вид экспертного исследования проводит данный субъект, что обеспечивает прозрачность и объективность процесса оценки заключения эксперта как источника доказательств следователем, дознавателем, прокурором, судом[4].

---

[1] *Санников А. Г.* Системы поддержки принятия решения в судебной психиатрии // Врач и информационные технологии. 2008. № 4. С. 101–103.

[2] Эта идея много лет обсуждается учеными и практиками. См., например: *Кудрявцева А. В.* Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 146–149 ; *Мохов А. А.* К вопросу о создании Агентства экспертных исследований // Эксперт-криминалист. 2008. № 3. С. 6–8 ; *Комиссарова Я. В.* Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 102–103.

[3] Указом Президента Республики Казахстан № 3465 от 22.04.1997 «О дальнейшем реформировании системы правоохранительных органов Республики Казахстан» предусматривалось изъятие функции производства судебной экспертизы у органов уголовного преследования с передачей в Министерство юстиции. См.: URL: https://forensic.gov.kz/ru/biz-turaly/ortalyq-tarihy/ (дата обращения: 10.05.2025).

[4] *Монин А. Г., Кондаков А. В., Донцов Д. Ю.* Отдельные аспекты совершенствования методики экспертного исследования механических замков, отомкнутых криминальным способом // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 107–113.

Реализованный в Республике Казахстан подход, на наш взгляд, позволяет повысить авторитетность СЭУ. Это наглядный пример интеграции процессов стандартизации и цифровизации, внедрения современных технологий с учетом специфики судебно-экспертной деятельности.

Музалевский Ф. А.,
технический директор RTM Group

Царёв Е. О.,
управляющий RTM Group

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Большое количество и разнообразие контрактов в сфере информационных технологий, в том числе для государственных нужд, неминуемо приводят к обилию судебных разбирательств. Разбирательства, как правило, касаются качества поставляемых товаров/услуг, и решаются как в арбитражном, так и в уголовном процессе (при подозрении в нецелевом расходовании бюджетных средств).

В ходе рассмотрения дел ни суды, ни иные участники процесса, не обладают достаточными познаниями для разрешения спора не по формальным признакам, а по существу. В этой ситуации судебная экспертиза в части компьютерных технологий (в широком смысле) незаменима и неизбежна. Перед экспертом могут быть, в частности, поставлены вопросы:

1. Соответствует поставленный товар (оказанная услуга) требованиям договора (контракта)?

2. Возможно ли промышленное применение поставленного товара (результатов оказанной услуги)?

Не все эксперты, назначаемые для проведения судебной экспертизы, ставят перед собой задачу оказания содействия (!) судам, что прямо предусмотрено законодательством. Нередки ситуации, когда эксперты, осознавая невозможность ответить на поставленные вопросы, тем не менее принимают экспертизу к производству либо, ссылаясь на отсутствие необходимой методической базы, не дают ответы на вопросы, относящиеся к их компетенции.

Многообразие технологий, применяемых в настоящее время, не позволяет сформировать методическую базу, априорно охватывающую всю область IT. В этой ситуации эксперты полагаются на свои познания и навыки, а также опыт профессиональной деятельности и проведения судебных (и несудебных) экспертиз.

Поскольку разные эксперты не могут иметь идентичный опыт, опираются на разные эмпирическим путем полученные данные, их выводы по одним и тем же вопросам зачастую разнятся. Это приводит к затягиванию процесса из-за назначения дополнительных, повторных экспертиз, допросов экспертов, проведения иных процессуальных действий.

Помимо этого, следует признать, что ряд экспертов допускает необъективность при проведении исследований, будь то материальная заинтересованность

или корпоративная этика. Вопрос недобросовестности экспертов освещался неоднократно, рассмотрим другие варианты возникновения противоречий. Их всего два:

1) специфический (в том числе крайне малый) опыт работы с исследуемой технологией;
2) постоянная практическая связь с отраслью, к которой относятся объекты исследования.

Если вопрос опыта поддается объективной оценке (в какой-то мере его подтверждают соответствующие сертификаты, дипломы, трудовой стаж), то второй фактор сегодня явно недооценен, в том числе судами.

В качестве примера можно привести случай проведения экспертизы работ по настройке 1С действующим сотрудником франчайзи (*прим.:* уполномоченная 1С организация по продаже и настройке программных продуктов). С одной стороны, ни у кого не вызывает сомнений опыт и компетенция данного эксперта. С другой, — у эксперта почти гарантированно сработает шаблон мышления следующего характера: «Сегодня спорят мои коллеги с каким-то заказчиком. Если я скажу, что они плохо сделали работу, негативная практика может отразиться и на моей работе. Я такой же, как одна из сторон по делу».

Таким образом, формируется основанное на корпоративной этике предвзятое отношение к ситуации. Чтобы снизить вероятность получения необъективного заключения, при проведении экспертиз по результатам IT-контрактов, на наш взгляд, следует опираться на следующие принципы:

1. Создание комиссии экспертов одной специальности из числа предложенных двумя сторонам по делу. Оптимально, нечетное число экспертов для получения консолидированного мнения при формулировании выводов, что позволит обойтись без дополнительных и повторных экспертиз[1].

2. Отказ назначения экспертами действующих IT-специалистов, которые не обладают существенным опытом в производстве судебных экспертиз. Им (если позволяют нормы процессуального права) необходимо отвести, максимум, роль консультантов, присутствующих при производстве экспертизы. Как вариант,

[1] Данный подход не нов. Он был апробирован в начале нулевых годов в Саратовской лаборатории судебных экспертиз Минюста России при производстве экспертиз по гражданским делам при возникновении споров между продавцами (изготовителями) и потребителями о причинах возникновения недостатков товара. Процессуально грамотным выходом из ситуации, когда стороны ходатайствуют о производстве судебной экспертизы в разных организациях, является поручение ее производства комиссии экспертов, в состав которой включаются сотрудники государственного судебно-экспертного учреждения (ГСЭУ). В этом случае организация производства судебной экспертизы возлагается на руководителя ГСЭУ, так как именно он согласно ст. 15 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» наделяется правом «организовывать производство судебной экспертизы с участием других учреждений, указанных в постановлении или определении о назначении экспертизы». В соответствии со ст. 21 указанного закона «комиссионный характер судебной экспертизы определяется органом или лицом, ее назначившим, либо руководителем государственного судебно-экспертного учреждения», причем комиссионной считается экспертиза, проводимая экспертами как одной, так и разных специальностей. См.: *Комиссарова Я. В.* Экспертное исследование обуви, находившейся в эксплуатации : учебно-методическое пособие. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2004. С. 20–26.

они могут быть допрошены до назначения экспертизы, протоколы допроса должны быть предоставлены экспертам, чтобы мнения практиков были учтены или отвергнуты.

Работа с учетом указанных принципов, разумеется, несколько увеличит стоимость и сроки проведения каждой конкретной экспертизы, но в то же время позволит существенно сократить время на обработку результатов исследования и в целом срок производства по делу.

Рассмотренная выше проблема, как и способ ее решения, могут быть проиллюстрированы на примере судебной экспертизы со следующим вопросом, вынесенным на разрешение эксперта: какова стоимость фактически выполненных работ по договору.

Подразумевается договор на выполнение работ в сфере IT. Формулировка вопроса предполагает, что ответить на него должен оценщик. Однако предметом исследования являются не данные кадрового бухгалтерского учета исполнителя работ, а некая информационная система (например, доработанная конфигурация 1С). В этих условиях применение затратного подхода не представляется возможным, поскольку не ясна трудоемкость выполнения работ. Доходный и сравнительный подходы также не всегда применимы: доработка требуется тогда, когда функционал нетиповой или вовсе уникален, что не позволяет найти прямой экономический эффект от выполнения работ или сопоставить их с аналогичными.

В сложившейся ситуации необходима экспертная оценка сначала объема, а затем стоимости выполненных работ. Дальнейшие экономические расчеты не представляют интереса, поскольку могут быть проведены в соответствии с федеральными стандартами оценки.

Оценка трудоемкости в полной мере отражает проблемы, обусловливающие возможные расхождения в заключениях разных экспертов, выводы которых на практике могут различаться на порядок. Основная причина — отсутствие нормативов. Однако появление таких нормативов, как строительные нормы и правила или база знаний союза автостраховщиков, в силу обозначенных выше причин для отрасли IT даже не прогнозируется.

В этой ситуации некоторые эксперты предлагают отказываться от дачи заключения ввиду невозможности воспроизведения результатов в ходе назначения повторной экспертизы. Очевидно, что такой выход из ситуации не позволит суду снизить степень неопределенности, и, следовательно, не может быть рекомендован в качестве средства урегулирования имеющихся проблем.

Расхождения в оценках экспертов возможны даже при условии, что привлеченные для проведения экспертизы лица являются профессионалами в необходимой для ответа на вопросы правоприменителя предметной области. Расхождения основываются на различном опыте: один специалист делал отчеты для промышленных предприятий, в которые необходимо собирать данные из десятков регистров, а второй — для розничных торговых точек. Добраться до сути и прийти к максимально близкой оценке сможет лишь комиссия таких экспертов.

При формировании комиссии для ответа на вопрос о стоимости фактически выполненных работ по договору рекомендуется следующий состав:

1. Ведущий эксперт обязан следить за соблюдением процессуальных норм, оформлением заключения и прилагать усилия для достижения консенсуса между экспертами. Если консенсуса не удается достичь, мнения каждого эксперта отражаются в заключение.

2. Оценщик (может быть ведущим экспертом) обеспечивает финансовые расчеты по федеральным стандартам на основании выданных специалистами трудоемкостей.

3. Эксперты по специальности — группа (два, а лучше три) компетентных лиц в рамках одной специальности. Если производство экспертизы предполагает проведение комплексного исследования с использованием специальных знаний из разных областей, потребуется сформировать нескольких подобных групп.

Примером работы нескольких групп экспертов может служить ситуация оценки трудозатрат по настройке сети, в рамках которой выполнялась настройка сетевого оборудования и средств поиска уязвимостей, что требует принципиально разных компетенций. Один специалист редко обладает всеми указанными компетенциями.

Немчинов В. А.,
директор ГБУ г. Москвы
«Московский исследовательский центр»

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время к судебно-экспертной деятельности, как никогда ранее, приковано внимание общественности: вызовы Нового времени требуют применения специальных знаний в различных сферах человеческой деятельности. В связи с глобальной цифровизацией всех общественно-политических процессов и возросшим влиянием информационных технологий, а также криминализацией новых деяний эксперту приходится сталкиваться со множеством объектов исследования, требующих существенно новых подходов: «В настоящее время информационная деятельность главным образом осуществляется за счет использования технических средств (в первую очередь — обрабатывающих данные в цифровой форме), связанных друг с другом в сети и позволяющих распространять информацию среди неопределенного круга лиц»[1].

В настоящее время ГБУ г. Москвы «МИЦ» (далее — Центр) представляет собой государственное судебно-экспертное учреждение, обеспечивающее соразмерное взаимодействие со всеми правоохранительными органами столицы. Основные инициаторы назначения экспертиз и исследований — УФСБ по г. Москве и Московской области, Следственный комитет России, подразделения ГУ МВД России, Прокуратура г. Москвы. Отсутствие подчинения какому-либо конкретному правоохранительному ведомству позволяет осуществлять полностью беспристрастную экспертную деятельность от лица гражданских экспертов, аттестованных в качестве государственных. Нагрузка на ГБУ г. Москвы «МИЦ», как одно из государственных судебно-экспертных учреждений столицы, очень

[1] *Галяшина Е. И., Антонян Е. А., Богатырев К. М.* Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности / отв. ред. Е. И. Галяшина. М. : Проспект, 2025. С. 22.

высокая. Задачи, которые ставятся перед экспертами, усложняются и зачастую являются качественно новыми. Всё это ставит перед Центром необходимость оперативно осваивать новые направления экспертной деятельности.

В Центр поступают материалы, связанные с расследованием различных киберпреступлений: экстремизм, терроризм, пропаганда наркотиков, педофилия, подростковый суицид и др.

Киберэкстремизм и кибертерроризм на сегодняшний день являются одной из наиболее опасных угроз государственной безопасности Российской Федерации, сложной и широко обсуждаемой в мировом сообществе проблемой[1]. Еще 10 лет назад было установлено, что 90 % террористической и экстремистской деятельности в Интернете осуществляется с помощью инструментов социальных сетей, в которых ведется подготовка к совершению террористических актов. Некоторые тематические чаты могут содержать практические советы и рекомендации по использованию оружия, а также подробные «инструкции» по различным формам ведения вооруженной борьбы[2]. Только за последние 5 лет специалисты Центра проанализировали более 4 000 материалов данной категории; в 50 % случаев были устанавлены признаки экстремизма и терроризма.

Большую проблему представляет подростковый суицид, связанного с побуждением детей к самоубийству в сети «Интернет». Наверное, все знают о преступном сообществе «Синий кит»: подростки через социальную сеть вовлекались в смертельно опасную «игру», финалом которой был суицид. Противоправная деятельность группы «Синий кит» широко освещалась в СМИ, почти 300 подростков покончили с собой в результате прохождения опасного «квеста». В настоящее время известны такие опасные «игры», как «Красный дельфин», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20», «Мертвая кошечка». Более 150 такого рода материалов были нами рассмотрены за последние 3 года, и, по информации сотрудников правоохранительных органов, востребованность в исследовании данных объектов растет.

Едва ли не на каждом научно-практическом мероприятии в последние годы обсуждаются проблемы противодействия киберпреступлениям. Широкое внедрение сервисов предоставления электронных услуг привело к активному развитию «цифровых способов» совершения преступлений. Борьба с этим видом преступности сегодня затруднена по причине постоянной эволюции киберпреступников: усложняются формы и способы совершения преступлений, осваиваются новые сферы противоправной деятельности (например, так называемое «сетевое мошенничество»), а сами преступники изобретают новые всё более изощренные способы обмана, для реализации которых достаточно смартфона (компьютера) и доступа к Интернету[3].

Согласно официальным данным МВД России, в январе 2020 г. удельный вес преступлений в сфере высоких технологий составлял 17,7 %, в 2021 г. он увеличился до 25 %, в 2024 г. уже 40 % всех преступлений были совершены с исполь-

---

[1] *Курьянова И. В., Лопаткин С. Н.* Глобальное цифровое пространство как способ и средство совершения преступлений // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным : сборник науч. трудов / отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. М. : ИНИОН РАН 2022. С. 267–279.

[2] *Курьянова И. В., Лопаткин С. Н.* Указ. соч.

[3] *Курьянова И. В., Гусакова Ю. А.* Интернет-коммуникация как особая разновидность дистантного опосредованного дискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 9 (838). С. 83–92.

зованием сети «Интернет». Перечислить все виды правонарушений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, невозможно. Одной из «наболевших» проблем является кибермошенничество.

Кибермошенничество посредством сети «Интернет» стало, если можно так выразиться, «классикой» среди преступлений подобного рода. Кибермошенники — это, как правило, лица, обладающие определенными навыками в сфере высоких технологий, использующие компьютерные программы в своей деятельности. Поэтому производство экспертиз по киберперступлениям с уверенностью можно рассматривать как одну из наиболее сложных задач, решение которых зависит от возможностей в первую очередь компьютерно-технических экспертиз.

Так, в 2024–2025 гг. стабильно высоким является поступление в Центр материалов, связанных с необходимостью извлечения информации из памяти смартфонов в обход защиты. Значительную часть указанных материалов составляют аппараты, использованные для совершения кибермошенничества (ст. 159 УК РФ), связанного с привлечением граждан, не участвующих в организации и осуществлении преступных действий, но используемых в качестве курьеров (так называемых «дропперов»). Данную категорию соучастников злоумышленники активно привлекают не только для обеспечения мошеннических действий, но и для реализации схем по отмыванию денег, а также для распространения наркотических средств. В Центр на исследование поступают устройства (мобильные телефоны, ноутбуки, сим-боксы и пр.), которые использовались для организации обналичивания денежных средств, полученных в результате проведения незаконных азартных игр в сети «Интернет» («вырученные» деньги потом передавались организаторам в виде криптовалюты).

При проведении компьютерно-технической экспертизы важны внешние факторы, которые существенно влияют на производство экспертных исследований. Это в первую очередь необыкновенно быстрый прогресс научных достижений в области информационных технологий. Еще совсем недавно граница между компьютерами и электронно-бытовыми устройствами была обозначена довольно четко. Сейчас смартфоны способны фотографировать и запоминать сотни изображений, фотоаппарат и видеокамера становятся периферийным устройством компьютера, некоторые фитнес-браслеты, часы и игровые приставки обладают колоссальными программными возможностями, мало уступая компьютерным системам. Мультимедийные системы автомобилей, по сути, являются персональными компьютерами с возможностью выхода в Интернет. Поэтому даже с изъятием носителей компьютерной информации на месте происшествия может возникнуть ряд проблем, так как они могут быть закамуфлированы под другие объекты[1].

Подводя итог изложенному, следует констатировать, что действия киберпреступников становятся всё более агрессивными: они умеют тщательно скрывать следы, сохранять свою анонимность, заранее продумывают поведение, чтобы осложнить правоохранительным органам сбор доказательств и избежать установленной законом ответственности. Нередко при совершении киберпреступлений применяются методы конспирации, а именно шифрова-

[1] См., например: Криминалистика : учебник / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. С. 248–254.

ние данных. Указанное свидетельствует о правовой и фактической сложности доказывания по таким делам. Кроме того, предупреждение киберпреступлений требует коренных изменений стратегии и тактики криминалистической профилактики. Это обусловливает необходимость подготовки и повышения квалификации сотрудников полиции, задействованных в борьбе с киберпреступностью.

В информационном пространстве отсутствуют государственные границы, этим может быть определена необходимость международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью[1]. Как отмечают специалисты, ввиду глобального характера современных информационно-телекоммуникационных технологий (в первую очередь Интернета) вопросы обеспечения информационной безопасности не могут ограничиваться территорией одной страны, они экстерриториальны[2].

В настоящее время в системе МВД России уже создано специальное управление по борьбе с киберпреступностью. При этом основная проблема, которую отмечают сотрудники указанного подразделения, — это отсутствие доступа к современным аппаратно-программным комплексам и инструментам для расследования киберпреступлений из-за действующего санкционного режима. Наш Центр, хотя и обладает необходимыми технологиями, призван решать проблемы на региональном уровне и не может обеспечить полноценную поддержку следственных органов в масштабах всей страны.

Борьба с современной киберпреступностью должна быть согласованной, эта проблема не может быть решена, что называется, в одночасье. Организация наступательной, скоординированной и квалифицированной работы всех без исключения заинтересованных ведомств и подразделений позволит решить проблему противодействия киберпреступлениям. Для этого считаем целесообразным создание общих для всех (надведомственных) законодательно урегулированных алгоритмов взаимодействия экспертных, оперативных и следственных подразделений на ранних стадиях раскрытия и расследования киберпреступлений (начиная с обнаружения криминалистически значимой информации, проведения ее экспертного анализа с применением специальных знаний и заканчивая оценкой полученных таким образом доказательств).

---

1 *Курьянова И. В., Лопаткин С. Н.* Указ. соч. С. 267–279.

2 Подробно см., например: *Галяшина Е. И.* [и др.]. Медиабезопасность в цифровой среде: роль сведущих лиц : монография. М. : Проспект, 2024.

Панькина И. А.,
кандидат юридических наук,
депутат Государственной Думы
Федерального собрания Российской Федерации
VIII созыва,
первый заместитель председателя
Комитета Государственной Думы
по государственному строительству
и законодательству

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МОШЕННИЧЕСТВУ, СОВЕРШАЕМОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Следует констатировать, что при наличии достаточно прорывных законодательных, административных и иных мероприятий последнего времени в области борьбы с кибермошенничеством, объем проблем, связанных с противодействием данному виду преступности в целом, с каждым годом только растет. Это объясняется тем, что увеличение числа киберпреступлений обусловлено повсеместной цифровизацией. Многие процессы переходят из живого формата в онлайн: получение госуслуг, совершение покупок, работа, развлечения[1]. Поле действий и размах мошенников из-за этого становятся все шире, их активность смещается в цифровую плоскость ввиду отсутствия непосредственного контакта жертвы и преступника и возможности охвата обширной аудитории.

Статистика неутешительна: каждый год прирост киберпреступлений составляет около 30 %. В 2024 г. было совершено более 700 тыс. таких преступлений, и 70 % из них или 486 тыс. — это случаи онлайн-мошенничества и кражи. При этом пятую часть преступлений в этой сфере составляют кражи с банковского счета. В 2023 г. было зарегистрировано 677 тыс. киберпреступлений, что на 27 % больше чем в 2022 г.[2] То есть мы видим, что тенденция к росту сохраняется.

Доля преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в общем объеме составляет 35–40 %, то есть как минимум каждое третье преступление.

---

[1] Например, отдельными авторами отмечается тенденция задействования современными мошенниками торговых интернет-площадок, социальных сетей, где граждане размещают объявления по продаже недвижимости (см., например: *Кисленко С. Л., Фокин А. Д.* Особенности криминалистической характеристики мошенничества в сфере оборота недвижимости, совершаемого с использованием средств телефонной связи // Правовой альманах. 2025. № 1. С. 48–60).

[2] Пояснительная записка к законопроекту № 842276-8 «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://https://sozd.duma.gov.ru/bill/842276-8 (дата обращения: 14.05.2025).

Увеличивается и ущерб от таких преступлений. Так, в 2024 г. размер ущерба он вырос на 36 % и составил 200 млрд руб.[1]

При этом противодействие преступности в виртуальном пространстве осложняется из-за изощренности навыков мошенников, использующих передовые технологии, и сложности расследования преступлений ввиду их обезличенности. Нередко уголовные дела приостанавливаются, так как следствию не удается установить обвиняемого. По статистике, раскрывается только четверть подобных преступлений.

Проблем следствию добавляют трудности при сборе доказательной базы. Многими учеными констатируется, что процесс интеграции цифровых категорий как в современное законодательство, так и в правоприменительную практику «спотыкается» из-за необходимости адаптации[2]. Одной из причин является то, что отечественный законодатель полагается в решении данного вопроса на собственные силы, в незначительном объеме используя опыт стран, имеющих положительные результаты в нормотворческом и правоприменительном направлениях борьбы с данным видом преступности[3].

Справедливости ради отметим, что часть назревших проблем законодатель попытался (и достаточно успешно) решить посредством Федерального закона от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[4].

Закон предусматривает комплекс из около 30 мер[5], в числе которых:

— установление запрета для сотрудников госорганов, банков и операторов связи на общение с гражданами и клиентами через иностранные мессенджеры, перечень которых будет формироваться Роскомнадзором (будет возможность пользоваться мессенджером, организатором которого является российское юрлицо или гражданин России);
— введение новых обязательных правил по идентификации и проверке личности пользующихся услугами связи;
— обязательная маркировка звонков — на экране телефона будет отображаться наименование организации, откуда идет звонок, а также информация о входящем международном вызове;
— введение отказа от получения рассылок, спам-звонков и вызовов с абонентских номеров, не входящих в российскую систему, а также инициированных с использованием виртуальных телефонных станций;

---

[1] Вячеслав Володин: сегодня планируем рассмотреть законопроект, направленный на защиту людей от кибермошенничества // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации 2025 год. URL: http://duma.gov.ru/news/61081/ (дата обращения: 12.05.2024).

[2] *Григорьев В. Н., Максимов О. А.* Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 33–44.

[3] *Васюков В. Ф., Чумакова О. В., Афанасьев И. В., Комиссарова Я. В.* Противодействие преступлениям в сфере высоких технологий в конце XX — начале XXI в. // Вопросы истории. 2021. № 7-2. С. 262.

[4] URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1805918/ (дата обращения: 19.05.2025).

[5] Изменения вступают в силу с 1 июня 2025 г., за исключением положений, для которых установлены иные сроки.

— граждане смогут запретить заключение договоров об оказании услуг связи и получение сим-карт без личного присутствия; снять запрет можно будет только при личном посещении МФЦ при предъявлении паспорта;
— граждане смогут назначать в банках свое доверенное лицо, к которому банк будет обращаться для подтверждения операций;
— микрофинансовые организации при дистанционном заключении каждого договора потребительского кредита обязаны будут осуществлять идентификацию клиента путем установления и подтверждения достоверности сведений о них с использованием единой системы идентификации и аутентификации и единой биометрической системы;
— введение запрета на ввоз, продажу, приобретение, хранение, использование специальных технических средств, предназначенных для недопущенных иностранных спутниковых систем связи, в нарушение установленных законами запретов и ограничений;
— введение запрета на осуществление массовых телефонных вызовов в целях распространения рекламы (Правительство РФ установит критерии отнесения телефонных вызовов к массовым вызовам);
— владельцы сервиса объявлений о купле-продаже, об оказании услуг и т.д. (например, Авито) должны будут обеспечить возможность прохождения пользователями сервиса идентификации и дополнительной аутентификации с использованием единой биометрической системы.

Представляется, что введение в действие указанных мер в качестве ответных шагов государства на распространение телефонного мошенничества, требует, как это отметил Президент России В. В. Путин в ходе совещания с членами правительства, постоянного анализа правоприменительной практики и соответствующих решений и действий[1].

Важно понимать, что первопричиной или основой преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является доступ злоумышленников к персональным данным граждан. При этом количество утечек данных, как мы знаем, остается очень высоким. Растет число атак, совершенствуются методы киберпреступников. Ежегодно в сеть утекают около полумиллиарда записей о россиянах. При этом от действий злоумышленников страдают наиболее незащищенные слои населения. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ в 2024 г. в результате утечки персональных данных, атаке телефонных мошенников подверглись более 110 тыс. лиц пенсионного возраста[2].

В этой связи базисом для принятия Федерального закона от 01.04.2025 № 41-ФЗ послужил целый пакет законов, благодаря которым у операторов, обрабатывающих персональные данные, появились дополнительные обязанности, например, своевременно уведомлять Роскомнадзор об утечках: ранее операторы в принципе не были обязаны уведомлять государство о произошедших утечках, то есть не существовало никакого взаимодействия между опера-

[1] Президент признал проблемой масштаб телефонного мошенничества // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/12/19/1082569-prezident-priznal-problemoi-masshtab-telefonnogo-moshennichestva (дата обращения: 14.05.2025).

[2] Тревожные звонки: Путин заявил о недопустимых масштабах мошенничества в РФ // Известия. URL: https://iz.ru/1849375/alena-nefedova-natalia-ilina/trevozhnye-zvonki-putin-zayavil-o-nedopustimyh-masshtabah-moshennichestva-v-rf (дата обращения: 12.05.2024).

торами и государственной системой[1]. Был установлен запрет на доступ третьих лиц к данным, содержащимся в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН)[2]. Также было закреплено, что операторы не могут навязывать договор, содержащий положения, которые ограничивают права и свободы субъекта персональных данных[3]. То есть операторы не вправе отказать в оказании услуги или заключении договора, если вы не согласились предоставить свои персональные данные. Думаю, многие сталкивались с навязыванием таких договоров при получении каких-либо услуг, например, в фитнес-центрах или в магазинах при оформлении дисконтных карт.

Все эти ограничения, направленные на защиту персональных данных наших граждан, являются не просто декларативными положениями — за их нарушение установлена серьезная ответственность. До принятия указанных поправок мы сталкивались с прецедентами, когда у организаций с годовым оборотом свыше миллиарда рублей происходили огромные утечки информации о клиентах, за что в дальнейшем они оплачивали административные штрафы, исчисляемые десятками тысяч рублей, что, безусловно, несоизмеримо с тяжестью последствий таких утечек. Выходило, что крупным операторам было гораздо проще заплатить небольшой штраф, чем вкладываться в собственную кибербезопасность и обеспечивать должную защиту имеющихся в их распоряжении баз данных.

В этой связи с целью стимулирования более ответственного отношения операторов, обрабатывающих данные, нами были предложены законодательные изменения в Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ, которые также были приняты в конце прошлого года.

В частности, были введены большие административные штрафы за нарушение законодательства в области персональных данных в зависимости от объема утечки данных (чем больше утекло, тем выше штраф). Для юридических лиц они составляют до 15 млн руб. Речь идет о крупных компаниях, хранящих большое количество данных. Причем при повторном нарушении штрафы для юридических лиц уже будут оборотными — до 3 % годовой выручки, но не менее 20 млн руб. и не более 500 млн[4]. Представляется, что такое усиление ответственности станет действенной мерой по обеспечению операторами должной защиты персональных данных.

Уголовный кодекс РФ был дополнен новой статьей 272.1, предусматривающей ответственность за незаконные использование, передачу, сбор подобной информации с санкцией вплоть до 10 лет лишения свободы при наличии отягчающих признаков (если деяния повлекли тяжкие последствия либо совершены организованной группой лиц)[5].

---

[1] Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III) ст. 5233.

[2] Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ.

[3] Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ.

[4] Федеральный закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7411.

[5] Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV) ст. 7412.

Еще одна насущная проблема, связанная с расследованием данного вида преступлений, связана с необходимостью совершенствования порядка определения территориальной подследственности в ходе расследования хищений, совершаемых дистанционно, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий и различных технических устройств. Несмотря на то что в настоящее время действует целый ряд ведомственных актов, направленных на оптимизацию данного процесса[1], на практике он нередко превращается в бюрократическую волокиту.

Как мы знаем, такие преступления нередко совершаются из-за рубежа, и их достаточно тяжело отследить. Кроме того, дистанционные хищения, как правило, связаны с большим количеством эпизодов и, как следствие, потерпевших, иногда из разных регионов нашей страны. Всё это на практике вызывает трудности с определением места производства предварительного расследования по уголовным делам.

В этой связи для защиты прав потерпевших было предложено указать в ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса РФ, что предварительное расследование в целях обеспечения полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков может производиться по месту нахождения не только обвиняемого и большинства свидетелей (как это сейчас установлено), но и по месту нахождения большинства потерпевших[2]. Представляется, что данная мера будет способствовать повышению эффективноми предварительного расследования киберпреступлений.

Помимо этого, в Государственной Думе Федерального Собрания РФ находится еще один законопроект об изменении Уголовного кодекса РФ, который был внесен в январе текущего года. Предлагается усилить уголовную ответственность за незаконное получение и использование коммерческой, налоговой или банковской тайны[3]. Такого рода предложения обусловлены распространением закрытой информации в силу цифровизации многих организационно-управленческих процессов, что ведет к утечкам, например, из баз данных таможенных органов, сведения в которых составляют налоговую тайну.

Анализ практики показал, что действующие санкции недостаточно эффективны и несоразмерны общественно опасным последствиям противоправных деяний, так как они нередко носят рецидивный характер. Поэтому предложено внести в действующую статью 183 «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» Уголовного кодекса РФ следующие изменения:

— в части третьей, которая предусматривает повышенную ответственность за рассматриваемые деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а равно причинившие крупный ущерб

[1] Приказ МВД России от 03.04.2018 № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений» // URL: https://xn--n1aicc3c.xn--b1aew.xn--p1ai/document/13608728 (дата обращения: 14.05.2025).

[2] Законопроект № 792475-8 «О внесении изменений в статью 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/792475-8 (дата обращения: 14.05.2025).

[3] Законопроект № 825103-8 «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/825103-8 (дата обращения: 14.05.2025).

или совершенные из корыстной заинтересованности, предлагается исключить основное наказание в виде штрафа и ввести нижний порог наказания в виде лишения свободы от двух лет с дополнением санкции наказанием в виде штрафа до 5 млн руб.;

— в части четвертой, предусматривающей повышенную ответственность за рассматриваемые деяния, повлекшие тяжкие последствия, предлагается ввести нижний порог наказания в виде лишения свободы от трех лет с дополнением санкции наказанием в виде штрафа от 1 до 5 млн руб.

В завершение отметим, что законодательная работа в части обеспечения кибербезопасности, сохранности персональных данных, защиты граждан от телефонных мошенников идет в постоянном режиме. Уже намечены дальнейшие планы по работе в данном направлении. Будем наблюдать, какое влияние окажут принятые меры на профилактику рассматриваемой категории преступлений и совершенствовать принимаемые меры.

Славгородская О. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной юридической
академии

Милахов Е. А.,
обучающийся Саратовской государственной
юридической академии

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПНОГО МАЙНИНГА

Процессы, происходящие в современном мире, влекут расширение влияния цифровых технологий на все сферы общественной жизни. Одним из проявлений подобного влияния является активное вхождение в современный мир такого явления, как использование цифровой валюты или криптовалюты. Тенденции развития криптовалют имеют большое значение не только для экономических отношений, но и для системы обеспечения правопорядка, необходимого для стабильного развития социума.

Обращение к возможностям использования криптовалют в качестве объекта анализа обусловлено существующими проблемами вокруг этой инновационной формы расчетов. Вопросы определения содержания криптовалюты, ее использования, включая аспекты правового характера, при всей актуальности данной темы представляются недостаточно исследованными. Правовая регламентация деятельности в области майнинговых ферм и криптовалюты до сих пор находится в стадии формирования, так как с учетом всех тонкостей представляет большую сложность[1].

[1] По данному вопросу см., например: *Михайлов А. А.* О легальном закреплении понятия криптовалюты в законодательстве Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8-1 (83). С. 60–64 ; *Грибунов О. П., Усачев С. И., Усачева Е. А.* Криптовалюта и иные виртуальные активы как феномен современной преступности: про-

И. В. Васильева и А. А. Лебедева отмечают: «Принципиально важно понимать, что криптовалюта и цифровые финансовые активы — это разные понятия»[1]. Понимание причин их разграничения требует обращения к рассмотрению такой категории, как «майнинг».

Майнинг — это важнейший процесс публичного блокчейна, где криптовалюта выступает в роли стимула для майнеров[2]. Именно майнинг позволяет прорабатывать криптографический код и устанавливать определенные барьеры для сбора информации в ячейках (блоках) локализированного информационного поля[3]. Каждый блок имеет шифр, который гарантирует, что пользователь может изменять лишь ту ячейку, на которую он имеет право «владения», то есть у пользователей имеются закрытые ключи, без которых внести исправление в запись файла невозможно[4].

Так называемые майнинговые фермы стали новыми средствами совершения преступления, помогая «добытчикам» или «информационным предпринимателям» относительно легко добывать виртуальные деньги для дальнейшего обмена на фиатные деньги (денежные средства, выпускаемые государством). Рассмотрим указанные аспекты подробнее.

Во-первых, майнеры — лица, осуществляющие «предпринимательскую деятельность», получают прибыль, но не отчисляют налоги в соответствующий бюджет[5]. Им грозит уголовная ответственность по ст. 171 УК РФ. Аргументируя данную позицию, С. В. Мурадян и Н. А. Кузьмин пишут, что в связи с отсутствием правовых основ регулирования майнинга, данный вид деятельности можно оценить на основании положений ст. 2 ГК РФ как самостоятельную деятельность направленную на получение прибыли, т.е. можно сказать, что такой бизнес, по сути, приравнивается к предпринимательству[6].

Во-вторых, данный вид деятельности имеет дуалистический характер: с одной стороны, она, вроде бы, одобряется государством, с другой, — ее можно рассматривать как незаконный способ обогащения[7].

блемы раскрытия, расследования и предупреждения // Российский следователь. 2024. № 4. С. 7–12.

1 *Васильева И. В., Лебедева А. А.* Особенности работы с криптовалютой при расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2024. № 4. С. 5–8.

2 *Виногоров Г. Г.,* Проблемы разработки методики анализа эффективности работы майнинг-фермы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4-1. С. 441–445.

3 *Мельник В. С.* Блокчейн-технологии и судебный процесс: новые вызовы и перспективы // Эксперт-криминалист. 2024. № 2. С. 16–19.

4 *Плотникова Т. В., Харин В. В.* Криптовалюта: эволюция становления и перспектива развития // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-evolyutsiya-stanovleniya-iperspektivarazvitiya (дата обращения: 26.04.2025).

5 *Самолысов П. В.* Правовое регулирование майнинга криптовалют // Право и цифровая экономика. 2020. № 3 (09). С. 13–20.

6 *Мурадян С. В., Кузьмин Н. А.* Оценка вероятных криминальных рисков и угроз, связанных с майнингом криптовалюты // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-veroyatnyh-kriminalnyh-riskov-i-ugroz-svyazannyh-s-mayningom-kriptovalyuty (дата обращения: 10.05.2025).

7 Кроме того, ряд регионов Правительством Российской Федерацией с 1 января 2025 г. включены в перечень запрещенных мест для майнинга. Постановление Правительства РФ от

В-третьих, майнинг требует большого объема электроэнергии, что провоцирует незаконные подключения к электросетям или использование электроэнергии без соответствующий оплаты. В связи с этим майнерам будет грозить ответственность по ст. 165 УК РФ.

В-четвертых, зачастую майнинговые фермы используют чужое имущество (ресурсы), что может квалифицироваться по ст. 159 УК РФ (мошенничество).

В-пятых, анонимность цифровых валют ведет к отсутствию контроля и мониторинга за передвижением финансовых активов. В таком случае возрастает риск использования криптовалюты в качестве теневой экономической базы, например, для финансирования терроризма или наркотрафика[1].

Подтверждением тому являются примеры из практики. Например, в Иркутске были задержаны лица, которые использовали свыше 500 устройств для майнинга, оплачиваю электрическую энергию по льготному тарифу. Общий ущерб для сетевой компании, причиненный незаконной майнинг-фермой, составил около 200 млн руб. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ[2].

Разрабатываемые криминалистикой методические рекомендации по раскрытию и расследованию преступлений играют ключевую роль в работе правоохранительных органов. При этом выявление всех обстоятельств, подлежащих установлению, базируется на использовании данных об элементах криминалистической характеристики, одним из ключевых в числе которых является способ преступления.

Способ преступления рассматривается в виде системы объективно и субъективно обусловленных, взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, направленных на достижение определенной цели с использованием различных условий и средств[3]. В связи с этим майнинг можно считать основой получения криминалистически значимой информации. Чтобы акцентировать внимание на специфике майнинга как способа совершения преступления, необходимо рассматривать его не просто как технологический процесс, а как ключевой элемент преступной схемы, пронизывающий все стадии — от подготовки до сокрытия преступления.

При этом необходимо учитывать ряд важных теоретико-прикладных аспектов:

— научные знания о криминалистической характеристике позволяют построить модель нового вида преступлений и облегчить его раскрытие и расследование в условиях правовой неопределенности;

23.12.2024 № 1869 (ред. от 07.04.2025) «Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации и на отдельных территориях субъектов Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[1] *Исаев Д. Ш.* Проблемы регулирования операций с криптовалютой // Архонт. 2024. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-regulirovaniya-operatsiy-s-kriptovalyutoy-1 (дата обращения: 11.05.2025).

[2] В Приангарье незаконно установили 500 единиц майнингового оборудования // государственное информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/23813763?ysclid=ma2pmpq751504301155 (дата обращения: 29.04.2025).

[3] Криминалистика : учебник / О. В. Волохова, Н. Н. Егоров, М. В. Жижина [и др.] ; под ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2011. С. 345–346.

— виктимология поможет понять особенности личности жертв майнинга, их поведение и взаимосвязь с преступником, а в случае вовлечения в преступную схему энергоснабжающих организаций или других юридических лиц — выявить лакуны в законодательстве;
— ситуалогический подход применительно к преступному майнингу позволит оценить доступность для злоумышленников дешевого оборудования, отсутствие контроля потребления электроэнергии в конкретных условиях места и времени, степень осведомленности населения в целом и непосредственно граждан, вовлекаемых в преступную деятельность, о криптовалютах;
— при изучении личности преступника теория рационального выбора (согласно которой субъект совершает действия, по его мнению, могущие принести наибольшую выгоду с учетом рисков и затрат) поможет выявить мотивацию преступника, а теория криминалистического портретирования (в частности, географического профилирования) — определить его ключевые личностные особенности, включая вероятное место жительства.

К особенностям преступного майнинга относятся скрытность, ее трансграничность (майнинг может осуществляться в одной стране, а криптовалюта использоваться в другой), а также динамичность, обусловленная развитием информационных технологий.

С учетом изложенного противодействие преступному майнингу должно осуществляться с опорой на следующие методические рекомендации, выработанные криминалистикой.

Прежде всего, следователю необходимо провести анализ показателей потребления электроэнергии: резкий скачок потребления электроэнергии в конкретном здании или помещении может указывать на наличие оборудования, потребляющего большое количество энергии, как это бывает при майнинге криптовалют. Анализ данных электрокомпаний является важным источником информации. Примером может служить опыт Саратовской области, когда сотрудники предприятия городских электрических сетей (ООО «СПГЭС») в результате обследования нежилого объекта недвижимости обнаружили оборудование для майнинга криптовалюты[1].

Изображения высокого разрешения, полученные благодаря спутниковой связи, помогут определить места, где расположено оборудование, потребляющее значительное количество энергии, особенно в сельской местности или в труднодоступных районах. Свидетели также могут указать на подозрительную активность или размещение необычного оборудования в конкретном здании, сооружении, помещении. Полезен анализ объявлений на интернет-ресурсах о продаже или аренде помещений с указанием на возможность повышенного потребления электроэнергии или упоминанием оборудования, которое может использоваться для майнинга.

В ходе осмотра конкретного объекта необходимо обратить внимание на: наличие избыточного объема работающей мощной компьютерной техники в нежилых или офисных помещениях, а также дополнительные провода, перегру-

[1] В центре Саратова найдена нелегальная майнинговая ферма // Информационное агентство «Взгляд-Инфо». URL: https://www.vzsar.ru/news/2024/03/20/v-centre-saratova-naydena-nelegalnaya-mayningovaya-ferma.html (дата обращения: 11.05.2025).

женные розетки, нестандартные соединения; систему охлаждения повышенной мощности; уровень шума; высокую температуру в помещении; и т.д.

Как отмечают ученые, «следователь в своей повседневной деятельности, реализуя промежуточные цели, постоянно продвигается к конечной»[1]. Это значит, что изложенные выше достаточно простые криминалистические рекомендации могут быть взяты за основу в ходе формирования методики расследования преступлений, связанных с незаконными действиями в отношении криптовалюты.

Фомичев А. Н.,
кандидат экономических наук, профессор,
главный эксперт ГБУ г. Москвы
«Московский исследовательский центр»,
профессор кафедры организационного
менеджмента
Университета «Синергия»

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННЫХ ОПЕРАЦИЯХ С ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТОЙ

Актуальность темы статьи обусловлена несколькими ключевыми аспектами, которые отражают современное состояние правовой системы, быстрое развитие цифровых технологий и растущую роль экономической экспертизы в разрешении правовых споров[2].

В последние годы цифровая валюта (биткойн и другие криптовалюты) стала неотъемлемой частью финансовой системы многих стран, что, в свою очередь, привело к увеличению случаев незаконных операций[3]. Киберпреступность, связанная с использованием цифровых валют, охватывает такие виды правонарушений, как отмывание денег, мошенничество, уклонение от уплаты налогов и финансирование терроризма[4]. В этой связи необходимо обратить внимание

---

1 *Комиссаров В. И.*, *Комиссарова Г. К.* Диалектические аспекты целей и средств криминалистики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1985. № 3. С. 38.

2 *Уланова О. И.* Роль судебной экономической экспертизы в обеспечении экономической безопасности России // Бухгалтерский учет, анализ, аудит и налогообложение: проблемы и перспективы : сборник статей XIII Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 17–18 января 2025 г. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 250–253.

3 *Фомичев А. Н.* Метод псевдоретроспективного манипулирования сознанием как инструмент информационной войны // Проблемы управления безопасностью сложных систем: Материалы XXXII Международной конференции, посвященной памяти Владимира Васильевича Кульбы, заслуженного деятеля науки РФ, д-ра техн. наук, профессора, Москва, 13 ноября 2024 г. М. : Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, 2024. С. 139–146.

4 *Белякова Е. Г.* К вопросу о роли искусственного интеллекта в судебных экономических экспертизах // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сборник докладов XIV Московской юридической недели : в 6 ч., Москва, 26–29 ноября 2024 г. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 12–15.

на особенности судебной экономической экспертизы, которая играет ключевую роль в установлении фактов и оценке ущерба, причиненного указанными противоправными действиями.

С развитием технологий изменяются и методы управления цифровыми активами. Специалисты в области финансов и юриспруденции должны учитывать различные аспекты регуляции, механизмы защиты прав граждан и юридических лиц, а также технику проведения экспертиз[1]. Судебные эксперты должны обладать уникальными знаниями, чтобы действительно понимать характер и специфику операций с цифровыми валютами, их влияние на рынок и возможность манипуляции с ними. Более того, неопределенность действующего законодательства в сфере криптовалюты и существующие правовые пробелы создают дополнительные сложности, которые необходимо исследовать и анализировать в научной работе[2].

Актуальность темы также подчеркивается необходимостью создания методологической базы для судебных экспертиз в контексте цифровой экономики[3]. В условиях динамично развивающегося рынка, где происходят изменения в правилах и форматах финансовых операций, исследование особенностей судебной экономической экспертизы представляет собой важный шаг к формированию эффективных правовых норм и практик, способствующих борьбе с незаконными операциями с цифровыми активами.

Не менее важным аспектом является взаимодействие различных государственных структур и органов, которые несут ответственность за контроль и надзор за рынком цифровых валют[4]. Это взаимодействие требует не только понимания механизмов работы в экосистеме цифровых активов, но и определения последовательности действий при расследовании правонарушений, которые связаны с ними[5].

Таким образом, рассматриваемая тема не только актуальна с точки зрения правоприменительной практики, но и вызывает интерес как среди юристов, так

---

1 *Щербакова В. К.* Операции с нематериальными активами как предмет судебной экономической экспертизы // Управление бизнесом и вызовы цифровой экономики: материалы V Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Саратов, 14 февраля 2025 г. Саратов : Амирит, 2025. С. 133–137.

2 *Козменкова С. В.*, *Комарова Т. А.* Особенности выявления искажений финансовой отчетности в процессе проведения судебной экономической экспертизы // Проблемы и перспективы развития экономического контроля и аудита в России : сборник статей по материалам XVI Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 13 ноября 2024 г. Курск : Университетская книга, 2025. С. 100–106.

3 *Калинина И. Н.*, *Сафошкин Т. И.*, *Павлоградский И. В.* Роль значения судебной экономической экспертизы в правоохранительной системе // Проблемы и перспективы развития экономического контроля и аудита в России : сборник статей по материалам XVI Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 13 ноября 2024 г. Курск : Университетская книга, 2025. С. 124–134.

4 *Гарибян И. В.* Особенности назначения судебно-экономической экспертизы при расследовании преступлений // Человек. Социум. Общество. 2025. № 4. С. 164–169.

5 *Бегляров М. А.* Консалтинговая и экспертная деятельность в условиях цифровой трансформации экономики // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 2. С. 51–57.

и среди экономистов, поскольку она требует комплексного подхода к решению возникающих проблем[1], что делает ее предметом для научного исследования.

Целью данного исследования является всестороннее изучение особенностей производства судебной экономической экспертизы по делам о незаконных операциях с цифровой валютой[2], а также выработка рекомендаций для улучшения правоприменительной практики в данной области. В контексте динамично развивающегося рынка цифровых активов, толкование норм законодательства и развитие правовых механизмов, регулирующих эту сферу представляется крайне необходимым для эффективного осуществления правосудия.

Для достижения указанной цели в рамках исследования необходимо решить ряд задач. Во-первых, провести анализ действующего законодательства и нормативных актов, регулирующих оборот цифровых валют и их позиции в правовой системе, что позволит выявить пробелы и недостатки в правовом регулировании. Во-вторых, изучить существующие методы и подходы к проведению судебной экономической экспертизы в контексте цифровых активов, а также рассмотреть специфику оценки таких операций с точки зрения экономической теории и практики. В-третьих, важно исследовать судебную практику по делам о незаконных операциях с цифровой валютой, проанализировав наиболее яркие дела и выявив тенденции и особенности, которые могут повлиять на дальнейшее развитие правоприменительной практики. В-четвертых, следует определить специфику взаимодействия между различными государственными органами, участвующими в расследовании и судебном разбирательстве дел о нарушениях, связанных с цифровыми валютами.

Также актуально рассмотрение вопросов, связанных с методологическими подходами к подготовке и проведению судебной экономической экспертизы в условиях отсутствия четких методических рекомендаций и стандартов в данной области. Это включает в себя разработку рекомендаций по созданию единых подходов к сбору, анализу и представлению доказательств, а также установлению критериев оценки обоснованности и достоверности представленных экспертиз.

Наконец, итоговой задачей исследования будет выработка предложений для совершенствования правового регулирования и методологической базы судебной экономической экспертизы в контексте цифровых валют, что должно привести к повышению правовой прозрачности и доверия к институтам финансовой системы, а также снижению рисков, связанных с незаконными операциями в этой сфере.

Таким образом, исследование нацелено на объединение теоретических и практических аспектов судебной экономической экспертизы по делам о незаконных операциях с цифровой валютой, что может значительно способствовать развитию и укреплению правовой системы в условиях цифровизации экономики.

Цифровые валюты, такие как Bitcoin, Ethereum и другие альткойны, представляют собой децентрализованные активы, функционирующие на основе

---

[1] *Фомичев А. Н.* Стратегические направления реализации государственной отраслевой политики в сфере промышленного производства // Вестник юридических исследований. 2024. Т. 3. № 1. С. 4–11.

[2] *Фомичев А. Н.* Адаптация системы обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации к современным политическим условиям // Проблемы управления безопасностью сложных систем: Труды XXIV Международной научной конференции, Москва, 21 декабря 2016 г. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2016. С. 39–42.

технологии блокчейн. Данная система обеспечивает анонимность и сложность отслеживания транзакций, что порождает сложности в процессе расследования незаконных операций.

Необходимость проведения экспертизы возникает в ситуациях, когда:

1. Имеются подозрения о незаконной деятельности, связанной с использованием цифровых валют.

2. Требуется восстановление цепочек транзакций для выявления источников средств.

3. Необходимо установить связь между обвиняемым и определенными цифровыми активами.

Производство судебной экономической экспертизы по делам о незаконных операциях с цифровой валютой включает ряд этапов. На первом этапе необходимо собрать информацию о финансовых потоках, связанных с преступной деятельностью. Это может включать анализ публичных записей в блокчейне, использование специализированных программ для отслеживания транзакций и идентификации адресов. На втором этапе происходит анализ собранных данных. Эксперты проводят анализ транзакций, выявляют корреляции между различными адресами и определяют возможные связи с подозреваемыми лицами. В этом контексте особенно важна работа с методами графического анализа и data mining. На третьем этапе эксперты формируют выводы, оформляют результаты в отчете и представляют их в суде. В отчете должны быть четко сформулированы выводы, а также изложены методы исследования и обоснование принятых решений.

Производство судебной экспертизы в сфере цифровых валют сталкивается с рядом проблем и вызовов. Одной из основных трудностей является анонимность и децентрализация криптовалют, что усложняет процесс идентификации участников транзакций. Существуют также сложности с интерпретацией законодательной базы, которая в большинстве стран не успела адаптироваться к новейшим технологиям. Это создает правовые пробелы, hindering эффективное расследование и применение законов. Кроме того, недостаток стандартизированных методик оценки и анализа цифровых активов затрудняет работу экспертов. Отсутствие единой методологии может приводить к противоречивым результатам и нечеткости в судебной практике.

В целях улучшения процесса производства судебной экономической экспертизы по делам о незаконных операциях с цифровой валютой следует предпринять ряд шагов.

Во-первых, необходимо разработать и внедрить единые методические рекомендации для экспертов, которые будут учитывать специфические особенности цифровых активов.

Во-вторых, требуется повышение квалификации сотрудников прокуратуры, полиции и судов в области цифровых технологий и финансов, чтобы они могли более эффективно взаимодействовать с экспертами и понимать представленные результаты.

В-третьих, следует активно развивать международное сотрудничество, обмениваясь опытом и лучшими практиками в области преследования преступлений, связанных с цифровыми валютами, так как многие из этих операций имеют транснациональный характер.

В-четвертых, представляется объективно необходимым разработка и повсеместное внедрение в практику эффективного механизма виртуальной идентификации.

фикации цифровых валютных единиц. Иными словами, механизма цифрового окраса цифровых валют. Применение указанного механизма даст возможность при производстве экономических экспертиз по делам о незаконных операциях с цифровой валютой давать однозначные заключения по вопросам определения источников поступления и основных направлений расходования денежных средств и активов в цифровой валюте.

Таким образом, проведенный выше анализ, посвященный правовым аспектам оборота цифровых валют, свидетельствует о значительной незавершенности законодательной базы и наличии правовых пробелов, что затрудняет применение существующих механизмов правового регулирования и усложняет процесс доказывания в судопроизводстве. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в разработке методологических рекомендаций и стандартов для проведения экспертиз в данной сфере. Актуальность этого подхода особенно возрастает в условиях динамично изменяющейся среды цифровых активов, требующей создания единой методологии оценки и анализа цифровых валют. Это позволит снизить вероятность противоречивых судебных решений и повысить уровень доверия к институту правосудия.

Кроме того, следует подчеркнуть важность взаимодействия между различными государственными структурами, несущими ответственность за надзор за деятельности, связанной с цифровыми валютами. Это взаимодействие должно основываться на глубоком понимании механизмов функционирования экосистемы цифровых активов и формировании четкой последовательности действий в процессе расследования правонарушений, что, в свою очередь, способствуют улучшению координации на всех уровнях.

Следует также акцентировать внимание на необходимости повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, развития международного сотрудничества, внедрения новых инструментов для борьбы с правонарушениями, связанными с цифровыми активами. Выработка рекомендаций и предложений по совершенствованию правового регулирования и методологической базы судебной экспертизы в этой сфере является важным шагом к созданию ясной и прозрачной правовой среды, в которой возможно эффективное осуществление правосудия.

Хмелёва А. В.,
кандидат юридических наук,
руководитель Научно-исследовательского
института криминалистики
Главного управления криминалистики
(Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В российском законодательстве не определяется понятие «преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». Между тем это достаточно сложное и динамичное явление, характеризующееся множеством признаков и видов.

Понятием «преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» охватываются такие разновидности преступлений, как преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ), а также преступления, совершенные с использованием электронных сетей, включая сеть Интернет. Такие преступления также называют киберпреступлениями.

В общей структуре преступности доля преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, за период 2019–2024 гг. возросла. Каждое третье преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (34,8 %). При этом они остаются одними из наиболее латентных[1]. Это связано с механизмом их совершения: далеко не каждая кибератака заканчивается успехом, о ней не всегда становится известно правоохранительным органам. Если речь идет о нематериальных активах сам факт незаконного копирования информации часто остается незамеченным.

Основными способами совершения таких преступлений оставались хакерские атаки и использование персональных данных в криминальных целях. По данным аналитического центра по итогам 2023 г. Россия находится на 12-м месте в рейтинге наиболее атакуемых хакерами стран мира[2].

Основная масса киберпреступлений совершалась транснациональными организованными преступными группировками, специализирующимися на мошенничествах. В результате их действий пострадали свыше 70 тыс. человек из 43 стран[3].

---

[1] Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова на Расширенном заседание коллегии Генеральной прокуратуры 15.03.2023 // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70678 (дата обращения: 22.10.2024).

[2] Россия вошла в число самых атакуемых хакерами стран // URL: https://lenta.ru/news/2024/02/06/rossiya-voshla-v-chislo-samyh-atakuemyh-hakerami-stran/ (дата обращения: 22.10.2024).

[3] Российская делегация приняла участие в Глобальной конференции Интерпола по вопросам борьбы с киберпреступностью // URL: https://мвд.рф/news/item/42738590 (дата обращения: 12.02.2024).

В 2024 г. среди киберпреступлений сохранялось преобладание тяжких и особо тяжких преступлений (50,6 %).

В структуре киберпреступлений увеличился удельный вес мошенничеств, которые и без этого превалировали и составляет более половины. Кражи и незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов также относятся к наиболее распространенным киберпреступлениям.

Кроме того, заметно увеличилось количество публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях. С момента введения уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации о Вооруженных Силах Российской Федерации и дискредитацию их использования, возбуждено 615 уголовных дел, перед судом уже предстало 365 обвиняемых.

Продолжился рост телефонных мошенничеств, преимущественно с территории Украины[1]. Получила распространение схема осуществления таких мошенничеств, когда преступники через посредников находят подставных лиц, готовых за небольшую плату оформить на свое имя банковскую карту и передать ее для дальнейшего использования. Далее карты активируются и привязываются к оформленным на третьих лиц абонентским номерам. Это позволяет анонимно обналичивать похищенные телефонными аферистами деньги[2].

За год мошенники обогатились на 350 млрд руб. Только в 2024 г. жертвами телефонных мошенников стали 110 000 пенсионеров.

Так, 7 февраля 2024 г. в прокуратура проинформировала о случае, когда нигериец выманил у пяти россиянок свыше 9 млн руб. Мужчина знакомился с женщинами через социальные сети и создавал видимость романтических отношений. Ранее, 23 января, жительница Южно-Сахалинска отдала мошенникам больше 1,2 млн руб. Аферисты сначала представились сотрудниками Социального фонда, а потом — Центробанка. Возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации»).

Нередко киевскими спецслужбами использовались схемы запугивания жертв несуществующим уголовным преследованием либо долговой финансовой зависимостью, для их побуждения к совершению преступлений против общественной безопасности[3].

Исходя из изложенного, основными тенденциями киберпреступлений выступают:

— тесная связь между высокой интенсивностью кибератак и международной политической обстановкой;

---

[1] По телефону и через Госуслуги. Главные схемы, которыми пользуются мошенники в 2023 году, чтобы красть деньги россиян // URL: https://lenta.ru/articles/2023/08/07/moshenniki/ (дата обращения: 08.02.2024).

[2] Якутские полицейские задержали подозреваемого в организации схемы обналичивания денег, полученных в результате совершения мошенничеств // URL: https://мвд.рф/news/item/45407837 (дата обращения: 12.02.2024).

[3] Владимир Колокольцев провел заседание Правительственной комиссии по профилактике правонарушений // URL: https://мвд.рф/news/item/45260331/?year=2024&month=1&day=10 (дата обращения: 19.01.2024).

— высокий уровень латентности;
— рост кибератак на объекты инфраструктуры, в том числе критической;
— продолжающийся рост доли мошенничеств в структуре киберпреступности;
— увеличение доступности технологий, позволяющих совершать киберпреступления.
— В краткосрочной перспективе прогнозируется рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий[1].

5 марта 2025 г. Президент РФ В. В. Путин по видеосвязи провел совещание с членами Правительства РФ по вопросу борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством. В мероприятии принял участие Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин.

Было отмечено, что проблему кибермошенничества можно решить только совместными усилиями на общегосударственном уровне. Подчеркнута необходимость совершенствования работы по повышению осведомленности населения об особенностях мошеннических схем, о функционировании финансовых, банковских механизмов, формирования навыков безопасного поведения граждан в различных ситуациях.

В Следственном комитете России данной проблематике уделяется повышенное внимание. В 2024 г. ведомством расследовано 24 000 преступлений, совершенных с применением современных цифровых средств, что почти на 10 % больше, чем в 2023 г. Общая сумма установленного ущерба превысила семь с половиной миллиардов рублей. Кроме того, наложен арест на имущество обвиняемых в размере свыше пяти миллиардов рублей.

При расследовании преступлений рассматриваемой категории используется программное обеспечение, аппаратно-программные комплексы, специальные технические средства. Можно привести успешный пример такой работы по уголовному делу, возбужденному по факту террористического акта в концертном зале «Крокус Сити Холл» в марте 2024 г.

Были обеспечены максимальная оперативность, высокое качество и эффективность криминалистической деятельности по фиксации следов этого преступления. Осмотрено 346 электронных носителей информации (видеорегистраторы, жесткие диски, мобильные телефоны и др.). При этом исследованы изъятые у непосредственных исполнителей преступления 5 телефонов. На момент осмотра устройства имели значительные конструктивные повреждения, причиненные подозреваемыми с целью воспрепятствования извлечению из них данных.

Профильными специалистами для получения доступа к имеющейся в телефонах информации приобретены «доноры» для замены поврежденных элементов, проведены необходимые технические мероприятия. В результате восстановлена работоспособность 4 устройств, из которых извлечена сохраненная в них информация.

Активно продолжаем развивать цифровую криминалистику. Ведутся апробации отечественных программных комплексов для работы с данными. В перспективе планируется создание высокотехнологичной лаборатории для проведения исследований электронных носителей информации.

[1] Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М. : ВНИИ МВД России, 2024.

Это направление, связанное с анализом цифровых следов — данных из сети Интернет, в том числе из социальных сетей, электронной почты, облачных хранилищ, спутниковых систем космического мониторинга Земли и иных источников. На сегодняшний день использование методов сбора, обработки и изучения этих данных является одним из действенных способов раскрытия преступлений. Для анализа цифровых следов наши сотрудники используют в том числе программное обеспечение собственных разработок, которое постепенно усовершенствуется.

Отмечается резкий рост объемов выполненных работ по исследованию, анализу, улучшению (реконструкции) фото- и видеоизображений, получаемых из различных источников (в том числе записей с камер видеонаблюдения, видеорегистраторов, систем типа «Безопасный город»).

Так, в ходе расследования резонансного уголовного дела, возбужденного 29.10.2023 по ч. 1 и 2 ст. 212 УК РФ по факту массовых беспорядков в аэропорту г. Махачкалы, с различных систем видеорегистрации изъято более 3 тыс. файлов общим объемом информации свыше 2 терабайтов. Детальный осмотр этих данных с использованием указанных программных продуктов проводился 10 сотрудниками Главного управления криминалистики более трех месяцев. В результате удалось идентифицировать свыше 400 человек.

По уголовному делу об аналогичном преступлении, имевшем место 15–17 января 2024 г. в Республике Башкортостан (г. Баймак), успешно идентифицировано 76 лиц, участвовавших в массовых беспорядках и нападениях на сотрудников правоохранительных органов.

Активно проводятся исследования, связанные с дистанционным зондированием Земли.

В Липецкой области при расследовании экономического преступления применялись данные дистанционного зондирования Земли из космоса. Руководством одного из предприятий в целях уклонения от уплаты налогов были заключены фиктивные сделки на строительство социально значимого объекта. Фактически никаких работ не производилось. Данные дистанционного зондирования Земли из космоса помогли установить событие преступления, а именно отсутствие торгово-материальных ценностей на территории складских помещений контрагента. В дальнейшем следователи установили причастность конкретных лиц к преступлению и добились возмещения причиненного ими ущерба бюджету в размере 400 млн руб.

Борьба с киберпреступлениями проводится планово, по различным направлениям.

1. Это совершенствование законодательства. Хочу напомнить, что 30 ноября 2024 г. в УК РФ введена новая статья «Статья 272.1. Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения».

В Следственном комитете разработан проект федерального закона, предусматривающий дополнение статьи 63 УК РФ новым отягчающим наказание обстоятельством — совершение преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе искусственного интеллекта. Кроме того, он затронул вопрос уголовной ответственности дропперов, т.е. за передачу третьим (подставным) лицам электронного средства платежа.

По-прежнему актуальным остается вопрос о том, какое имущество подлежит конфискации. Сейчас конфисковать можно имущество, которое получено, например, при совершении убийства, похищении человека, злоупотреблении должностными полномочиями и ряда других преступлений. Однако в этом перечне нет таких составов преступлений, как мошенничество в случае их совершения с использованием служебного положения, организованной группой, в крупном размере. Это виды хищений, где зачастую ущерб измеряется очень значительными суммами, и мы полагаем, что конфискацию необходимо распространить на имущество, полученное в результате указанных преступлений.

2. Необходимо совершенствовать и повышать эффективность взаимодействия правоохранительных органов, других ведомств и учреждений.

Председатель СК России неоднократно подчеркивал необходимость создания единой информационной платформы противодействия мошенническим действиям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Он предложил рассмотреть возможность создания Агентства по противодействию телефонному и интернет-мошенничеству и другим видам интернет-преступлений, которое будет выполнять организационно-профилактические задачи, объединять информацию обо всех пострадавших.

3. Важнейшая задача в плане противодействия киберпреступлений — подготовка кадров, совершенствование структуры ведомства. В Следственном комитете в целях борьбы с указанными видами преступлений функционируют специальные следственные, криминалистические и экспертные подразделения. Для повышения эффективности расследования таких деяний усилен кадровый состав отдела по расследованию киберпреступлений, добавив туда IT-специалистов, которые умеют работать с цифровыми следами. В перспективе они будут самостоятельно работать с некоторыми базами данных и программно-аппаратными комплексами, чтобы повысить эффективность этой работы.

В академиях Следственного комитета созданы кафедры для подготовки специалистов в данной сфере, разработаны специальные программы обучения курсантов.

Проходят обучение и следователи на курсах повышения квалификации в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре), в том числе с участием иностранных специалистов.

4. Совершенствование методического обеспечения.

Сотрудники НИИ криминалистики Главного управления криминалистики и ведомственных академий на системной основе занимаются разработкой практических пособий и методических рекомендаций об особенностях расследования киберпреступлений. На протяжении последних лет изданы научно-методические материалы, посвященные различным вопросам расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий — экстремистской направленности, совершаемых с использованием цифровой валюты, против половой неприкосновенности несовершеннолетних и др. В текущем году проводится исследовательская работа «Особенности расследования киберпреступлений».

В целях осуществления научно-методической поддержки в НИИ криминалистики создан специальный сайт, своеобразная электронная криминалистическая библиотека для оказания научно-методической помощи следователям и экспертам, которые могут иметь доступ к ней в круглосуточном режиме из

любой точки, где есть техническая возможность подключения к сети Интернет. К настоящему времени в этой библиотеке размещено более 330 материалов.

Регулярно проводятся научно-практические конференции, семинары, круглые столы. По вопросам расследования киберпреступлений, его криминалистического, экспертного обеспечения и сопровождения выступают авторы в профильных изданиях: «Предварительное следствие», «Вестник Главного управления криминалистики», «Следственная практика», издания, рекомендуемые ВАК — «Российский следователь» «Эксперт-криминалист» и др.

В ближайшее время будут приняты дополнительные меры по защите граждан от мошенников:

1. Будет введена обязательная маркировка звонков, которая позволит определить их источник — это может быть организация, международный или виртуальный номер. Информация будет отображаться на экране телефона.

2. Граждане смогут отказаться от рекламных звонков и сообщений, что поможет предотвратить получение нежелательных звонков и массовых рассылок, осуществляемых без предварительного разрешения.

3. Государственным службам, операторам связи и банкам запретят использовать иностранные мессенджеры для взаимодействия с людьми. Это направлено на предотвращение мошенничества, при котором злоумышленники выдают себя за работников данных учреждений.

4. Для обнаружения подозрительных действий и их оперативной блокировки создадут информационную систему. На данной платформе, среди прочего, будут собраны записи голосов тех, кто пытается использовать доверие граждан для личной выгоды.

Важное значение приобретает и просветительская работа с использованием помощи СМИ (передачи, интервью, ролики, новостные сюжеты, публикации и т.п.), банков, компаний по разработке антивирусных программ т.д. (размещение соответствующей информации); использования площадок форумов, конференций, семинаров, посвященных или выделяющих отдельные секции по обсуждению вопросов противодействия преступности, совершаемой с использованием информационно-коммуникационных технологий, и т.д.

Целесообразно дополнить такие мероприятия, предложив лицам, обеспечивающим проведение денежных операций с помощью информационно-коммуникационных технологий, добавлять при их совершении, а также получении для их совершения кодов подтверждения/доступа и т.п. предупреждение о возможности совершения мошеннических действий. Каждому действию должен соответствовать свой текст предупреждения. Разработка таких текстов-сообщений должна осуществляться совместно с психологами.

Напомню, что Госдума в марте с.г. единогласно одобрила правительственный законопроект о защите граждан от телефонных и интернет-мошенников «О создании государственных информационных систем по противодействию правонарушениям (преступлениям), совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что, несомненно, повысит эффективность борьбы с преступностью.

Комиссарова Я. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации,
доцент кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ИТОГИ ПАНЕЛЬНОЙ ДИСКУССИИ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ, СОВЕРШАЕМОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

Президент РФ В. В. Путин 5 марта 2025 г. провел совещание с членами Правительства, в ходе которого рассматривались вопросы профилактики общественно опасных деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), прежде всего телефонного и интернет-мошенничества.

Правонарушения данной категории чрезвычайно разнообразны, к тому же в условиях глобальной цифровой трансформации общества постоянно модифицируются способы, позволяющие злоумышленникам достигать противоправных целей. Соответственно, проблема выявления, раскрытия и расследования такого рода преступлений выходит далеко за пределы предметной области криминалистики и компетенции правоохранительных органов. Криминалистический алгоритм противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ, может быть реализован в соответствии с действующим УПК РФ только после выработки и принятия на государственном уровне масштабных технических и правовых решений. Поэтому в ходе совещания Председатель СК России А. И. Бастрыкин предложил рассмотреть вопрос о создании Агентства по противодействию телефонному, интернет-мошенничеству и другим видам интернет-преступлений.

26 марта 2025 г. в рамках XII Московского инновационного юридического форума кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) провела панельную дискуссию «Криминалистическое обеспечение противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», модератором которой выступила автор статьи.

Спикерами выступили: Ирина Панькина, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, кандидат юридических наук; Алла Хмелёва, руководитель научно-исследовательского института криминалистики Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук; Лев Бертовский, профессор кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, директор Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук НИУ МИЭТ, доктор юридических наук, профессор; Андрей Масалович, генеральный директор АО «Инфорус», кандидат физико-математических наук;

Виктор Немчинов, директор ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»; Евгений Царёв, управляющий RTM Group (ООО «РТМ ТЕХНОЛОГИИ»).

В статусе специального гостя в дискуссии принял участие Павел Севастьянов, первый заместитель начальника Экспертно-криминалистического центра МВД России, генерал-майор полиции, кандидат юридических наук.

Поддерживая комплекс мер, как реализованных, так и планируемых к реализации Правительством РФ, а также уполномоченными ведомствами, участники дискуссии пришли к следующим выводам.

1. Компьютерно-опосредованная коммуникация в процессе преступной деятельности тщательно маскируется, ее следы нивелируются за счет использования современных технологий. У сотрудников правоохранительных органов возникают сложности с установлением местонахождения преступника, его личности и иных обстоятельств, имеющих значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В этой связи необходимо сосредоточить усилия криминалистов на многоаспектном анализе коммуникативной составляющей механизма преступлений, совершаемых с использованием ИКТ.

Особенно важно изучить дела о мошенничестве в отношении физических лиц (по видам преступлений) для составления виктимологического портрета типичной жертвы и определения «групп риска». При этом следует шире применять инструментарий криминологии и криминалистики, а не ограничиваться использованием результатов исследований в данной области, проводимых психологами.

В настоящее время медиа-нарратив «жертвой мошенников может стать каждый» является контрпродуктивным, так как деморализует граждан, осложняя выявление и расследование рассматриваемой категории преступлений. Следует акцентировать внимание на личной ответственности граждан за свою безопасность и сохранность имущества, а также отказаться от возведения телефонных мошенников в ранг «мастеров гипноза» и «властителей душ». Возможна установка (по умолчанию) для абонентских устройств, зарегистрированных определенными категориями граждан, запрета принимать входящие звонки (сообщения) иностранных операторов связи и звонки, осуществляемые с помощью IP-телефонии.

2. Решение технической задачи по блокированию связи на различных объектах осложняется из-за того, что зона покрытия, особенно в городской черте, очень плотная, что не позволяет осуществлять блокирование классическим методом, применяемым в радиоэлектронной борьбе (заградительная помеха). Кроме того, мощность излучателей для гарантированного блокирования связи должна быть значительной, что, во-первых, повлияет на здоровье людей, во-вторых, стоимость оборудования высока, в-третьих, такое излучение негативно влияет на системы связи, развернутые за пределами объекта, где происходит блокирование.

Предлагается решить данную проблему комплексно:

1) определить круг государственных органов (конкретизировать подразделения), которым следует законодательно предоставить право требовать снижения мощности базовых станций мобильных операторов, находящихся в непосредственной близости от определенных территорий;
2) использовать так называемые интеллектуальные помехи (такие помехи излучаются в узких диапазонах и не оказывают негативного воздействия на людей и системы связи, находящиеся за пределами объекта).

3. При осуществлении государственных закупок в сфере информационных технологий имеет место значительное количество конфликтных ситуаций, в первую очередь связанных с тем, что работы выполняются не в полном объеме (что довольно трудно доказать); разработанный софт не решает задач заказчика; нарушены сроки проведения работ. Споры могут рассматриваться в рамках арбитражного процесса, но могут повлечь также возбуждение уголовных дел.

При этом возникает острая потребность в использовании специальных знаний в форме экспертизы. Однако существующие подходы к назначению, организации и проведению судебных экспертиз не позволяют получить суду и следствию ответы на вопросы, возникающие при производстве по делу. Это связано с тем, что технологии развиваются настолько быстро, что методика проведения экспертного исследования целого ряда объектов может устареть до внедрения в практику.

Процесс становления новых родов и видов экспертиз долог и труден и не может быть поставлен во главу угла при решении вопроса о целесообразности использования определенного рода специальных знаний в судопроизводстве. Потребность в их применении предопределяется характером преступной деятельности, темпы модификации которой значительно превосходят возможности государства по совершенствованию судебно-экспертной деятельности и переоснащению экспертных учреждений, финансируемых из бюджета. Поэтому необходимо во все процессуальные кодексы внести единообразные изменения. Специалист, наряду с экспертом, должен стать полноправным участником судопроизводства, недвусмысленно наделенным правом проведения исследования и дачи заключения по его результатам (являющегося полноценным доказательством) в ситуации востребованности знаний из сферы, которая производством экспертиз либо не охвачена или охвачена не в полной объеме с учетом появления новых экспертных задач.

4. Шире следует использовать возможности фоноскопии как для формирования баз биометрических образцов голосов лиц, совершающих телефонные мошенничества, так и для криминалистического анализа следовой картины коммуникации мошенника с жертвой с целью распознавания криминального сценария речевого общения, обнаружения признаков подделки голосовых, видео- или текстовых сообщений, в том числе изготовленных с использованием ИИ.

5. Криминалистическое обеспечение противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием ИКТ, должно быть не просто реакцией на изменения в способах совершения указанных преступлений, а разрабатываться в опережающем режиме. Необходим алгоритм оперативного формирования мобильных научных коллективов с обязательным привлечением практиков для оценки правовых и криминальных рисков новых технологий, прогнозирования развития преступности в рассматриваемой сфере и выработки упреждающих технологий борьбы с ней.

6. Сегодня одной из приоритетных целей государственной политики является обеспечение технологического лидерства России. Это мощный драйвер формирования правовой инфраструктуры для инновационных преобразований в экономике и других сферах общественной жизни. В этой связи подготовка следователей, которым предстоит специализироваться в области противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ, должна осуществляться

в рамках бинарных образовательных траекторий. Речь идет о формировании нового компетентностного кода юриста (криминалиста) за счет выработки у обучающихся вузов навыков работы как в правовой, так и в информационно-технологической сферах.

В рамках работы XII Московского инновационного юридического форума кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — д. ю. н., профессор Александр Першин, к. ю. н., доцент Олег Белов, лаборант Александр Михайловский провели презентацию интерактивного тренажера с применением технологий виртуальной реальности «Тактика осмотра места происшествия», предназначенного для проведения занятий по криминалистике. В режиме реального времени каждый желающий смог почувствовать себя настоящим криминалистом — принять участие в виртуальном осмотре места происшествия.

В завершение дискуссии состоялась презентация изданий по тематике работы площадки. Заместитель начальника управления научных исследований ЭКЦ МВД России, д. ю. н., профессор Юрий Гаврилин представил учебник «Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» подготовленный под его редакцией коллективом авторов (Москва: Академия управления МВД России, 2024). Заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., д. филол. н., проф., почетный работник сферы образования Российской Федерации Елена Галяшина представила монографию «Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности» (Москва: Проспект, 2025).

РЕЖИМ ПРЕБЫВАНИЯ МИГРАНТОВ

Чечельницкий И. В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

О ПОНЯТИИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются конституционной обязанностью органов публичной власти в современной России. Это важнейшее положение Конституции Российской Федерации призвана реализовывать мощная правозащитная система органов публичной власти под руководством Президента РФ. Важную роль в ней играет институт уполномоченных по правам человека.

Анализу института уполномоченных в современной юридической науке уделяется немало внимания. Вместе с тем следует согласиться с тем, что без новых общетеоретических правовых доктрин создание качественного законодательства и современная юрисдикционная практика невозможны. Уровень задач, которые сейчас решает Россия, требует несоизмеримо более высокого уровня организации правовой среды и нормообеспечения инноваций[1]. В этой связи институт уполномоченных как государственно-правовой феномен нуждается в дополнительном научном осмыслении и нормативном совершенствовании.

В юридической науке существует широкая палитра взглядов на понятие института уполномоченных. Обычно он рассматривается как:

— совокупность существующих на федеральном, региональном и муниципальном уровне уполномоченных по правам человека, специализированных уполномоченных (уполномоченных по правам ребенка и т.п.) — органов со специфическими целями, функциями и принципами деятельности по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации[2];
— совокупность должностных лиц и единоличных государственных органов, не обладающих статусом органов государственной власти[3];
— совокупность независимых лиц, которые замещают государственные должности, осуществляют административно-правовую защиту прав и свобод человека и гражданина в спорах с субъектами государственного и муниципального управления, реализуют иные функции: государственного контроля, меж-

---

[1] См.: *Синюков В. Н., Синюков С. В.* М. М. Сперанский и развитие отечественной правовой государственности в XXI веке // Lex russica. 2024. № 10. С. 15.

[2] *Семенова А. Ю.* Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 9.

[3] *Эмих В. В.* Компетенция уполномоченных по правам человека в Российской Федерации: (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 8.

ведомственного взаимодействия, координации управленческой деятельности и участия в противодействии коррупции[1];

— независимые субсидиарные структуры, интегрированные в систему публичного управления, но не обладающие юрисдикционными полномочиями (за редким исключением); создаваемые в целях предупреждения нарушений и защиты основных (конституционных) прав и имплементации общепризнанных стандартов прав человека на внутригосударственный уровень; реализующие в пределах своей компетенции принцип справедливости (в правовом и гуманистическом смыслах) с учетом национальных особенностей государства[2].

В научно-теоретическом плане институт уполномоченных рассматривается как динамичный конституционно-правовой феномен, получивший свою качественную определенность через системное единство норм, касающихся его учреждения, легализации, статутизации, функционирования и целеобусловленного трансформирования в федеральных, региональных и специализированных разновидностях[3];

— взаимосвязанные конституционно-правовые нормы, регулирующие однородные общественные отношения, возникающие в связи с деятельностью уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации[4];

— комплексная правовая категория, содержание которой определяется через системную совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности, адресованных ему Конституцией Российской Федерации, международными правовыми актами, федеральными конституционными законами и федеральными законами Российской Федерации, а также надлежаще обеспеченных соответствующими гарантиями[5];

— самостоятельный и независимый государственный орган, призванный обеспечивать силой особого характера властного воздействия несудебную защиту прав личности[6];

— институт специализированного парламентского контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти, местного самоуправления, их должностными лицами[7].

---

[1] *Колобова Т. В.* Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2021. С. 10.

[2] *Чуксина В. В.* Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2016. С. 12.

[3] *Кулишенко Е. А.* Конституционно-правовые трансформации института уполномоченного по правам человека в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2021. С. 8.

[4] *Плотникова А. Э.* Структурно-организационные и функциональные особенности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 8.

[5] *Новикова А. Е.* Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: историко-правовой и теоретико-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 8.

[6] *Мухаметшина С. Ш.* Институт уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9.

[7] *Вершинина И. Ф.* Институт Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

Безусловно, каждый из имеющихся подходов имеет свои сильные стороны и недостатки. Вместе с тем на современном этапе развития государственной правозащитной деятельности в России под институтом уполномоченного по правам человека следует понимать важнейший независимый элемент системы государственной защиты прав человека, обладающий полномочиями по обеспечению, продвижению, гарантированию и защите прав и свобод человека и гражданина, а также оказанию помощи человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, действующий на профессиональной основе в соответствии с российским законодательством, нормами и принципами международного права для улучшения государственного управления, обеспечения связи между властью и людьми и создания более справедливого правопорядка в обществе.

Представляется целесообразным выделить следующие основные признаки института уполномоченных: принадлежность к государственному аппарату; специфические цели и задачи; наличие специальных функций; особые полномочия (компетенции, инструменты); наличие специфических направлений деятельности; преимущественно законодательный уровень нормативного регулирования деятельности.

Функции института уполномоченных напрямую вытекают из его главной цели — установления более справедливого общественного порядка и оказания помощи людям в защите их прав и свобод. Функции связаны с теми широкими полномочиями, которыми наделил его законодатель. Исходя из современного состояния этого важного института государственной защиты прав человека, представляется возможным выделить как минимум восемь основных его функций: защитная, экспертная, медиативная, контрольная, просветительская, эвристическая, аксиологическая, координационная.

Среди основных задач уполномоченных предлагается выделять следующие: рассмотрение обращений граждан; совершенствование законодательства о правах человека; правовое просвещение; международное сотрудничество в сфере прав человека.

Кроме того, на основании законодательства и правоприменительной практики института уполномоченного можно выделить дополнительные задачи, которые по своему значению не уступают названным выше. К ним можно отнести, в частности, можно отнести следующие:

— оказание помощи людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию (не закреплено законодательно, однако получило широкое распространение в период пандемии, а затем во время проведения СВО);
— сбор и направление гуманитарной помощи гражданам, пострадавшим от последствий чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, вражеских обстрелов в период вооруженных конфликтов;
— координация деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации (для федерального уполномоченного);
— взаимодействие с общественными наблюдательными комиссиями, сформированными в субъектах Российской Федерации в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания;
— осуществление парламентского контроля путем возбуждения парламентского расследования на основании предложения Уполномоченного о создании парламентской комиссии по расследованию фактов грубого или массового

нарушения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина (статья 32 Федерального конституционного закона № 1; статья 6 Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации»[1]);
— совершенствование административных процедур;
— подготовка и представление ежегодных и тематических докладов;
— координация деятельности специализированных институтов государственной защиты прав (уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъекте Российской Федерации, других должностных лиц, уполномоченных осуществлять защиту прав иных категорий граждан в субъекте Российской Федерации — для уполномоченного по правам человека в субъекте РФ);
— инициирование проведения общественных проверок и общественной экспертизы;
— участие в оказании бесплатной юридической помощи (статья 15 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»)[2];
— защита прав пациентов психиатрических клиник и прав граждан, находящихся в стационарных организациях социального обслуживания, предназначенных для лиц, страдающих психическими расстройствами (статья 46 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»)[3] и др.

Подводя итог, необходимо отметить, что несмотря на бесспорные достижения современной цивилизации, повышение уровня и качества жизни и развитие новых технологий, расширяющих человеческие возможности, в мире, в том числе в так называемых цивилизованных странах, всё еще сохраняются самые жуткие нарушения прав человека вплоть до рабства[4]. Институт государственной защиты прав человека будет востребован всегда пока в человеческом обществе сохраняются попытки нарушить права и свободы человека. В условиях новых вызовов и угроз он нуждается в дальнейшем укреплении и совершенствовании как никогда ранее.

---

1 Федеральный закон от 27.12.2005 № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 1. Ст. 7.

2 Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

3 Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

4 Специальный докладчик ООН призывает к ужесточению законов о современном рабстве и защите трудящихся-мигрантов // URL: https://www.hrlc.org.au/news/special-rapporteur-modern-slavery (дата обращения: 01.12.2024).

Кирдяшова Е. В.,
кандидат юридических наук., доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Проблема миграции в последние годы получила в России узконаправленное содержание, подразумевающее в первую очередь прибытие и нахождение на территории Российской Федерации иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности. По смыслу актов ООН речь идет о работниках и членах их семей, для которых Россия является «чужим» государством.

Между тем термином «миграция» обозначается в внутреннее перемещение граждан Российской Федерации, активно возросшее после конституционного закрепления права на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства.

При этом внутренняя миграция, так же как и миграция внешняя, далеко не обязательно связана с осуществлением исключительно трудовой деятельности вне места постоянного проживания — формой давно известной истории России в виде, например, отходников или вахтовиков.

Практически все время существования современной России сопровождается инициативным и активным перемещением граждан по достаточно устоявшимся направлениям — из сельской местности в города, из областных и районных центров в столицы субъектов и города федерального значения (преимущественно в Москву, Санкт-Петербург, Краснодар и пр.).

Объясняется это не только современной динамикой развития общества, выражающейся в урбанизации, а также наконец появившейся возможностью реализации мечтаний советской поры перебраться в город, но и рядом других причин преимущественно проблемного характера — развалом производства на местах и невозможностью трудоустройства, обусловленными в том числе изменениями структуры экономики, а также сопровождающими этот процесс социальными трудностями, представленными ограничением доступа к медицинской помощи, образованию, другим социокультурным благам современного общества и прочими факторами.

Результатом становится сокращение численности населения на значительных территориях сельской местности и малых городов, разрыв социальных и культурных связей, падение рождаемости, поскольку обустройство на новом месте сопровождается дополнительными сложностями, отсутствующими или менее явно проявляемыми при продолжении жизни на своей малой исторической родине. Таким образом, внутренняя миграция должна быть исследована в контексте целого ряда связанных с нею вопросов.

В последние годы государство, с одной стороны, прилагает усилия для формирования комфортной среды проживания в отдаленных районах, в том числе путем привлечения туда молодых и не очень специалистов, однако по-прежнему продолжают действовать факторы, ставшие очевидными стимулами для внутренней миграции — возможность инвестирования в жилую недвижимость, получение образования по результатам ЕГЭ в любом высшем учебном заведении, отсутствие комфортной среды и пр. Статистика показывает, что после оконча-

ния высших учебных заведений, находящихся в иных субъектах Российской Федерации, выпускники не спешат возвращаться на малую родину — тем более что за годы обучения с учетом интенсивности жизни они уже утрачивают с нею устойчивую связь и так или иначе обустраиваются на новом месте. По-прежнему сохраняются и проблемы с трудоустройством в родных городах и поселках, а также разрыв в размерах зарплат (обычно не в пользу переферии).

Понятно, что и внешняя миграция (даже если она легальная) приводит к занятию за это время некоторого вида и количества рабочих мест. И вряд ли здесь уместно говорить о пользе конкуренции, поскольку претенденты на должности изначально не находятся в равных условиях по целому ряду причин.

Менее комфортный (а значит, и благополучный) по современным меркам уровень жизни отражается и на сознании населения, которое перестает видеть себя и свое будущее в местах своего рождения (местах проживания семей, в которых они рождены), рассматривая возможность «зацепиться» за более высокий по статусу населенный пункт в качестве неотъемлемого условия успешности своей жизни. Представляется, что это очень важная проблема, потому что именно с осознания связи со своей малой родиной начинается любовь к Родине и уважение к ней. И, соответственно, желание изменить на месте что-то к лучшему (этот процесс отчасти сходен с процессом добровольной эмиграции). Естественно внутренняя миграция сказывается и на социально-экономическом и культурном состоянии тех территорий, куда перемещаются сорванные с родных мест граждане, внося изменения в структуру сложившихся там социальных общностей, которые также могут выражаться в социальных конфликтах на разной почве.

Поэтому представляется, что патриотическое воспитание детей должно включать в себя в том числе формирование уважительного и бережного отношения к месту своего рождения, формирование культуры участия в общественной жизни на муниципальном уровне, чувства ответственности за землю своих предков. В этом плане мне очень понравилось отношение жителей Владивостока, который я посетила прошлой осенью, к своему городу. Они любят его и гордятся им, относятся к нему как к месту, где жили их предки, живут они и будут жить их потомки. Даже в модной молодежной тусовке популярен слоган «у моря жить». При этом в целом в Приморском крае также весьма сильна тенденция перемещения населения в крупные города.

Представляется, что предложенная Правительством РФ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, сможет положительно отразиться на вопросах внутренней миграции и решении сопровождающих ее проблем, однако очевидно, что этот вопрос нуждается в самостоятельном междисциплинарном научном исследовании на предмет выработки комплексных стратегий дальнейшего развития.

Сергеев А. Л.,
профессор кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
д. ю. н., доцент

МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОВОКУПНОСТЬ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ПРОБЛЕМ

Проблема миграции в сегодняшней России имеет весьма объемный и комплексный характер. Ее полноценное изучение на сегодняшний день возможно лишь на всесторонней меж- и мультидисциплинарной основе с привлечением целой «гаммы» разнообразных методов, используемых в рамках большого спектра научно-гуманитарных дисциплин: теории государства и права, социологии, истории, этнологии, экономики, политологии и ряда других. Необходимо признать, что на сегодняшний день для адекватного решения проблем, связанных с миграционной составляющей, требуется учет целого ряда фундаментальных проблемообразующих факторов:

1. ***Кризис идейно-смысловой основы и стратегического целеполагания в современной России.*** С эпохи поздней «перестройки» и момента распада СССР российская политическая элита отказалась от марксистко-ленинского идеала развития и сделала ставку на вестернизацию, полноценное вхождение России в западную цивилизацию в качестве основного стратегического ориентира. С момента начала Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. указанный политико-идеологический курс показал окончательную несостоятельность. На сегодняшний день перед Россией стоит сложнейшая задача выработки долговременных идейно-смысловых и стратегических основ развития. Естественно, если указанный фактор чувствуется и осознается российским социумом как таковым, он по понятным причинам затрудняет взаимодействие россиян с массовой миграционной средой, часто имеющей в своей основе иные социумные ориентиры функционирования и развития.

2. ***Отсутствие в сегодняшней России долгосрочной стратегии взаимодействия с миграционной средой.*** Ни действующие ныне правовые документы, ни принятые к реализации концепции общеустроительного характера не отвечают на вопрос, какой тип мигранта для России в ее сегодняшнем состоянии нужен и желателен, а какой-нет. Наличие соответствующей проблемы часто приводило к ситуациям, когда высококвалифицированный мигрант из республики постсоветского пространства и соответствующим паспортом, хорошо интегрированный в жизнь современной России и наделенный множеством профессиональных знаний, претерпевал в нашей стране множество неудобств и лишений. В то же время оказывались нередкими случаи, когда малоквалифицированный мигрант, плохо владеющий русским языком, но имеющий российский паспорт, пользовался всеми реальными прерогативами наравне с гражданами России.

3. ***Криминально-коррупционная составляющая.*** Расследование многочисленных преступлений, связанных «крышеванием» нелегальных мигрантов и их сообществ, говорит о том, что указанный фактор чрезвычайно значим при разрешении соответствующей проблематики в целом. Борьба с коррупцией миграционной сфере — воистину важнейшая задача для сегодняшней власти,

для решения которой необходим большой новаторский комплекс административно-правовых, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств.

4. ***Геополитическая составляющая.*** Основная масса сегодняшних мигрантов приходится на республики постсоветского пространства. Указанное обстоятельство не удивительно: постсоветское пространство является не только важнейшей частью исторической России, в ее как дореволюционной, так и советской ипостаси. Социально-экономические бедствия, постигшие республики постсоветского пространства в 1990–2000-е гг., неизбежно потянули миграционные потоки в «цивилизационный центр», которым на уровне коллективного подсознания в течение ряда веков воспринималась Москва и другие крупные города центральной России. Более того, малоквалифицированные, слабосоциализированные и плохо адаптированные к русской среде мигранты, в качестве одного из элементов крайне разнообразного и обширного миграционного потока, часто «сбивались» в мегаполисные «микродиаспоры». Миграция из конкретных регионов Средней Азии шла в конкретные регионы Москвы как столицы. Указанный процесс породил «разнообразие социального пейзажа» в разных районах города- в каки то местах, например, практика ношения никабов отсутствует вовсе, а в иных московских точках-является распространенным явлением. Причина этому одна — разнонаправленность имеющихся и идущих на сегодняшний день миграционных потоков из одного региона бывшего единого российского государственно-организованного цивилизационного пространства в другой.

Заявленный комплекс проблем требует соответствующего многомерного системного осмысления и последующего решения. В его основе должны иметься следующие ориентиры:

— выработка российской политико-правовой и научно-гуманитарной элитой осязаемых идейно-смысловых основ российского будущего, долговременной стратегии развития;
— определение четких приоритетов взаимодействия с миграционной средой, системы целей, рисующих образ «желаемого и нужного» мигранта;
— проведение комплекса экспертиз, способных помочь выработке оптимального антикоррупционного законодательства и оптимальных образцов антикоррупционной практики;
— окончательное признание постсоветского пространства зоной исключительных геополитических интересов Российской Федерации, системное изучение социально-политических процессов, происходящих в каждой постсоветской республике и создание на ее основе долгосрочных внешнеполитических ориентиров, позволяющих проводить последовательную оптимизацию миграционного потока, с учетом имеющихся на сегодняшний день интересов отечественного государственно-организационного социума.

Шинкаренко К. И.,
старший преподаватель кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

АНТИНОМИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ ИНДИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИНСТИТУТ ИНДИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Особый исследовательский интерес к индийской политической и правовой культуре предопределен той ролью, которую играет в современном мире Республика Индия. Индия — одна из крупнейших стран Южной Азии, занимающая в настоящее время особое место в мировом цивилизационном процессе[1]. Это целый субконтинент с миллиардным населением, с множеством этноязыковых групп, религий и локальных культур, объединенных господствующей религиозно-культурной «суперсистемой» индуизма, которая во многом до сих пор определяет специфические черты всей индийской цивилизации. Непреходящие ценности этой религии, ее идеологические, религиозно-философские основы вплоть до нашего времени проявляются в повседневной жизни и социальных практиках индийцев, в их индивидуальном и общественном сознании. В этой связи особого внимания заслуживает изучение правовой системы современной Индии в ее историческом измерении, поскольку сфера права, и, более широко, — соционормативной регуляции, — это сфера общественных отношений, отличающаяся особым консерватизмом, и поддающаяся изменениям в Индии с огромным трудом, так как именно в данной сфере сосредоточены ключевые аспекты традиционной индийской культурной идентичности, «культурного ядра» индийского традиционализма.

Действующая политико-правовая система Индии представляет собой образец уникального юридического многообразия, сформировавшегося еще в колониальные времена под влиянием процессов капиталистического развития[2]. Вплоть до настоящего времени в Индии существуют и продолжают тесно взаимодействовать две сферы общественных отношений — докапиталистическая (с ее крайней религиозностью, ритуализмом, общинно-коллективистскими началами) и современная, капиталистическая («вестернизированная», «рационализированная»), каждая из которых ориентируется на свою систему ценностей, специфические принципы и нормы социальной регуляции. Так, отличительной особенностью политико-правового развития Республики Индия является закрепленный на официальном уровне принцип правового плюрализма, когда наряду с национальным общетерриториальным правом, основанным на английской системе «общего права» и распространяющимся на всех граждан вне зависимости от их религиозной принадлежности, продолжают действовать официально признанные системы лично-религиозного права — индусского, мусульманского, зороастрийского и пр., — применяющиеся персонально только к последователям

[1] Правовые системы стран мира : энциклопедический справочник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. М., 2003. С. 269.

[2] *Крашенинникова Н. А.* Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М., 2009. С. 5–17.

соответствующих религиозных общин в вопросах «личного статуса» и сферы частноправовых отношений (брак, развод, наследование имущества и т.д.)[1]. Также определенная юридическая сила до сих пор признается за многочисленными правовыми обычаями и обыкновениями, применяющимися в повседневной жизни многочисленными кастами, подкастами, религиозными сектами, отдельными общинами и племенами.

Не будет преувеличением сказать, что, хотя в самой Индии и представлены практически все мировые религии и религиозные учения, тем не менее она остается преимущественно страной индуизма, вокруг которого во все века строилось сначала культурное, социальное, а затем и политическое единство страны. При этом необходимо отметить, что сам индуизм как религиоведческий феномен оказывается чрезвычайно трудноуловимым для любого четкого религиоведческого определения в русле европейской научной традиции. Оставляя в стороне многолетние научные споры о правомерности употребления самого понятия «индуизм» в качестве внутренне единого самобытного феномена, а не изобретенного в годы британского господства умозрительного западного «колониального конструкта»[2], сто́ит признать обоснованными утверждения ряда исследователей о том, что сущность индуизма не исчерпывается какими-то четко определенными религиозными доктринами или ясно сформулированными догматами с их строгой последовательностью ритуалов, — скорее индуизм являет собой определенную исторически сложившуюся социорегулятивную систему, традиционный образ жизни, основанный на варно-кастовом социальном строе и многоступенчатой иерархии сакрального статуса ритуальной чистоты. На основании применения конкретно-исторического и историко-генетического методов, в современной индологии сложилась обоснованная научная периодизация эволюционного развития индуизма, включающая выделение трех последовательных этапов эволюции религиозной культуры населения Индийского субконтинента: периода древней ведической религии индоариев (кон. II тыс. до н. э. — сер. I тыс. до н. э.), периода брахманизма (сер. I тыс. до н. э. — сер. I тыс. н. э.), периода индуизма (сер. I тыс. н. э. — наст. вр.)[3], которые различаются как по составу почитаемых божеств, списку важнейших ритуалов, так и по конкретному набору религиозно-догматических, религиозно-этических положений и этико-нормативных требований. Исключительная важность религиозного фактора для оформления первых раннеполитических государственных образований древних индоариев, расселявшихся на территории Северной Индии с середины II тыс. до н. э., проявилась уже на стадии ведической религии, в эпоху составления первых четырех священных сборников-вед (Ригведы, Самаведы, Яджурведы, Атхарваведы) и целого корпуса ведической литературы (сборники араньяки, упанишады, грихьясутры и т.д.). Именно к данному периоду относится возникновение самого термина arya (арий, ариец), обозначавшего, по мнению современных исследователей, принадлежность к культурно-религиозной индоарийской общности «дважды-

[1] Правовые системы стран мира. С. 270.

[2] См.: *Pennington B.* Was Hinduism invented? Britons, Indians, and the colonial construction of religion. New York, 2005.

[3] *Самозванцев А. М.* Индия: религия, верования, обряды (Древность и Средневековье). М., 2003. С. 7–100.

рожденных»[1], вовлеченных в совершение ведических религиозных обрядов жертвоприношений, и противопоставляемых бесчисленной массе «дасья» (dasya) — «инородцев», «чужих», «варваров», местного индийского автохтонного населения, чуждого ведической религиозной традиции[2]. Дальнейшее развитие ведической религии в период брахманизма способствовало становлению единого культурно-религиозного и соционормативного комплекса, нашедшего свое выражение в авторитетной религиозно-правовой традиции дхармасутр и дхармашастр — религиозно-этических и правовых сборников, освященных высшим религиозным авторитетом ведической традиции (т.к. составление почти всех дхармасутр и дхармашастр приписывалось божествам и легендарным мудрецам древности) и содержащих основные религиозные концепции индоарийского общества: божественный авторитет священных вед, понятий варнадхармы (сословно-кастового строя), варнашрамадхармы[3], чатурварны[4] и пурушартхи[5], реинкарнации души и т.д.[6], наряду с детальным раскрытием вопросов морально-нравственного долга, религиозных, ритуальных и социальных обязанностей «дваждырожденного». В специфических социально-политических условиях Древней Индии I тыс. до н. э.: крайней этнокультурной и этноязыковой разобщенности, политической раздробленности и нестабильности, низкой степени урбанизации, наличии обширной «племенной периферии» — именно «ведическо-брахманская» религиозно-правовая традиция стала мощнейшим объединяющим фактором в истории ранней индийской государственности и одним из самых поразительных явлений индийской цивилизации в целом[7]. Именно брахманско-ортодоксальная версия индийской религии, закрепленная в авторитетных сборниках жанра дхармасутр и дхармашастр, была признана «канонической» среди высших варн и каст индоарийского общества, что способствовало дальнейшему распространением брахманской идеологии в процессе так называемой «санскритизации» — процесса подражания низшими кастами и «неарийскими» племенами обычаям и бытовым привычкам высших каст с

---

1 «Второе рождение» предполагало приобщение в определенном возрасте мальчиков из трех высших сословий-варн индоарийского общества к изучению священных вед под руководством брахмана-наставника.

2 *Вигасин А. А.* Индийские этюды. М., 2021. С. 7–27.

3 Религиозная концепция о распределении жизненного цикла правоверного индуса в рамках четырех стадий жизни (ашрам) — стадий ученичества (брахмачарьи), домохозяина (грихастхи), лесного отшельника (ванапрастхи) и отрекшегося от мира аскета (санньясина) — в соответствии с присущей каждой стадии высшей религиозной целью (пурушартхой).

4 Разделение индусского общества на четыре основные сословия (варны) — брахманов (священнослужителей), кшатриев (воинов и аристократов), вайшьев (ремесленников, торговцев и земледельцев) и шудр (зависимых лиц, обслуживающих высшие варны) — каждое из которых имеет свой набор социальных и религиозных прав и обязанностей.

5 Концепция о наличии различных религиозных целей для каждой из стадий жизни правоверного индуса (дхармы — религиозного долга, артхи — мирской пользы и благосостояния, камы — чувственного удовольствия).

6 Индуизм. Джайнизм. Сикхизм : словарь / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. М., 1996. С. 35–482.

7 *Полдников Д. Ю.* Сравнительная история зарубежного права : учебник : в 2 т. М., 2024. Т. 1 : Правовые традиции Древности и Средневековья. С. 87.

целью повышения своего религиозно-ритуального статуса в традиционной варно-кастовой социальной иерархии. Соответственно, вне варно-кастовой индоарийской этнорелигиозной общности на положении «чужих» оказывались представители местного индийского доарийского населения, а также последователи неортодоксальных «еретических» религиозных течений джайнизма, буддизма и сикхизма, отрицавших варно-кастовый строй и религиозно-ритуальные основы индийского общества. Сложившиеся традиционные основы социальной-религиозной организации индийского общества еще больше упрочились в период активного становления современного индуизма (с сер. I тыс. н. э.) и приобрели привычный вид традиционной религиозной индусской соционормативной культуры, которая смогла устоять и сохранить привычные принципы общественной организации несмотря на длительное господство мусульманских и европейских завоевателей на протяжении более чем 700 лет: от образования Делийского султаната в 1206 г., до обретения Индией независимости от Британской империи в 1947 г.

Становление независимой Республики Индия, принятие новой Конституции 1950 г. и создание основ современной правовой системы страны вовсе не означало кардинального разрыва с теми принципами и подходами к разграничению «своих» и «чужих», которые сложились за тысячелетие господства традиционной соционормативной системы. Конституция Республики Индия 1950 г.[1], считается одной из крупнейших письменных Основных законов мира, содержащей максимально возможное количество прав, предоставляемых ее гражданам, что было обусловлено непростыми процессами исторического пути к независимости, осложненными трагедией религиозно-политического раскола единой страны на два самостоятельных враждебных государства — индусскую Индию и мусульманский Пакистан[2]. Индусско-мусульманское религиозное противостояние внутри страны, осложненное ситуацией геополитического соперничества с крупнейшим мусульманским соседом в Южной Азии, сопровождавшегося постоянными перемещения населения по обе стороны границы, необходимость политико-правовой консолидации собственного населения перед лицом внешних вызовов в конечном итоге и предопределило те основные принципы и подходы к институту индийского гражданства, которые были закреплены в Основном законе страны. Так, главным принципом Конституции Индии, применяемым в отношении вопросов гражданства, является его эксклюзивность и привилегированность, крайняя избирательность предоставления прав гражданина страны, с максимально возможным перечнем прав, закрепленных исключительно за гражданами Индии, которые не могут быть предоставлены иностранцам. Нормы целого ряда статей Конституции (ст. 58, 66, 76, 124, 157, 165, 217) предусматривают невозможность для иностранцев занимать некоторые высшие политические должности в государстве (президент, вице-президент, судьи Верховного или Высшего суда, генерального атторнея, губернатора штата, генерального адвоката штата), также только граждане Индии могут быть избранными в Народную палату и Законодательное собрание каждого штата

[1] Constitution of India. URL: https://legislative.gov.in/constitution-of-india/ (дата обращения: 28.06.2025). Издание на русском языке: Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 2 : Средняя Азия и Индостан. М., 2010. С. 169–448.

[2] *Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С.* История Индии. XX век. М., 2010. С. 286–296.

(ст. 326) и т.д.[1] Вместе с тем на иностранцев в полной мере распространяются основные права человека, закрепленные Всеобщей декларацией 1948 г. (право на равенство перед законом и судом, право на защиту в суде, право на защиту жизни и личной свободы, право на начальное образование и т.д.).

Определенным свидетельством религиозной предпочтительности в вопросах гражданства, де-факто практикуемой индийским правительством, являются те знаковые изменения, которые претерпел индийский Закон о гражданстве 1955 г.[2] В результате поправок 2004 г., было введено новое понятия «иностранный гражданин Индии» — для граждан других стран, которые имеют индийское происхождение; также было анонсировано создание Национального реестра граждан Индии. Другие знаменательные изменения произошли в 2024 г., после введения ускоренной процедуры выдачи гражданства представителям религиозных меньшинств из соседних стран (Афганистана, Пакистана и Бангладеш), которые подвергаются религиозным преследованиям в месте своего проживания — данная формулировка уже свидетельствует о том, что речь идет, прежде всего об индусском населении указанных мусульманских стран. При этом для получения индийского гражданства указанными лицами какого-либо официального подтверждение самого факта религиозного преследования не требуется. Данные факты в совокупности лишний раз свидетельствуют о том, что религиозно обусловленное отношение к «своим» как членам прежде всего особой социорелигиозной группы последователей индуизма и индусской культурной традиции в самых широких трактовках этого термина, до сих пор является действенным фактором политической жизни и политических процессов независимой Республики Индия. Таким образом, принципы и подходы к разграничению «своих» и «чужих», впервые проявившиеся в рамках традиционной соционормативной культуры Индии, продолжают определять социальное развитие страны и в XXI в.

Минаева А. И.,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры теории государства и права

ОБЗОР СЕССИИ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В РАМКАХ XII МОСКОВСКОГО ИННОВАЦИОННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА «РЕЖИМ ПРЕБЫВАНИЯ МИГРАНТОВ»

26 марта 2025 г. в рамках XII Московского инновационного юридического форума на площадке Цифрового делового пространства (ЦДП) состоялась сессия «Режим пребывания мигрантов», которая была открыта *А. В. Корневым, заведующим кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина*

[1] *Басу Д. Д.* Основы конституционного права Индии. М., 1986. С. 135–141.

[2] Citizenship Act (57 of 1955). URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1522/1/a1955-57.pdf (дата обращения: 28.06.2025).

(МГЮА), д. ю. н., профессором. В своей речи А. В. Корнев отметил, что само название сессии отражает суть проблемы, поскольку, с одной стороны, понятно, что растущая российская экономика остро нуждается в трудовых ресурсах, с другой стороны, порождает проблемы в российском социуме. Задача научного сообщества и практиков — примирить эти две тенденции.

Свой доклад по теме сессии представил *И. В. Чечельницкий, руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ, доцент кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.,* отметивший, что Россия, благодаря высоким стандартам жизни и уважению к правам человека, безусловно привлекает людей со всего мира. Это подтверждает и внушительная цифра — в прошлом году (прим. 2024 г.) в Росиию приехало более 9,5 млн мигрантов. В этой связи ключевой задачей является, с одной стороны, обеспечение баланса между запросами растущей экономики и производственного сектора, вызовами, стоящими перед Россией, и, с другой стороны, безусловным соблюдением прав и интересов как прибывающих лиц, так и граждан Российской Федерации, которые должны ощущать себя в безопасности и жить в комфортной среде, быть уверенными, что их права гарантированы.

Защита прав иностранных граждан — важное направление деятельности Уполномоченного по правам человека. От приехавших на территорию России поступило около 1 500 обращений. Во-первых, они касаются вопроса приобретения гражданства РФ (около 400 обращений), сейчас показатель почти на 30 % меньше, чем ранее, так как благодаря МВД РФ многие проблемные вопросы уже сняты. Во-вторых, обращения связаны с запретом на въезд на территорию РФ, в этом вопросе важно, чтобы списки лиц, которым въезд запрещен, были опубликованы, нужно, чтобы была обеспечена возможность поиска информации. Необходимо, чтобы человек узнавал о наложенном запрете въезда не в аэропорту, а заранее получал такую информацию. Кроме того, третья проблема — это получение разрешения на временное проживание на территории России, получение временного убежища, возможность легализации. Благодаря принятым мерам удается оказывать помощь: так, 215 гражданам получилось помочь по всем четырем направлениям проблематики. Появился новый инструмент — административные иски от Уполномоченного по правам человека, позволяющие обжаловать необоснованные действия органов государственной власти. Так, например, в Екатеринбурге произошел случай — гражданину Узбекистана был закрыт въезд бессрочно, в защиту его интересов мы обратились в суд от имени Уполномоченного по правам человека, суд принял аргументы во внимание, решение о запрете въезда было отменено, установлен конкретный срок, в течение которого действовал такой запрет, в результате иностранный гражданин смог въехать на территорию РФ. Важно, что начала формироваться такая практика.

Кроме того, мигранты должны социализироваться, интегрироваться в наше общество, поэтому крайне важным является направление правового просвещения мигрантов, по этой причине проводятся различные просветительские мероприятия, например, дни правовой грамотности, дни бесплатной юридической помощи, функционируют специальные горячие линии и т.д. Планируем эту работу наращивать. В докладе Уполномоченного по правам человека обращено внимание на необходимость внесения законопроекта о порядке въезда и выезда на территорию РФ для более полного правового регулирования.

Завершил свое выступление И. В. Чечельницкий на философской ноте цитатой Э. М. Ремарка: «Существование эмигранта. Бытие индийского дервиша. Бытие современного человека. Когда негде остановиться, когда нельзя иметь крова над головой, когда все время мчишься дальше. И знаешь, эмигрантов гораздо больше, чем думают. К их числу принадлежат иногда даже те, кто никогда не покидал своего угла». В этом смысле очень важно создать комфортные условия для реализации права на благоприятную жизнь и гражданами РФ и тем, кто к нам приезжает.

С докладом на сессии выступила также *Е. А. Лебедева, доцент кафедры административного права и процесса МГЮА, к. ю. н., доцент*, также отметившая, что вопрос формирования и реализации миграционной политики вызывает огромное число дискуссий. С марта 2024 г. с момента трагедии в «Крокус Сити Холле» было принято множество актов, регулирующих вопросы миграционной политики. К сожалению, некоторые из них вносят точечные и порой бессистемные изменения в действующее законодательство без их достаточного научного анализа, а также мониторинга правоприменения. Наука просто не успевает за многочисленными изменениями. Ранее обсуждался проект закона о порядке въезда и выезда, но пока его принятие отложено. Миграционная политика нуждается во взвешенном подходе, должен быть баланс обеспечения национальных интересов государства и граждан, вопросов экономической политики, которая нуждается в мигрантах. В. В. Путин на недавно прошедшей коллегии МВД России подчеркнул ряд проблем в области миграционных отношений, приоритетными он называл обеспечение безопасности общества и граждан, сбережение культурной идентичности, использование современных инструментов миграционного контроля, отказ от бумажной и переход к электронной миграционной карте. России нужны не просто трудовые мигранты, а люди с определенной квалификацией, знанием русского языка, уважением к традициям и законам России. В связи с этим и должна выстраиваться ее миграционная политика. Эти и другие новации должны найти отражение в новой концепции миграционной политики, которая должна быть принята в этом году (прим. 2025 г.), на что также указал Президент РФ, над этим сейчас трудится рабочая группа.

Хотелось бы выделить несколько спорных проблем: активно обсуждается привлечение так называемых импатриантов, то есть иностранных специалистов высокой квалификации, предпринимателей, инвесторов, разделяющих традиционные ценности и желающих переехать в Россию, Президент РФ призывал усилить эту работу. Также необходима активизация пресечения каналов незаконной миграции, регулирование режима высылки. После введения такого режима к мигрантам могут применяться такие ограничительные меры, как запрет регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, приобретения и регистрации недвижимости, транспортных средств и даже ограничение регистрации брака. Встает вопрос, насколько вводимые ограничительные меры законны и обоснованны. Опять же нужен баланс соблюдения прав мигрантов и обеспечения национальной безопасности.

Также требуется приведение в порядок реестра контролируемых лиц, например, из него надо исключить тех, кто уже выехал («мертвые души»), но непонятно, как это должно осуществляться. В 2024 г. были введены обязательные работы для иностранных граждан как мера административной ответственности вместо административного выдворения, тут тоже возникают проблемы, так

как в составах административных правонарушений до сих пор они не предусмотрены как альтернативные наказания. Вызывает, кроме того, дискуссии создание отдельного специального органа по миграции.

Также сложным вопросом остается проверка знаний по русскому языку и истории, основ законодательства — действует тестирование, которое носит характер «угадайки». Кроме того, беспокоит проблема невладения русским языком школьниками — детьми мигрантов.

Важный вопрос — цифровизация в сфере миграции, так как существует проблема с созданием цифрового профиля мигранта, внедрение его в систему «Госуслуг», использованием биометрии. Сейчас разработано приложение, которое аккумулирует биометрические данные и граждан РФ, и мигрантов. Например, мигрант может приобрести сим-карту только, если есть его биометрические данные, кроме того, ограничено количество таких сим-карт до 10 штук, это позитивное нововведение, но есть вопрос соблюдения прав иностранных граждан.

В настоящее время идет активное внедрение экспериментальных правовых режимов в области миграции: летом 2024 г. внесены изменения в закон о въезде и выезде, в рамках которых установлен экспериментальный правовой режим — сбор биометрии в пунктах пропуска через границу Шереметьево, Домодедово, Жуковском, Маштаково, позже планируется введение этой системы во всех пунктах пропуска. Но в настоящее время непонятен механизм мониторинга данной процедуры, а также требуется внедрение мер на законодательном уровне. Все указанные проблемы нуждаются во всестороннем изучении, в научном обсуждении, выработке позиций по их решению сообща.

В рамках своего доклада *А. Н. Сандугей, заместитель начальника НИЦ № 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, д. ю. н., доцент* высказал мнение, что разработка новой концепции миграционной политики идет рывками, поэтому есть установка на учет в МВД России всех появляющихся инновационных идей. Была утверждена концепция семейной и демографической политики, где достаточно четко расписана демографическая ситуация, которая вызывает определенное уныние. На заседании Совета Безопасности РФ был поднят вопрос о демографии, необходимо проработать аспекты социальной напряженности и вопросы экономики. Наша страна достаточно привлекательна для приезжих, но каждый из нас может принять решение и обосновать обе позиции: «разрешить» или «запретить» в противопоставлении этих действий. Данные вопросы должны обсуждаться здесь с позиций экономистов, опираясь на мнение демографов. Что касается демографии: снижение, которое наблюдается в постковидный период, а также после начала Специальной Военной Операции, требует повышения социально-экономического развития. За последние 6 лет снизилось в 3 раза количество соотечественников, переезжающих в Россию. Если посмотреть на два пути экономического развития, можно говорить, что миграция может и не рассматриваться как основной тренд, но в целом общее мнение и наших, и зарубежных ученых: государство без развития промышленности не в состоянии конкурировать, поэтому необходимы трудовые ресурсы. Первый вариант — временное привлечение мигрантов, второй — долгосрочное привлечение мигрантов в рамках программы переселения соотечественников.

Для развития нашей страны неизбежен тренд привлечения иностранных граждан, это обусловлено и экономикой, и демографией. Мяч на стороне тех, кто категорически против привлечения иностранных трудящихся по причинам

вымывания национальной идентичности. Стратегия демографической политики не предполагает приоритет славянских народов и указано, что миграционные факторы будут влиять на восполнение демографических потерь. Некоторые показатели воспроизводства не соответствуют прогнозам репродукции, планировался коэффициент 2.6, а сейчас — 1.8. Это реальная проблема, в этом смысле миграция неизбежна для замещения депопуляции, однако качество мигрантов под вопросом. «Де-юре» у нас благоприятный режим, который прослеживается по всем документам стратегического планирования. Спектр трудящихся ограничивается территорией бывшего СССР, а надо привлекать всех, не только тех, кто заинтересован и готов трудиться и интегрироваться, но и тех, кто готов не полностью интегрироваться, но обязуется соблюдать законодательство и приносить пользу нашему обществу.

В этой связи встает вопрос утраты национальной идентичности (хотя выделять группы по национальному признаку значит противоречить Конституции РФ). Ничего страшного, что к нам едут представители Средней Азии, сам подход к соотечественникам предполагает включение выходцев бывшего СССР и тех, кто не относится к коренной этнической группе. Для увеличения этнического разнообразия нецелесообразно делать уклон только на жителях бывшего СССР, а привлекать представителей всех государств мира, лишь бы они отвечали всем требованиям бальной системы (матрицы). Миграционные факторы будут влиять на восполнение демографических потерь, в ближайший год увидим тренд на изменение стратегических документов для восполнения популяции. В действующих документах стратегического планирования не прослеживается миграционная составляющая. Термин «миграция» исчез из документов, в правовой оборот термин «мигрант» не введен, хотя комплексным документом должен быть закон о миграции.

А. Н. Сандугей предложил некоторые подходы:

1. Репатриация русскоязычного населения, нужно не содействовать переезду, а принимать активное участие по перемещению его в нашу страну. К сожалению, та группа выталкивающих факторов, которые присутствуют за рубежом, недостаточна для того, чтобы наши соотечественники покидали территории тех государств, где они сейчас проживают. Люди не едут по причине того, что в России недостаточно факторов притяжения, возможно, это прекратится после завершения СВО, вернутся релоканты. Но нужно переходить к активным действиям по их возвращению.

2. Привлечение иностранных специалистов по государственной программе (квалифицированная миграция), которое основано на наборе критериев — по языку, по семейственности, по возрасту, т.е. тех критериев, которые вполне обоснованы и объективны. Такая программа должна быть введена для всех желающих вне зависимости от страны исхода. Можно пытаться привлекать не только граждан ЕАЭС, но с дополнительным контролем и в рамках конкретных регионов.

Результаты анализа опыта адвокатской помощи мигрантам и компаниям, привлекающих их для работы, представила *А. И. Минушкина, председатель адвокатской коллегии «Минушкина и партнеры»*. Она отметила, что до 2024 г. было определенное послабление для иностранных граждан. Но 2024 г. ознаменовался принятием колоссального количества новых правовых норм. В основном доверители указанной адвокатской коллегии — те организации, которые

являются строительными компаниями. Они очень часто стремятся узнать о рисках привлечения мигрантов, когда узнают о них, уходят искать для работы россиян, а потом возвращаются снова с тем же запросом, так как «некому работать». Новый запрос от организаций — «хочу привлекать иностранных граждан законно». Работодателей интересуют административные, уголовные риски, вопросы налогообложения и кадровые вопросы в контексте привлечения мигрантов к работе. Острый вопрос от работодателей — «хочу привлечь иностранные кадры из визовых стран». Однако квоту надо получать 4–5 месяцев, поэтому они не могут в итоге так долго ждать. Есть также проблемы и при привлечении организаций к административной ответственности. В 2022 г. в КоАП РФ были внесены изменения, которые снижают административную нагрузку, предпринимателям стало жить легче. В 2023 штрафов меньше, чем в 2022 г. Однако в августе 2024 г. мы не успевали за изменениями, вносимыми в действующие нормативные правовые акты.

Один из таких законов, который радикально меняет существовавшие подходы — закон «о высылке». Сейчас переходный период, например, из-за того, что организации заблокировали счет, так как учредитель попал в реестр контролируемых лиц (незаконно), месяц у компании не работал счет. Нужны меры, чтобы работодатели могли день в день узнать причину таких мер и, чтобы по представлении документов работника исключали из реестра. Возможно нужен какой-то сайт или какой-то орган, где можно оперативно выяснить информацию.

Второй закон — «О праве органов МВД России назначать административное наказание в виде административного выдворения», до 5 февраля 2024 иностранца выдворял суд. Можно было обратиться в кассационную инстанцию и обжаловать решение, это был работающий механизм. Сейчас выдворяют иностранца должностные лица. Через полгода работодатель узнает, что у него работают незаконно привлеченные мигранты, т.к. в постановлении должностного лица МВД России написана организация со слов самого мигранта. Сложно объяснить, что мигрант может говорить неправду. А, условно, на ООО «Ромашка» уже висит привлечение незаконных мигрантов. Организации будут завалены штрафами. Кроме того, работодатели готовы вкладываться в обучение мигрантов, но не очень понимают, где и как это делать.

Еще один важный закон — «О штрафах за подделку документов с целью организации незаконной миграции». Норма сконструирована так, что ответственность наступает не только за подделку, но и за использование поддельных документов. Штраф в размере 60 млн руб. очень опасный, может привести к банкротству организаций. Пока случаев привлечений нет.

А. И. Минушкина, завершая свой доклад, отметила положительные моменты: с 30 декабря действует указ Президента РФ о легализации иностранных граждан. Но проблема в том, что некоторые сотрудники МВД России не знают о существовании этого указа, поэтому важно правовое просвещение не только иностранных граждан, но и сотрудников органов государственной власти, и организаций.

С докладом на сессии выступил *А. С. Прудников, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, д. ю. н., профессор*, отметивший, что университет, ежегодно выпуская специалистов, ориентирует их на соблюдение законодательства, прав и свобод граждан. Конечно, существует проблема административных барьеров для легального трудоустройства. Это уже вопросы, связанные со стремлением сни-

зить издержки. Есть проблема недостаточного контроля со стороны ОВД. Один из ключевых рисков — утрата налоговых поступлений от легальной трудовой деятельности. Статистика говорит, что сотни тысяч граждан на территории РФ находятся незаконно (примерно 600–700 тысяч).

Президент РФ отметил, что нужна борьба с незаконным нахождением, нужно использовать для этого информационные технологии. Основные категории граждан в этом контексте — самозанятые, которые не имеют гражданства, но платят налог 4 %. Работодателям выгодно привлекать работников именно на таких условиях, так как это позволяет обойти уплату НДФЛ. Также существует проблема того, что есть граждане, которые осуществляют трудовую деятельность за пределами государства (релоканты), они пользуются правилами избегания двойного налогообложения, основной риск — подмена трудовых отношений гражданско-правовыми и через это уход от налогов. Третья категория — иностранные граждане, которые осуществляют трудовую деятельность в России, должны быть легализованы. Нужна система страхования за счет работодателя или самого иностранного гражданина, чтобы разгрузить государственный бюджет.

Завершил серию выступлений *М. А. Бурда, руководитель направления «Миграция» Центра научно-исследовательского и экспертного сопровождения проектов, содействующих достижению национальных целей развития имени П.А. Столыпина ВШГУ РАНХиГС при Президенте РФ*. Выступающий определил тему сессии как крайне актуальную, сославшись на слова Патриарха Кирилла, который сказал, что никакая экономическая выгода не должна менять облик российских городов. Отталкиваясь от этого, надо формировать новую стратегию. 2025 г. знаменателен тем, что мы на пороге принятия нового документа — стратегии. Вопрос, какие нарративы будут в нем заложены. Если посмотреть на историю миграционной политики, как она менялась: в 90-е гг. наши соотечественники мигрировали из закавказья, бежали от националистических режимов, чтобы их спасти и была придумана Федеральная миграционная служба, а первые документы были направлены на регулирование положения именно этих лиц. Потом появилась внешняя трудовая миграция, продиктованная экономической необходимостью. Сегодня трудовая миграция превратилась в замещающую миграцию, то есть мигранты замещают коренное население. Калужская область вышла из этой программы, ибо выяснилось, что «соотечественники» не говорят на русском языке. МВД России не публикует данные о том, из каких государств идет миграция. 100 тыс. граждан Таджикистана ежегодно получали паспорта, а в самом Таджикистане зафиксировано только 30 тыс. русскоязычных.

Исламисты едут в российские города, меняют облик городов, они не хотят ассимилироваться, они не будут тут работать, религиозная идентичность является для них главной и определяющей. Шариат с оружием. Какая миграция нужна России? Организованный набор может решить эти проблемы в определенной степени. Патенты не решают. Патент подразумевался для работы по найму у физических лиц и все. Сейчас система не регулирует ни качество, ни количество мигрантов. Мы не знаем, сколько мигрантов нам надо. Необходимо определить, какие мигранты нам нужны. Субъекты РФ ввели запреты для отдельных сфер, «никто не умер», как продолжал работать, так и работает. Система организованного набора позволит определить необходимое количество мигрантов. Работодатель должен сам нести ответственность за тех, кого привлекает к труду. За основу можно взять опыт стран Персидского залива. Новая

стратегия миграционной политики будет опираться на критерии востребованности внешней миграции.

Таким образом, *в рамках сессии были обсуждены вопросы* продолжения положительной экономической динамики при условии привлечения дополнительных трудовых ресурсов; неспособности миграции удовлетворить все запросы в области высокотехнологичного производства; возникновения угроз социокультурным основам российского общества и увеличения количества правонарушений в связи с ростом миграции и создания правовых, экономических, социальных и иных механизмов, способных минимизировать существующие проблемы и предотвратить новые в сфере миграции.

МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Абилбекова Н. А.,
главный специалист по качеству
Бишкекского центра испытаний,
сертификации и метрологии
при Министерстве экономики и коммерции
Кыргызской Республики

СИНТЕЗ ИСЛАМСКИХ ПРАВИЛ-СТАНДАРТОВ И РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Россия с момента принятия Волжской Булгарией ислама в 922 г., а затем закреплением ханом Узбеком в начале XIV в. ислама в качестве единственной религии в Золотой Орде, непосредственно соприкасалась с мусульманскими государствами, а соответственно, с их обычаями, традициями и законами.

Последующее завоевание Казанского (XVI в.), Астраханского (XVI в.), Сибирского (XVI в.) и Крымского ханств (XVIII в.), а также присоединение к Российской империи Северного Кавказа (XIX в.) с вхождением в состав государства многочисленного исповедующего ислам населения, безусловно оставило отпечаток на российской государственности. Так, за оказанную в 1447 г. помощь в 1452 г. великим князем Василием II Темным татарскому хану Касиму был пожалован мещерский город Городец, переименованный в последующем в Касимов[1]. В который, после завоевания в 1552 г. Иваном Грозным Казани была сослана последняя правительница Казанского ханства Сююмбике. 22 сентября 1788 г. вышел указ императрицы Екатерины II, согласно которому в Уфе учреждалось особое Духовное собрание, в ве́дении которого находилось все мусульманское духовенство Российской империи, за исключением Таврической области (Крым)[2]. Но пиком вхождения России в мир ислама стало покорение в конце XIX в. среднеазиатских ханств, монархий, в которых ислам утвердился с момента завоевания Мавераннахра арабским полководцем Кутейбой ибн Муслимом в конце VIII в. и служил фундаментом теократической государственности, основанной на предписаниях Корана и единобожии Аллаха (таухид)[3].

---

[1] Ислам / авт.-сост. А. А. Ханников. Мн. : Книжный дом, 2006. С. 235 ; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. СПб. : В тип. Имп. академии наук. Часть первая. (С четырьмя таблицами). 1863. С. 26.

[2] Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе Духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими (22 января 1788 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 22. № 16.738. С. 1107.

[3] Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар ан-Наршахи. Тарих-и Бухара. История Бухары / вступ. ст. Д. Ю. Юсуповой ; пер. комм. и прим. Ш. С. Камолиддина ; археол.-топограф. комм. Е. Г. Некрасовой. Ташкент : SMI-ASIA, 2011. С. 50–52.

Особенностью ислама, в отличие от других религий, является не просто единение религии, права, культуры и быта, а еще и то, что именно духовное сословие осуществляет контроль за всеми этими сферами жизнедеятельности человека, семьи, общества и самого государства[1]. И хотя ни члены первой мусульманской общины (уммы), образовавшейся в Ясрибе (Медине) периода Пророка Мухаммада, ни подданные халифов, не знали и не оперировали таким понятием, как стандарт, они тем не менее, начиная с Конституции (Устава) Медины, составленной Мухаммадом в 622 г., представлявшим собой соглашение между Мухаммадом и всеми племенами Ясриба, включая мусульман, иудеев и язычников жили по строгим правилам, предписаниям (стандартам), отступление от которых или несоблюдение которых считалось не просто безнравственным, противоестественным, противоречащим установкам веры, но и каралось силой закона[2].

Военная администрация, стоящая во главе вошедшего в состав Российской империи Туркестанского края обязана была учитывать то огромное влияние, которое оказывало мусульманское духовенство на местное оседлое население[3]. А значить и признать соблюдение новыми подданными российской короны всех, не направленных против власти, условно назовем их правил-стандартов, установлений мусульманской веры, сложившихся традиций и обычаев правоверных, таким образом, чтобы не оттолкнуть от себя местное население, неоднократно заявляя, что «вера и обычаи его останутся без изменения»[4].

Правила-стандарты в исламе сформулированы в основополагающих правовых источниках шариата: Коране и Сунне, получив дальнейшее развитие и закрепление в виде консенсуса в позднейших трудах ученых правоведов (факихов)[5]. Во всех сложившихся современных правовых системах стандарт — это требование, норма, условие, несоблюдение которой лишает определенного права, но не влечет санкции государства[6]. Иное положение дел в исламе, нарушение правила-стандарта есть основание для применения в отношении нарушителя санкции, установленной шариатом и одобренной государством.

Весь перечень правил-стандартов крайне велик. С ними каждый мусульманин сталкивается ежедневно с момента своего рождения и до своей смерти. За соблюдением этих стандартов в быту, если следовать строго нормам шариата, отвечает непосредственно сам правоверный. За соблюдение стандартов поведения малолетних отвечают их родители и опекуны, а за женщин несет ответственность мужчина: отец, муж, брат или взрослый сын. Как сказано в Суре Аль-

---

1 *Gardet L.* Religion and Culture // The Cambridge History of Islam: 2B Islamic Society and Civilization / ed. P. Holt, A. K. S. Lambton, B. Lewis. Cambridge : Cambridge University Press, 1970. P. 569.

2 *Serjeant R. B.* The Constitution of Medina // Islamic Quarterly. 1964, № 8. P. 4.

3 Проект всеподданнейшего отчета ген.-адьютанта К. П. Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 нояб. 1867 — 25 марта 1881 г. СПб. : Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1885. С. 10.

4 *Кобзева О. П., Сиддиков Р. Б.* История государственности Узбекистана. Министерство высшего и среднего специального образования РУ, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека. «Tamaddun». Ташкент, 2021. С. 178.

5 *Hallaq W. B.* The origins and evolution of Islamic law. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paul : Cambridge University Press, 2005. P. 129.

6 Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев ; ред. кол.: М. М. Богуславский, М. И. Козырь, Г. М. Миньковский [и др.]. М. : Сов. энциклопедия, 1984. С. 354.

Ахзаб: «О Пророк! Скажи твоим женам, твоим дочерям и женщинам верующих мужчин, чтобы они опускали на себя (или сближали на себе) свои покрывала. Так их будут легче узнавать (отличать от рабынь и блудниц) и не подвергнут оскорблениям. Аллах — Прощающий, Милосердный»[1].

Правила-стандарты различны в зависимости от типа религиозного течения (суннитское, шиитское), религиозно-правовой школы (мазхаба), местных обычаев и традиций, выраженных в адатах.

Среднеазиатские государства на момент завоевания их Российской империей в конце XIX в. представляли собой теократические монархии с неограниченной властью верховного правителя. Хан (эмир) являлся заместителем Пророка над вверенным ему податным населением государства. От имени государства контроль за соблюдением правил-стандартов осуществляло, назначенное правителем, специальное духовное лицо — мухтасиб или раис. Это лицо обязано было иметь высшее духовное образование. То есть закончить медресе и обладать широким спектром познаний в установленных шариатом правилах-стандартах. Мухтасиб, при исполнении своих обязанностей, имел неограниченные права по установлению фактов несоблюдения или нарушения правил-стандартов и привлечению виновных к ответственности вплоть до применения мер унижения и насилия[2].

Наказания со стороны контрольно-надзорного органа в лице мухтасиба в среднеазиатских государствах применялись за: неявку или опоздание на молитву (намаз), за несовершение при ежедневном молитвенном цикле состоящем из пяти молитв (фард) обязательного количества и порядка слов и действий, составляющих мусульманскую молитву (ракатов), за несоблюдение поста (руза)[3], за неприветствие правоверного[4], за незнание основных положений Корана, особенно суры Фатиха[5], за несоблюдение процедуры очищения перед молитвой[6], за нарушение правил ношения одежды, в первую очередь женщинами[7], за ростовщичество[8] за нарушение: правил торговли[9], путешествия, прохода, провоза и проезда[10], отправления естественных надобностей[11], проведения праздничных мероприятий и похорон[12], распитие спиртных напитков, нахождение в состоянии опьянения и участие в азартных играх[13]. В вечернее время после совершения

---

1 Коран (33:59). Коран. Перевод смыслов и комментарии Э. Р. Кулиева. М. : Ummah, 2018.

2 Abd al-Rahman b. Nasr al-Shayzarl. Nihayat al-Rutba fi Talab al-Hisba (The Utmost Authority in the Pursuit of Hisba) / The book of the Islamic market. Inspector // Journal of Semitic Studies Supplement 9. Tran. by R. P. Buckley. Oxford University. Manchester. 1999. P. 22–23.

3 Коран. (2:183).

4 Коран. (4:86).

5 Коран. (1:1-7).

6 Коран. (5:6).

7 Коран. (7:26; 24:31).

8 Коран. (2:275; 3:130; 4:161).

9 Коран. (6:152; 17:35).

10 Сахих. (2998). Аль-Бухари. Сахих аль-Бухари : сборник хадисов. Краткое изложение // Шейх Умар Дияуддин ад-Дагестани. Хузур — «Спокойствие», М., 2023.

11 Сахих. (271). Муслим ибн аль-Хаджжадж. Сахих Муслима. Краткое изложение, составленное Имамом аль Мунзири. Перевод Абдулла Нирша. Ummah, М., 2023.

12 Сахих. (941).

13 Коран. (2:219; 4:43; 5:90-91).

правоверными последнего намаза (иша) и ночью за исполнением предписаний шариата следил особый чиновник называемый Миршаб, который имел право за нарушение тишины, передвижение без разрешения, незнание молитвы на месте подвергать провинившихся наказанию[1].

Русской администрации при создании сначала Туркестанской области в 1865 г., а впоследствии и организации Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. пришлось при формировании административных органов, судебной системы, полиции и общественно-культурных учреждений учитывать всю глубину мусульманских правил-стандартов сложившихся и практиковавшихся в покоренном регионе. В подтверждение своих обязательств «Положение об управлении Туркестанского края» 1865 г. сохранило традиционные суды: суд казиев для оседлого населения и суд биев для кочевого[2]. Ограничение власти казиев и биев выразилось в праве передаче государственным судам дел местного населения по его инициативе; в передаче на утверждение военного губернатора Туркестанской области приговоров по всем уголовным и гражданским судам, влекущим за собой по шариату смертную казнь или увечье[3]. Устанавливалось выборное начало из местного населения на должности казиев и биев, полицейских и административных чиновников низшего и среднего звена[4]. При этом русская администрация совершенно не касалась вопросов веры и религиозного культа местного населения, правил, связанных с семейной жизнью и бытовыми отношениями. Так, у зажиточных мусульман сохранялось многоженство, чиновникам разрешалось посещать только внешнюю половину (ташкари) жилищ коренного населения с запретом заходить на внутреннюю — женскую (ичкари)[5]. Был сохранен институт вакфа, не сразу, были устранены мухтасибы и раисы[6], при совершении никаха выплачивались махр и калым, а женщины вплоть до 1929 г. носили паранджу с чачваном[7].

Все новые подданные Туркестанского края получив равные права с остальными подданными Российской империи при этом сохранили свои обычаи и традиции, основанные на религиозных стандартах-правилах в сфере духовных, семейных, наследственных и бытовых отношениях уступив при этом культурно-экономическому натиску пришедшей в их мир цивилизации.

---

1 *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1843. С. 191.

2 Очерки по истории государственности Узбекистана. Институт Истории АН Республики Узбекистана / отв. ред.: Д. А. Алимова, Э. В. Ртвеладзе. Ташкент : Главная ред. издательско-полиграфической Акционерной компании «Шарк», 2001. С. 122.

3 *Кобзева О. П., Сиддиков Р. Б.* История государственности Узбекистана. Министерство высшего и среднего специального образования РУ, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека. «TAMADDUN». Ташкент, 2021. С. 179.

4 Положение об управлении Туркестанского края / сост. В. Т. Вербовский. Ташкент : Тип. при канцелярии туркестанского генерал-губернатора, 1911. С. 23–24.

5 *Воронина В. Л.* Узбекское народное жилище // Советская этнография. 1949. № 2. С. 59–60.

6 *Лыкошин Н. С.* Полжизни в Туркестане: очерки быта туземного населения / Н. С. Лыкошин: Склад Т-ва В. А. Березовский, 1916. С. 11.

7 *Катр М.* The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. Seattle : University of Washington Press, 2006. P. 154.

Жихорева Р. Е.,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЯНИЯМ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современных условиях цифровые технологии прочно внедрились практически во все сферы жизнедеятельности общества и государства. В Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[1] цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы обозначена как одна из национальных целей развития страны в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития России. Тем не менее, несмотря на очевидную эффективность внедрения информационных технологий во многие сферы жизнедеятельности общества наблюдается всплеск неправомерных действий в IT-сфере в настоящее время. К сожалению, если обратиться к статистическим данным, то по итогам 2024 г. Россия стала одним из самых атакуемых хакерами государств в мире, а причиненный ущерб по данной категории противоправных деяний составил более 250 млрд руб. В этой связи государством предпринимается целый комплекс мер, направленных на пресечение нарушений в информационной сфере и на обеспечение кибербезопасности в Российской Федерации[2].

В современных условиях одной из самых главных платформ в области оказания государственных и муниципальных услуг следует отметить федеральный портал «Госуслуги», предоставляющий широкий спектр данных услуг в электронной форме. Но вместе с тем именно используя данные из этого портала, полученные, как правило, обманным путем, злоумышленники совершают большое количество противоправных деяний.

Для повышения безопасности аккаунта граждан на портале предусмотрены соответствующие инструменты — такие как: уведомления о входе в учетную запись на электронную почту (можно выбрать в настройках портала), обязательная двухфакторная аутентификация, наличие контрольного вопроса для восстановления пароля и др. Пользователи портала могут выбрать для себя под-

[1] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986 (дата обращения: 01.06.2025).

[2] Основы кибербезопасности : учебник / А. О. Авсеньтев, С. А. Винокуров, М. М. Жуков (и др.). М. : ГУРЛС МВД России, 2024. С. 97.

ходящий вариант дополнительной защиты. Также в настоящее время заработал функционал для просмотра зарегистрированных номеров на пользователя из личного кабинета. Также еще одной мерой государственного регулирования в этой сфере является тот факт, что операторы связи обеспечили обмен информацией с Минцифры по прекратившим действие договорам с абонентами, что позволяет предотвратить несанкционированный доступ к платформе «Госуслуги» в случае смены владельца номера.

Еще одним направлением совершенствования отечественного законодательства в сфере правомерного использования информационно-коммуникационных технологий является ужесточение наказаний за утечку персональных данных. Компаниям грозят штрафы в размере до 15 млн руб. при первом нарушении и до 3 % от суммы выручки при повторном. Размер штрафа зависит от объема утечки персональных данных. Максимальный штраф будет назначен в случае утечки 1 млн идентификаторов и более.

В Следственном комитете РФ выступили с инициативой по ужесточению наказаний за преступления с использованием IT-технологий. Предлагается закрепить в Уголовном кодексе РФ в качестве отягчающего обстоятельства факт совершения лицом преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий[1]. Такие изменения коснулись и спам-звонков, теперь физическим лицам может грозить штраф в размере от 10 до 20 тыс. руб., должностным лицам придется заплатить от 20 до 100 тыс. руб., а юридическим лицам — от 300 тыс. до миллиона рублей. Данные изменения были внесены в Кодекс РФ об административных правонарушениях.

В соответствии с Федеральным законом от 13.02.2025 № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 15 мая 2025 г. возможности так называемых «дропперов» для вывода и обналичивания денег будут дополнительно ограничены. Кто же такие дропперы? Это те физические лица, через счета и карты проходят миллиарды украденных у граждан рублей. Некоторые из этих лиц сознательно совершали противоправные деяния путем предоставления своей карты в пользование, а некоторые — попадались на методы социальной инженерии от злоумышленников и не вникали в суть дела. Но в обоих случаях последствия их действий являются очень серьезными. Масштаб катастрофы становится очевидным: только по данным Центрального банка России около 10 млн россиян в разных формах были втянуты в преступные схемы злоумышленников.

Документ, как ожидается, будет внесен в Государственную Думу РФ уже осенью 2025 г. В нем уточняется уголовная ответственность, в частности, в статью 187 УК РФ планируется внести новые части, которые прямо касаются передачи электронных средств платежа третьим лицам. За указанные противоправные деяния может грозить от трех до шести лет лишения свободы и штраф до миллиона рублей. Но в то же время в законопроекте конкретизируется и гуманитарный аспект — если человек совершает подобные деяния впервые и активно помогает следствию, то он может быть освобожден от привлечения к ответственности.

На сегодняшний день крупные банки, такие как ВТБ или Т-Банк уже внедрили дроп-мониторинг, это такие системы, которые способны в автоматическом

[1] Интервью председателя СК РФ А. И. Бастрыкина от 15.01.2025 // Российская газета: официальный сайт. URL: https://rg.ru/2025/01/15/order-na-arest.html (дата обращения: 01.06.2025).

режиме заранее распознавать карты, используемые в схемах мошенников. Подозрительное поведение, такое как, например, изменение номера телефона сразу после открытия счета или поступление небольших сумм — все эти действия теперь фиксируются автоматически. Также Росфинмониторинг с 1 июня 2025 г. получает полномочия блокировать операции граждан в рамках борьбы с дроппингом, это касается в первую очередь оперативного вмешательства до того, как оборот денежных средств перестанет контролироваться и отслеживаться.

Банк России формирует базу данных о лицах, причастных к мошенническим операциям («дропперах»). В нее попадает информация от банков и правоохранительных органов. Данные доступны всем финансовым учреждениям и органам власти. С 15 мая 2025 г. для таких граждан вводится ежемесячный лимит на переводы — не более 100 тыс. руб. Это позволяет сохранить возможность оплаты жизненно важных услуг, но блокирует вывод крупных сумм. Лимит не распространяется на платежи юрлицам: покупки в магазинах, оплата ЖКХ, услуг маркетплейсов и т.д.

Вместе с тем можно обжаловать включение в базу: подать заявление через любой банк, где гражданин является клиентом. Банк перенаправит его в Центробанк в течение суток. Можно направить обращение через интернет-приемную Банка России, выбрав тему «Информационная безопасность». В любом случае гражданин будет обязан подтвердить законность получения средств.

Чтобы не попасть в эту базу ни в коем случае нельзя передавать свою личную карту третьим лицам, не совершать переводы по просьбе незнакомых лиц, не делиться доступом к онлайн-банку, при ошибочном переводе — сразу необходимо обратиться в банк.

Все перечисленные государственные меры регулирования являются частью реализации недавно опубликованной концепции государственной системы противодействия IT-преступлениям[1], в которой обозначено, что сегодня каждое третье преступление совершено в информационно-коммуникационной сфере или с применением соответствующих технологий»[2]. В этой связи с появлением новых форм и методов осуществления противоправной деятельности в этом направлении необходимо и дальше оптимизировать и предпринимать меры государственного регулирования информационно-коммуникационной сферы в целях обеспечения защиты и безопасности личности, общества и государства.

[1] Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/docs/53922/ (дата обращения: 01.06.2025).

[2] Официальный сайт Российской газеты от 09.01.2025 № 9542 // URL: https://rg.ru/2025/01/09/vyjdut-v-set.html?ysclid=m67me73tcy435235517 (дата обращения: 01.06.2025).

Красильникова Т. К.,
старший преподаватель департамента права
Института экономики, управления и права
Московского городского
педагогического университета,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГАНЗЕЙСКИМ КУПЕЧЕСКИМ СОЮЗОМ И ТОРГОВЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ НОВГОРОДА

Экономические связи Новгорода со странами Западной Европы до XV в. были сравнительно слабыми, поездки новгородцев за границу не носили регулярного характера. Начиная с XIII в. торговля Новгорода с Западом поддерживалась главным образом при посредничестве немецкого купечества[1]. В XIV в. основную часть европейской торговли с Новгородом через Балтийское море составлял торговый оборот северогерманских городов во главе с Любеком, зародившаяся еще в XII в.

Ганза представляла собой разветвленную структуру, охватывающую свыше семидесяти немецких и ливонских городов, не скрепленную государственными рамками. Два очень важных стратегических торговых союзов — Ганза и Новгородская земля, которая фактически представляла интересы всей Северо-Западной Руси обоюдно были заинтересованы во взаимовыгодной торговле. Но, к сожалению, препятствием для этого выступали правовые и деловые обычаи, традиции, религиозные разногласия.

Новгород предпринимал попытки самостоятельно вести торговлю со странами Запада. Но зарождение ганзейской торговли оказало на Новгородскую землю значительное влияние. Главным пунктом русско-немецкой торговли первоначально, в конце XII в., был остров Готланд, который занимал наиболее выгодное положение морского пункта. Но уже в начале XIII в. основным его конкурентом стал Любек, стоявший во главе Ганзейского союза. Не менее важным обстоятельством было появление немцев в конце XII в. в устье Западной Двины и основание здесь Риги, которая находилась в непосредственной близости к русским землям. Эта торговая колония содействовала не только расширению новгородской торговли, но и вовлекла в торговые обороты население Полоцкой, Смоленской и частью Суздальской земель.

Угроза безопасности преследовала торгующих лиц в Средние века как на пути их следования с товарами, так и на месте производства торговли. Поэтому тогдашняя торговля исключительно носила компанейский (корпоративный) характер и купечество чувствовало себя безопасным не только под охраной торговых договоров, но и в сообществе с другими купцами. Поэтому торговля приобретала караванный характер. В местах остановок купцы устраивали особые дворы, где они могли следовать своим обычаям, и где они чувствовали себя безопасными. Так, в Новгороде немцы имели два двора. Древнейший из них — Готландский двор, называвшийся Готским. Центром его была церковь святого Олафа. Другой двор, носивший название Немецкого двора, появился позже, так

[1] *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства : в 2 т. М. : Мир, 1925.Т. 1. С. 51–54.

как немцы получили разрешение на постройку церкви святого Петра в 1184 г. Немецкие дворы были местом проживания немецкого купечества и складом их товаров. Селиться вне данных дворов иностранных купцы не могли.

Что касается Готского двора, то он вскоре потерял самостоятельное значение и сдавался купечеством города Висби в аренду Ганзе.

Торговые дела ганзейцев с Россией производились посредством главной конторы в Новгороде и в Пскове. Такого рода конторой как раз и выступал Немецкий двор. Вывозимыми из Новгорода товарами являлись в основном дорогие меха, лен, кожа, пенька, мед, а также многие восточные товары. Ганзейцы довольно быстро установили свою монополию на торговлю с Северо-западными землями Руси. Ганзой вводились санкции на ввоз на Русь отдельных товаров, например, оружия.

Торговля на Руси состояла большей частью в мене. Законодательство Ганзы запрещало покупать товары в Новгороде за деньги. В силу недопущения розничной торговли, последняя осуществлялась непосредственно между Ганзой и новгородскими купеческими корпорациями. В Новгороде были крупные торговые товарищества, благосостояние которых покоилось на торговых оборотах с ганзейцами.

В первой половине XII в. в Новгороде была организована особая купеческая компания для заморских поездок, носившая название «купцов заморских». В 1156 г. эта компания построила собственную церковь святой Пятницы на Торгу. По договору с немцами 1270 г. в пользу этой заморской компании взималась с немцев особая пошлина за право торговли вне черты Новгорода. Установление такой пошлины объяснялось тем соображением, что, торгуя внутри Новгородской земли, немецкие купцы являлись конкурентами русского купечества, почему с них и взималась пошлина в пользу русской компании.

Кроме компании заморских купцов в Новгороде была еще одна компания, известная как «Ивановское сто». Она имела свою церковь на Торговой стороне Новгорода, — церковь святого Иоанна. Постройка ее относится к 1127 г. На содержание храма был определен известный доход, например, от аренды земель и от судебных пошлин, а также от пошлины за взвешивание воска, которое было исключительной привилегией церкви святого Иоанна. В силу данной Ивановской компании привилегии в дореволюционной литературе высказывалось мнение о том, что ивановская купеческая организация была не только торговым объединением, но и административно-финансовым учреждением, ведавшим делами, связанными со сбором пошлин с воска[1].

Для вступления в Ивановское товарищество, каждый купец должен был сделать взнос в уставной капитал в размере 50 гривен серебра. В то время это была крупная сумма, половина от которой шла в храмовую казну. Лицо, сделавшее взнос, становилось так называемым «пошлым купцом» Ивановского торгового товарищества, то есть полноправным и потомственным его членом. Трудно определить, в чем заключались торговые привилегии «пошлого» купечества, так как грамоты говорят лишь об отношении купцов к их обществу, например, о праве быть избираемыми в купеческие старосты и на другие должности. Очень возможно, что храмовой капитал по обычаю того времени, служил ссудным капиталом и давал право на участие в управлении делами общества, в распределении, получаемого этим обществом прибыли.

[1] *Удинцев В. А.* История обособления торгового права. Киев, 1900. С. 13.

Ивановская община, кроме того, что имела статус торговой корпорации, выполняла и функцию органа торгового управления, что в определенной степени напоминало западноевропейские гильдии. В самом деле, при Ивановской церкви была учреждена контора по делам торговли и купеческого суда; во главе ее стоял тысяцкий Великого Новгорода, с которым судили трое старост от житьих людей и двое купеческих старост. Ивановский суд ведал и торговыми делами с немцами, причем его компетенция распространялась не только на торговые сделки, но также и на все уголовные и гражданские дела, возникавшие между иноземцами и новгородцами.

Отношения между Ивановским и заморским купечествами не вполне было ясно по имеющимся источникам. По всей вероятности, заморское купечество было торговой компанией в целях вывоза товаров в немецкие города. Действительно, в конце XII в. и в первой половине XIII в. в. русские купцы посещали немецкие порты, и заморские купцы даже имели в Готланде свой двор. Но надо заметить, что усилия новгородцев принимать участие в морском транспорте, в конечном итоге не увенчались успехом и в последующее время поездки новгородцев были спорадическим явлением, так что перевозка товаров сосредоточилась исключительно в немецких руках. Этим объясняется то обстоятельство, что после XIII в. — источники совершенно не упоминают о заморских купцах, между тем как Ивановское купечество продолжало свою деятельность до самого прекращения Ганзейской торговли.

Торговые отношения между новгородцами и немцами регулировались торговыми договорами, которые то заключались, то прерывались, то вновь возобновлялись в связи с восстановлением мира и торговых связей. Первый такой договор дошел до нас от 1191--1192 гг., второй от 1257–1263 гг.[1]

Особенностью договоров XII–XIII вв. с Готландом, ганзейскими городами, Ливонией и Швецией было то, что в них в равной степени определялся правовой статус не только иностранных граждан в России, но и русских купцов в немецких княжествах[2].

Договоры эти гарантировали обеим сторонам свободу торговых сношений. Новгородцы ручались за безопасность гостей в пределах Новгородской земли, между Котлином и Новгородом, но в том только случае, когда иноземцы будут сопровождаемы взятыми для этой цели новгородскими послами или купцами. Новгородцы не брали на себя ручательства в безопасности иноземцев, ведущих торговлю в Карелии, так как между шведами и новгородцами из-за этой области происходили постоянные споры и эта страна не могла почитаться безопасной. Договоры гарантировали обеим сторонам неприкосновенность личности и имущества. Безопасность личности обеспечивалась тем, что купцов нельзя было подвергать заключению и что преступления против них наказывались кроме штрафов значительными взыскания в пользу потерпевшего. Вообще за все виды уголовных преступлений определялись штрафы; имущества задолжавшей стороны нельзя было подвергнуть конфискации, а нужно было ждать уплаты от самого гостя; конфискация допускалась только тогда, когда со стороны должника в течение года не последовало уплаты.

---

[1] *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства : в 2 т. М. : Мир, 1925.Т. 1. С. 49.

[2] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. С. 91–92.

В самом Новгороде немцы составляли тесно сплоченную компанию, жизнь которой внутри Немецкого двора регулировалась особыми постановлениями, утверждавшимися союзным ганзейским купечеством.

Немцы избегали того, чтобы отдельные члены двора ступали в непосредственные отношения с новгородцами. Правила, которыми должны были руководствоваться немецкие купцы, вести сношение с новгородцами были записаны в особых статусах, подробно регламентировавших внутренний распорядок Немецкого двора, торговлю, денежное обращение, и кредитование. Правила, определявшие жизнь в немецких дворах, носили название «скры». «Скра» утверждалась собранием ганзейского купечества, при этом в состав ее входили не только постановления совета Ганзы, но и постановления самого Немецкого двора в Новгороде.

Устройство двора было основано на принципе полной экстерриториальности и самоуправления.

Обитатели двора святого Петра пользовались полной свободой в вопросах внутренней жизни: немецкие купцы судились и управлялись своим законом. Под юрисдикцию Новгорода они попадали только в случае судебных тяжб с новгородцами.

Регламентирующими инстанциями в разрешении возникающих споров являлись купеческие организации немецких городов Данцига, Висби, Любека. В целях монополизации торговли в руках Ганзейского Союза издавались особые постановления, обязательные для всех его членов. В частности, запрещалось вступать с новгородцами в торговые компании, перевозить, принимать на комиссию товары купцов из других стран. В свою очередь, новгородские власти не имели права вмешиваться во внутренние дела немецкой купеческой общины[1].

Корпоративная торговля Ганзы предоставляла возможность коллегиальной защиты своих интересов при осуществлении предпринимательской деятельности. В первую очередь этому способствовало имеющиеся у корпорации торговые привилегии.

Новгородские власти стремились придерживаться политики протекционизма, не допустить усиления влияния Ганзы. И этому способствовала деятельность новгородских купеческих организаций. Долгое время Новгород отказывал немцам в праве пользоваться собственными средствами транспорта и лишь в 1423 г. им было предоставлено право самостоятельной транспортировки грузов небольших размеров[2]. Но при этом новгородцы не допускали, несмотря на предложения Ганзейского союза, на территории Новгорода гостевой торговли немецких купцов с купцами других земель.

Не довольствуясь предоставленными им льготами и привилегиями, ганзейцы предъявляли к новгородским властям требования снять ряд ограничений, введенных ранее так называемым «гостиным правом»: во-первых, торговать с другими гостями, если не были удовлетворены торговые интересы местных купцов; во-вторых, торговать в розницу; в-третьих, доставлять товары без согласования маршрута.

---

[1] *Довнар-Запольский М. В.* История русского народного хозяйства. Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1911. Т. 1. С. 152–153.

[2] *Никитинский А. И.* Очерки по истории экономического быта Великого Новгорода. М. : Университетская типография, 1893. С. 144–146 ; *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства : в 2 т. М. : Мир, 1925.Т. 1. С. 70.

В состав Немецкого двора входили хозяева, приказчики и ученики: под хозяевами разумелись лишь лица, самостоятельно ведшие предприятие. Как хозяева, так и иные лица двора образовывали особые общества, обычно на основании землячества; каждое такое общество занимало отдельное помещение, имело своего старосту — фогта. Так как население двора не было постоянным, то и управление им менялось с каждой навигацией. Вся полнота власти принадлежала купеческому собранию, которое состояло из всех хозяев и приказчиков, и участие в нем для его членов было обязательным. Купеческое собрание избирало органы, на которых лежал надзор за ходом дел во дворе. Это собрание избирало главное лицо в новгородскую контору — ольдермана, в руках которого сосредоточивались все нити административной деятельности и его помощники — ратманы были основными исполнителями его распоряжений.

Ольдерман принимал все меры для безопасности двора, осматривал привезенные товары в целях предупреждения ввоза некачественных товаров, ему же вместе с ратманами принадлежало право суда. Ольдерман получал содержание за свой труд, пользуясь подарками, которые ему по традиции были даваемы. Содержание конторы требовало известных расходов, которые покрывались наемной платой за жилище и лавки, пошлиной с товаров, судебными пошлинами и штрафами, налагаемыми за различного рода проступки.

Верховный надзор за жизнью немецкого двора долгое время принадлежал не магистратам немецкий городок, а собранию немецкого купечества на Готланде. Готланд имел значение верховной апелляционной инстанции по всем административным и судебным делам немецкой конторы. В конце XII в. город Любек предъявил требования, чтобы контора руководствовалась в своих делах Любекским правом, и чтобы апелляционные дела рассматривались любекским магистратом. Но, несмотря на старания Любека, последнего ему не удалось достигнуть, хотя, вероятно, он добился применения Любекского права в разборе отдельных категорий дел, а также чтобы апелляция на решения суда ольдермана могла осуществляться исключительно в магистратах городов Висби и Любека. По отношению к Новгороду, Немецкий двор представлял собой организованное целое. В самом Новгороде немцы составляли тесно сплоченную компанию, жизнь которой внутри Немецкого двора регулировалась особыми постановлениями, утверждавшимися союзным ганзейским купечеством.

Несмотря на то что торговые сношения были постоянными, обе стороны — новгородцы и немцы — с большим недоверием относились друг к другу. Желая обеспечить торгующему немецкому купечеству монопольные права, Ганза принимала все меры к тому, чтобы торговля с Новгородом не выходила из немецких рук и в этом направлении она добилась довольно серьезных результатов. Так, она взимала штраф в размере 50 марок с того, кто оказывал бы содействие промышленным и торговым лицам, из числа фламандцев, англичан или ломбардцев, пытавшимся проникнуть в Новгород. Для иностранцев, не относящихся к Ганзе, строго воспрещалось вступать с русскими в компании, принимать их товары на суда или сужать новгородцев капиталами.

Новгород далеко не был единственным городом, с которым немцы вели торговлю. Благодаря торговому и предприимчивому характеру новгородцев, они удерживали господство новгородской торговли, но немцы успели получить доступ и в другие торговые центры древней Руси. Такими пунктами были города: Полоцк, Витебск и Смоленск. Непосредственные сношения с этими городами немцы завя-

зали после своего утверждения в Прибалтийском крае. Характер этих сношений, в общем, напоминал отношения Ганзы к Новгороду. Главным немецким городом, интересы которого были связаны со Смоленской землей была Рига, но кроме нее со Смоленском и Полоцком торговали еще следующие города и княжества: Кассел, Брауншвейг, Вестфалия, остров Готланд, Любек, Дортмунд и Бремен, от имени которых был заключен торговый договор в 1229 г. Надо заметить, что договор 1229 г. кроме торговых отношений, включал положения, отсылающие к уголовному, гражданскому и процессуальному праву по всем делам, которые могли возникнуть между немцами и русскими. Торговый договор 1229 г. между Смоленском и Ганзейским союзом ввел беспошлинную торговлю для русских купцов в германских городах, а для немецких купцов — в Смоленске, Витебске и Полоцке[1].

Самый же первый торговый договор с Полоцком немцы заключили в 1210 г. Интересно, что к этому торговому договору с Полоцком были тогда же привлечены и Витебск, и Смоленск. Таким образом, между этими русскими городами установился своего рода союз для торговли с немцами.

Немецкие купцы через данные города проникали в более отдаленные восточные земли Древней Руси, куда их так старательно не пропускали новгородцы. Право Ганзы ставило русских купцов в немецких городах в одинаковое положение с тем, какое занимали в Новгороде, Смоленске, Полоцке и Витебске немецкие купцы, и для русских купцов открывался торговый путь в немецкие города.

Наиболее трудным является вопрос о размерах русско-немецкой торговли. Ганзейский союз ограничивал размер капитала, который немецкий купец мог пускать в обороте в Новгороде. Это указывало на стремление дать возможность вести торговлю более широкому кругу лиц. Постановления Ганзейского союза не давали возможности немецким купцам прочно и на долгое время устраиваться для торговых целей в Новгороде. Торговля, таким образом, прибрела в известной мере ярмарочный характер.

Несколько другой характер имела русская торговля с Ливонией. В наиболее крупных ливонских городах — Риге, Ревеле и Дерпте — русские купцы имели свои кварталы. Под Ригой был русский поселок. В Рижской долговой книге встречались имена немецких купцов, которые настолько прочно осели в русских городах, что им придавалось прозвище по русскому городу; так встречаем Люберта из Витебска, Тидерика из Пскова. Русские купцы имели недвижимое имущество в Риге, которым они могли обеспечить свои займы, и о чем свидетельствовала Долговая книга.

Рижская долговая книга (1286–1327) дает возможность подсчитать количество сделок по займам, заключенным русскими купцами. Количество сделок, распределенное по годам, имеет некоторый интерес; так, оно указывает на ход интенсивности торговой деятельности. Этот источник подтверждает то, что оживление торговых операций, бесспорно, замечалось в конце XIII столетия, а затем падало, иногда совершенно прерываясь, в первой четверти XIV в., что указывает на ослабление торговли в этот период.

Вот почему, когда начался упадок Ганзы, ключевые позиции в торговле с Новгородом перешли к ливонским городам — Дерпту, Ревелю и Риге, одновременно состоявшим в Ганзейском союзе[2]. И если немецкую сторону в XII в.

[1] *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства : в 2 т. М. : Мир, 1925. Т. 1. С. 98–114.

[2] *Бережков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. М. : URSS Ленанд, 2016. С. 165.

на переговорах представлял Готланд, а в XIII в. — немецкая Ганза в Висби, то в конце XII — первой половине XIV в. — Любек и Висби, со второй половины XIV в. — наряду с Любеком и Висби к руководству ганзейской конторой были подключены ливонские города — Дерпт, Ревель и Рига, а в конца XIV в. до конца XV в. — уже лидировали главным образом ливонские города.

Можно указать и на случае, когда русские и жители Риги вступали в совместные торговые товарищества, что было невозможно в Новгородских землях с представителями Ганзейского союза. Всё это указывает на известного рода прочность торговых отношений и устойчивость русского торгового элемента в Риге.

Русско-немецкие торговые отношения возбуждали еще один вопрос, на котором следует остановиться. Постановления Ганзейского союза воспрещали своим членам давать в займы русским или брать у них в долг, но это постановление ганзейского законодательства имело лишь некоторую силу в пределах Великого Новгорода и совершенно игнорировалось в балтийских городах. Срок займов был весьма разнообразен: встречались займы краткосрочные, но также и годовые и даже двухлетие. А. И. Никитский, указывая на существовавшие способы оплаты займов товарами, был готов признать всю русско-немецкую торговлю меновой, связывал этот ее характер с недостатком благородных металлов в Новгороде и, по-видимому, на этом основании был готов вообще признать примитивность всего хода торговли[1]. С таким взглядом нельзя согласиться, потому что указание места расчета в другом городе, товарами или деньгами, представляло собой сложную и развитую систему кредита.

Характер кредитных операций не дает повода, по нашему разумению, считать способы торговли примитивными. Нам думается, что вообще не верен взгляд тех ученых, которые были склонны видеть в русско-немецкой торговле характер варварских неустроенных торговых отношений между русскими и ганзейцами. Немцы встретили в русских нацию, издавна привыкшую к широким торговым сношениям.

Ганзейская торговля пала в конце XV столетия. А. И. Никитский высказал совершенное верное мнение о том, что падение этой торговли не было вызвано случайностью разрыва торговых отношений, который произошел с закрытием Ганзейского двора при Иване III. Торговый оборот сокращался вследствие тех изменений, которые происходили в направлении западноевропейской торговли, что особенно сказалось с открытием Америки. С этим взглядом нельзя не согласиться. И. М. Кулишер подробно останавливался на причинах падения ганзейской торговли. Он указывал на рост в торговом отношении стран, расположенных на берегах Северного и Балтийского морей — Англии, Нидерландов, Швеции и Дании. Эти страны стали тяготиться опекой ганзейских купцов, их торговым посредничеством и стали вступать между собою в непосредственные сношения, минуя Ганзу. Но к причинам падения ганзейской торговли надо прибавить и еще некоторые соображения, которые характеризовали положение России в XV в. Тут следовало бы учесть политическое настроение Великого Новгорода и результаты присоединения Полоцка, Витебска и Смоленска к составу Литовского государства, а Новгорода — к Московскому государству.

[1] *Никитский А. И.* Очерки по истории экономического быта Великого Новгорода. М. : Университетская типография, 1893. С. 132–133.

Лясович Т. Г.,
докторант научно-исследовательского отдела
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ АКТОВ ДВОЕВЛАСТИЯ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Приступая к исследованию права переходного периода применительно к ситуации двоевластия, сложившейся в Российском государстве после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., остановимся на терминологии, которая, так или иначе, связана с рассматриваемой проблематикой. Представляется уместным остановиться на следующих дефинициях: переходный период, право переходного периода, переходное право, переходная государственно-правовая система, государственно-правовая система переходного типа.

Прежде всего определимся, что применительно к периоду существования де-факто Российской республики в марте — октябре 1917 г. следует вести речь о формировании переходной государственно-правовой системы, которая исследуется в контексте циклической теории (теории циклов), опирающейся на гипотезу о циклическом (дискретном) развитии мировой истории. Исследователи — специалисты из различных научных областей (истории, социологии, философии, юриспруденции) высказывали мысль о том, что «…в истории цивилизаций неоднократно встречались периоды, когда одна форма правления или политический режим уже изжили себя, а новая форма (или режим) еще не сформировались, уступив место переходному состоянию»[1], которое характеризуется, в числе других признаков, отсутствием традиционных (завершенных) политико-правовых форм и институтов. В этом контексте предполагается, что развитие государственно-правовой материи происходит циклично и представляет собой смену государственно-правовых систем различных типов, среди которых можно выделить, традиционные (стабильные, устойчивые) и переходные (нестабильные, неустойчивые)[2].

Право как системообразующий элемент государственно-правовой системы несет в себе ее «геном», отражая ее внутреннюю сущность и принадлежность к конкретному типу. Если государственно-правовая система находится на переходной стадии своего развития, следовательно, право приобретает переходный характер, становится переходным. В. В. Сорокин неоднократно подчеркивал, что «…переходные условия порождают новые правовые феномены и сформулировал интересующую нас дефиницию переходного права как «специфического правового явления, возникающего в условиях кардинальных изменений (системного кризиса) в обществе и государстве»[3]. Близким по смыслу понятием представ-

---

[1] *Стрельченко В. И., Бун М. З.* Переходные периоды в историческом процессе // Философия права. 2013. № 4 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perehodnye-periody-v-istoricheskom-protsesse (дата обращения: 01.06.2025).

[2] *Ромашов Р. А.* Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 4 (78). С. 64.

[3] Об этом: *Сорокин В. В.* Общее учение о государстве и праве переходного периода : монография. М. : Юрлитинформ, 2010.

ляется и используемое в научной литературе определение «право переходного периода», под которым понимается совокупность норм, регулирующих процессы трансформации правовой системы в период радикальных политических, экономических и социальных изменений. В то же время здесь акцент делается на том, что в настоящий момент государственно-правовая система находится в переходном состоянии, следовательно, она переживает переходный этап (период) своего развития. В таком контексте речь идет не о формировании нового типа государственно-правовой системы и нового типа права — переходном праве, а о временном кризисном состоянии государственно-правовой системы, из которого она, пройдя переходный период[1], потенциально может выйти за счет приобретения устойчивости и стабилизации. Однако в отношении российского права периода буржуазно-демократической республики можно констатировать, что оно может рассматриваться и как право переходного периода, и как переходное право (т.е. право переходного типа), поскольку рассматриваемый исторический период стал не просто временным переходным этапом в развитии государственно-правовой системы России, но и периодом кардинальных перемен в отношениях власти (в силу перехода государства от монархии к республике), обретения нового статуса государства на международной арене и кардинальной модернизации существующего общественно-экономического и политического строя[2].

Право переходного периода характеризуется крайней нестабильностью, множественностью источников, конфликтом норм и высокой степенью политизированности. Переходный период в правовой сфере, по словам В. В. Сорокина, «это более процесс, нежели результат, не предполагающий стабильности, завершенности и сбалансированности правовой системы»[3].

Специфика сложившейся в России после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. ситуации двоевластия наложила отпечаток не только на политическую ситуацию в стране, но и на правовую действительность, и стала классическим примером формирования переходной государственно-правовой системы и, следовательно, права переходного периода. Параллельное существование двух политических центров — Временного правительства и Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов (вплоть до июльских событий 1917 г.) предопределило двойственный характер юридических текстов, исходящих от этих органов, на которые законодательные полномочия были возложены самой революционной практикой.

Исследование специфики права периода двоевластия неизбежно сопряжено с исследованием обстоятельств установления последнего, особенностей сложившейся ситуации, в том числе и в сфере законотворчества, а также актов, принимаемых органами двоевластия: Временным правительством как един-

---

[1] В этом смысле под переходным периодом понимается «некий процесс, в котором... одно явление преобразуется в другое... это процесс радикальной трансформации всех государствообразующих систем страны...». См.: *Чигринский Н. С.* Понятие правовой системы переходного периода // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 2. С. 274.

[2] *Левченков А. И., Груздев В. В.* Правовое регулирование общественных отношений в нестабильных социумах : монография. М. : Проспект, 2022. С. 264–265.

[3] *Сорокин В. В.* Общее учение о государстве и праве переходного периода : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 227.

ственным относительно легальным после февральских событий 1917 г. органом центральной власти и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, который возник вследствие самоорганизации народных масс.

Отправной точкой двоевластия стал день 27 февраля 1917 г., когда были параллельно созданы Временный комитет Государственной думы и Совет рабочих депутатов, в исполнительный комитет которого вошли представители социалистических партий: социал-демократы и эсеры. 1 марта 1917 г. Совет рабочих депутатов и созданный Совет солдатских депутатов объединились, образовав Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в количестве 2 800 человек. Количественный состав был обусловлен принципами формирования органа — один депутат от роты военнослужащих составляли 2 000 человек (военное представительство) и один депутат от тысячи рабочих, но не менее одного человека от предприятия составляли 800 рабочих (рабочее представительство)[1]. Заключительным днем существования двоевластия официально считается 9 (22) июля 1917 г., когда ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов объявил о признании неограниченных полномочий Второго коалиционного правительства (во главе с А. Ф. Керенским).

Примечательно, что в период с февраля по июль 1917 г. оба органа власти обладали правом законодательной инициативы, причем каждый из них, по сути, присвоил ее себе самостийно: Временное правительство — в силу своего статуса единственного легального (и легитимного — в первые месяцы после революции) органа власти, а Петроградский совет — в силу политической ситуации: массовая поддержка пролетаризированных солдат и рабочих «молчаливо, силой оружия» обеспечивала как легитимность этого органа власти, так и его возможность «творить право», придавая ему самобытный языковой контур.

И Временное правительство, и Петроградский совет, изначально находясь в состоянии компромисса и сотрудничества, тем не менее пытались завоевать доверие более широкого круга народных масс, «творили право», издавая разнообразные акты, обретавших силу законов.

В качестве характеристик права переходного периода (на примере права периода двоевластия) можно выделить следующие:

Во-первых, множественность источников права, их противоречивость и несогласованность между собой. Например, Временное правительство в своих актах и декларациях (например, Декларация о составе и задачах Временного правительства от 03.03.1917[2], Декларация Временного правительства от 08.07.1917) стремилось подчеркнуть легитимность своей власти, подтверждая ее революционно-демократический характер, закрепляя буржуазно-демократические права и свободы, обещая созыв Всероссийского Учредительного собрания для определения будущего государственного устройства страны[3]. В то же время приказы и постановления Петроградского Совета были направлены на защиту интересов рабочих и солдат и часто противоречили политике Временного правительства.

---

1 *Минжуренко А.* Двоевластие в 1917 году // Новости. 02.04.2024.

2 Декларация Временного правительства о его составе и задачах от 03.03.1917 // Вестник Временного правительства. 1917. № 1 (46). 5 (18) марта.

3 Парламентаризм: история, теория, технология : кол. монография / под ред. Р. А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2022. С. 124.

Например, знаменитый приказ № 1 Петроградского Совета (1 март 1917 г.) по Петроградскому гарнизону[1] откровенно подрывал дисциплину в армии, передавая власть солдатским комитетам, и напрямую противоречил традиционной военной иерархии и требованиям Временного правительства относительно укреплению дисциплины в армии для продолжения ведения военных действий и соблюдения союзнических обязательств России.

Для понимания специфики права переходного периода обретает значимость вопрос о форме актов органов двоевластия. Известно, что 9 марта 1917 г. известный юрист, член Юридического совещания при Временном правительстве, Н. И. Лазаревский выступил на заседании правительства с докладом о «форме, в которую надлежит облекать исходящие от Временного правительства распоряжения». По итогам обсуждения положений доклада было принято постановление, согласно которому по делам, требующим рассмотрения в порядке законодательном, должны были издаваться постановления правительства за подписью всех его членов. По делам, требующим по действующим законам разрешения в порядке верховного управления, следовало издавать указы правительства за подписанием его председателя. По делам, разрешаемым по действующему законодательству властью отдельных министров, полагалось издавать распоряжения министров[2]. 11 мая 1917 г. по предложению министра-председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова был внесен ряд изменений в порядок издания постановлений правительства по законодательным делам. В соответствии с новой редакцией ст. 1 отд. I постановления Временного правительства от 09.03.1917 по делам, требующим рассмотрения в порядке законодательном, постановления Временного правительства издавались за подписью министра-председателя и подлежащего министра, за исключением постановлений особой важности, которые подписывались всеми членами Временного правительства[3]. Таким образом, следует заключить, что в период деятельности Временного правительства наряду с ранее действовавшими нормативными источниками, появились новые виды нормативных правовых актов: постановления, подписанные всеми членами правительства, указы (постановления) правительства, подписанные министром-председателем правительства или им и одним из министров: распоряжения одного из министров[4].

Акты другого органа власти — Петроградского совета, в основном в форме приказов и распоряжений — официально не являлись законами и ими не назывались, однако в дни Февральской революции (и сразу после нее) они обретали

---

[1] Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского военного округа от 01.03.1917 // Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы // Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 189–190.

[2] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. 7. Журналы заседаний Временного правительства : март — октябрь 1917 года : в 4 т. / отв. ред. Б. Ф. Додонов ; сост. Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. Т. 1 : март — апрель 1917 года. М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 64.

[3] *Звонарев А. В., Пашенцев Д. А.* Законодательная деятельность Временного правительства в области народного образования // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». С. 43.

[4] *Звонарев А. В., Пашенцев Д. А.* Законодательная деятельность Временного правительства в области народного образования. С. 43.

силу закона и обеспечивались поддержкой оружия солдат Петроградского гарнизона. По духу и доступности языка они более соответствовали реалиям времени и потребностям населения, поэтому охотно исполнялись в силу их соответствия историческому моменту.

Во-вторых, наличие в праве коллизий и конкуренции юрисдикций. Например, особой противоречивостью отличался вопрос о земле. Так, крестьяне, поддерживаемыми Советами на местах, производили самовольные захваты помещичьих земель, игнорируя постановления Временного правительства о необходимости дождаться решения Всероссийского Учредительного собрания. На предприятиях, заводах и фабриках устанавливался рабочий контроль, который фактически противоречил интересам владельцев и экономической политике Временного правительства, защищавшей интересы имущих слоев общества. Временное правительство подтвердило право собственности на землю до решения Учредительного собрания, издавая указы о недопустимости самозахватов. Однако Советы фактически поддерживали крестьянские захваты, видя в этом реализацию принципа социальной справедливости.

В-третьих, легитимность и принуждение. Процесс коренных правовых преобразований, которые традиционно сопутствуют переходным периодам, всегда связан с кризисом легитимности. С этой точки зрения для состояния переходности свойственно наличие двух взаимообусловленных процессов: процесса делегитимации старого правового строя и процесса легитимации нового. В то же время непосредственно переходные правовые формы также нуждаются в легитимации и общественном признании. Кризис легитимности правовой системы обусловлен и насильственным воздействием в процессе радикального реформирования одной или нескольких сфер жизни государства и общества. В этом случае право не воспринимается населением в качестве законного, так как подлинная легитимность права возможна лишь в условиях реальной законности[1].

В 1917 г. мы сталкиваемся с классической ситуацией кризиса легитимности. Изначально легитимность Временного правительства основывалась на компромиссе с Петроградским советом и признании государств — союзников по Антанте. Легитимности правительству «добавлял» и тот факт, что первым его главой — министром-председателем стал князь Георгий Евгеньевич Львов, чей авторитет был заслуженно высок и среди населения, и в кругах политической элиты[2]. К тому же кандидатура князя Львова еще до революции была одобрена императором на должность председателя правительства Российской империи, что впоследствии дало основания подчеркивать преемственность власти Временного правительства от власти законного монарха. Однако, как известно, авторитет правительства (а вместе с ним и легитимность его власти) постепенно падал на протяжении лета 1917 г. и к осени практически сошел на нет. Правительство оказалось неспособно на практике решить насущные вопросы, связанные с войной, землей, продовольствием и охраной правопорядка. Его распоряжения перестали исполняться, то есть утратили легитимность.

---

[1] *Сорокин В. В.* Проблемы понимания правовой системы переходного периода // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. Вып. 5 (65). С. 21–24.

[2] Государственность в России в 1917 г.: власть, общество, территория / отв. ред. Т. Г. Архипова, В. В. Шелохаев. М. : РГГУ, 2019. С. 44.

Советы опирались поддержку пролетаризированных народных масс, непосредственно участвовавших в революционных событиях февраля 1917 г. Однако они как общественные структуры не обладали достаточными ресурсами для эффективного управления страной и постепенно набирали силу на протяжении всего республиканского периода, что обеспечило их приход к власти в октябре 1917 г. Однако на весной — летом 1917 г. оба органа двоевластия испытывали сложности в реализации своих решений: Временное правительство — из-за слабости государственного аппарата[1], разложения армии, отсутствия эффективно действовавших правоохранительных органов[2]; Советы — из-за отсутствия четкой структуры и зависимости от настроений народных масс.

В-четвертых, идеологический компонент в праве и различные целевые установки. Так, Временное правительство стремилось к установлению в России демократического правового государства, основанного на принципах либерализма (по примеру европейских государств). Советы, напротив, придерживались социалистических идей, ставя во главу угла интересы трудящегося народа. Оба органа двоевластия использовали право и правовые акты для укрепления своих политических позиций и дискредитации оппонента.

В-пятых, нестабильность и временный характер правовых норм. Акты двоевластия, исходящие и от Временного правительства и от Петроградского совета, по своей сути, были временными и преследовали конкретные цели. Для Временного правительства основной целью было стабилизация политической и социально-экономической ситуации, не допущения дальнейшего развития революции и организация выборов во Всероссийское учредительное собрание, которое бы определило дальнейший путь развития России. Правительство даже в наименовании подчеркивало временный характер своей власти. Основной задачей Петроградского совета и его органов на местах было достижение задачи по демократизации власти, подчинение армии и укрепление собственных политических позиций. Вместе с тем нестабильность нормативной правовой базы в рассматриваемый исторический период дополнялась чрезвычайной активностью нормотворческих структур, что не шло на пользу качеству нормативной базы в целом[3].

В-шестых, специфика языка права переходного периода. В период формирования переходной государственно-правовой системы (и периода двоевластия) право стало инструментом большой политики, обрело излишне выраженную политическую окраску и говорило на языке политического большинства, нахо-

---

[1] 5 марта 1917 г. князь Г. Е. Львов в целях реализации решения правительства о повсеместной демократизации власти разослал на места распоряжение, согласно которому губернаторам и вице-губернаторам предписывалось сдать власть председателям губернских управ (или их заместителям) с присвоением последним наименования «губернские комиссары Временного правительства». Этим правительство ослабляло вертикаль власти, фактические разрушая // Краткий очерк деятельности МВД со времени государственного переворота до 1 июля 1917 г., Петроград, 1917. С. 4.

[2] 6 марта 1917 г. был ликвидирован Корпус жандармов, а 10 марта 1917 г. упразднен Департамент полиции МВД Российской империи // Сборник циркуляров Министерства внутренних дел за период март — июнь 1917 г. Петроград, 1917. С. 23.

[3] *Чигринский Н. С.* Понятие правовой системы переходного периода // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 2. С. 275.

дящегося у власти. Следовательно, язык права того времени был инструментом привлечения тех или иных общественных сил на свою сторону.

Например, акты Временного правительства носили буржуазно-демократический характер, хранили отрицание роли имперской власти и имперской традиции[1], декларировали начало новой эпохи свободы и равенства. В них подчеркивалась сложность исторического момента, вынужденность действий правительства в условиях политического кризиса и, одновременно, его готовность к компромиссу. Используемые в актах Временного правительства речевые формы и обороты подчеркивают эту специфику: «временно устранить, признать желательным сохранение», «в сложный период», «правительство готово взять на себя ответственность»[2].

Нельзя не отметить, что в законотворческой деятельности Временного правительства использовался юридический «имперский язык», который еще в результате министерской реформы начала XIX в. из обычного делового стиля русского языка превратился в «классический деловой и государственный слог». Именно он использовался в качестве «языка министерского делопроизводства» в Российской империи и в постфевральский период. Знаменитый «полицейский слог, принадлежащий к одному Министерству внутренних дел и высшем губернскому начальству», упомянутый еще М. Л. Магницким, повсеместно использовался Временным правительством в своей законотворческой практике. Как известно, именно Министерство внутренних дел в рассматриваемый исторический период было «флагманом» законотворческих идей и локомотивом всех преобразований правительства.

Этому способствовал и кадровый состав «законотворческого аппарата»: в состав Юридического совещания при Временном правительстве, ведавшего разработкой законов, входили известные имперские юристы (И. В. Гессен, Ф. Ф. Кокошкин, Н. И. Лазаревский и др.), получившие классическое университетское юридическое образование и в большинстве своем проходившие практику в имперских судах. Именно они сумели сохранить лучшие традиции юридического имперского языка, использовавшегося в актах Временного правительства. Примечательно, что в актах Временного правительства часто встречаются формулировки, которые с точки зрения современного юриста, могут казаться более литературными конструкциями, чем юридическими в силу излишней эмоциональной окраски, витиеватости стиля и речевых оборотов («заветная мечта многих поколений»[3], «засим просим», «не допустим, чтобы Родина вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах»[4], «правительство повелевает»[5] и др.).

В свою очередь, акты Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов носили «народный характер и содержали в большинстве своем конкретные ука-

---

[1] Из обращений Временного правительства к народу // ГАРФ Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1695.

[2] Из обращений Временного правительства к народу.

[3] Постановление Временного правительства по земельному вопросу от 19.03.1917 // Вестник Временного правительства. 1917. № 14 (60). 21 марта (3 апреля).

[4] ГАРФ Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1695.

[5] Постановление Временного правительства об усилении наказаний за антивоенные выступления на фронте от 30.05.1917 // Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы // Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 243.

зания и предписания («немедленно выбрать»[1], «следует исполнять», «ни в коем случае не выдавать», «соблюдать строжайшую воинскую дисциплину»). Язык такого права и законов был понятен всем, без исключения, он был конкретен и сух, без ненужных словесных форм и оборотов. Этот революционный язык стал впоследствии языком советского пролетарского права и всей советской правоприменительной практики.

Таким образом, одной из основных черт языка переходного права можно назвать его противоречивость и двойственность, неясность целей законодателей, большое количество объектов правового регулирования (это в большей степени касается актов, исходящих от Временного правительства), а также низкий уровень правовой культуры самих законодателей (это относится в первую очередь к представителям Петросовета).

Небольшой по историческим меркам срок существования самой переходной государственно-правовой системы (март — октябрь 1917 г.) и ее политическая нестабильность обусловили отсутствие единых законотворческих традиций и правовой культуры, соответствующих реалиям постреволюционного времени. Этому способствовала и неустойчивость состава самого законодательного корпуса (смена составов кабинета правительства), неопределенность целей законодателей, колоссальный объем задач, стоявших перед ними.

Подводя итог сказанному, сделаем следующие выводы:

Во-первых, исходя из сложившейся политической ситуации, право Российской республики представляло собой совокупность правовых норм, исходящих от двух субъектов государственно-правовых отношений — Временного правительства и Петроградского совета, отражало политическую сущность каждого из названного выше органа власти, было эклектично и «говорило» на языке той сословной группы, интересы которой этот орган представлял.

Во-вторых, право переходного периода в период двоевластия в России характеризуется рядом особенностей, среди которых: множественность источников и их противоречивость; конкуренция юрисдикций; нечеткость и размытость норм; слабость механизмов принуждения; высокая степень политизированности; временный характер норм.

Во-третьих, в период формирования переходной государственно-правовой системы февраля — октября 1917 г. право выступало инструментом большой политики, носило излишне выраженную политическую окраску и говорило на языке политического большинства, находящегося у власти. Следовательно, язык права того времени был инструментом привлечения тех или иных общественных сил на свою сторону.

В-четвертых, язык права любого переходного периода, когда актуально и потенциально в одно и то же время и прошлое, и настоящее, и будущее в содержательном плане и плане выражения»[2], динамичен, способен активизироваться в развитии. Формирование новых институтов государства и гражданского обще-

---

[1] Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского военного округа от 01.03.1917 // Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы // Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 189–190.

[2] *Шепелев А. Н.* Язык права как самостоятельный функциональный стиль : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2002. С. 5–6.

ства в переходные периоды накладывает отпечаток на язык права, побуждая его к неминуемым трансформациям, что дает основание говорить о выработке в переходные периоды нового функционального стиля языка.

В-пятых, анализ конкретных актов органов двоевластия (Временного правительства и Петроградского совета) позволяет понять, как и почему в условиях формирования переходной государственно-правовой системы формировалось право, отражающее борьбу различных политических сил и их представлений о будущем правопорядке, и какой спецификой оно обладало. Изучение этого опыта имеет теоретическое и практическое значение для понимания государственно-правовых трансформаций в переходные периоды развития отечественного государства, права, общества.

РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Соколов С. В.,
заведующий научно-исследовательским отделом библиотековедения ИНИОН РАН

ИНИОН РАН КАК ЦЕНТР НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКИ СЕТЕВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В современной системе научных коммуникаций Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) занимает особое положение, выступая важным связующим звеном между академической наукой и высшей школой. Анализ его деятельности, проведенный на основе нормативных документов, отчетных данных и договорной практики, позволяет выявить устойчивые модели организационного развития и перспективные направления сотрудничества.

Институциональные и правовые основы деятельности

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) представляет собой уникальный пример интеграции информационной, исследовательской и образовательной функций в рамках единого научного учреждения. Нормативной основой его деятельности служит Устав, утвержденный приказом Минобрнауки России от 06.07.2018 № 3, который определяет институт как федеральное государственное бюджетное учреждение науки, осуществляющее деятельность в системе Российской академии наук. Устав закрепляет трехуровневую структуру миссии института: информационно-аналитическую (формирование и развитие научной информации), исследовательскую (проведение фундаментальных исследований) и интеграционную (обеспечение взаимодействия научного сообщества)[1]. Особое значение в уставе имеет положение о Фундаментальной библиотеке[2], которой придан статус общенационального значения, головного органа Централизованной библиотечной сети и методического центра для научных библиотек социально-гуманитарного профиля. Государственное задание № 319-00001-23-00[3] конкретизирует

[1] Устав Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук: утв. приказом Минобрнауки России от 06.07.2018 № 3. П. 1. URL: https://inion.ru/site/assets/files/2406/inion_ran_2018.pdf (дата обращения: 04.05.2025).

[2] Устав Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук: утв. приказом Минобрнауки России от 06.07.2018 № 3. П. 16.

[3] Государственное задание № 319-00001-23-00 на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов // URL: https://bus.gov.ru/public/rgz/download.html?id=598016 (дата обращения: 01.07.2024).

основные направления деятельности института, включая организацию научных мероприятий, экспертно-аналитическую работу и развитие информационной инфраструктуры, при этом особый акцент делается на взаимодействии с образовательными организациями различных уровней.

Образовательные организации в партнерской сети ИНИОН РАН: направления и перспективы сотрудничества

Анализ списка партнерских организаций ИНИОН РАН, представленного на официальном сайте института[1], позволяет выявить ключевые тенденции и приоритеты в формировании научно-образовательных связей института. Партнерская сеть демонстрирует ярко выраженную ориентацию на сотрудничество с организациями гуманитарного и социально-научного профиля, что соответствует основной специализации самого ИНИОН РАН как ведущего центра научной информации в области общественных наук.

Среди международных партнеров особого внимания заслуживают Шанхайский университет иностранных языков (Китай) и Бхарат Институт высшего образования и научных исследований (Индия), что свидетельствует о стратегическом интересе ИНИОН РАН к развитию востоковедческих исследований и укреплению научных связей с ведущими азиатскими университетами. Присутствие в списке Даугавпилсского университета (Латвия) указывает на сохранение научных контактов с академическими учреждениями постсоветского пространства, хотя европейское направление представлено относительно узко.

В российской части партнерской сети доминируют ведущие вузы гуманитарного профиля, включая МГУ имени М.В.Ломоносова, РУДН и НИУ ВШЭ, что подчеркивает роль ИНИОН РАН как важного узла в системе отечественных социально-гуманитарных исследований. Особенно показательно присутствие в списке специализированных лингвистических (Московский государственный лингвистический университет) и педагогических (МПГУ, МГПУ) вузов, что отражает ориентацию на поддержку исследований в области языкознания, образования и межкультурной коммуникации.

Примечательно включение в партнерскую сеть организаций прикладного характера, таких как Дипломатическая академия МИД России, что свидетельствует о стремлении ИНИОН РАН обеспечивать связь между фундаментальной наукой и практическими областями. Наличие в списке общеобразовательных школ (Московская международная школа № 1498, Академическая школа № 1534) указывает на политику института по выстраиванию вертикали научно-образовательного сотрудничества, начиная с довузовского уровня.

Анализ географического распределения партнеров выявляет определенный дисбаланс: при наличии отдельных представителей азиатского региона и стран СНГ, сеть сотрудничества требует расширения, особенно в части включения университетов из Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки для достижения действительно глобального охвата. В целом структура партнерских связей ИНИОН РАН отражает его ключевую роль как интегратора научного знания в области общественных наук, сочетающего фундаментальные исследования

[1] Партнеры ИНИОН РАН // Официальный сайт Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). URL: https://inion.ru/ru/about/nashi-partnery/ (дата обращения: 04.05.2025).

с прикладными задачами образования и международного научного сотрудничества.

Сетевые взаимодействия в научно-образовательном пространстве

Фундаментальная библиотека Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) представляет собой ключевое хранилище научной литературы в области социальных и гуманитарных исследований. В соответствии с установленными правилами[1], право пользования ее ресурсами предоставляется совершеннолетним гражданам Российской Федерации и стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), имеющим высшее образование, а также студентам вузов, начиная с третьего курса обучения. Однако для отдельных категорий обучающихся, в частности для студентов-востоковедов, действуют особые условия доступа, закрепленные в рамках договоров о сотрудничестве между ИНИОН РАН и профильными образовательными учреждениями.

Так, в отличие от общих правил, студенты, специализирующиеся в области востоковедения, а также обучающиеся в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН), получают возможность записи в библиотеку уже с первого курса. Данная льгота обусловлена стратегической значимостью востоковедческих исследований и необходимостью обеспечения будущих специалистов доступом к специализированной литературе на ранних этапах их академической подготовки.

Основным документом, подтверждающим право пользования фондами библиотеки, является читательский билет, который выдается на текущий учебный год (для студентов) с возможностью ежегодной перерегистрации. Процедура оформления включает создание электронного учетного профиля с уникальным идентификатором, выдачу пластиковой карты с фотографией пользователя, а также обязательное ознакомление с правилами пользования библиотекой. Важно отметить, что доступ к ресурсам предоставляется исключительно в индивидуальном порядке, без права передачи билета третьим лицам.

Таким образом, дифференцированный подход к регулированию доступа в Фундаментальную библиотеку ИНИОН РАН, включающий специальные условия для востоковедов, отражает стремление института поддерживать развитие ключевых научных направлений и способствовать раннему вовлечению студентов в академическую среду. Данная практика соответствует современным тенденциям в области научной коммуникации и библиотечного дела, где приоритет отдается обеспечению исследователей необходимыми ресурсами на всех этапах их профессионального становления.

Эффективность данной стратегии находит подтверждение в анализе мероприятий ИНИОН РАН за 2023–2024 гг.[2] В 2024 г. институт организовал 514 мероприятий с общим охватом 14 370 очных и 2 398 дистанционных участников.

---

[1] Правила записи в Фундаментальную библиотеку ИНИОН РАН // Официальный сайт Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). URL: https://inion.ru/ru/library/pravila-zapisi-v-biblioteku/ (дата обращения: 04.05.2025).

[2] Важнейшие научные мероприятия за 2024 год, прошедшие в ИНИОН РАН на Нахимовском проспекте // Официальный сайт ИНИОН РАН. URL: https://inion.ru/ru/science/seminary-i-konferentsii/vazhneishie-nauchnye-meropriiatiia-2023-2025-gg/vazhneishie-nauchnye-

Научные мероприятия (151 событие) привлекли 5 480 очных участников, показав снижение на 22,7 % по сравнению с 2023 г., что объясняется оптимизацией форматов проведения. В то же время образовательные мероприятия (101 событие) продемонстрировали рост на 10,07 % с охватом 4 096 участников. Центр эмерджентных практик и Центр по изучению проблем информатики проявили наибольшую активность, организовав серию специализированных семинаров. Фундаментальная библиотека подтвердила свой статус центра информационной грамотности, проведя 45 мастер-классов для 820 студентов и преподавателей ведущих вузов[1].

Анкетирование студентов и практика реферирования научных статей в рамках сотрудничества ИНИОН РАН и ИСАА МГУ

В 2024 г. по инициативе ИНИОН РАН и Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова (ИСАА МГУ) была реализована комплексная программа взаимодействия, включавшая анкетирование студентов и организацию практики по реферированию научных статей. Данная работа проводилась под общим руководством директора ИСАА МГУ, заведующего кафедрой истории Китая, профессора, доктора исторических наук А. А. Маслова, при непосредственном участии старшего преподавателя той же кафедры А. А. Маленковой.

Анкетирование студентов, проводившееся А. А. Маленковой, было направлено на оценку эффективности использования электронных ресурсов ИНИОН РАН, в первую очередь китайских баз данных. В исследовании приняли участие студенты ИСАА МГУ, специализирующиеся на изучении Китая. Анкета включала вопросы о:

1. частоте и целях использования различных баз данных;
2. удобстве интерфейсов и поисковых систем;
3. возникающих технических и содержательных трудностях;
4. предложениях по совершенствованию доступа к ресурсам.

Результаты анкетирования выявили высокую востребованность таких ресурсов, как CNKI (China National Knowledge Infrastructure), China Social Science Excellence Database и The Pishu Database. При этом студенты отмечали сложности, связанные с отсутствием китайской раскладки на компьютерах библиотеки, ограниченным доступом к полным текстам некоторых статей, а также необходимостью более точного подбора ключевых слов для поиска.

Параллельно с анкетированием в рамках соглашения между ИНИОН РАН и ИСАА МГУ (письмо от 06.02.2024 № 10213/25-553) была организована практика студентов по реферированию научных статей. Данная инициатива, курируемая А. А. Масловым как директором института и заведующим кафедрой, предусматривала:

1. Проведение обучающих семинаров по методике научного реферирования;
2. Самостоятельную работу студентов с изданиями из фондов Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН;

konferentcii-za-2024-god-proshedshie-v-inion-ran-na-nakhimovskom-prospekte/ (дата обращения: 04.05.2025).

[1] *Соколов С. В.* Публичные выступления заведующего Научно-исследовательским отделом библиотековедения ИНИОН РАН (апрель — ноябрь 2024 года) // Институт научной информации по общественным наукам РАН. URL: https://inion.ru/site/assets/files/1085/vystupleniia_zav__nio_bibliotekovedeniia_inion_ran.pdf (дата обращения: 04.05.2025).

3. Публикацию лучших работ в специальном разделе сайта ИНИОН РАН «Мини-рецензии».

Особое значение имел междисциплинарный характер практики, позволявший студентам-китаистам работать не только с историческими, но и с политологическими, экономическими и культурологическими публикациями. Это способствовало расширению их профессионального кругозора и развитию навыков аналитической работы с научными текстами.

Реализация данной программы продемонстрировала эффективность комбинированного подхода, сочетающего:

1. мониторинг пользовательских предпочтений через анкетирование;
2. практическое вовлечение студентов в научно-информационную деятельность;
3. создание открытого банка студенческих работ, полезного для всего академического сообщества.

Полученные результаты легли в основу дальнейшего развития сотрудничества между ИНИОН РАН и ИСАА МГУ, включая планы по расширению доступа к электронным ресурсам и совершенствованию программ студенческих практик.

Аспирантура ИНИОН РАН: интеграция научной подготовки и библиотечно-информационных ресурсов

С 1973 г. ИНИОН РАН осуществляет подготовку научных кадров, сочетая академические традиции с уникальными возможностями своей фундаментальной библиотеки, фонды которой насчитывают 7,3 млн единиц хранения по социально-гуманитарным наукам. После восстановления образовательной деятельности в 2023 г. институт получил лицензию на подготовку аспирантов по четырем специальностям: политическим наукам (5.5.2, 5.5.4), отечественной истории (5.6.1) и философии науки и техники (5.7.6). Ключевым преимуществом аспирантуры ИНИОН РАН является непосредственный доступ к специализированным информационным ресурсам, включая редкие издания, электронные базы данных и современные аналитические системы, что создает уникальные условия для междисциплинарных исследований в области социально-гуманитарного знания. Данная модель подготовки позволяет не только обеспечить высокий уровень научных исследований, но и сформировать у аспирантов профессиональные компетенции в области работы с научной информацией, что особенно актуально в условиях цифровой трансформации гуманитарных наук.

Заключение

ИНИОН РАН утвердился в качестве уникального интеграционного центра, эффективно сочетающего исследовательскую, образовательную и информационно-аналитическую функции в области социально-гуманитарного знания. Проведенный анализ свидетельствует о том, что институт не только восстановил, но и значительно расширил свои возможности после реконструкции, демонстрируя устойчивую динамику развития по всем ключевым направлениям деятельности. Особую значимость приобретает реализуемая модель сетевого взаимодействия, основанная на стратегическом партнерстве с ведущими российскими и зарубежными научно-образовательными центрами, при этом особый акцент делается на развитии востоковедческих исследований. Важнейшим конкурентным преиму-

ществом института остается его Фундаментальная библиотека с фондом 7,3 млн единиц хранения, ресурсы которой активно используются в образовательном процессе, в том числе через систему дифференцированного доступа для различных категорий пользователей.

Чхутиашвили Л. В.,
доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры управления и экономики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОЛЬ НАУЧНОЙ ЭТИКИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Эпоха искусственного интеллекта (ИИ) характеризуется стремительным развитием технологий, машинного обучения и автоматизации, что открывает беспрецедентные возможности в самых разных областях. Однако, вместе с потенциальными преимуществами, ИИ несет в себе значительные этические вызовы, требующие разработки четких принципов, регулирующих его создание, применение и влияние на общество.

Многими учеными затронуты такие вопросы, как «предвзятость в алгоритмах ИИ, ответственность за принятие решений ИИ и влияние ИИ на занятость»[1]. Например, Джобин и др.[2], проанализировав 84 этических руководства по ИИ, предложенные промышленными и научными учреждениями, 10 из которых были ориентированы на государственный сектор, дали рекомендации по его разработке и внедрению. Другие исследователи изучили потенциал ИИ для достижения интеллекта человеческого уровня (сверхинтеллекта) и связанные с этим риски. Бостром представил анализ потенциального влияния передовых систем искусственного интеллекта и заставил задуматься о важности согласования ИИ с человеческими ценностями[3]. С другой стороны, Миттельштадт и др. рассмотрели этические последствия систем ИИ, обрабатывающие личные данные, и предложили меры защиты конфиденциальности[4].

Что же такое научная этика и почему она важна в контексте ИИ?

На наш взгляд, научная этика в контексте ИИ представляет собой совокупность моральных принципов и норм, регулирующих поведение ученых и исследователей в процессе проведения научных исследований, распространения результатов и применения полученных знаний.

---

1 *Белугин А. В.* Роль этики в развитии искусственного интеллекта: комплексный анализ // Актуальные проблемы современной науки: исторические, философские, методологические аспекты : сборник статей 4-й Международной научной конференции молодых ученых. Курск, 2024. С. 91.

2 *Рицу С.* Рекомендации по этическим аспектам искусственного интеллекта в приложении к сфере трудовых отношений // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (2). С. 498–519. URL: https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.21 (дата обращения: 08.05.2025).

3 *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. пер. с англ. С. Филина. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. ISBN: 978-5-00057-810-0.

4 Ethics of AI in Radiology: A Review of Ethical and Societal Implications // URL: www.frontiersin.org/journals/big-data/articles/10.3389/fdata.2022.850383 (дата обращения: 08.05.2025).

Речь идет о честности и объективности, стремлении к истине, отказе от фальсификации данных и предвзятости. Нужно сказать и об ответственности за возможные последствия исследований и разработок, а также обязательство минимизировать риски. Кроме того, важны прозрачность и открытость или доступность информации о методах, данных и результатах исследований для проверки и воспроизведения; соблюдение авторских прав и признание вклада других ученых и стремление к созданию приносящих пользу обществу и не ущемляющих права и свободы человека технологий и решений.

В эпоху цифровизации научная этика в контексте ИИ становится особенно важной, поскольку злоупотребления или ошибки в разработке и применении ИИ могут иметь масштабные и иметь долгосрочные последствия.

Например, алгоритмы, обученные на предвзятых данных, могут воспроизводить и усиливать существующие социальные неравенства. ИИ системы, обрабатывающие персональные данные, могут представлять угрозу конфиденциальности информации. Автономные системы ИИ, не имеющие достаточного человеческого контроля, могут принимать решения с непредсказуемыми и негативными последствиями. И конечно основанная на ИИ автоматизация может привести к массовой потере рабочих мест и усилению социального неравенства.

Научная этика в контексте ИИ изучает моральную ответственность разработчиков интеллектуальных систем за последствия их функционирования[1]. Развитие ИИ порождает ряд сложных этических проблем, возникающие при использовании технологий искусственного интеллекта:

— как сделать алгоритмы ИИ справедливыми[2], чтобы они не дискриминировали определенные группы людей, были более понятными и объяснимыми, чтобы пользователи могли их понимать;
— кто несет ответственность за ошибки и сбои в работе систем ИИ при принятии тех или иных решений;
— как обеспечить подотчетность разработчиков и пользователей ИИ, чтобы защитить персональные данные[3] и обеспечить достаточный человеческий контроль над автономными системами ИИ, а значит, смягчить негативные последствия автоматизации и обеспечить справедливое распределение благ от развития ИИ[4].

ИИ требует повышенного внимания научного сообщества к вопросам научной этики. Ответом на этические вызовы, связанные с ИИ, по мнению большинства специалистов, будут следующие государственные меры:

— разработать этические принципы и стандарты, регулирующие создание и применение ИИ, одновременно создать образовательные программы и курсы,

---

1 *Müller V.* Ethics of Artificial Intelligence and Robotics // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. Zalta. Palo Alto, California: CSLI, Stanford University, 2020. P. 1–70.

2 *Буоламвини Д., Гебру Т.* Гендерные оттенки: Различия в межсекторальной точности в коммерческой гендерной классификации // MIT Media Lab. 2018. № 10011. С. 124–135.

3 *Алжерайси А., Барати М.* Изучение взаимосвязей между схемами обеспечения конфиденциальности по дизайну и законам о неприкосновенности частной жизни: сравнительный анализ // School of Computer Science and Informatics. 2020. № 4. С. 44–56.

4 *Филиппович Т., Кульчицкий В.* Естественен ли искусственный интеллект? // Наука и инновации. 2021. № 5 (219). С. 14–16.

которые будут обучать будущих разработчиков и исследователей ИИ этическим принципам и практикам;
— проводить этические оценки перед внедрением систем ИИ, чтобы выявить и минимизировать возможные риски и негативные последствия, а значит, развивать более прозрачные и объяснимые системы ИИ, чтобы пользователи могли понимать при принятии своих решений;
— обеспечить подотчетность разработчиков и пользователей ИИ за возможные ошибки и сбои в работе систем ИИ, чтобы информировать общественность о возможностях и рисках, связанных с ИИ, и вовлекать ее в обсуждение этических вопросов.

Согласно отчету McKinsey Global Institute[1], технологии ИИ могут создать значительную ценность во всех секторах, стимулируя рост производительности и способствуя экономическому развитию. Научная этика должна стать неотъемлемой частью процесса разработки и внедрения ИИ, обеспечивая ответственный и этичный подход к развитию этой революционной технологии, устранив дефицит социальной и политической ответственности и долгосрочного планирования[2]. Только так общество сможет использовать потенциал ИИ для повышения качества жизни людей и решения глобальных мировых проблем, не подвергая себя при этом риску непредсказуемых и негативных последствий.

Таким образом, научная этика приобретает ключевую роль, выступая в качестве компаса, направляющего развитие ИИ в русло, отвечающее интересам человечества и обеспечивающее справедливость, прозрачность и ответственность. Соблюдение этических принципов и стандартов в разработке и применении ИИ, на наш взгляд, позволит создать технологии, которые будут приносить пользу мировому сообществу, не ущемлять права и свободы человека и способствовать справедливому и устойчивому развитию.

Этика важна для юристов, являясь необходимым элементом правового регулирования и практического применения технологий ИИ при создании справедливых и сбалансированных законов, защищающих права пользователей и общества в целом. Она должна обеспечить баланс между технологическим прогрессом и защитой общественных интересов, гарантировать соблюдение принципов справедливости, равноправия и уважения человеческого достоинства. Компании-разработчики обязаны нести моральную ответственность перед обществом, для этого важно внедрять стандарты прозрачности, подотчетности и справедливого распределения выгод от технологии среди всех членов общества. Кроме того, требуется разработка механизмов контроля качества алгоритмов и доступности услуг для всех групп населения независимо от уровня дохода, образования или места проживания и правовые механизмы защиты работников и потребителей от возможных негативных последствий внедрения ИИ[3].

---

[1] The state of AI in 2023: Generative AI's breakout year. August 1, 2023 // URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-in-2023-generative-ais-breakout-year (дата обращения: 14.05.2025).

[2] *Шляпников В. В.* Некоторые проблемы этики искусственного интеллекта nekotorye-problemy-etiki-iskusstvennogo-intellekta.pdf (дата обращения: 14.05.2025).

[3] *Чхутиашвили Л. В., Чхутиашвили Н. В.* Высокий профессионализм как стандарт деятельности юриста // Профессиональная этика и нравственная философия: сближение в парадигме очеловечивания права : коллективная монография. К 65-летию научного руководителя философ-

Горбунова А. Н.,
библиотекарь АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований»

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРА МЕЖДУНАРОДНЫХ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ — УНИКАЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ И АКАДЕМИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Центр международных и сравнительно-правовых исследований (ЦМСПИ) — российская некоммерческая исследовательская организация, специализирующаяся на изучении, развитии и распространении знаний в области международного права.

Разнообразные проекты ЦМСПИ нацелены на повышение интереса к международному праву и популяризацию его изучения. Среди них:

— Стипендия для молодых ученых в области международного права;
— Конкурс на соискание премии за лучшую научную работу по международному публичному праву «Международное право в XXI веке»;
— Летняя школа по международному публичному праву;
— Лаборатория по инвестиционному праву и арбитражу.

Библиотека активно вовлечена во все проекты, предоставляя участникам печатные и электронные ресурсы. Одним из весомых бонусов для участников проектов ЦМСПИ является информационная поддержка со стороны библиотеки на всем протяжении их дальнейшей научной карьеры.

Библиотека ЦМСПИ успешно сочетает функции корпоративной и академической библиотеки. Библиотека работает не только для сотрудников и внешних экспертов, занятых в проектах Центра, — она открыта для всех, кто изучает, преподает, практикует международное право или просто интересуется им. Все услуги — бесплатны.

Являясь библиотекой корпоративного типа, библиотека ЦМСПИ делает акцент на быстрой доступности нужной информации, старается оперативно комплектоваться самыми новыми и актуальными изданиями и оперативно обслуживать читателей.

Фонд библиотеки Центра насчитывает немногим более 10 тысяч единиц хранения, треть фонда составляют издания, отражающие основные этапы истории становления и развития международного права.

Приоритет в комплектовании изначально был отдан иностранной юридической литературе — классическим трудам и современным работам, научным монографиям и фундаментальным учебным пособиям.

Был сформирован также корпус фундаментальных трудов отечественных корифеев международного права. Это стало возможным благодаря приобретению личных книжных коллекций трех выдающихся юристов-международников:

— Григория Ивановича Тункина (1906–1993) — советского дипломата, доктора юридических наук, профессора Московского государственного университета, члена-корреспондента Академии наук СССР, члена Куратория Академии международного права в Гааге, архитектора советской доктрины международного права;

ско-правового клуба «Нравственное измерение права», доктора философских наук, профессора В. М. Артемова / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М. : Проспект, 2020. С. 127–133.

— Анатолия Лазаревича Колодкина (1928–2011) — доктора юридических наук, профессора, судьи Международного Трибунала по морскому праву от Российской Федерации, члена Международного Постоянного Арбитражного Суда, почетного президента Российской ассоциации международного права, президента Ассоциации международного морского права;
— Виталия Семеновича Иваненко (1946–2024) — доцента кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидата юридических наук, лауреата премии имени Ф.Ф. Мартенса, автора монументального биобиблиографического труда «Санкт-Петербургская школа международного права».

До 2022 г. Центр имел доступ к 13 иностранным правовым электронным базам. Сейчас с нами сотрудничают компания Thomson Reuters, издательства Brill и Edward Elgar, Гаагская академия международного права.

Для сотрудников и коллег, занятых в текущих и прошлых проектах Центра, библиотека предлагает самый высокий уровень персонифицированной информационной поддержки. Это помощь в поиске релевантных и актуальных данных и документов, мониторинг новых публикаций по интересующему вопросу, составление тематических списков литературы, сканирование необходимых фрагментов из печатных изданий и скачивание материалов из баз данных, обращение в партнерские библиотеки за необходимыми источниками и срочная покупка необходимой литературы.

Для сторонних читателей, не являющихся сотрудниками ЦМСПИ и не занятых в его проектах, библиотека предлагает различный объем услуг в зависимости от статуса читателя:
— преподаватели, научные сотрудники, практикующие юристы: сканирование и электронная доставка документов, полнотекстовые тематические подборки литературы (электронные копии статей, глав из книг);
— аспиранты, студенты немосковских вузов: дистанционное обслуживание, скачивание по запросам конкретных статей из баз данных, сканирование фрагментов из книг, составление небольших тематических библиографий;
— студенты московских вузов: очное обслуживание, предоставление доступа к печатным и электронным ресурсам в читальном зале.

Получить ту или иную услугу можно не только при личном визите, но и онлайн, обратившись в библиотеку через специальные формы электронного каталога на сайте или отправив запрос по электронной почте.

Электронный каталог библиотеки построен на базе автоматизированной библиотечной системы ИРБИС64+. На сайте ЦМСПИ размещен видеоролик, подробно иллюстрирующий все этапы работы с каталогом и особенности каждого из поисковых режимов. Для удобства читателей реализован книжный рекомендательный сервис.

Перспективы развития электронного каталога:
— переход к облачному базированию;
— использование искусственного интеллекта для семантической трансформации и семантического дополнения запросов;
— создание интерактивного поискового интерфейса на основе искусственного интеллекта;
— использование искусственного интеллекта для формирования проблемно-ориентированных баз статей.

Читальный зал библиотеки является постоянной площадкой для проведения круглых столов по актуальным проблемам международного права, презентаций новых юридических книг авторами и издателями. Здесь состоялось учредительное собрание Российской студенческой юридической ассоциации.

ЦМСПИ поддерживает проведение многих молодежных юридических конкурсов. Лауреаты получают электронные сертификаты на приобретение российской и иностранной юридической литературы, реализовать которые им помогает библиотека Центра.

Библиотека выстраивает свою деятельность не только под решение задач, стоящих перед Центром, но также организует удобное информационное пространство для всех исследователей в сфере международного права.

Центр международных и сравнительно-правовых исследований приглашает профессионалов и любителей международного права приходить в библиотеку или обращаться удаленно, участвовать в проектах ЦМСПИ, активно пользоваться книгами, электронными ресурсами для своей работы, своих исследований.

Грибов В. Т.,
кандидат экономических наук,
генеральный директор ООО «Дата Экспресс»

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ АБИС В РЕАЛИЗАЦИИ РОЛИ БИБЛИОТЕКИ КАК ЦЕНТРА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ УНИВЕРСИТЕТА

Решение новых задач, стоящих перед университетами и их библиотеками, требует переоценки потребительских качеств, используемых ими автоматизированных библиотечно-информационных систем (АБИС).

Современная АБИС должна не только обеспечивать автоматизацию внутренних технологических процессов библиотеки и традиционного обслуживания читателей, но и предоставлять современные цифровые сервисы, поддерживать облачные технологии, обеспечивать широкое взаимодействие с другими информационными системами, окружающими библиотеку, а также взаимодействие библиотек между собой.

Сегодня многие вузы решают задачу объединения имеющихся информационных сервисов в единую корпоративную информационную (цифровую) экосистему. Чтобы пользователь, войдя на портал вуза, мог удовлетворить там большинство своих информационных запросов и получить необходимые ему услуги. Если какой-либо сервис не может быть предоставлен непосредственно на портале вуза, для пользователя должен быть обеспечен бесшовный переход, на основе единой авторизации, в другие имеющиеся информационные системы.

Благодаря этому пользователь (абитуриент, студент, преподаватель, ученый) постоянно находится в единой виртуальной среде университета, созданной взаимодействующими между собой гетерогенными компонентами.

Библиотека располагает крупнейшими информационными ресурсами университета для поддержки образовательной и научной деятельности и эффективное использование этих ресурсов напрямую связано со способностью АБИС к интеграции с другими используемыми вузом собственными и внешними информационными системами и сервисами.

К внешним относятся, например, различные агрегаторы информационного контента, электронно-библиотечные системы (ЭБС), системы интегрального (дискавери) поиска, интернет-сервисы обнаружения текстовых заимствований. Одной из важнейших целей интеграции АБИС с этими системами является расширение цифровых сервисов для пользователей, читателей библиотеки.

Необходимо стремиться к тому, чтобы любой запрос пользователя на получение информации, имеющейся в собственных фондах библиотеки или доступной университету из внешних источников, выполнялся на основе библиотечных сервисов — то есть и прежде всего с помощью АБИС.

Существует заблуждение, что если библиотека расположила на своем сайте (или в разделе библиотеки на сайте университета) ссылку для перехода во внешнюю ЭБС, то библиотека остается в центре информационных запросов. Но ведь такую ссылку можно разместить в любом другом месте, для пользователя это ровным счетом ничего не изменит. А для библиотеки будет означать прямой путь к второстепенности своего положения как источника информации.

Поэтому библиотеке необходимо предоставить пользователю не ссылки для перехода во внешние системы, а единое окно поиска на базе интеграции АБИС с внешними системами.

Не менее важной является интеграция АБИС с другими информационным системам на уровне университета. К ним относятся различные обучающие среды и платформы, системы управления образовательным процессом, системы хранения и управления персональными данными, системы контроля и управления доступом (СКУД).

Рассмотрим конкретные примеры интеграционных решений АБИС с другими вузовскими информационными системами, которые реализованы в университетах, библиотеки которых используют Автоматизированную интегрированную библиотечную систему «МегаПро».

Одной из актуальных тем интеграции является реализация бесшовного перехода пользователя корпоративного портала университета в АИБС «МегаПро» на базе единой интеграции.

Если пользователь авторизовался на корпортале университета, то при его переходе в электронную библиотеку университета на базе АИБС «МегаПро» производится «проброс» его логина-пароля для проверки по БД профессиональных пользователей и читателей. Если проверка прошла успешно, то АИБС «МегаПро» автоматически авторизует такого пользователя, повторно вводить данные для входа в библиотечную систему не требуется.

Такая сквозная авторизация пользователей реализована, например, в следующих вузах:

— Всероссийская академия внешней торговли,
— Российский университет дружбы народов,
— Государственный университет управления,
— Ульяновский государственный университет.

Другим примером интеграции является взаимодействие АИБС «МегаПро» с Active Directory (AD) вуза, где хранятся персональные данные всех студентов, преподавателей и ученых. Данные из AD активно используются для отдела кадров, деканатов, бухгалтерии вуза. Было бы логично, чтобы они использовались и в библиотеке.

Это позволило бы пользователям входить в библиотечную систему, используя единые общевузовские логины-пароли для авторизации, а также избавило бы сотрудников библиотеки от дублирования ввода данных в базу читателей.

Такие интеграционные решения реализованы для АИБС «МегаПро» в следующих вузах:

— Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
— Национальный исследовательский университет «МИЭТ»,
— Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
— Белорусский государственный университет.
— Следующим примером интеграции является взаимодействие АИБС «МегаПро» с различными системами автоматизации образовательного процесса — 1С: Университет, Апекс-Вуз, Platonus и др.
— Такое взаимодействие, как правило, реализует передачу в АИБС «МегаПро» данных о студентах, преподавателях и сотрудниках для формирования базы читателей и последующего ее обновления.
— В «обратную» сторону могут передаваться, например, данные об имеющихся в библиотеке изданиях для формирования учебных планов, программ, расчета показателей книгообеспеченности.
— Различные варианты взаимодействия АИБС «МегаПро» с такими вузовскими информационными системами реализованы, например, в следующих вузах:
— Президентская Академия — РАНХиГС (головной вуз),
— Нижегородская академия МВД,
— Барнаульский юридический институт МВД,
— Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва (Астана).

Некоторые крупные вузы реализовали у себя сразу несколько инструментов интеграции АИБС «МегаПро» с другими информационными системами.

Дальнейшим шагом к углублению интеграции АИБС «МегаПро» с другими вузовскими системами стала разработка специального набора API (Application Programming Interface — программный интерфейс приложения) на основе современных web-технологий. Это набор определенных способов и правил, по которым вузовские программы и АИБС «МегаПро» общаются между собой и обмениваются данными. На стороне АИБС «МегаПро» сформированы требования к составу, формату и т.д. команд и данных, пользуясь которыми, другие системы могут обращаться к АИБС «МегаПро» и получать от нее соответствующие ответы.

Создание такого набора API-методов дает, без преувеличения, огромные возможности для интеграции и делает ее независимой от разработчиков автоматизированной библиотечной системы.

Для достижения высокого уровня информационной безопасности эти API собраны в отдельном приложении — подсистеме «Мега API», которая взаимодействует с АИБС «МегаПро».

Среди задач, которые решаются на основе подсистемы «Мега API», следующие: загрузка читателей из СКУД или другой системы вуза, синхронизация данных, поиск на портале вуза в электронном каталоге библиотеки, переход с портала вуза на конкретную запись в электронном каталоге, информирование читателей о заказанных, выданных книгах, задолженностях в личном кабинете на портале вуза, а также многие другие.

В настоящее время всё большую важность приобретает наличие в АБИС решений для взаимодействия библиотек между собой, то есть на межбиблиотечном (межвузовском) уровне.

В конце 2023 г. была разработана новая подсистема «Мега Поиск», позволяющая читателю искать не только в электронных каталогах своей библиотеки, но и других библиотек, использующих АИБС «МегаПро», в рамках региона, отрасли, методического объединения, вузовского консорциума.

Подсистема «Мега Поиск» функционирует как дискавери-сервис, последовательно опрашивающий сервера библиотек, на которых расположена АИБС «МегаПро». Но, в отличие от известных внешних дискавери-сервисов, поиск осуществляется в режиме реального времени, без предварительного сбора метаданных и/или индексирования.

Другим важным отличием от внешних дискавери-сервисов является то, что поиск осуществляется не в отдельном интерфейсе, а в привычном читателю интерфейсе модуля «Электронная библиотека», добавляется только кнопка «МегаПоиск» в меню различных видов поиска. Нажав на эту кнопку, читатель получает список всех доступных ему электронных каталогов группы библиотек, из которых он может выбрать интересующие его и задать поисковый запрос.

После получения списка результатов читатель может перейти в модуль «Электронная библиотека» заинтересовавшей его библиотеки и продолжить работу там на правах незарегистрированного пользователя. Вернуться обратно в электронный каталог своей библиотеки читатель может, просто перейдя в прежнюю закладку web-браузера.

Таким образом, «Мега Поиск» представляет собой новый сервис для читателей, значительно расширяющий границы поиска. Это удобный и эффективный механизм представления перед читателем распределенного информационного ресурса группы библиотек и доступа к нему.

Для предоставления читателям дополнительных возможностей библиотеки могут, в рамках кооперации, договориться между собой, например, о гостевых логинах-паролях для читателей. Могут быть и другие решения, позволяющие читателю не просто найти интересующее его издание в электронном каталоге другой библиотеки, но и воспользоваться ее сервисами.

Такая кооперация библиотек позволяет также провести анализ наличия и использования тех или иных изданий в разных библиотеках, договориться о сокращении дублирования при создании цифровых ресурсов, сделать выводы в отношении приоритетов закупок для комплектования фондов, а также подписки на различные внешние электронные библиотеки и ЭБС.

Благодаря «Мега Поиску» библиотеки получают дополнительный инструмент для эффективной кооперации, оптимизации затрат, контроля и управления. Кроме того, повышенный интерес читателей других библиотек к информационным ресурсам Вашей библиотеки можно монетизировать, заключив договор между вузами на платную подписку к ним. Другим вузам может оказаться гораздо выгоднее заплатить Вашему университету, чем подписываться на платные внешние источники.

Дополнительную информацию об АИБС «МегаПро» и ее дополнительных опциях можно получить на сайте ООО «Дата Экспресс» www.data-express.ru. Для демонстрационного доступа и тестирования работы системы в режиме онлайн необходимо обратиться на сайт www.megaprosoft.ru.